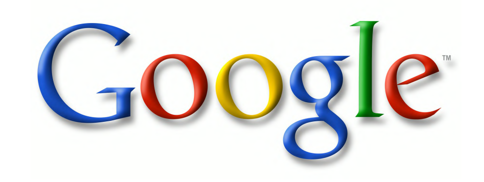
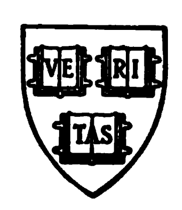

VE RI
TAS

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,
ЧИТАННЫХЪ
ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ VII, № 5.

ОБЪЯСНЕНІЕ И ИСПРАВЛЕНІЕ НѢКОТОРЫХЪ ТЕМНЫХЪ И ИСПОРЧЕННЫХЪ МѢСТЪ ДРЕВНѢЙШЕЙ РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ.

Я. К. ЭРВЕНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1870.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Январь 1870 г.
Непремѣнный Секретарь *К. С. Веселовскій.*

ОБЪЯСНЕНІЕ И ИСПРАВЛЕНІЕ

нѣкоторыхъ темныхъ и испорченныхъ мѣстъ древнѣйшей Русской лѣтописи.

Я. К. ЭРБЕНА.

Читано въ Отдѣленіи Русскаго языка и Словесности.

Древнѣйшая русская лѣтопись, приписываемая обыкновенно Печерскому монаху Нестору, еще недавно извѣстна была въ Чехіи и Моравіи (даже между образованными и учеными, исключая немногихъ) почти единственно по неоконченному и исполненному ошибокъ нѣмецкому переводу Шлецера и Мюллера. Это происходило частью отъ того, что оригинальный текстъ у насъ очень рѣдокъ, частью же по причинѣ языка Нестора не вездѣ понятнаго и самихъ предметовъ его повѣствованія, не говоря уже о многихъ темныхъ и испорченныхъ мѣстахъ, которыхъ вовсе нельзя было понять. А между тѣмъ, по моему мнѣнію, для каждаго и менѣе образованнаго Чеха важно знакомство съ величественнымъ праотцемъ Славянской исторіи, который стоитъ выше Чешскаго Козмы (Cosmas) не только искреннею простотою своего разсказа (онъ не старается подражать древнимъ классикамъ напыщенными, учеными фразами), но преимущественно тѣмъ, что лѣтопись свою онъ написалъ на языкѣ своего народа, на языкѣ Славянскомъ. Поэтому я рѣшился въ 1862 г., когда Русскіе праздновали тысячелѣтіе существованія своего государства, осуще-

ствить давнее свое желаніе: чтобъ мы, Чехи, имѣли вѣрный переводъ всей лѣтописи Нестора, на свидѣтельствѣ котораго именно основывалось упомянутое празднество.

Итакъ я началъ переводить эту лѣтопись по тексту Лаврентьевской рукописи, какъ онъ изданъ Археографическою Коммисіею, и черезъ нѣсколько времени, при другихъ своихъ занятіяхъ, кончилъ этотъ переводъ, но такъ, что нѣсколько мѣстъ, гдѣ я не могъ добиться настоящаго смысла, оставались сомнительными. Желая разрѣшить свои недоумѣнія, я сравнилъ свой трудъ съ изданіемъ Миклошича (появившимся въ Вѣнѣ въ 1860 г. подъ заглавіемъ: *Chronica Nestoris*) и нашелъ, что нѣкоторыя его толкованія и исправленія текста, на сколько они касаются смысла, дѣйствительно удачны и естественны. Нашлось однакожъ нѣсколько менѣе годныхъ и кромѣ того осталось довольно много испорченныхъ мѣстъ, которыхъ Миклошичъ не объяснилъ и не исправилъ. Скоро послѣ того я познакомился съ первымъ томомъ «Monumenta Poloniae Historica» Бѣлёвскаго, изданнымъ въ Львовѣ въ 1864 г., гдѣ между прочимъ находится и хроника Нестора, изданная Вагилевичемъ по Ипатьевской рукописи съ Польскимъ переводомъ А. Бѣлёвскаго. Тогда я сравнилъ свой переводъ съ Ипатьевскимъ текстомъ и подъ своимъ переводомъ обозначилъ всѣ важнѣйшія различія въ содержаніи Ипатьевской и Лаврентьевской рукописей.

При этомъ я впрочемъ убѣдился, что Вагилевичъ, издавая текстъ Ипатьевской рукописи, по большей части руководствовался изданіемъ Миклошича, не прибавивъ отъ себя къ своему изданію никакого существеннаго исправленія испорченныхъ мѣстъ, такъ что все, что Миклошичъ оставилъ сомнительнымъ, осталось и здѣсь не разъясненнымъ. Такимъ образомъ я былъ обманутъ въ надеждѣ найти въ этихъ новѣйшихъ изданіяхъ, вышедшихъ изъ рукъ опытныхъ знатоковъ древне-Славянской литературы, по крайней мѣрѣ текстъ лѣтописи Нестора окончательно исправленнымъ. Не желая въ своемъ переводѣ какъ бы въ потемкахъ добиваться на удачу какого нибудь смысла, какъ вы-

неупомянутые Нѣмецкіе и Польскій переводчики, я рѣшился самъ попытаться исправить испорченныя мѣста такъ, чтобъ смыслъ ихъ былъ естественъ и подходилъ къ остальному тексту рукописи. При этомъ принесла мнѣ большую пользу многолѣтняя опытность, пріобрѣтенная мною при изданіи Чешскихъ сочиненій по древнимъ рукописямъ, такъ какъ недостатки древнихъ переписчиковъ, не смотря на другой способъ написанія и другой языкъ, вездѣ одинаковы.

Свои исправленія вмѣстѣ съ ихъ оправданіемъ я помѣстилъ въ примѣчаніяхъ. Но такъ какъ я не могу надѣяться, что на мою незначительную книгу обратятъ вниманіе и въ Россіи, уже потому, что нельзя требовать, чтобы каждый, кто въ состояніи судить объ этомъ предметѣ, зналъ также по Чешски; то я счелъ своею обязанностью и въ отношеніи къ древнему достопочтенному автору хроники, и въ отношеніи къ родственному народу Русскому (въ которомъ имѣю честь лично знать многихъ благородныхъ и достойныхъ людей, благоволеніе которыхъ для меня въ высшей степени дорого), предложить свои исправленія и мнѣнія на счетъ нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ Русскимъ ученымъ на ихъ родномъ языкѣ — единственно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ они легче могли на нихъ обратить вниманіе, если со временемъ приступятъ къ новому изданію Нестора. При этомъ я прибавляю, что приведенныя здѣсь мною мѣста относятся къ изданію той же лѣтописи, предпринятому Археографическою Коммиссіею въ Полномъ Собраніи Русскихъ Лѣтописей, томъ I.

1) Стр. 13, строка 4: «по двѣнадцать гривнѣ на *ключь*». Слово *ключь*, соключитися, Чешское *rota* (рота), srotiti se, spolčiti se, есть переводъ Скандинавскаго слова *var*, Англосакс. *vaer*, и означаетъ во первыхъ *клятву*, потомъ *союзъ людей*, *скрѣпленный клятвою*. Отъ этого слова, какъ извѣстно, происходитъ Сканд. *Vaeringar*, въ средневѣковой Латыни *Varingi*, по Греч. Βαράγγοι, по Русски *Варязи*, по Чешски *rotnici*, Лат. foederati, sacramento conjuncti. Др.-Чешская *rota* состояла изъ 6, 10, 50 даже 100 человѣкъ. У Нестора *ключь*, какъ кажется, значитъ 40 человѣкъ,

т. е. отдѣлъ воиновъ на одномъ кораблѣ, судя по словамъ, приведеннымъ не много выше: «дань даяти на 2000 кораблій...... а въ корабли по 40 мужь.»

2) Стр. 13, строка 2: «посла къ нима въ городъ *Карла*, Фарлофа, Велмуда» и т. д. и дальше на той же страницѣ, стрк. 31: «Мы отъ рода Русскаго, *Карлы*, Инегелдъ. Фарлофъ» и т. д. Въ Шведскомъ языкѣ слово *Карлъ* означаетъ вообще мужа, и въ болѣе отдаленномъ значеніи героя, воеводу, государя. Въ Германскомъ языкѣ перешло это слово съ одной стороны въ собственное имя *Karl*, съ другой оно перешло въ слово *Kerl* съ дурнымъ значеніемъ *холопа*. Изъ собственнаго имени императора Карла Великаго, какъ кажется, произошло Литов. *Karalus*, Чеш. *Král*, Польс. *Król*, Рус. *Король* и т. д.

Если мы обратимъ вниманіе на то, что это слово оба раза стоитъ въ началѣ передъ именами Русскихъ пословъ, гдѣ можно естественно ожидать какое нибудь общее названіе, означающее санъ названныхъ лицъ, какъ на пр. въ январѣ 945 года (стр. 19, ска 34): «мы отъ рода русскаго *сли и гостье*: Иворъ» и т. д. и что передъ тѣмъ лѣтописецъ ясно говоритъ: «Посла Олегъ мужа свои построити мира», то можно полагать, что въ обоихъ упомянутыхъ мѣстахъ слово *Карлъ* надобно понимать въ первоначальномъ его значеніи: *мужъ*.

И такъ будемъ писать: «посла къ нима въ городъ карла Фарлофа» и т. д. и дальше»: мы отъ рода русскаго карли Инегелдъ» и т. д. Какое было положеніе этихъ мужей (карли), принадлежащихъ къ княжеской дружинѣ, ясно изъ изслѣдованія академика И. И. Срезневскаго: «Чтенія о древнихъ Русскихъ Лѣтописяхъ», СПб. 1862, стр. 38.

А. Бѣлёвскій доказываетъ на стр. 849 по Арцибышеву, что и пятое имя упомянутаго договора: «*Гуды*» обозначаетъ гражданскую должность, сравнивая это слово съ Шведскимъ *gods*, *gut*; а на стр. 890 полагаетъ, что нужно читать: «*Буды*» т. е. земледѣльцы, свободные держатели земли. Но это имя встрѣчается и въ договорѣ 945 года: «Алвардъ (солъ) Гудовъ», гдѣ

не можетъ быть никакого сомнѣнія, что оно означаетъ того самаго боярина, который въ 912 г. самъ былъ посломъ въ Царѣградѣ.

3) Одно изъ самыхъ темныхъ мѣстъ въ договорѣ съ Греками 912 года встрѣчается на стр. 15, стрк. 16—21, которое можно объяснить и отчасти исправить слѣдующимъ образомъ: «Егда же требуетъ (вамъ Грекамъ) на войну ити, егда потребу (ратную) творите, и си (Русь) хотять почестити (своею службою) царя вашего, да аще въ кое время елико ихъ придеть и хотять остати у царя вашего своею волею, да будуть. О Руси и полоныхъ многажды отъ коея любо страны пришедшимъ и продаемымъ въ крестьяны, еще же о Христіянѣхъ полоныхъ многажды отъ коея любо страны приходящимъ и *продаемымъ* въ Русь: се продаемы бывають по 20 золота, и да придуть въ Греки. *Се же и о Руси*». Какъ Миклошичъ старался объяснить это мѣсто, см. у него на стр. 202.

4) Стр. 23, стрк. 10: «въ церкви святаго Ильи, яже есть надъ ручаемъ конець *Пасинъчь бесѣды* и Козарѣ».

Карамзинъ думалъ, что *Пасынъчею бесѣдой* и *Козарами* назывались двѣ улицы или части древняго Кіева (I примѣч. 359); Максимовичъ же и другіе полагаютъ, что это были два предмѣстія древняго Кіева на сѣверо-восточной покатости горы, въ сторонѣ къ Подолу (Закрев. 122 и 137). Но на горѣ древняго Кіева, ни въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должны находиться полагаемыя предмѣстія, нѣтъ никакого ручья съ церковью св. Ильи.

Бесѣда означаетъ вообще мѣсто, гдѣ бесѣдуется (срав. Стрслов. *баяати*, отъ чего *басни*; Скрт. *bhas*, говорить, *bhasita*, Мадьярск. *beszéd*, рѣчь); въ древне-Чешскомъ языкѣ *бесѣдою* называется публичная площадь, Лат. *forum*, ubi tractantur causae, compitum, trivium. *Пасынъкъ*, Чеш. *pasynek* или *pastorek*, означаетъ сына не роднаго, но оставшагося у одного изъ супруговъ отъ прежняго брака. Названіе *Пасыньча бесѣда* не имѣетъ впрочемъ никакого реальнаго значенія, а только случайное отъ какого-то *пасынка*. Кто этотъ пасынокъ или эти пасынки, и почему отъ

нихъ имѣетъ названіе какое нибудь мѣсто народнаго собранія, того опредѣлить никто не можетъ. Я думаю, что слова *пасынъча* ошибочно написано вмѣсто *пасинъча* или *пасьнъча* бесѣда. *Pasinek* (пасынькъ) въ Моравіи и Словенскѣ означаетъ пастбище (отъ *pasu* (пасу), paseň (пасынь) пастбище); слѣдовательно *пасьнъча* бесѣда есть мѣсто на пастбищѣ, гдѣ обыкновенно происходили вѣча или сеймы. И у Поляковъ въ древнія времена происходили сеймы на пространной равнинѣ передъ Варшавой; и извѣстное Словенско-Мадьярское *rákos* (ракошь) или *rokos* (рокошь) (срв. rok, rokovati), гдѣ на сеймѣ были избираемы короли Венгерскіе и обсуждались государственныя дѣла, теперешняя ярмарка, тоже не что нибудь другое, какъ поле или пастбище съ ручьемъ и горой близъ Пешта. И потому надобно *Пасинъчю бесѣду* полагать на бывшемъ пастбищѣ Кіевскомъ, на Подолѣ, такъ какъ и лѣтописецъ пишетъ: «при церкви св. Ильи надъ ручьемъ» т. е. Почайною, гдѣ до сихъ поръ стоитъ церковь св. Ильи, по древнему преданію именно на мѣстѣ бывшаго деревяннаго собора того же святаго. Позже на томъ же мѣстѣ, гдѣ была *пасинъча бесѣда*, было *торжище* (или лучше древнее слово *бесѣда* замѣнено словомъ *торжище*), куда Кіевляне, какъ въ древнія времена, сходились на вѣче. Князь Изяславъ въ 1069 г. перевелъ это торжище на гору, въ древній Кіевъ; но въ 1146 г. сошлись всѣ Кіевляне, по древнему обычаю, на сеймъ опять на Подолѣ близъ Туровой божницы, какъ повѣствуетъ Ипатьевская лѣтопись.

5) Стр. 24, стрк. 14: «Они же (Древляне) сѣдяху въ *перегъбѣхъ* въ великихъ *сустугахъ* гордящеся». Слова *перегъбы* и *сустуги* обойдены, насколько мнѣ извѣстно, во всѣхъ словаряхъ древне-Славянскаго языка. *Перегъбы*, *прѣгъбы*, Чеш. *přehyby*, тоже *záhyby* и *řásy* на одеждѣ, Нѣм. Falten, Лат. plicatura vestis; *сустугы*, *състугы*, въ Чеш. формѣ: *sstuhy soustuhy* (съ-съ-тугъ = тѧгъ), иначе *spinadla* (пряжки), Нѣм. *Spangen*, Лат. *fibulae*.

Широкая верхняя одежда съ фалдами и большими пряжками до сихъ поръ еще въ употребленіи въ разныхъ мѣстахъ у Славянъ, и когда-то ею пользовались и ихъ сосѣди. Bergé въ своемъ

сочиненіи: «Sagen und Lieder des Tscherkessenvolkes», Leipzig 1866, стр. 33, упоминаетъ объ одномъ каменномъ памятникѣ IV-го столѣтія послѣ Р. Х., который на берегу рѣки Этоко въ теперешней Кавказской области стоитъ на могилѣ, имѣя видъ молодаго мужа, въ одеждѣ похожей на теперешній черкесскій бешметъ и застегнутой четырьмя четвероугольными пряжками.

6) Стр. 24, стрк. 30: «(Ольга) повелѣ отрокомъ своимъ *нити* на ня (на Деревляны»). Миклошичъ, стр. 33, поправляетъ: *ити* на ня; но я полагаю, что переписчикъ пропустилъ *о* между *н* и *и*, и слѣдовательно должно быть: *поити* на ня.

7) Стр. 64., стрк. 6: «и приде Якунъ съ Варягы, и бѣ Якунъ *слѣпъ*, луда бѣ у него золотомъ исткана».

Въ Польскомъ переводѣ: «A był Akun *ślepy*». Мнѣ кажется неестественнымъ, чтобы *слѣпой* воинъ во время войны могъ наслаждаться прекрасною, золотою одеждою, не говоря уже о томъ, что едвали бы онъ отправился далеко за море воевать. Чешскій Жижка, конечно, былъ также слѣпъ и воевалъ въ Венгріи, но онъ единственно старался спасти свое войско. Простой, естественный смыслъ получаетъ это мѣсто, когда мы его читаемъ вотъ какъ: «и бѣ Акунъ сь лѣпъ». Понимать это можно такъ, что онъ былъ красивой наружности, хорошъ собою, и, какъ за такими людьми водится, онъ кромѣ того любилъ роскошно одѣваться. Это былъ Якунъ или Гакунъ Анундъ, династа, т. е. король Шведскій, сынъ Олафа династы († 1024), шуринъ Ярослава Владиміровича, Русскаго Князя, который имѣлъ супругою сестру Якуна, прекрасную и мудрую Ингегерду.

Scripta historica Islandorum, VI, стр. 1, дѣлаютъ о ней слѣдующее замѣчаніе: «Constat regem Jarizlaum et reginam Ingigerdam, regis Olavi Svevici filiam, omnium feminarum sapientissimam, formaeque venustatę conspicuam, regno Gardorum (срав. Новъ-городъ) imperasse». Якунъ Анундъ царствовалъ отъ 1014 до 1051 г. и слѣдующее мѣсто того же сочиненія, Scripta hist. Isl. VI. стр. 320, показываетъ, что онъ совсѣмъ не былъ слѣпъ:

«Juvenes (два царевича изъ Норвегіи) in Sveciam pervenerunt ad dynastam quendam, nomine Haconem, a quo ut reciperentur, petierunt. Dynasta, *aliquantum temporis eos intuitus*, tardius respondebat: tandem permisso hospitio, nullo eos honore habuit». Но невѣрное чтеніе *слѣпъ* должно было находиться уже въ одномъ изъ древнѣйшихъ списковъ, такъ какъ Симеонъ, епископъ Владимірскій (1215—1226), начинаетъ свое сочиненіе объ основаніи Печерскаго монастыря слѣдующими словами: «Бысть въ земли Варяжской князь Африканъ, братъ Акуновъ *слѣпаго*, иже отбѣжа золотыя руды (вм. луды) бияся полкомъ по Ярославѣ съ лютымъ Мстиславомъ» и т. д.

8) Стр. 96, стрк. 13: «незнаемою страною, *языкомъ испаленымъ*, нази ходяще и боси»; въ Польскомъ переводѣ: «językiem spalonym». Здѣсь не можетъ быть рѣчи объ языкѣ или устахъ изсохшихъ отъ жажды, потому что немного передъ тѣмъ лѣтописецъ говоритъ о голодѣ и жаждѣ: «въ алчи и жажи и въ бѣдѣ опустнѣвше лица»; лѣтописецъ здѣсь намекаетъ на чужую, неизвѣстную *страну* и на ея грубый, варварскій *народъ*, у котораго въ плѣну жили Русскіе люди. И по этому слѣдуетъ читать: «языкомъ испольнымъ» въ свирѣпомъ народѣ или между свирѣпымъ народомъ (языкъ = народъ, а испольнъ отъ исполъ или исполинъ = человѣкъ огромнаго роста, свирѣпый).

9) Стр. 101, стрк. 13: «аще ли кто васъ можетъ инѣмъ *услѣти*» должно читать *успѣти*, Лат. prodesse.

10) Стр. 101, стрк. 40: «како птица небесныя *изъ ирья* идуть, и первѣе въ наши руцѣ»; въ Польскомъ переводѣ: «jak ptactwo niebieskie ciągnie *z południa*». Миклошичъ къ этому мѣсту на стр. 217 сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: «ирье vox ignota; первѣе въ наши роуцѣ quid significet, nobis quidem non liquet: in первѣе fortasse latet verbum парити». Слово *ирье* или ирие происходитъ отъ Греческ. ἦρ или ἔαρ—весна, Чеш. *jaro*; *изъ ирья*—весною. «Первѣе въ наши руцѣ» надо понимать, что птицы, прилетая съ юга черезъ Черное море, останавливаются *во первыхъ* въ южной Руси, гдѣ ихъ и ловятъ.

11) Стр. 102, стрк. 44: «узрѣвше солнце, и прославити Бога съ радостью, *и рече*». У Миклошича на стр. 151: «оузрѣвше сольце, прославити Бога, съ радостию *рече*». И въ изданіи Бѣлёвскаго, стр. 872: «оузрѣвше слъньце, и прославити Бога съ радостию, *и рече*». Владиміръ научаетъ своихъ сыновей, что они должны дѣлать, когда солнце восходитъ, и какъ имъ молиться; вотъ что они должны сдѣлать: «прославити Бога съ радостью, *рекуще*: просвѣти очи мои» и т. д. Причиною невѣрнаго чтенія *рече* было вѣроятно сокращеніе въ рукописи.

12) Стр. 103, стрк. 24: «и азъ шедъ съ Черниговци *и съ Половци*». Такъ читается во всѣхъ изданіяхъ, но не смотря на то, я полагаю, что слѣдуетъ читать: «съ Черниговци *на Половци*». Этого требуетъ смыслъ цѣлаго мѣста, если мы сообразимѣ, что предшествуетъ и что слѣдуетъ; далѣе ничего нѣтъ, что бы подтверждало или на основаніи чего по крайней мѣрѣ мы могли бы судить, что тогда Половцы помогали Владиміру противъ Половцевъ.

13) Стр. 103, стрк. 42: «и пакы по отни смерти *и по Святополцѣ* на Сулѣ бившеся съ Половци». Такъ читается во всѣхъ изданіяхъ ошибочно вмѣсто «*и по Растиславлѣ*», т. е. братѣ Владиміра, который скоро послѣ смерти отца своего погибъ въ рѣкѣ Стугнѣ (1093 г.); Святополкъ, дядя Владиміра, умеръ не раньше 1113 года, а другаго Святополка въ то время, именно въ 1094 г., въ которомъ произошло сраженіе на Сулѣ, въ родствѣ съ Владиміромъ не было.

14) Стр. 104, стрк. 13: «*ноли оли убиша*». Къ этому мѣсту подъ текстомъ сдѣлано примѣчаніе, что это выраженіе непонятное, вѣроятно испорченное писцемъ. Миклошичъ пишетъ тоже такъ; Вагилевичъ же читалъ: «*нъ ли семдесять ли оубиша*», принимая букву *о* за цифру 70; въ Польскомъ переводѣ: «lecz tylko około 80 (!) ubiliśmy». Я читаю это мѣсто вотъ какъ: «*но они ны убыша*, т. е. они бѣжали отъ насъ, передъ нами (убыти-выбыти-уйти, изчезнуть); поэтому непосредственно за симъ слѣдуетъ: «и не постигохомъ ихъ».

15) Стр. 104, стрк. 34: «а изъ Чернигова вышедъ, и до.... лѣта по сту уганивалъ *и имъ даромъ*, всею силою, кромѣ иного лова, кромѣ Турова, иже со отцемъ ловилъ есмъ всякъ звѣрь»; подъ текстомъ замѣчено, что «на серединѣ листа прорвана дирочка». Миклошичъ на стр. 155 читаетъ текстъ такъ же; но на стр. 218 онъ замѣчаетъ: «имъ даромъ; fortasse legendum оударомъ, caesim; далѣе: кромѣ иного лова, кромѣ Турова, non intelligo; fortasse тоурова, i. e. лова; pro иже legendum videtur идеже». Въ изданіи Вагилевича и Бѣлёвскаго читаемъ: «и до..... лѣта по сътоу оуганивалъ (есмь) и имъ даръмь, всеѭ силоѭ, кромѣ иного лова, кромѣ тоурова, иже и т. д.» Въ Польскомъ переводѣ опять небрежно: «i do..... lata po sto uganiałem wszystkiemi siłami i rozdarowywałem prócz innego polowania, prócz łowów na tury z ojcom moim wyprawianych, łowiłem wszelki zwierz». Такъ какъ это испорченное мѣсто насъ почти всего болѣе затрудняетъ, считаю нелишнимъ поговорить объ немъ подробнѣе. При чтеніи этого мѣста въ изданіи Археограф. Комиссіи прежде всего бросается въ глаза, что глаголу «уганивалъ» не достаетъ вспомогательнаго *есмь*, которое Вагилевичъ въ своемъ изданіи отъ себя приписалъ въ скобкахъ. Но стоитъ только внимательнѣе посмотрѣть на послѣдующія, нарушающія смыслъ, два слова *и имъ* и стянуть ихъ въ одно *иимъ*, чтобъ догадаться, что въ нихъ и есть не достающее «есмь», и что дополненія въ скобкахъ не нужно. Далѣе возникаетъ вопросъ: что это былъ за могучій звѣрь, котораго Владиміръ долженъ былъ ловить *всею силою*? Здѣсь прежде всего приходитъ на умъ опасная охота на туровъ (буйволовъ), любимое занятіе древнихъ князей и бояръ Русскихъ и другихъ: такъ въ Краледворской рукописи, въ стихотвореніи о турнирѣ хвастается Здеславъ, что его прадѣдъ «zbi diva tura» (убилъ дикаго, лютаго тура) и въ память того носитъ голову тура на длинномъ копьѣ. Итакъ само по себѣ ясно, что вмѣсто слова *даромъ* надо читать *туромъ*, нерѣдкій въ Старославянскомъ дательный вмѣсто родительнаго. (Срав. на пр. 29, стрк. 16: сего ради пріимуть царствіе *красотѣ* и вѣнецъ *добротѣ* отъ руки Господня,

вмѣсто *красоты* и *доброты*). Это объясненіе подтверждается слѣдующими за тѣмъ словами, гдѣ Владиміръ говоритъ, что онъ кромѣ туровъ убивалъ еще и другихъ звѣрей съ своимъ отцемъ. Археографическая Коммиссія при словахъ «кромѣ иного лова кромѣ турова» конечно имѣла въ виду городъ Туровъ, но уже Миклошичъ и Вагилевичъ поправили эту ошибку. — Остается только возстановить слово, уничтоженное вслѣдствіе упомянутой порчи пергамена. На основаніи всего исправленнаго уже мѣста это не трудно. Владиміръ разсказываетъ, что онъ убивалъ *по сту* туровъ. Выраженіе «*по сту*» означаетъ, что это случалось всегда въ извѣстный срокъ; и такъ какъ этотъ срокъ здѣсь обозначенъ словами: «до лѣта», то это мѣсто не можетъ имѣть иного значенія, какъ что Владиміръ каждый годъ, именно *до конца* каждаго года, пока онъ былъ въ Черниговѣ, убивалъ такое количество туровъ. И потому я читаю это мѣсто такъ: «и до конца лѣта по сту уганивалъ *семъ туромъ* всею силою, кромѣ иного лова, кромѣ турова, иже» и т. д.

16) Стр. 106, стрк. 16, вмѣсто: «ли того ся каю» лучше: «а ли того ся каю»; перев: «если я согрѣшилъ .... такъ раскаиваюсь».

17) Стр. 109, стрк. 8: «и видѣ Олегъ, яко пойде стягъ Володимерь, нача заходити въ тылъ его, и убоявъся побѣже Олегъ». Точно такъ у Вагилевича, стр. 788, и у Миклошича, стр. 163, съ тѣмъ единственно различіемъ, что Миклошичъ вмѣсто «видѣ» поставилъ: «видѣвъ». Въ Польскомъ переводѣ: «A Oleg widząc, że chorągiew Włodzimierzowa naprzód postępuje, począł zachodzić ją z tyłu, i uląkłszysię uciekł Oleg». Смыслъ этого мѣста и въ подлинникѣ и въ переводѣ понятъ наоборотъ. Олегъ не началъ заходить въ тылъ знамени Владиміра, но знамя Владиміра заходило ему въ тылъ, потому и испугался Олегъ, видя врага не только передъ собою, но и съ тылу, и побѣжалъ. И потому читаю: и видѣ (или видѣвъ) Олегъ, яко пойде стягъ Володимерь, и (яко) нача заходити въ тылъ его, убоявъся побѣже Олегъ».

18) Стр 112, стрк. 34: «то вдамъ ти которой ти городъ любъ: любо Всеволожь, любо *Шеполь*, любо *Перемиль*». Вмѣсто *Шеполь*

нужно читать Теребовль, какъ догадывается и Никоновская Лѣтопись (П. С. Р. Л. IX, стр. 133); тѣмъ только и получаетъ смыслъ послѣдующее мѣсто, гдѣ Василько говоритъ про Давида: «по сему ми дивно, дасть ми городъ *свой* (Теребовль): а *мой* Теребовль, *моя власть!*» Василько получилъ городъ Теребовль отъ Всеволода, какъ и братъ его Володарь городъ *Перемышль*, но Давидъ хотѣлъ присвоить себѣ оба города. Изъ этого видно, что нужно здѣсь также читать *Перемышль* вмѣсто *Перемиль*.

19) Стр. 115, стрк. 16: «тако множицею убивая сбиша *ѣ* (Угры) *въ мячь*; Бонякъ же раздѣлися на 3 полкы, и сбиша Угры акы *въ мячь*, яко се соколъ сбиваетъ галицѣ». Въ этомъ мѣстѣ большое затрудненіе составляетъ два раза повторяющееся выраженіе «въ *мячь*». Ипатьевская рукопись, пропуская его на первомъ мѣстѣ, говоритъ: «тако множицею избиваше я; второе же мѣсто Польскій переводчикъ переводитъ такъ: «bili Węgrów jak piłkę». Но мнѣ не довольно ясно, какое сходство имѣетъ игра въ мячь съ пораженіемъ враговъ, чтобъ оно равнялось второму, вполнѣ годному сравненію: «яко се соколъ сбиваетъ галицѣ». Никоновская рукопись вмѣсто перваго выраженія «въ мячь» имѣла первоначально «въ мечь» и на второмъ мѣстѣ «въ клубъ» вмѣсто «въ мячь»; но ни то, ни другое не помогаетъ и доказываетъ только, что уже писецъ Никоновской рукописи не понималъ того слова. Миклошичъ полагаетъ, что второе «въ мячь» или въ «клубъ» можетъ означать то, что Латинское *in turba conferta* (въ тѣсной кучѣ); этому объясненію однакожъ мѣшаетъ не только винительный падежъ слова *мячь* (необходимо бы было «въ мячи»), но и предшествующее ему *акы*, которое указываетъ на сравненіе. При этомъ Миклошичъ замѣтилъ, что все второе мѣсто: Бонякъ..... въ мячь *omittendum videtur*. Такъ конечно изчезло бы затрудненіе! — Не значитъ ли слово «мячь» на обоихъ мѣстахъ то, что *мякчь* = мякоть-каша? которое потомъ можетъ хорошо стоять съ «акы» и безъ «акы», какъ въ народномъ Чешскомъ выраженіи: «Pobili nebo potřeli je na kaši» или «jako na kaši» (сколотили ихъ въ кашу или какъ въ кашу). Это подходило бы къ

другому подобному выраженію въ лѣтописи Нестора (стр. 119 стрк. 7): «разсѣкоша ѝ на уды». Такимъ же образомъ въ народной Русской пѣсни (Пѣсни собр. П. Н. Рыбниковымъ I, стр. 92) исполинъ бусурманъ хвастаясь говоритъ Ильѣ Муромцу:

Я бы его на долонь поклалъ.
А другой-то рукой сверху прижалъ:
Да тутъ бы съ него блинъ сталъ.

20) Стр. 115, стрк. 14: «бѣ бо Угоръ числомъ 100 тысящь» и потомъ ниже стрк. 20: «глаголаху бо, яко погибло ихъ 40 тысящь». Эти цифры могли только по ошибкѣ одного изъ переписчиковъ войти въ текстъ хроники Нестора. Длугошъ, въ Hist. Poloniae IV 329, пишетъ объ этомъ сраженіи, либо по какому нибудь другому источнику, либо, что всего вѣроятнѣе, по какой нибудь болѣе исправной рукописи хроники Нестора, слѣдующее: «Воевода Каломанъ удалился безъ всякой потери; разсказываютъ, что въ тотъ день Угровъ убито четыре тысячи, а другія четыре тысячи бѣжали». По этому извѣстію всѣхъ Угровъ было восемь тысячъ; это число хорошо подходитъ къ числу Русскихъ воиновъ, которыхъ было четыре тысячи. Но вовсе невѣроятно, чтобы такое незначительное количество Русскихъ воиновъ побѣдило непріятельское войско, состоящее изъ 100,000 чел. (по Никонов. рукоп. даже 120,000!) въ открытомъ полѣ и равнымъ оружьемъ. Вмѣсто слова «осмь» рукописи Нестора переписчикъ легко могъ читать и написать «съто», такъ какъ количество буквъ въ обоихъ словахъ одинаково и буквы сами въ древнихъ рукописяхъ представляютъ нѣкоторое сходство (*о* съ *с*, *с* съ *ъ*, *м* съ *т*, и *ь* съ *о*); и принявъ число 100,000, онъ не могъ уже довольствоваться 4000 погибшихъ, такъ какъ оно при такомъ огромномъ количествѣ сражающихся не можетъ быть рѣшающимъ. Слѣдовательно, считая его невѣрнымъ, онъ старался его исправить тѣмъ, что вмѣсто 4000 написалъ 40,000. Слова Длугоша: *quatuor millia.... caesa referuntur* дѣйствительно, кажется, были только переводомъ словъ Русскаго лѣ-

тописца: «глаголаху бо, яко погибло ихъ четыри тысящи» и достаточно подтверждаютъ мнѣніе, что извѣстіе Длугоша почерпнуто изъ какой нибудь болѣе исправной, но теперь неизвѣстной рукописи хроники Нестора.

Вотъ важнѣйшія мѣста, которыя я хотѣлъ отмѣтить.

О менѣе важныхъ исправленіяхъ, какъ на пр. кое гдѣ въ разстановкѣ знаковъ препинанія, потомъ о поясненіи нѣкоторыхъ менѣе понятныхъ мѣстъ добавленіемъ слова въ скобкахъ, не буду здѣсь распространяться. Далѣе считаю также ненужнымъ говорить о томъ, какія исправленія упомянутыхъ позднѣйшихъ издателей въ подлинномъ текстѣ хроники Нестора я принимаю, находя ихъ удовлетворительными: не сомнѣваюсь, что редакція критическаго изданія лѣтописи Нестора, когда такое въ Россіи будетъ предпринято, сама обратится къ этимъ изданіямъ и воспользуется ими, на сколько ей покажется полезнымъ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,
ЧИТАННЫХЪ
ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ VII, № 6.

РАЗСМОТРѢНІЕ РЕЦЕНЗІЙ,

ЯВИВШИХСЯ

НА

ОПИСАНІЕ РУКОПИСЕЙ СИНОДАЛЬНОЙ БИБЛІОТЕКИ.

К. И. НЕВОСТРУЕВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Ост., 9 лин. № 12.)
1870.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, мартъ 1870 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

О СОСТАВѢ БИБЛІИ

ВЪ ДРЕВНЕЙ РОССІИ И О ДРУГИХЪ ПРЕДМЕТАХЪ,

изложенныхъ въ Описаніи Синодальной библіотеки и оспориваемыхъ въ нѣкоторыхъ на оное рецензіяхъ.

К. И. Невоструева.

Особенное вниманіе, какое въ послѣднее время обратило II отдѣленіе Академіи Наукъ на Описаніе славянскихъ рукописей Синодальной библіотеки, побуждаетъ меня сдѣлать объясненіе на нѣкоторыя недоразумѣнія и возраженія, изъявленныя въ рецензіяхъ на вышедшія книги этого Описанія. Не безполезно это будетъ и для науки, поколику здѣсь разсматриваются весьма важные и серьезные вопросы, напр. относительно кодекса славянской библіи и нѣкоторыхъ другихъ древнихъ памятниковъ славянской письменности.

I.

Прежде всѣхъ предъ нами предстоитъ, по времени явленія, по многимъ сдѣланнымъ возраженіямъ и приращеніямъ къ Описанію, обширная критика г. *Безсонова на первый томъ*, помѣщенная въ Русской Бесѣдѣ за 1857 г. Мы хотѣли въ свое время дать на нее отвѣты, но отъ людей, вполнѣ разумѣющихъ дѣло, получили

благоразумный совѣтъ, при неумѣренномъ тонѣ критики, не возбуждать напрасно спора. Съ тѣхъ поръ открылись нѣкоторыя новыя данныя, проливающія свѣтъ на спорные вопросы или положенія, а потому теперь, мы думаемъ, болѣе умѣстны и дѣйствительны наши объясненія.

Первый томъ, котораго касается критика г. Безсонова, содержитъ Описаніе синодальныхъ рукописей по Свящ. Писанію. Такъ сказать ядро его образуютъ три полныхъ списка Библіи, изъ коихъ старшій написанъ въ 1499 г., въ Новгородѣ, при архіепископѣ Геннадіѣ, «повелѣніемъ его архидіакона». Этотъ составъ или собраніе библейскихъ книгъ въ едино, по нѣкоторымъ въ немъ даннымъ и указаніямъ и по общепринятому мнѣнію, въ Описаніи приписывается заботливости самаго Геннадія (см. Предисл. стр. VII). Притомъ въ древнемъ чиноположеніи архидіаконъ, по распоряженію коего сдѣланъ старшій списокъ, былъ главный производитель и хранитель дѣлъ при архіереѣ, слѣдовательно въ настоящемъ случаѣ онъ былъ органъ архіепископа. Изъ самаго этого опыта собранія книгъ и изъ того, что въ немъ нѣкоторыя книги, именно двѣ книги Паралипоменонъ, три книги Ездры, книги Нееміи, Товіи и друг., переведены вновь съ латинскаго, а текстъ другихъ, напр. книгъ пророческихъ, Іова и Пѣсни пѣсней, заимствованъ изъ толкованій на сіи книги, въ концѣ обозрѣнія списковъ (стр. 132—137) составителями Описанія сдѣланы выводы: 1) что до Геннадія не было у насъ одного полнаго состава библейскихъ книгъ; 2) что хотя нѣкоторыя изъ нихъ, напр. Пророки, и были изначала переведены на славянскій языкъ, какъ показываютъ слѣды ихъ въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ, но сей древній текстъ ихъ утратился, и потому Геннадій обратился къ толкованію на нихъ, и 3) отъ другихъ книгъ второстепенной важности, въ Геннадіевомъ собраніи переведенныхъ съ латинскаго, вовсе не осталось древнихъ слѣдовъ, и неизвѣстно, были ли онѣ когда либо переведены съ греческаго. Считая сіи выводы смѣлыми, оскорбительными для нашей древности и соблазнительными для современнаго общества, г. Безсоновъ старается ихъ опровер-

гнуть. Для сего онъ, во-первыхъ, хотя слегка, замѣчаетъ (стр. 12), что такіе выводы основываются только на рукописяхъ Синодальной библіотеки, тогда какъ прочія могутъ представить другія данныя. Потомъ всемѣрно старается унизить дѣло и заслуги Геннадія по собранію книгъ библейскихъ тѣмъ, что пересмотръ и исправленіе его острожскими издателями, во время Петра I и Елисаветы будто показываютъ, что оно не было оффиціально признано и не пользовалось въ Россіи авторитетомъ (стр. 14 и сл.), что Геннадіемъ не употреблены въ дѣло списки, содержащіе лучшій переводъ, напр. книги Псалтири, Есоири, Пѣсни пѣсней (стр. 20 и слѣд.), или изъ Новаго Завѣта — апракосныя Евангелія и Апостолы (стр. 32 и слѣд. и стр. 38). Истязуется и подвергается упреку самая полнота Библіи Геннадіевой (стр. 43 и сл.), ставится въ вину переводъ недостававшихъ книгъ не съ греческаго, какъ бы по мнѣнію критика могъ сдѣлать Геннадій, а съ латинскаго, и вообще подрывается знаніе и ревность Геннадія въ этомъ дѣлѣ (стр. 58 и сл.). Наконецъ рецензентъ говоритъ и представляетъ соображенія противъ допускаемой описателями рукописей утраты нѣкоторыхъ библейскихъ книгъ въ древнемъ переводѣ или несуществованія ихъ въ переводѣ до Геннадія (стр. 48 и сл., 56). Вотъ сущность критики и главныя возраженія, сгруппированныя нами здѣсь изъ разныхъ ея мѣстъ. Теперь, не входя въ подробности, мы дадимъ отвѣтъ на эти главныя возраженія и замѣчанія.

Первое изъ сихъ возраженій, что описатели сдѣлали такіе выводы по однимъ только синодальнымъ рукописямъ, хотя оно и слабо выражено (стр. 12), должно быть всѣхъ сильнѣе. Но противъ этого теперь мы объявляемъ, что описатели не такъ были поспѣшны, чтобы въ столь важныхъ и обширныхъ выводахъ утвердиться только на однихъ синодальныхъ рукописяхъ: они имѣли въ виду и другія библіотеки, и вообще, содержа въ умѣ сію посылку, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и прямо указывали на прочія библіотеки (см. Опис. отд. I, стр. 246, 289). Мы тщательно просмотрѣли печатные каталоги всѣхъ описанныхъ библіотекъ:

Румянцова, Толстова, Царскаго и Московскаго Историческаго Общества, осмотрѣли библіотеки Троицкой лавры, Московской Духовной Академіи, Московскаго Чудова монастыря, Синодальной типографіи, Успенскаго собора, Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, и Іосифова Волоколамскаго монастырей и нѣкоторыя частныя собранія рукописей. Но нигдѣ мы не нашли вообще полнаго списка Библіи, не говоря о времени до Геннадія, а встрѣтили только отдѣльныя собранія библейскихъ книгъ, тѣхъ-же и въ томъ-же видѣ, какъ они являются въ Синодальной библіотекѣ, съ Пятокнижія до Царствъ или Есоири включительно, книги Соломоновы, Іова и пророковъ съ толкованіемъ; не нашли ни пророковъ и другихъ книгъ въ отдѣльномъ, древнемъ и первоначальномъ переводѣ, считаемыхъ нами утраченными, ни слѣдовъ отъ книгъ Паралипоменонъ, Ездры и другихъ, при Геннадіѣ вновь переведенныхъ съ латинскаго, а если гдѣ и находили, то въ позднемъ Скорининскомъ переводѣ или въ томъ же латинскомъ, сдѣланномъ при Геннадіѣ, о чемъ подробнѣе скажемъ ниже. Сколько возможно было, мы слѣдили сіи книги, или полный составъ Библіи, по разнымъ извѣстіямъ о рукописяхъ и у братіи нашихъ славянъ — по Славянину Добровскаго (Slavin, Prag 1834) и т. д.; но и тамъ не нашли ихъ, кромѣ упоминаемаго Соларичемъ очень сбивчиво въ *Поминакѣ книжескомъ* (изд. 1810 г.) списка Свящ. Писанія, сдѣланнаго какимъ-то монахомъ, въ 1429 г., въ Молдавскомъ Нямецкомъ монастырѣ. Но что это за списокъ и полный ли, мы не знаемъ (Кеппена Библіографическіе листы, стр. 485). Въ слѣдъ за Геннадіемъ предпринялъ изданіе Библіи князь Константинъ Острожскій; но, при всѣхъ стараніяхъ, онъ не нашелъ въ славянскихъ земляхъ полной Библіи, кромѣ Геннадіевой въ Москвѣ. «Ибо и книгъ глаголемыхъ Вивлія, говоритъ онъ въ предисловіи, въ зводъ сего дѣла начальствомъ (во владѣніи?) не имѣхомъ... но и во всѣхъ странахъ роду нашего языка словенского ни една обрѣтеся совершенна (полна) во всѣхъ книгахъ Ветхаго Завѣта, токмо отъ благочестиваго государя и великаго князя Іоанна Васильевича Московского... сподобихомся пріяти совершенную Вив-

ліи». При такомъ положеніи рукописей Свящ. Писанія у насъ въ Россіи и у юго-западныхъ славянъ, естественно рождались въ умѣ вышеозначенныя три заключенія, выведенныя описателями изъ Геннадіева собранія библейскихъ книгъ: въ этомъ случаѣ сіе собраніе послужило только подкрѣпленіемъ и помимо его составляющихся заключеній. Г. Безсоновъ въ критикѣ своей не обратилъ вниманія на прочія библіотеки и самъ ограничился однимъ синодальнымъ книгохранилищемъ, которое при вышеизложенныхъ соображеніяхъ и привело насъ къ оспориваемымъ имъ выводамъ! Продолжавшіеся по изданіи 1-го тома поиски и послѣдующія открытія еще болѣе утвердили составителей въ этихъ выводахъ. Новгородская Софійская библіотека и рукописи В. М. Ундольскаго, поступившія теперь въ Московскій музей, равно какъ и Севастьяновское собраніе юго-славянскихъ рукописей въ этомъ музеѣ, представляли тоже явленіе, что и прочія русскія библіотеки. А въ собраніи г. Ундольскаго рукопись подъ № 1-мъ, по содержанію въ ней преимущественно книгъ библейскихъ, названная у него Библіей, особенно благопріятствуетъ выводамъ описателей. Она старше перваго синодальнаго списка (1499 г.), хотя также XV в. *). Въ началѣ ея помѣщено *Пятокнижіе Моисеево*, потомъ книги *Іисуса Навина*, *Судей*, *Руѳи и Царствъ*—въ томъ же переводѣ и со всѣми тѣми особенностями, какія замѣчены въ Описаніи синодальныхъ списковъ. Въ книгѣ Навина къ стиху 33-му 24-й главы также прибавлено: «до сего жидовская»; но замѣчанія на опущеніе стиховъ 21, 27—22, 2, показывающаго сличеніе текста съ латинскимъ (Опис. стр. 24), здѣсь нѣтъ, какъ и вообще нѣтъ никакихъ слѣдовъ употребленія Вульгаты. За Царствами слѣдуетъ (л. 263) книга *Есѳири*, въ томъ же переводѣ съ еврейскаго, какъ и въ синодальныхъ спискахъ, только доведенномъ до конца книги по еврейскому тексту, т. е. до 3-го стиха 10 главы, о чемъ скажемъ ниже. Потомъ (л. 269)—книга *Пѣснь*

---

*) Этимъ старшинствомъ своего списка и хвалился покойный владѣтель, при своихъ небогатыхъ средствахъ, заплатившій за рукопись 300 р.

пѣсней, съ толкованіемъ Филона Карпаѳійскаго, а не выбранная изъ него, какъ въ синодальныхъ. За симъ (л. 296) въ *Екклесіастѣ* сперва идетъ одинъ священный текстъ включительно до словъ 12 стиха 1-й главы: *азъ съборникъ быхъ царь надъ Израилемъ*. Непосредственно за ними пишется (2, 14): мудраго очи въ головѣ его и другіе тексты изъ разныхъ мѣстъ книги, съ толкованіемъ отцевъ въ двѣ, три, пять и иногда десять строкъ, которое и оканчивается на словахъ (12, 5): процвѣтетъ кляпышъ и утыетъ ябредіе *). Послѣ сего снова пишется заглавіе книги, такое же, какъ въ началѣ ея, крупное, киноварью: Книгы, рекомыя Екклесіастъ и пр. Но заглавіе это современною рукою зачеркнуто для показанія, что слѣдующее за симъ не есть новая книга, но продолженіе предъидущаго; такъ какъ и дѣйствительно за симъ (очень странно) пишется окончаніе 13-го стиха 1-й главы, прерваннаго въ предъидущемъ чистомъ текстѣ книги, безъ толкованія: *въ Іерусалимѣ, дахъ сердце мое;* далѣе до конца рукописи уже идетъ одинъ только священный текстъ. Такой же точно списокъ находится въ Румянцовскомъ музеѣ (№ CCIV по описанію Востокова, стр. 271), XVI в., приложенный митрополитомъ Макаріемъ въ Пафнутьевъ монастырь. Ясно, что синодальный текстъ книги Екклесіаста взятъ изъ подобнаго списка, съ опущеніемъ толкованія (хотя и не вездѣ): потому что и въ немъ сперва читаются 12 стиховъ 1-й главы до словъ: азъ съборникъ быхъ царь надъ Израилемъ, потомъ стихи 2, 14 и другіе выбранные изъ толкованія: мудраго очи въ головѣ его, до 12, 5: процвѣтетъ кляпышъ и утыетъ ябредіе, а за ними конецъ 12 стиха: въ Іерусалимѣ, дахъ сердце и пр. (Опис. 1, 67—68). За Екклесіастомъ (л. 306) помѣщена книга *Притчей*, доведенная только до 5-го ст. 24-й главы. Въ самомъ текстѣ она имѣетъ два значительныхъ пропуска (19, 25—21, 3; 22, 5—23, 15) и разности отъ синодальныхъ списковъ. За тѣмъ

---

*) Три такія толкованія (катены) на книгу Екклесіаста указываются Фабриціемъ Bibl. Graeca, ed. 2, t. VII, p. 751. Изъ двухъ впрочемъ, находящихся въ синод. греч. рукописяхъ № 147 и № 355, ни одно не подходитъ.

(л. 315—317) изъ книги *Премудрости Соломоновой* помѣщено нѣсколько паремій. Текстъ *пророковъ* и нѣкоторыхъ другихъ книгъ отчасти приводится въ послѣдующемъ за тѣмъ большомъ извлеченіи изъ Палеи и греческихъ хронографовъ. Въ концѣ рукописи находятся *Апокалипсисъ* (л. 341), съ толкованіемъ Андрея Кесарійскаго и книга *Пѣснь пѣсней* (л. 449), текстъ которой извлеченъ изъ написаннаго выше (л. 269) толкованія на нее Филона Карпаѳійскаго, съ тою отмѣною противъ синодальныхъ списковъ Библіи, что слова толкованія въ оный не приняты (хотя и не во всѣхъ случаяхъ) и самый текстъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поправленъ. Составитель списка, предшествовавшій Геннадію и, очевидно, сбиравшій книги библейскія, не помѣстилъ ли бы въ немъ одинъ чистый, безъ толкованія, текстъ, и при томъ текстъ всѣхъ ветхозавѣтныхъ книгъ, если-бы онъ былъ подъ руками? Тоже самое представляетъ другой, недавно открытый списокъ библейскихъ книгъ 1507 г., сдѣланный въ княжествѣ Литовскомъ въ Супрасльскомъ монастырѣ. Цѣль и содержаніе списка означены на 1-мъ заглавномъ листѣ: «якоже пчела събираетъ съ всякаго цвѣта въ единъ сотъ и изливаетъ въ ядь сладку: тако и сіа книга изложена отъ всѣхъ въ едину» (т. е. отъ разсѣянныхъ порознь библейскихъ книгъ собрана въ одну). И за тѣмъ перечисляются слѣдующія книги: 16 пророкъ — Осіе, Іоиль... Іеремія, Даніилъ, Іовъ, Притчи, Соломонъ (Премудрость Сол.), отъ Царствъ 3, ключь паремьямъ, Екклесіастъ, Пѣснь пѣсней, *Менандръ*, Іисусъ Сираховъ, предисловіе псалтырное, Псалтирь, изъ Псалтири главы пѣсни псалтырной, ключь Евангелію, Евангеліе и т. д. новозавѣтныя книги. Изъ помѣщеннаго въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ (т. 8, 1859—60 г., стр. 144—150) преосв. Филаретомъ свѣденія о спискѣ и замѣчаній о нѣкоторыхъ изъ сихъ книгъ видно, что книги пророческія здѣсь въ томъ же текстѣ, какой и у Геннадія, съ пропусками въ книгѣ Іереміи, не восполненными переводомъ съ латинскаго, какъ у Геннадія, книги Притчей и Екклесіаста съ тѣми-же отличіями, какія у Геннадія, только въ послѣдней нѣтъ вставки 38 стиховъ въ 12 ст. 1-й гл.; Пѣснь пѣсней—

въ особомъ переводѣ, томъ-же, какой представляетъ отдѣльный списокъ Синодальной библіотеки по Описанію № 17. Къ тому-же заключенію приводятъ сохранившіяся до насъ древнія описи богатаго книгами Волоколамскаго монастыря. Въ описи 1545 года (рукоп. Московской епарх. библіотеки № 689) а) до времени Геннадія не значится полной Библіи, а только вышепоказанныя же отдѣльныя ея части—Пятокнижіе Моисеево (подъ именемъ Бытья), нѣкоторыя историческія книги и пророки, б) расположеніе ихъ въ описи показываетъ совершенное отсутствіе мысли о полномъ составѣ Библіи. Не въ одномъ мѣстѣ и не во главѣ духовныхъ книгъ всѣ онѣ поставлены, а, смотря по содержанію, разбиты между разными книгами, именно: на л. 43 об. Пятокнижіе (Бытье) поставлено предъ Шестодневцомъ Златоуста, за тѣмъ книга Филона (т. е. Карпаоійскаго — толкованіе на Пѣснь пѣсней), лѣтописцы; на л. 45 послѣ Палеи, Амартола, Кривицы и Зонарина Паралипомена стоятъ библейскія книги: Паралипоменонъ, за ней книги Ездры въ лат. переводѣ Геннадія (по нынѣшней описи № 11, см. о немъ ниже), Інсусъ Наввинъ; на л. 46 приписаны нѣсколько позже поступившія а) книга, въ десть, пророчество (т. е. 16 пророковъ) и б) книга Библея, въ десть, Митина писма слугы монастырьского. Въ описи 1591 г. (Епарх. библіот. № 688, л. 182 об.) хотя означенная Библея поставлена въ началѣ книгъ бытійскихъ Ветхаго Завѣта и за нею слѣдуетъ Бытье (т. е. Пятокнижіе), Шестодневъ Василія Великаго, Царства, но за тѣмъ Палея, лѣтописецъ Манассіинъ, хронографъ Амартола, опять библейскія книги Ездры, Іовъ праведный, книга Паралипоменъ—лѣтописецъ, Филонъ Карпаоійскій. Вышеозначенное же пророчество (16-ть пророковъ) поставлено гораздо выше (на об. 171 л.), между твореніями Григорія Богослова и Василія Великаго. По напечатаніи 1-го тома, мы просмотрѣли также изданія, касающіяся и рукописей славяно-русскихъ — Шафарика, Geschichte der südslawischen Literatur, Prag, 1864—65, Срезневскаго, Древніе памятники письма и языка русскаго (Спб. 1863 г.), равно и юго-западныхъ славянъ (1865 г.), также всѣ вышедшіе номера Гласника Обще-

ства сербской словесности, — но и тамъ не нашли себѣ опровержения *).

Скажемъ теперь о другомъ разрядѣ возраженій—отъ незнанія, невникательности и небреженія въ собраніи библейскихъ книгъ, взводимыхъ критикомъ на архіепископа Геннадія. На это во-1-хъ замѣтимъ, какъ сказали мы и выше, что наши означенные выводы не основывались единственно на Геннадіевомъ собраніи, а на общихъ соображеніяхъ славяно-русскихъ рукописей по Свящ. Писанію. Тѣмъ не менѣе, по сущей правдѣ, мы никакъ не можемъ отказать Геннадію ни въ авторитетѣ его личности, ни въ важности его собранія относительно настоящаго дѣла. Въ древней исторіи русской церкви лице Геннадія такъ извѣстно и славно, что отнюдь не нуждается въ нашихъ похвалахъ и не боится порицаній (см. Филарета, Обзоръ русской духовной литературы, Харьковъ, 1859, § 107, св. Геннадій). Ревность свою о церкви и чистотѣ ученія онъ особенно показалъ въ извѣстной борьбѣ съ жидовствующими, стоившей ему стольких трудовъ и непріятностей; просвѣщеніе свое и ревность по немъ — въ посланіяхъ по дѣлу жидовствующихъ, въ заказанныхъ имъ по этому же дѣлу переводахъ съ латинскаго Златаго сочиненія раввина Самуила (и доселѣ настольная книжка!) и противъ безвѣрія іудейскаго также въ ученомъ мірѣ извѣстнаго Николая de Lyra (Строева, Описаніе рукописей Царскаго, № 461). Далѣе Геннадій показалъ свое просвѣщеніе въ составленіи пасхаліи на осмую тысячу лѣтъ, порученной ему отъ всероссійскаго собора, въ церковномъ уставѣ, имъ же написанномъ, въ посланіи его къ митрополиту Симону о необходимости завести духовныя училища, и въ строгости, съ ка-

*) Въ одномъ только мѣстѣ Шафарикъ приводитъ предположеніе Карамана о глаголитской Библіи, писанной въ 1475 г., предположеніе, основывающееся на описи имущества одного князя, о которой Сим. Ассеманъ замѣтилъ: ex inventario colligitur praeter Missalia Illyrica etiam Sacra Biblia extitisse. Но самъ Шафарикъ соглашается здѣсь съ Добровскимъ, который сомнѣвался въ существованіи такой Библіи и полагалъ, что въ рукописи говорится о латинской Библіи (Gesch. d. südslaw. Literatur, 1 Band, S. 169).

кою онъ требовалъ отъ посвящаемыхъ имъ приличныхъ сану познаній. «Геннадій бывъ пущенъ, т. е. возведенъ на архіепископію, говоритъ Іосифъ Волоколамскій, яко левъ на злодѣйственныя еретики устремися, яко отъ чащи божественныхъ писаній и яко отъ высокихъ и красныхъ горъ пророческихъ и апостольскихъ ученій» (Руднева, Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ, Москва, 1838, стр. 95—96). Съ одной стороны упреки жидовствующихъ, съ другой римско-католиковъ, въ неимѣніи у насъ на Руси полной Библіи, побудили ревностнаго Геннадія къ собиранію свящ. книгъ въ одинъ составъ. Уже Добровскій, ученый чехъ и патріархъ славянскихъ филологовъ, осматривавшій наши русскія и юго-западныя славянскія библіотеки, о дѣлѣ Геннадія писалъ: этотъ знаменитый мужъ (dieser wichtige Mann) не первый ли началъ собирать разсѣянныя отдѣльныя части Ветхаго Завѣта, чтобъ составить полную Библію? По крайней мѣрѣ о другой древнѣйшей полной Библіи нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда (Von einer ältern *ganzen* Bibel ist wenigstens nirgends die geringste Spur. Slavin, Prag, 1834, S. 159). Въ другомъ мѣстѣ (S. 282) онъ прямо говоритъ, что честь собранія полной славянской Библіи въ 1499 г. принадлежитъ собственно русскимъ и что поводомъ къ тому послужили изданныя въ то время латинскія, нѣмецкія и двѣ чешскія Библіи, и показываетъ, что въ глубокой древности изъ Библіи переведено было очень немного. Послѣ сего можно ли ожидать отъ Геннадія въ настоящемъ дѣлѣ такого невѣжества, невнимательности и небрежности, каковыми клеймитъ его рецензентъ? Самая важность случая вызывала энергію этого неутомимо-ревностнаго пастыря. И если онъ теперь текстъ нѣкоторыхъ книгъ извлекъ изъ толкованія, а другія вновь перевелъ (не самъ лично) съ латинскаго: то, конечно, къ тому заставляла его нужда, и во всякомъ случаѣ легче было отыскать книги, если онѣ существовали, нежели цѣликомъ переводить ихъ вновь. Если въ критикѣ (стр. 14 и сл., 17) поставляются въ вину Геннадіева собранія сдѣланныя въ его Библіи исправленія острожскихъ издателей, потомъ нашихъ исправителей при Петрѣ I и Елисаветѣ: то въ

этомъ виноватъ уже не Геннадій, а самые переводы, имъ передаваемые. Переводъ же, особенно древній, какой бы онъ ни имѣлъ авторитетъ и преимущества, при послѣдующихъ пересмотрахъ естественно долженъ подвергнуться исправленіямъ, какъ въ отношеніи къ точности и ясности его, такъ и въ отношеніи чистоты и понятности языка его для современниковъ. Естественно было симъ издателямъ и исправителямъ сличить весь текстъ съ греческимъ подлинникомъ, неточности исправить, опущенія восполнить, посторонція прибавки исключить (какъ оказалось въ самыхъ древнихъ и лучшихъ переводахъ Пятокнижія), представлявшееся въ переводѣ съ еврейскаго или латинскаго вновь перевести съ греческаго и всѣ книги привести въ порядокъ по греческому же кодексу. Самому Геннадію пересматривать и исправлять древній переводъ не было возможности и надобности: онъ исполнилъ свое дѣло, собраніемъ въ одно разсѣяннаго и восполненіемъ недостающаго относительно только состава книгъ, тѣмъ, что привелъ всѣ въ порядокъ и снабдилъ предисловіями. Отсюда само собою падаетъ заключеніе рецензента, что Библія Геннадія не была оффиціально ни признана, ни принята (стр. 20). Если царь Іоаннъ Васильевичъ Константину Острожскому не другую какую прислалъ Библію, а Геннадіеву, если острожскіе издатели ее положили въ основаніе своего труда, ее исправляли, а въ другихъ случаяхъ такъ ея держались, что, не говоря объ ошибкахъ перевода, приняли самыя погрѣшности писцовъ (см. Описаніе, 1, 52, 61, 62, 73, 83, 91, 98, 107, 111, 123, слич. реценз. стр. 14), если ее же употребляли и московскіе издатели 1663 г. (въ чемъ и рецензентъ соглашается, стр. 16, 17), вполнѣ удержавъ на основаніи ея сдѣланный острожскій переводъ: то все это не показываетъ ли оффиціальнаго признанія и употребленія Геннадіевой Библіи? Въ 1558 г., въ славной просвѣщеніемъ Іосифовской обители, по указу царя Іоанна Васильевича, сдѣланъ былъ точный съ нея списокъ (Синодальной библіотеки № 2). Но еще прежде сего въ той же обители, слугою монастырскимъ, написана вышепомянутая Библія, значущаяся въ описяхъ 1545 и 1591 года. Въ тоже

время полный списокъ Библіи епископъ рязанскій прилагаетъ въ какую-то церковь (Синодальной библіотеки № 3). Эти примѣры вмѣстѣ указываютъ и на то, что другаго полнаго списка Библіи не было извѣстно. Мы знаемъ еще и отдѣльные списки книгъ библейскихъ, переведенныхъ Геннадіемъ съ латинскаго. Полное собраніе книгъ этого перевода конца XV в. находилось прежде въ библіотекѣ г. Погодина, теперь въ Императорской публичной (Описаніе синод. рукоп. отд. 1, стр. 127 прим.). Другой полный же списокъ XV—XVI в., современный преподобному Іосифу, находился въ библіотекѣ основаннаго имъ Волоколамскаго монастыря, подъ № 9 и 11. Обѣ рукописи теперь въ Московской Духовной Академіи. Первая, № 9, содержитъ книги 1 и 2 Паралипоменонъ, Юдиѳь, Есѳирь (въ томъ-же переводѣ съ еврейскаго, какъ въ синод. спискахъ Библіи), Премудрости Соломоновой и главы изъ прор. Іереміи 1—25, 46—51. Вторая, № 11,—три книги Ездры, Неемія, Товія, 1 и 2 кн. Маккавейскія, 45 и 46 главы изъ прор. Іезекіиля. Писецъ первой изъ сихъ рукописей, № 9, помѣтилъ на оборотѣ 210 л.: «сѣ тѣрати писаны на иосиоа на волокъ», а на первомъ бѣломъ листѣ, кажется, собственноручная подпись преподобнаго: «иосиоъ». Препод. Іосифъ былъ сподвижникъ Геннадія противъ жидовствующихъ и въ духовной литературѣ имѣлъ обширныя свѣдѣнія. Видно, что новый переводъ вполнѣ его интересовалъ. Одна глава изъ книги 1-й Паралипоменонъ, книга Товіи и Юдиѳи, переведенныя съ латинскаго, находятся въ сборникѣ XVI в. Новгородской Софійской библіотеки, принадлежащей нынѣ С.-Петербургской Духовной Академіи (Лѣтоп. Археограф. коммисіи, вып. 3, Спб. 1865, Описаніе 24 сборниковъ Новгородской Софійской библіотеки, стр. 36—37). Въ Волоколамской же рукописи, нынѣ Московск. Духовной Академіи, № 10, XVI в., послѣ книги Іова помѣщены находящіяся въ Геннадіевой Библіи предисловія, переведенныя съ латинскаго, именно: а) л. 69 предисловіе на настоящую книгу (Библіи) (въ Описаніи Синод. библіотеки, № 1, л. 3), б) обозрѣніе всѣхъ книгъ библейскихъ, нач.: «Все священное писаніе раздѣляется въ два завѣта (тамъ же,

л. 11), и в) оглавленіе книгъ, сущихъ въ Библіи,—ихъ содержаніе (тамъ же, л. 5). Первыя двѣ статьи отпечатаны и въ Моск. Библіи 1663 г. Въ Чудовской библіотекѣ въ особой рукописи, по нынѣшней описи № 284, XVII в., списаны руками справщиковъ типографскаго двора всѣ помѣщенныя въ Геннадіевой Библіи предисловія и оглавленія книгъ, какъ переведенныя вновь съ латинскаго, такъ и прежнія съ греческаго—на пророковъ изъ Ѳеодорита и Епифанія, не исключая и извѣстной приписки, вошедшей въ нее (Геннадіеву Библію) изъ Упирева списка. Все это переписано, какъ видно, съ 3-го синод. экземпляра полной Библіи (по прежн. каталогу № 30) и приготовлено было къ печатанію: потому что здѣсь по мѣстамъ встрѣчаются въ текстѣ киноварныя поправки для печатанія, а иногда и критическія на полѣ замѣчанія, писанныя почеркомъ одного изъ типографскихъ справщиковъ, часто являющимся на оригиналахъ тогдашнихъ московскихъ изданій. Все списаніе, видно, имѣло связь съ печатнымъ тогда изданіемъ Библіи по этому самому синодальному списку подъ № 3 (см. Описаніе синод. рукописей, отд. 1, стр. 4 примѣч. внизу). Тогда какъ сія рукопись такимъ образомъ также подтверждаетъ оффиціальное употребленіе Геннадіевой Библіи, списки книгъ, переведенныхъ съ латинскаго, показываютъ, что сихъ книгъ не было извѣстно въ другомъ переводѣ, и въ означенныхъ знаменитыхъ книгохранилищахъ теперь рады были имъ, хотя бы въ темномъ переводѣ съ латинскаго. Этотъ латинскій переводъ былъ употребляемъ и въ сочиненіяхъ слѣдовавшихъ за Геннадіемъ духовныхъ писателей. Въ половинѣ XVI в. извѣстный отенскій инокъ Зиновій, ученикъ преп. Максима Грека, опровергая раціоналистическое ученіе Ѳеодосія Косова, въ книгѣ своей «Истины показаніе, отпечатанной въ Православномъ Собесѣдникѣ 1863—64 г., неоднократно приводитъ тексты изъ книги Премудрости Соломоновой, и всегда въ переводѣ съ латинскаго, согласномъ съ Геннадіевой Библіей (сличи. Описаніе Синод. библіотеки, отд. 2, ч. 3, № 270). Напр., въ главѣ 28 (Прав. Собес. 1864 г. февр., стр. 371—372) приводится Прем. 13, 10. 13—19, гдѣ ст. 13:

древо криво, сучія полно, *изрыетъ настоятелнѣ по истощанію своему* (Вульг. sculpat diligenter per vacuitatem suam, греч. λαβὼν ἔγλυψεν ἐν ἐπιμελείᾳ ἐργασίας αὐτοῦ), *по уму его мастерства* образуетъ *то*, и уподобитъ образу человѣчу, ст. 14 или нѣкоторому *отъ животныхъ* (alicui ex animalibus, ζώῳ τινὶ εὐτελεῖ), уподобитъ то, *прочертающе красками и черленая творящимъ баканы цвѣты того украсивъ его всяко*, ст. 17 *и отъ существа своего и отъ сыновъ своихъ* и отъ браковъ (et de substantia et de filiis suis et de nuptiis, περὶ δὲ κτημάτων καὶ γάμων) обѣты творяще и пр.; тамъ же на стр. 374 — гл. 14, ст. 16—19, въ ст. 17: издалеча же имъ образъ ихъ (умершихъ царей) *изнесенъ* есть являющи образъ царевъ, егоже почитати хотяху... стр. 376, гл. 12, ст. 13—16, 22—24, 27, въ ст. 14: ниже царь, ниже тироину (чит. тироннусъ, какъ въ синод. рукописи, лат. tyrannus) предъ тобою взыщутъ (inquirent, ἀντοφθαλμῆσαι δυνήσεται) тѣхъ, ихъ же погубилъ еси..., ст. 22 егда *даеши намъ наказаніе* (cum ergo das nobis disciplinam, ἡμᾶς οὖν παιδεύων) враги наша *многащи* (multipliciter, ἐν μυριότητι) біеши... и *егда о насъ судится*...; на стр. 377, 378, гл. 13, ст. 1—9, въ ст. 1: суетни же вси человѣци (соотвѣтствующаго греческому φύσει въ латинскомъ нѣтъ)... и отъ сихъ *иже водится блага, не могоша уразумѣти его, иже есть* (et de his, quae videntur bona, non potuerunt intelligere eum, qui est, καὶ ἐκ τῶν ὁρωμένων ἀγαθῶν οὐκ ἴσχυσαν εἰδέναι τὸν ὄντα), ст. 2 или воздвиженъ аеръ... или *солнцу или лунѣ* (aut citatum aerem, aut solem et lunam, ἢ ταχινὸν ἀέρα, ἢ φωστῆρας οὐρανοῦ), ст. 5 о величествѣ бо красотѣ познаннѣйши мощнѣ творецъ сихъ видѣти (a magnitudine enim speciei et creaturae cognoscibiliter poterit creator horum videri, ἐκ γὰρ μεγέθους καὶ καλλονῆς κτισμάτων ἀναλόγως ὁ γενεσιουργὸς αὐτῶν θεωρεῖται). Точно также ст. 1 и 5 читаются и въ гл. 29, печ. 1864, мар. стр. 412. Тамъ-же (февр. 1864), на стр. 383, приводится изъ гл. 14 стихи 12, 13, 15, 17, — послѣдній читается: лучши бо есть сихъ (истукановъ) той, кто ихъ почитаетъ (melior enim est ipse his, quos colit, κρείσσων γάρ ἐστι τῶν σεβα-

σμάτων αὐτῶ); яко бо той живъ, *аще и будетъ смертенъ* (cum esset mortalis, на греческомъ соотвѣтствующихъ сему словъ нѣтъ), тѣже никогда же. Всѣ сіи мѣста, очевидно, переведенныя съ латинскаго, буквально сходны съ Геннадіевымъ спискомъ Библіи. Мѣста, приводимыя въ семъ же сочиненіи Зиновіемъ изъ другихъ священныхъ книгъ по древнему переводу съ греческаго, изъ Пятокнижія, псалмовъ, пророковъ, Новаго Завѣта, также точно читаются и въ Геннадіевой Библіи (см. Опис. отд. 2, ч. 3, стр. 326). Столь глубоко свѣдущій въ Св. Писаніи и начитанный Зиновій ужели бы и изъ Премудрости Соломоновой не привелъ текстъ въ древнемъ же переводѣ, если бъ онъ былъ въ его время, а не въ этомъ латинскомъ темномъ и плохомъ переводѣ?

Что касается до древнихъ и лучшихъ переводовъ нѣкоторыхъ книгъ, яко бы ускользнувшихъ отъ руки собирателя Геннадія, и неудовлетворительности представленныхъ имъ — книги Псалтири, Есоири, Пѣсни пѣсней и Новаго Завѣта: то мысль рецензента объ этихъ лучшихъ переводахъ неосновательна и составилась то по недоразумѣнію, то по преувеличенію и т. п. Прежде всего замѣтимъ, что рецензентъ, для облегченія своего, ограничиваясь одною Синодальною библіотекою (стр. 20), мнимо-лучшіе переводы сіи указываетъ изъ той же области Синодальной библіотеки, изслѣдованіемъ которой и занимаются описатели, и по ихъ же собственному описанію, — какъ будто они сами не могли сего замѣтить, если бы дѣло дѣйствительно было такъ и клонилось къ ихъ обличенію! Это называется — платить долгъ капиталомъ самихъ кредиторовъ. Основательнѣе бы поступилъ рецензентъ и для науки было бы интереснѣе, если бы потрудился взять во вниманіе другія библіотеки и оттуда представить данныя въ опроверженіе выводовъ. Изъ Синодальной библіотеки онъ указываетъ (стр. 20) на пергам. *Псалтирь XIII в.* (по Описанію № 13), которая, не смотря на старость писца (!), выдержала тщательно древнѣйшій текстъ во всей его свободѣ и свѣжести, и упрекаетъ Геннадія, что онъ не воспользовался ея особенностями. Но въ Описаніи (отд. 1, стр. 62—63) замѣчено и показано, что

Псалтирь въ Геннадіевой Библіи помѣщена съ древняго списка и содержитъ переводъ весьма древній, согласный съ текстомъ при толкованіи съ именемъ Аѳанасія Александрійскаго, переводъ коего относится къ древнѣйшимъ памятникамъ славянской письменности, также и съ текстомъ означенной Псалтири XIII в. Никакъ нельзя доказать, чтобы списокъ XIII в. дѣйствительно передавалъ во всей чистотѣ древнѣйшій текстъ. Изъ показанныхъ въ Описаніи (тамъ-же) особенностей его видно, что Чудовская Псалтирь съ толкованіемъ Ѳеодорита Кирскаго XI в. во многихъ случаяхъ согласна не съ нимъ, а съ текстомъ Геннадіевой Библіи, хотя и въ этомъ спискѣ (XI в.) священный текстъ нельзя вполнѣ признать первоначальнымъ, вышедшимъ отъ славянскихъ просвѣтителей. Извѣстно, что списки книгъ библейскихъ, при единствѣ перевода, часто представляютъ одинъ противъ другаго частныя отличія въ языкѣ, переводѣ или чтеніяхъ (варіантахъ), показывающихъ издавна начавшіяся исправленія первоначальнаго текста или вольность переписчиковъ. Списокъ и древній можетъ быть неисправенъ и содержать поправки, а младшій—представлять текстъ въ древнѣйшемъ видѣ; въ одномъ мѣстѣ извѣстный списокъ передаетъ текстъ лучше другаго, въ другомъ—хуже и т. д. Г. Востоковъ замѣчаетъ то и другое, напр. о спискахъ древнѣйшаго перевода Пятокнижія и пророковъ (Опис. Рум. музея, стр. 33—34, № XXVIII, XXIX). Въ такомъ случаѣ отъ собирателя трудно требовать, чтобы онъ избралъ тотъ или другой списокъ. Что касается до употребленнаго Геннадіемъ списка Псалтири, то мы думаемъ, что текстъ его даже преимуществуетъ предъ рекомендуемымъ ему спискомъ XIII в. Онъ представляетъ и древній и болѣе исправный переводъ, напр. въ тѣхъ самыхъ особенностяхъ, какія поставлены на видъ въ Описаніи (стр. 63—64). Въ спискѣ XIII в. Псал. 1, 4 ѥго же въскрываѥть вѣтръ (ἐκρίπτει—переводчикъ думалъ, что это глаголъ κρύπτω), № 1—възмѣтает (правильно понято отъ ἐκ и ῥέπτω); 67, 12 гдъ бл҃говѣствующимъ (εὐαγγελιζομένοις), № 1—бл҃говѣствоующимъ. Оба эти текста такъ точно, какъ у Геннадія, читаются и въ вышеозначенной Чудов-

ской Псалтири XI в. Въ пользу Геннадіева текста говоритъ и то, что при всѣхъ послѣдующихъ исправленіяхъ онъ удержался и доселѣ читается въ изданіяхъ. Приписавъ описателямъ предположеніе (объ исправленіи текста Псалтири самимъ Геннадіемъ), *) рецензентъ (стр. 21—22) пускается въ предположенія о незнаніи или неупотребленіи Геннадіемъ и сейчасъ помянутаго чудовскаго списка *Псалтири XI в.*, и другихъ древнѣйшихъ и важнѣйшихъ памятниковъ (какихъ именно, не показываетъ). Зналъ или не зналъ Геннадій означенную рукопись, это — вопросъ не важный; но какъ это была не Псалтирь собственно, а толкованіе на нее: то, когда у Геннадія былъ древній и прямой текстъ Псалтири, не слѣдовало ему обращаться къ толковому тексту, каковой, вѣроятно, и въ Новгородѣ былъ, и еще не въ одномъ спискѣ. Далѣе Геннадій упрекается въ неупотребленіи какого-то древнѣйшаго и лучшаго текста *книги Навина*, *Судей* и т. д. до *Царствъ* включительно, представляемаго будто-бы отдѣльнымъ синодальнымъ спискомъ сихъ книгъ по Описанію № 12. Но въ Описаніи (л. 180—181) сказано, что переводъ сихъ книгъ въ № 12 тотъ-же самый, что и въ Геннадіевой Библіи. Весьма немногіе и не важные примѣры таковыхъ разностей (въ Описаніи представлено ихъ только четыре или вѣрнѣе три, потому что четвертый — явная ошибка писца) ничто не значатъ въ сравненіи со всѣмъ содержаніемъ и суть только частнѣйшіе оттѣнки, какіе, какъ замѣтили, обыкновенно являются въ спискахъ, если вполнѣ сличить одинъ съ другимъ. Что эти отличія не составляютъ какой нибудь особенной редакціи, а суть случайныя поправки, видно и изъ того, что въ чудовскомъ отдѣльномъ спискѣ всѣхъ означенныхъ книгъ, XV в., подъ № 25 (по прежн. описи № 46), равно и въ академическомъ,

*) Описатели отнюдь не имѣли и нигдѣ не выразили такого предположенія, а разумѣли взятіе Геннадіемъ уже готоваго исправнѣйшаго текста. «Исправленія перевода въ спискахъ № 1—3 показываютъ»...— говорится о спискахъ, а не о дѣлѣ Геннадія. Такъ сказано въ Описаніи (л. 140) и о текстѣ Евангельскомъ: «текстъ Евангельскій сихъ списковъ весьма близокъ къ употребляемому нынѣ».., хотя описатели (л. 284, 292) и самъ рецензентъ (л. 33) отнюдь не приписываютъ исправленіе его самому Геннадію.

иныя мѣста, приведенныя въ Описаніи, читаются по синод. списку № 12, а другія по Геннадіевой Библіи. Еще слабѣе указаніе рецензента (стр. 22) на *книгу Есѳири* въ № 12, происшедшее болѣе отъ недоразумѣнія. Въ ней, по замѣчанію описателей, три стиха 9-й главы, заключающіе книгу, переведены съ еврейскаго, а въ спискахъ Библіи—съ Вульгаты. Отсюда Геннадій упрекается. что не воспользовался текстомъ книги по № 12, какъ будто въ Описаніи не сказано, что текстъ ея здѣсь тотъ-же самый, что и въ спискахъ Библіи, и какъ будто при этомъ что нибудь значитъ разность только въ трехъ стихахъ (если рецензентъ не воображалъ болѣе) и варіантъ: староста вмѣсто тивунъ *)! Мы покажемъ естественную причину, почему сіи три стиха въ Геннадіевомъ спискѣ явились не въ томъ-же переводѣ съ еврейскаго, какъ вся книга. Геннадій хотѣлъ восполнить въ книгѣ еврейскій текстъ (свящ. критикою вообще признаваемый неполнымъ) тѣми прибавочными главами, какія находятся въ Вульгатѣ, равно и у LXX, а по открытіямъ Росси даже и въ нѣкоторыхъ еврейскихъ кодексахъ, и какія были принимаемы наравнѣ съ еврейскимъ текстомъ, какъ въ іудейской, такъ и въ христіанской церкви, и помѣщены, хотя не въ томъ порядкѣ, и въ нынѣшнемъ нашемъ изданіи Библіи (см. Die heilige Schrift des Alten Testament, Deveser und Scholz, Frankfurt am Main, 1833, II Theil, Band 3, S. 213, Einleitung in das Buch Esther, § 4). Такъ какъ означенными тремя заключительными стихами 9 главы (по евр. тексту) въ Вульгатѣ начинается 10 глава: то Геннадію, принявшему всѣ эти прибавочныя главы изъ Вульгаты, естественно было, оставя прежній переводъ сихъ стиховъ съ еврейскаго, вновь перевести ихъ съ латинскаго. Такое указаніе дополненія и переводъ его, хотя, по обстоятельствамъ, съ латинскаго, не лучше ли, напротивъ, поставить въ заслугу Геннадію, признанную и потомствомъ, поколику оно принято и въ печатный Библейскій текстъ, только въ

*) Въ помянутомъ чудовскомъ спискѣ, № 25, въ одномъ мѣстѣ въ строкѣ: староста, на полѣ: тивунъ, въ другомъ — на оборотъ.

переводѣ съ греческаго? Обвиняется также Геннадій, что не воспользовался переводомъ *Пѣсни пѣсней*, какой представляется въ синод. рукописи по Описанію № 17, XVI в., сдѣланнымъ прямо съ книги, а не извлеченнымъ изъ толкованія, какъ у Геннадія, и, по рецензенту, болѣе точнымъ и древнимъ, нежели тотъ. При этомъ рецензентъ поставляетъ на видъ еще какой-то особый, самостоятельный переводъ книги Пѣсни пѣсней, принятый острожскими издателями (стр. 22—23). Но рекомендуемый переводъ въ рукописи одъ № 17-мъ мало извѣстенъ по своему происхожденію и употребленію, тогда какъ въ древности обыкновенно является книга Пѣснь пѣсней съ толкованіемъ Филона или извлеченная изъ него. Кромѣ синодальнаго списка № 17, сборника № 579, XVI в. (см. Опис. Синод. библ., отд. 3, ч. 3, стр. 616), и вышепомянутаго супрасльскаго списка Библіи 1507 г., мы нигдѣ не находимъ того перевода въ описанныхъ или извѣстныхъ намъ библіотекахъ; а въ библіотекѣ Чудова монастыря (№ 8), равно и Моск. историческаго Общества (отд. I, № 171, по Описанію Строева) находятся пергаментные списки Филонова толкованія, оба XIV в., или въ томъ-же Обществѣ (отд. I, № 189) бумажный списокъ XV в., а у Царскаго (по Описанію Строева № 579) XVII в., у Толстова (отд. I, № 62 и отд. II, № 267)—переводъ Скорины. Въ вышепоказанномъ спискѣ Библіи г. Ундольскаго XV в., находящемся нынѣ въ Московск. музеѣ, послѣ того какъ въ ряду библейскихъ книгъ, между книгами Соломона (л. 269), написана была Пѣснь пѣсней съ толкованіемъ Филона Карпаоійскаго, подъ конецъ списка (л. 449) помѣщена она же въ извлеченіи изъ сего толкованія съ отнятіемъ, хотя и не вездѣ, признаковъ заимствованія и кое-гдѣ съ поправками самаго перевода, хотя онъ имѣетъ тѣже опущенія цѣлыхъ стиховъ и реченій, кои показаны въ Описаніи (стр. 75). Спрашивается: за чѣмъ было нужно собирателю этой Библіи снова помѣщать, а другимъ исправлять текстъ книги въ этомъ извлеченіи, если бы имѣлъ такую извѣстность, употребленіе и важность другой переводъ, указываемый рецензентомъ? Далѣе, этотъ указываемый переводъ отличается только большею

буквальностію, а по этому онъ теменъ и въ языкѣ представляетъ мѣстами странную смѣсь нѣкоторыхъ древнихъ словъ съ поздними и народными, какъ это можно видѣть и изъ приведенныхъ въ Описаніи примѣровъ (стр. 198—199). Ἀδελφιδός, выражающее любезность, — братецъ, не хорошо тамъ переводится 1, 12. 13. 15; 2, 3. 8. 10. 16. 17; 5, 1 и всегда брату-чадъ, т. е. племянникъ, лучше въ № 1—3—братъ. Приведемъ еще слѣдующій примѣръ 5, 13: челюсти его ꙗко чаша арома. растꙋще мѵротвореніе (σιαγόνες αὐτοῦ ὡς φιαλαι τοῦ ἀρώματος, φύουσαι μυρεψικά), № 1—3—ланитѣ его ꙗко съсꙋдъ вонь (арама — другой переводъ того же слова) прозябающи бл҃говоніе. Отъ двойнаго перевода не свободенъ и рекомендуемый текстъ, какъ видно изъ конца книги 8, 14: и оуподобися серне, или штенцꙋ ланiа на горы арома вонямъ (ἐπὶ τὰ ὄρη ἀρωμάτων). Въ подтвержденіе глубокой древности этого перевода, рецензентъ указываетъ (стр. 23) на сохранившіеся въ немъ какіе-то слѣды глаголицы: но какъ это раскрыть онъ хочетъ далѣе, то и мы до времени отлагаемъ замѣчаніе на эту странность. Допустивъ однако, хотя не рѣшительно, до- Геннадіевскую древность перевода, мы можемъ согласиться съ рецензентомъ, что Геннадій могъ-бы воспользоваться нѣкоторыми мѣстами этого перевода, если бъ занимался пересмотромъ текста; но онъ, сказали мы, не былъ, и не могъ быть таковымъ рецензентомъ или издателемъ. Что касается еще третьяго, будто бы самостоятельнаго перевода, принятаго острожскими издателями, то мысль эту рецензентъ, не сдѣлавъ сличенія, не вникнувъ и въ представленные въ Описаніи примѣры (л. 198—199), вывелъ, кажется, изъ неправильно имъ понятыхъ словъ описателей (л. 76): «Острожскіе издатели Библіи передаютъ текстъ сей книги въ иномъ переводѣ съ греческаго, весьма близкомъ къ нынѣшнему славянскому». Но это значитъ не то, чтобъ они взяли какой-то еще особый переводъ, а то, что они, не буквально передавая (Геннадіевъ) переводъ (какъ сдѣлали съ текстомъ Псалтири, Опис., стр. 65), *сами составили* свой переводъ съ греческаго. Впрочемъ у нихъ при этомъ въ основаніи былъ тотъ-же Генна-

діевъ извлеченный изъ толкованія переводъ, такъ что, собственно говоря, они только исправляли и дополняли его, какъ это видно на каждомъ шагу. Въ острожскомъ изданіи буквально по № 1—3 читается (2, 13): смоквы (№ 1—3 смокы) *изнесе цвѣтъ* свой, винограды *зрѣюще* даша воню (ἡ συκῆ ἐξήνεγκεν ὀλύνθους αὐτῆς, αἱ ἄμπελοι κυπρίζουσιν), № 17—съмоковница издѣ" поупкы своа виногра" цвѣтоу даша воню; 5, 1, остр. по № 1—3: и да ястъ (№ 1—3 ѩжь) отъ плода *верха дубоваго*, № 17—краа вѣтвиї єго (καρπὸν ἀκροδρύων); вышеприведенный по № 1 и 17-му 13-й стихъ въ острож. читается: ланиты его, яко *фіалыароматъ* (исправлено), прозябающія благовоніе, ст. 14 — руцѣ его *кругли*, какъ и № 1—3 (τορευταὶ), № 17—стръгáнѣ. За тѣмъ критикъ сдѣлалъ три замѣчанія о книгѣ *Премудрости Соломоновой*. Во-первыхъ изъ того, что въ томъ же синодальномъ спискѣ № 17 переводъ съ Вульгаты противъ № 1—3 представляетъ нѣкоторыя особыя объясненія латинскихъ словъ, онъ предполагаетъ, что можетъ быть переводъ сдѣланъ не самими составителями Геннадіевой Библіи, но нѣсколько прежде и отдѣльно. Но хотя описатели и не утверждали прямо, чтобы книга Премудрости переведена была по волѣ Геннадія и выводы ихъ не страдаютъ отъ того или другаго рѣшенія этого вопроса; однако они могутъ теперь замѣтить, что предъявленныя прибавленія не даютъ еще права къ заключенію рецензента. Въ бывшемъ Погодинскомъ древлехранилищѣ (№ 9 и № 84) вышепомянутые списки книгъ, въ № 1—3 переведенныхъ съ латинскаго, и по времени и по всѣмъ другимъ отношеніямъ имѣющіе ближайшую связь со старшимъ спискомъ Библіи № 1, въ таковыхъ объясненіяхъ латинскихъ словъ также имѣютъ противъ него, хотя очень рѣдко, то прибавки, то убавки, или же варіантъ перевода, поставленный въ № 1 на полѣ, принимаютъ въ текстъ, а слово текста выносятъ на поле. Съ другой стороны сдѣланная въ заключеніи книги Премудрости по № 1—3 выписка изъ Николая Лирана (Опис. стр. 79) даетъ поводъ думать, что книга переведена по волѣ Геннадія, какъ мы сказали, употреблявшаго сочиненія Лирана и противъ жидовствующихъ и помѣ-

ставшаго подобную изъ Лирана выписку и въ заключеніи переведенной по его именно повелѣнію 2-й книги Маккавейской (Опис. стр. 129). Далѣе рецензентъ, замѣчая въ этой же книгѣ Премудрости пареміи, переведенныя съ греческаго, говоритъ, что Геннадій могъ бы избѣжать перевода съ латинскаго, по крайности въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, еслибъ обратился къ паремьямъ. Отвѣчаемъ: въ спискѣ помѣщены только три небольшія пареміи въ порядкѣ стиховъ: первая—5, 15—6, 3; вторая: 3, 1—9; третья: 4, 7—15, да двѣ пареміи составлены изъ разныхъ отдѣльныхъ стиховъ и полустишій, первая: 4, 1. 14; 6, 11. 18. 21—23; 7, 15. 16. 21. 22. 26. 27. 29; 10, 9. 10. 12; 2, 1. 10—17. 19—22 и вторая: 4, 7. 16—20; 5, 1—7 (Опис. стр. 196—197). Изо всего этого велико ли было бы пріобрѣтеніе для переводчика и какого стоило бы труда ему въ XV в., при неимѣніи симфоній или Библіи съ показаніемъ стиховъ, разбирать по одиначкѣ всѣ эти стихи и опредѣлять положеніе ихъ въ цѣлой книгѣ, и какая была бы пестрота и какое смѣшеніе языковъ, еслибы въ одной главѣ два, три или одинъ стихъ и даже полустишіе переведены были съ греческаго, потомъ столько же съ латинскаго, потомъ опять съ греческаго и т. д.! Наконецъ въ упрекъ Геннадію рецензентъ замѣчаетъ: «Острожское изданіе здѣсь (въ книгѣ Премудрости) исполнило долгъ свой, сообщивъ переводъ съ греческаго». Какъ сей долгъ былъ исполненъ и какъ при этомъ не лишнимъ оказался и переводъ Геннадія, приводимъ слова Описанія, которыя могъ видѣть и самъ рецензентъ, сдѣлавшій такое замѣчаніе (Опис. стр. 79): «У острожскихъ издателей находится иной переводъ книги Премудрости съ греческаго, но они пользовались и переводомъ списковъ не только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ соотвѣтствуетъ греческому тексту, но иногда и тамъ, гдѣ по Вульгатѣ уклоняется отъ него» (приводятся примѣры). Наконецъ изъ ветхозавѣтныхъ книгъ рецензентъ касается текста и *книгъ пророческихъ*, хотя такъ древенъ и хорошъ текстъ ихъ въ Геннадіевомъ собраніи, такъ удачна была мысль извлечь его изъ толкованія, извѣстнаго у насъ уже въ спискѣ 1047 г. «Одинъ сино-

дальный списокъ по Описанію № 19, XVI в.,—говоритъ онъ также въ упрекъ Геннадію (стр. 23),—содержитъ въ себѣ переводъ съ греческаго нѣсколькихъ главъ, взятыхъ Геннадіемъ въ переводѣ съ латинскаго». Ничего такого нѣтъ. Рецензентъ не понялъ сказаннаго объ этомъ спискѣ въ Описаніи, и — выразилъ такую странность. Въ Описаніи (л. 208) сказано: «Переводъ (книгъ пророческихъ въ № 19) тотъ же, какой и въ полныхъ спискахъ Библіи, за исключеніемъ главъ, переведенныхъ въ сихъ спискахъ съ латинскаго». «За исключеніемъ главъ» очевидно значитъ, что главъ сихъ вовсе нѣтъ въ спискѣ, а не то, чтобъ сіи главы были въ томъ же переводѣ съ греческаго, а не съ латинскаго, какъ вообразилъ рецензентъ. Извѣстно, что въ спискахъ Библіи переводъ пророковъ заимствованъ изъ толкованія, имѣющаго пропуски нѣкоторыхъ главъ и стиховъ. Откуда же могли взяться въ № 19 сіи главы, на которыя не было и толкованія? Не далѣе какъ о предъидущемъ спискѣ (стр. 203) замѣчено, что въ немъ вовсе нѣтъ сихъ главъ, потому, что нѣтъ ихъ при толкованіи. Тоже говорится и объ этомъ спискѣ № 19. Еслибъ сверхъ чаянія встрѣтились означенныя главы въ спискѣ № 19 въ древнемъ же, какъ и прочіе, или и другомъ какомъ переводѣ съ греческаго: то описатели ясно бы выразили такую замѣчательность и самый переводъ не оставили бы безъ объясненія. За тѣмъ, эту мнимую особенность—переводъ тѣхъ главъ съ греческаго—рецензентъ навязываетъ, уже совершенно непонятнымъ для насъ образомъ, и предъидущему списку № 18, тогда какъ о немъ на показанной страницѣ, съ означеніемъ недостающихъ въ толкованіи главъ, прямо сказано, что «нѣтъ ихъ въ текстѣ, потому что ихъ нѣтъ и при означенномъ толкованіи». Дѣйствительныя же особенности этого списка, нѣкоторыя «любопытныя» чтенія, встрѣчающіяся и въ острожскомъ изданіи, рецензентъ признаетъ заимствованными въ изданіи изъ этого списка и упрекаетъ Геннадія, что онъ не воспользовался таковыми чтеніями. Не споря въ томъ, что въ рукописи означенные варіанты списаны съ острожскаго изданія, мы можемъ согласиться съ рецензентомъ, что наоборотъ изданіе взяло

ихъ изъ сей рукописи. Рукопись, судя по смѣшанному употребленію въ ней юсовъ и обыкновенно ѧ вмѣсто ѣ, должна быть южнаго происхожденія, можетъ быть лѣтами и ранѣе 1581 года, а потому острожскіе издатели, для своего дѣла тщательно искавшіе списковъ и на югѣ, могли имѣть ее подъ руками. Что же касается Геннадія, то а) списокъ № 18 и подобные ему могли и не попасть въ руки Геннадія или по мѣсту происхожденія ихъ—на югѣ, или по времени—позже самого Геннадія, и б) еслибъ Геннадій и имѣлъ возможность пріобрѣсть списокъ № 18, то примѣромъ острожскихъ издателей не слѣдуетъ упрекать его въ неупотребленіи варіантовъ сего списка; варіантовъ въ немъ, какъ видно изъ Описанія, очень немного, и они по своей одинокости, а иногда и странности, таковы, что ввести ихъ въ текстъ, какъ сдѣлали острожскіе издатели, въ замѣнъ настоящаго чтенія, неудобно. Если въ Описаніи названы они «болѣе или менѣе замѣчательными», то именно по этой особенности и странности ихъ. Не явная ли напр. въ нихъ ошибка перевода, Iезек. 10, 10: ѡ҆́бли́чїе въ четыре (ὁμοίωμα ἓν τοῖς τέσσαρσιν), когда числительное ἓν принято за предлогъ ἐν? Потому-то у насъ какъ Петровскіе, такъ и Елисаветинскіе исправители, съ гораздо большими пособіями противъ острожскихъ, не приняли ни одного изъ этихъ варіантовъ. И самые острожскіе издатели приняли оные совершенно случайно, потому что въ текстѣ пророковъ они вообще рабски слѣдовали московскому списку Библіи (Опис. стр. 91, 98, 107, 111, 123).

Приступая къ новозавѣтнымъ книгамъ, рецензентъ сперва, какъ бы по винѣ Геннадія, подвергаетъ униженію и все древнее духовенство русское, черное и бѣлое, и возвышаетъ передъ нимъ народъ и общество (стр. 24). Изъ приписокъ на синодальныхъ рукописяхъ писцовъ, закащиковъ, вкладчиковъ и владѣтелей онъ заключаетъ, что сіи рукописи (преимущественно Св. Писанія) «привлекали вниманіе и были въ употребленіи людей отнюдь не какого нибудь избраннаго кружка, а всѣхъ слоевъ народныхъ безъ различія и ограниченія ни званіемъ, ни состояніемъ, ни поломъ, и что тотъ ошибается и напрасно думаетъ оказать услугу

древней Руси, кто источникъ ея духовно-нравственной образованности выводитъ изъ однихъ монастырей и одного духовенства, какъ думаютъ (по словамъ самого рецензента) между прочимъ нѣкоторые знатоки нашей исторіи». Отнюдь не отвергая въ древней Руси образованія, такъ сказать, церковнаго и духовнаго, мы естественно тогдашнее общество представляемъ въ соприкосновеніи и зависимости отъ церкви и духовенства; но не согласны въ этомъ отношеніи дать преимущество предъ духовенствомъ народу и обществу. И всякій можетъ видѣть какъ слабы, натянуты и туманны у рецензента доказательства этой странность, болѣе нанесенной, какъ мы думаемъ, повѣтріемъ 1857 и слѣдующихъ годовъ, которое теперь, слава Богу, уже ослабѣваетъ... Мы обратимъ вниманіе сперва на означенныя приписки, будто бы показывающія всеобщее распространеніе книжнаго духовнаго образованія въ древней Руси. 1) Эти приписки взяты изъ всего періода славяно-русской письменности, отъ XI вѣка до XVIII, а не ограничены временемъ Геннадія или близкимъ къ нему, и потому не удивительно, что на такомъ огромномъ пространствѣ встрѣтится много именъ изъ разныхъ сословій, имѣвшихъ какое нибудь отношеніе къ памятникамъ духовной литературы. 2) Изъ приведеннаго по припискамъ перечня сословій нужно исключить: а) дьяковъ и писцовъ, какъ только скрѣплявшихъ или писавшихъ рукописи для другихъ; б) старостъ церковныхъ, какъ только закащиковъ, а не владѣтелей рукописей; в) кожевниковъ, пивниковъ и плотниковъ, потому что слова: мастера кожювнѧ̑ и пивно̑ и плотни̑ значатся не на спискѣ Апостола (по Описанію № 46), а на одномъ изъ трехъ, приклеенныхъ къ нему, столбцовъ помянника, каковые всякій православный подавалъ въ церковь, и при томъ, какъ видно, выражаютъ не трехъ разныхъ мастеровъ, а одного, совмѣщавшаго всѣ три ремесла (Опис. стр. 297). Остаются за симъ только одни духовныя, царскія и другія знатныя и богатыя лица, неизвѣстный по прозвищу садовникъ и крѣпостной человѣкъ XVII вѣка (Опис. стр. 189, 273). 3) Большая часть изъ означенныхъ въ припискахъ лицъ были только вкладчики церковныхъ и

духовныхъ книгъ въ церкви и монастыри, до изобрѣтенія книгопечатанія побуждавшіяся къ тому настоятельными нуждами церквей и просьбами священнослужителей. Въ этомъ случаѣ сами же церкви и монастыри были источниками, а духовныя лица указателями къ списыванію книгъ. Съ этой же предзанятой точки зрѣнія о всенародномъ образованіи рецензентъ старается объяснить большинство списковъ *апракосовъ* предъ четвероевангеліями или тетрами до XV в., выводимое описателями «изъ удобства апракосовъ для церковнаго употребленія». Что апракосы столько же были распространены въ домашнемъ употребленіи для душеспасительнаго чтенія, какъ и въ церковномъ при богослуженіи, рецензентъ (стр. 26), по указанію Описанія (стр. 289), ссылается на Румянцовскій музей, гдѣ ихъ въ періодѣ отъ XII до XIV в. представляется 12 списковъ, а тетроевангеліе только одно. Какъ будто Румянцовскій музей, въ противоположность Синодальной библіотеки, есть прямой представитель мірскихъ рукописей и народнаго образованія! Извѣстно, что въ частныя собранія и публичныя библіотеки вошло много собственно церковныхъ книгъ. Всѣ церкви въ Россіи до изобрѣтенія книгопечатанія довольствовались рукописными книгами; между тѣмъ въ церквахъ ихъ теперь почти вовсе нѣтъ. Куда онѣ попали, какъ не въ означенныя собранія? Это, при извѣстномъ стараніи, какъ говорятъ, схоронить концы, подтверждается многими уцѣлѣвшими подписями на рукописяхъ какъ прочихъ собраній, такъ и Румянцовскаго. Изъ числа 13 рукописей, шесть являются здѣсь съ подписями, по коимъ онѣ приложены были въ разныя церкви духовными лицами и князьями—№ 104, 105, 106, 108, 112, 114. Таковы же могли быть многія изъ Евангелій и не подписанныхъ, или утратившихъ подписи. Когда такимъ образомъ оказывается несостоятельнымъ самое положеніе о *преимущественномъ*, какъ говоритъ рецензентъ, распространеніи апракосовъ въ народной жизни, чѣмъ въ церковномъ употребленіи, нѣтъ нужды разбирать намъ и дальнѣйшее у него объясненіе этого мнимаго явленія (стр. 27—28). Здѣсь мы замѣтимъ только слѣдующее. Апракосы ставятся въ параллель

нѣкоторымъ ветхозавѣтнымъ книгамъ, текстъ которыхъ съ толкованіемъ, какъ яснѣйшій, по Описанію (стр. 135), чрезъ частное употребленіе болѣе распространился, чѣмъ чистый текстъ безъ толкованія. «Стало быть, замѣчаетъ рецензентъ, не по употребленію одного духовенства, а по употребленію всеобщему и народному наиболѣе онѣ распространились и сохранились, и стало быть отъ этого же зависѣло и наибольшее распространеніе списковъ Евангелія недѣльнаго». Но кому болѣе интересно и нужно знать смыслъ священныхъ книгъ,—ужели болѣе народу, нежели духовенству, и не въ монастыряхъ ли и не для нихъ ли списывались толкованія? Это частное употребленіе таковыхъ книгъ ближайшимъ образомъ у духовенства и въ обителяхъ и разумѣли описатели. Но рецензентъ, превратно употребивъ здѣсь мысль Описанія въ свою пользу, далѣе (стр. 51) совсѣмъ ее отвергаетъ и осмѣиваетъ! Отъ того же народнаго употребленія производятся (стр. 29) и списки *четвероевангелія*, или расположенные по порядку евангелистовъ,—и здѣсь рецензентъ, противорѣча самому себѣ, предъидущимъ своимъ положеніямъ, меньшинство ихъ въ сравненіи съ апракосами до XV в., вслѣдъ за Описаніемъ, объясняетъ тѣмъ, что они были въ употребленіи *народномъ* и частномъ, но не составляли необходимости для храма и службы; и слѣдовательно большинство апракосовъ производитъ отъ употребленія церковнаго. При этомъ мы должны объяснить, что если въ Описаніи тетроевангеліямъ приписывается болѣе частное употребленіе, то опять разумѣется отнюдь не какое нибудь народное, какъ толкуетъ рецензентъ. Нѣтъ сомнѣнія, что первоначально св. Кирилломъ переведено Евангеліе для чтенія церковнаго, апракосное; но съ раннихъ же лѣтъ вѣра и любовь къ Спасителю, находя эти чтенія не всегда въ хронологическомъ или употребляемомъ евангелистами порядкѣ и не въ надлежащей полнотѣ повѣствованія, могли требовать для надлежащаго и полнѣйшаго обозрѣнія жизни и ученія Спасителя перевода Евангелій въ томъ подлинномъ видѣ, какъ они вышли изъ рукъ богодухновенныхъ повѣствователей. При этомъ былъ пересмотрѣнъ, дополненъ и приведенъ въ надлежащій

порядокъ евангелистовъ прежній переводъ апракосовъ,—и т
вой трудъ Шафарикъ предположительно усвояетъ учени
Кирилла и Меѳодія, Клименту или кому либо изъ его товарі
(Извѣстія Академіи Наукъ, т. I, стр. 388, выписку см. ниже)
всякомъ случаѣ очевидно, что таковая мысль принадлежала
не самимъ славянскимъ первоучителямъ, то предстоятелямъ и
стырямъ юной церкви славянской,—и чтеніе Евангелій, по
женію самихъ евангелистовъ, прямо требовалось правилами д
няго иночества; потому въ тетрахъ обыкновенно и встрѣча
размѣтки по днямъ для келейнаго иноческаго чтенія (Опис.
291). Съ другой стороны тетры, какъ мы сказали, приня
переводъ тѣхъ же апракосовъ, подобно симъ, скоро вошли
церковное употребленіе. Потому для этого употребленія въ
рахъ часто показываются зачала, первыя и послѣднія слова,
начинать и оканчивать чтеніе и гдѣ нужно преступить, часто
же въ нихъ читаются записи о вкладахъ въ церковь, какъ на
мѣръ въ мнимо-мірскомъ Румянцовскомъ собраніи въ тет
подъ № 122, 124, 126, 127, 131, 132, 135, 141, то есть
чти сплошь. И самые старшіе глаголическіе списки тетроева
лій, Григоровича XI—XII в. и Зографское XII в. (Изв
Академіи Наукъ, т. I, стр. 88, 340),—какихъ-то X-го вѣка
сковъ, упоминаемыхъ рецензентомъ, мы не знаемъ!—имѣли
ковное назначеніе или употребленіе (Срезневскаго, Древніе
голическіе памятники, Спб. 1866, стр. 93, 117).

Обратное явленіе — размноженіе тетровъ сравнительно
апракосами съ XV в., описатели объясняли (стр. 289 и слѣд.
порчею текста апракосовъ при частыхъ списываніяхъ и пр
вольныхъ исправленіяхъ, которая, вѣроятно, и побудила св. А
сія митрополита сдѣлать вновь переводъ всего Новаго Завѣт
бóльшею цѣлостію и исправностію текста въ тетрахъ, пере
трѣннаго въ Константинополѣ и распространившагося въ южн
славянскихъ странахъ, съ предисловіями Ѳеофилакта болгарск
При этомъ дано мѣсто и помянутому употребленію тетроева
лія въ иноческихъ обителяхъ. Но рецензентъ и это явленіе

маетъ вывести изъ какихъ-то нуждъ (самимъ не обозначенныхъ), обстоятельствъ и судебъ *народа* (стр. 29). При чемъ на основаніи непростительнаго промаха онъ извращаетъ мысль описателей о переводѣ Алексія митрополита *) и распространеніе у насъ тетровъ опредѣлительно производитъ *изъ Валахіи и Молдавіи*, превознося ихъ въ разсужденіи православія и просвѣщенія. Предоставляемъ судить это инымъ, а сами замѣтимъ слѣдующую за симъ, также оригинальную, мысль рецензента, будто по происхожденію изъ этой страны—Молдавіи—и отличію тамошней письменности отъ древнеболгарской и заподозрѣно было и совсѣмъ запрещено патріархомъ Филаретомъ Четвероевангеліе (въ Описаніи подъ № 37), писанное въ 1537 г. Совсѣмъ иное говоритъ запись или справка объ этомъ спискѣ, буквально приведенная въ Описаніи (стр. 275). Наконецъ и въ спискахъ *Апостола*, по рецензіи, также преимуществуетъ употребленіе *народное* (л. 33 и слѣд.). Уступая церкви одинъ только недѣльный или, какъ Евангелія апракосы, по днямъ расположенный Апостолъ, составитель рецензіи ко всеобщему употребленію народа относитъ толковый Апостолъ и полный или въ томъ видѣ, соотвѣтственномъ тетроевангеліямъ, какъ онъ вышелъ изъ рукъ св. апостоловъ. При этомъ полагаетъ, что прежде всѣхъ самими славянскими первоучителями переведенъ Апостолъ недѣльный; потомъ въ слѣдъ за нимъ, въ *первое же время славянства*, для уразумѣнія народнаго, — толковый, представителемъ коего является синодальный списокъ XIII в.; равновременно съ симъ или немного позднѣе Апостолъ полный, исключительно нужный для народнаго употребленія, появившійся въ то

*) Именно до XV в. онъ считаетъ три четвероевангелія въ Синод. библіотекѣ (второе между ними — писанное при св. Алексіи митрополитѣ, изъ описанія котораго дѣлаетъ и выписку относительно простонародныхъ въ немъ оборотовъ; но это совсѣмъ не тетръ, а апракосъ — въ Описаніи подъ № 25, стр. 223, слич. 253, 254) и за тѣмъ говоритъ, что изслѣдователи, *судя по этому памятнику* (!), *приписываютъ даже* самому Алексію митрополиту мысль заняться вновь переложеніемъ всѣхъ книгъ новозавѣтныхъ. Мы не приписывали съ какимъ нибудь предположеніемъ и натяжкою святителю этотъ трудъ, а прямо передавали его, какъ фактъ историческій, объясняя происхожденіе его (Опис. стр. 290).

время, когда народъ, привыкшій къ чтеніямъ недѣльнаго Апостола во храмѣ и при службѣ и достаточно уже дома вникнувшій въ его смыслъ съ помощью Апостола толковаго, постепенно созрѣлъ умомъ и вѣрующимъ сердцемъ, чтобъ списывать и употреблять Апостолъ полный, безъ примѣненія ко днямъ и праздникамъ, въ текстѣ отдѣльномъ отъ толкованія. Не будемъ повторять сказаннаго уже выше и всякому очевиднаго, что забота о Свящ. Писаніи и о уразумѣніи его долженствовала быть и была ближайшею и задушевною прежде всего пастырямъ и учителямъ церкви, слѣдовательно духовенству, а не народу; обратимъ вниманіе па время появленія въ переводѣ означенныхъ трехъ видовъ Апостола. Что первоначально переведенъ недѣльный Апостолъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Что въ слѣдъ за нимъ явился толковый Апостолъ, рецензентъ выводитъ изъ того, что въ помянутомъ спискѣ его XIII в., по указанію Описанія, священный текстъ переведенъ не вмѣстѣ съ самимъ толкованіемъ, но взятъ уже готовый, задолго до него бывшій и, по словамъ рецензента, восходящій къ первому времени славянства. Странно: да это самое и должно служить знакомъ, что переводъ толковаго Апостола не современенъ съ переводомъ свящ. текста, или сдѣланъ не въ слѣдъ за нимъ, а гораздо позже его. Еслибъ онъ былъ современенъ, то такой разности, какая здѣсь бросается въ глаза, въ переводѣ толкованія и текста не оказалось бы: современный переводчикъ толкованія употребилъ бы тѣже формы, слова и способъ переложенія, какіе въ текстѣ, или близкіе къ нимъ. Но поздній, освободивъ себя отъ перевода текста, приставилъ существовавшій до него переводъ въ заголовкѣ отдѣленій; и какъ въ самомъ толкованіи нерѣдко приводились и слова текста, то онъ самъ переводилъ ихъ совсѣмъ иначе, нежели какъ они стоятъ въ заголовкѣ, чрезъ это и обнаруживается заимствованіе имъ готоваго, древняго перевода. Частнѣйшее изслѣдованіе о переводѣ сего толкованія въ параллели съ текстомъ, помѣщенное во 2-й книгѣ Описанія синод. рукописей, или составляющей первую часть 2-го отдѣла (стр. 146 и слѣд., 153, 161 и слѣд., 166), показываетъ и поздній языкъ,

и недостатки перевода. Тоже самое, что въ толковомъ Апостолѣ, замѣчается въ словахъ св. Григорія Богослова съ толкованіемъ Никиты Ираклійскаго, гдѣ также текстъ Григорія взятъ древній, а переводъ самаго толкованія гораздо позднѣе его (см. Описаніе синод. рукописей отд. 2, часть 2, стр. 74—75). Что касается полнаго Апостола, то по такому же отношенію его къ недѣльному, какое находится между Евангеліями апракосами и тетрами, скорѣе можно думать, что тѣже вышеозначенныя побужденія, вызвавшія четвероевангеліе, вызвали, можетъ быть единовременно или вскорѣ, и полный Апостолъ, то есть въ раннія еще времена, прежде толковаго Апостола. Шафарикъ дѣйствительно переводъ или рецензію четвероевангелія и полнаго Апостола относитъ къ одному времени и даже къ однимъ и тѣмъ же лицамъ. Онъ говоритъ, что вѣроятно Климентъ или кто нибудь изъ его товарищей — Наумъ, Ангеларъ, Савва или Горяздъ — принесъ (первоначальный) переводъ чтеній Евангелія и Апостола (недѣльныхъ) въ Болгарію, занялся здѣсь довершеніемъ его, снова пересмотрѣвъ то, что уже было переведено, и, приведши въ порядокъ *четыре Евангелія и Посланія*, съ дополненіемъ недостававшаго, передѣлъ кириллицу въ глаголицу (Записка Шафарика О глагольской письменности, въ Извѣстіяхъ Акад. Наукъ, т. I, стр. 388). Чтеніе полнаго Апостола также требовалось келейнымъ правиломъ въ обителяхъ (см. въ Описаніи № 51, стр. 322). Надобно впрочемъ сказать, что древнихъ списковъ полнаго Апостола намъ неизвѣстно.

Доселѣ мы говорили на вводную мысль рецензента, такъ возвышающаго народъ въ употребленіи рукописей евангельскихъ и апостольскихъ. Возвратимся теперь къ дѣлу Геннадія. Рецензентъ, передавая вкратцѣ и съ своей точки зрѣнія замѣчанія описателей о текстѣ древнихъ до XV в. Евангелій и Апостоловъ недѣльныхъ (стр. 32, 37, 38), упрекаетъ Геннадія, что онъ не воспользовался симъ текстомъ, а употребилъ другой, болѣе принятый въ его время. Скажемъ сперва, что при этомъ и подобныхъ упрекахъ XV вѣкъ, притомъ у насъ на Руси, воображается въ та-

комъ же научномъ положеніи, при такихъ же ученыхъ требованіяхъ и средствахъ, какъ нынѣшній. Но если и возложить на Геннадія обязанность редактора текста или издателя, означенный выборъ его заслуживаетъ не порицанія, а напротивъ одобренія. Текстъ въ древнихъ спискахъ недѣльныхъ такъ былъ разнообразенъ въ варіантахъ (lectiones) и переводѣ, варіанты эти иногда были такъ одиноки и исключительны, поправки въ переводѣ такъ произвольны и странны, списки такъ противорѣчили одинъ другому и сами себѣ, что трудно было изъ этого хаоса извлечь хорошій текстъ и выйти изъ него благополучно. Потому-то, — замѣтили описатели (стр. 290),—святитель Алексій лучше рѣшился вновь перевести весь Новый Завѣтъ, чтобъ исправить распространившееся повреждение и дать тексту надлежащую прочность. Но Геннадій въ семъ случаѣ поступилъ очень хорошо, и примѣръ его въ судьбѣ новозавѣтнаго текста у насъ русскихъ и сообразующихся съ нами славянъ имѣлъ весьма великое значеніе и далъ (не касаясь латинскаго элемента) этому дѣлу лучшій оборотъ. Геннадій избралъ текстъ, въ отношеніи и варіантовъ и перевода, лучшій и опредѣленнѣйшій, нежели у самаго святителя Алексія, текстъ исправленный въ Константинополѣ, и можетъ быть еще на Аоонѣ, текстъ, выдержавшій испытанія и острожскихъ издателей и Петровскихъ съ Елисаветинскими исправителей, и вошедшій, съ немногими перемѣнами, въ наши изданія. Достоинство же нашего печатнаго общепринятаго текста (хотя не во всѣхъ отношеніяхъ) опредѣляется сличеніемъ съ лучшими на западѣ изданіями подлиннаго текста и тамошними переводами. Эти изданія греческаго текста на западѣ, такъ тщательныя, съ варіантами изъ всѣхъ его (текста) документовъ и оцѣнкою ихъ, даютъ намъ возможность судить о достоинствѣ или маловажности и одинокости чтеній и въ нашихъ славянскихъ спискахъ и открывать иногда чистый произволъ и личное разумѣніе непризванныхъ исправителей. А рецензентъ слишкомъ интересуется оригинальными чтеніями, не принятыми Геннадіемъ, и на замѣчанія вольныхъ поправокъ дѣлаетъ описателямъ вопросъ, отзывающійся столько же

недовѣріемъ, сколько и невѣдѣніемъ: «почемъ знать (что онѣ не взяты съ греческаго)»?—какъ будто оригинальность чтеній и составляетъ достоинство, и требуется намъ текстъ съ такими чтеніями, какихъ нигдѣ и слѣдовъ нѣтъ!

Въ слѣдующемъ за симъ перечнѣ сдѣланныхъ досель возраженій (стр. 39—43), на которыя отвѣты съ нашей стороны даны, дѣло Геннадія подрывается также и тѣмъ, что это было не общественное дѣло, не сопровождаемое соборомъ, ни народнымъ, ни церковнымъ (опять народъ выше церкви!), ни какимъ либо опредѣленіемъ, а вполнѣ личное и частное дѣло, не имѣвшее послѣдствій, ни извѣстности, подобно какъ и всякое другое таковое дѣло. Положимъ, мы согласны, что предпріятіе Геннадія собрать полную Библію было его частное, личное дѣло, безъ побужденія и участія со стороны правительства и общества; но чрезъ это тѣмъ болѣе возвышается мысль и заслуга Геннадія, одушевляемаго только собственною ревностію. И видно, что онъ настойчиво преслѣдовалъ свою цѣль, по своему положенію сносясь въ этомъ случаѣ съ владыкою ростовскимъ и, конечно, со многими другими лицами и употребляя средства (напр. къ новому переводу многихъ книгъ), далеко превышающія силы и значеніе простаго частнаго лица. А какія важныя послѣдствія имѣло это дѣло, какъ употребляло правительство Геннадіеву Библію и какъ пользовались ею острожскіе и московскіе издатели и исправители, какъ она легла въ основаніе нашей нынѣшней печатной Библіи, это мы уже показали, равно какъ и то, что сами иностранцы (Добровскій и др.) признавали заслугу Геннадія (см. выше стр. 10 и слѣд.). Потомъ, несправедливо (какъ отчасти и видѣли) приписывая самому Геннадію нѣкоторыя исправленія текста, рецензентъ замѣчаетъ иногда неудачу ихъ, а еще болѣе укоряетъ Геннадія за неисправный выборъ текста нѣкоторыхъ книгъ изъ толкованія, съ присоединеніемъ самаго толкованія или со вставками, нарушающими смыслъ, за употребленіе Вульгаты и за переводъ даже съ нѣмецкаго. О послѣднемъ скажемъ ниже; вину же неисправнаго выбора текста, какъ это замѣчается въ старшемъ спискѣ Библіи, заказанномъ новго-

родскимъ архидіакономъ, нельзя возлагать на самого Геннадія. Архіепископъ приказалъ только сдѣлать выборъ, а дѣлали его архидіаконъ или другія намъ неизвѣстныя лица, и указанныя странности этихъ послѣднихъ, т. е. что они не отличили и не отдѣлили толкованія отъ текста, можно объяснять и извинять неизвѣстностію для нихъ свящ. текста, при несуществованіи или утратѣ тѣхъ библейскихъ книгъ въ чистомъ переводѣ безъ толкованія. Не имѣя у себя никакого указателя или мѣрила въ этомъ случаѣ, они должны были принимать за священный текстъ все то, что было писано киноварью или отмѣчено запятыми, чѣмъ у древнихъ писцовъ означалось лежащее или текстъ истолковываемый; а извѣстно, что древніе писцы въ этомъ случаѣ не всегда были точны и полагаться на нихъ нельзя: киноварное письмо и запятыя нерѣдко простирались и на слова толкованія. Такимъ образомъ это смѣшеніе текста съ толкованіемъ, объясняемое неизвѣстностію самаго текста, отчасти еще подтверждаетъ выводы описателей.

У Геннадія отнимается и та заслуга, что онъ собралъ *полную* Библію (стр. 43 и слѣд.). Рецензія не признаетъ за Геннадіевымъ собраніемъ ни количественной, ни качественной полноты. Въ первомъ отношеніи потому, что въ немъ не достаетъ третьей книги Маккавейской. Недостатокъ сей, скажемъ мы, какъ и предъидущій, объясняется и извиняется именно тѣмъ, что книги Маккавейскія, первая и вторая, переведены по повелѣнію Геннадія съ Вульгаты, а въ Вульгатѣ и ни въ одномъ изъ латинскихъ списковъ и изданій, равно какъ въ польскихъ и другихъ, кромѣ LXX, нѣтъ третьей книги Маккавейской, которая потому латинянами и не признается принадлежащею къ библейскому кодексу. Отсюда однако никто не отказываетъ въ полнотѣ ни Вульгатѣ, ни польскимъ и другимъ Библіямъ. Въ отношеніи къ качественной полнотѣ рецензентъ спрашиваетъ: развѣ мы видимъ, что собраніе Геннадія дополнило ихъ (прежніе списки библейскихъ книгъ) книгами главнѣйшими и существеннѣйшими? Развѣ можно считать существеннымъ дополненіемъ Свящ. Писанія нѣсколько книгъ, внесенныхъ Геннадіемъ, и пр.? Собственно для незнаю-

щихъ объяснимъ дѣло: всѣхъ книгъ ветхозавѣтныхъ въ священномъ канонѣ считается 33; выбравъ книги изъ прежнихъ отдѣльныхъ списковъ и соединивъ въ одно, Геннадій присовокупилъ къ нимъ въ новомъ переводѣ съ латинскаго *четыре* книги каноническія—1 и 2 Паралипоменонъ, Ездры и Неемін—и *семь* неканоническихъ, употребляемыхъ всею церковію, но не столь важныхъ, какъ каноническія — Товіи, Юдиѳи, Премудрости Соломоновой, 2 и 3 книги Ездры и двѣ книги Маккавейскія. Ужели это число не имѣетъ значенія, не говоря о томъ, что Геннадій, извлекши текстъ многихъ другихъ книгъ изъ толкованія, всѣмъ этимъ далъ бытіе полному списку Библіи, о которомъ прежде никто и не думалъ? И замѣтимъ, какъ несправедливъ и непослѣдователенъ рецензентъ въ своемъ приговорѣ: въ количественномъ отношеніи недостатокъ одной книги признается важнѣйшимъ и нарушающимъ цѣлость, а въ качественномъ ни во что ставится восполненіе цѣлыхъ 11 книгъ, изъ коихъ четыре даже принадлежали къ каноническимъ! Не будемъ разбирать изъ за этой мнимой неполноты Геннадіева собранія и относительной недревности нѣкоторыхъ книгъ сдѣланнаго самимъ описателямъ упрека въ томъ, что они свои изслѣдованія начали съ этого собранія; предоставляя общему сужденію и соображенію пріемъ описанія, спросимъ: было ли бы лучше, если бы поступлено было по требованію рецензента? Займемся дальнѣйшимъ (стр. 46 и слѣд.), гдѣ рецензентъ хочетъ разгромить выводы описателей, извлеченные изъ разсмотрѣнія Геннадіевой Библіи, о неимѣніи до него на Руси одного полнаго состава Библіи и о томъ, что первоначальный переводъ нѣкоторыхъ книгъ, текстъ коихъ заимствованъ Геннадіемъ изъ толкованія, утратился въ его время и что другія совсѣмъ и не были переведены (хотя въ другихъ мѣстахъ рецензентъ и самъ склоняется къ той и другой изъ этихъ мыслей)?

Допуская утрату первоначальнаго перевода, напр. книгъ пророческихъ, описатели слѣды этого перевода указывали въ словѣ митрополита Иларіона и въ лѣтописяхъ XII и XIII столѣтія—по спискамъ лаврентьевскому, ипатьевскому и др. (Опис. стр. 132—135).

Рецензентъ, ко всему въ Описаніи такъ придирчиво относящійся, и здѣсь, въ лѣтописяхъ соображая нѣкоторыя формы языка и правописаніе, не хочетъ видѣть слѣдовъ первоначальнаго перевода, а признаетъ оный въ толковомъ текстѣ Упиря. Но и въ Описаніи не безусловно былъ указанъ въ лѣтописяхъ первоначальный переводъ свящ. книгъ, а съ оговоркою, что лѣтописцы, выписывая или приводя на память мѣста Св. Писанія, иногда измѣняли въ немъ формы и слова приспособительно къ русской рѣчи. Во всякомъ случаѣ гораздо естественнѣе допустить употребленіе древняго готоваго перевода Св. Писанія лѣтописцами, нежели переводчикомъ толкованій на пророковъ въ спискѣ Упиревомъ. Ибо изъ многихъ опытовъ извѣстно, что древніе переводчики твореній отеческихъ истолковательныхъ или другихъ, употребляющихъ тексты Св. Писанія, вмѣсто того, чтобы сіи тексты приводить по готовому первоначальному переводу (что̀ безъ нынѣшнихъ цитацій въ отеческихъ твореніяхъ и безъ раздѣленія Библіи на главы и стихи было тогда и весьма затруднительно), большею частію сами переводили оные вновь, кромѣ знакомыхъ на память текстовъ. Такъ въ Описаніи это замѣчено относительно перевода Шестоднева Іоанна, ексарха болгарскаго (отд. II, ч. 1, стр. 27), бесѣдъ Златоустаго на книгу Бытія (тамъ же, стр. 50), словъ Аѳанасія Александрійскаго противъ аріанъ (отд. II, ч. 2, стр. 41), поученій Кирилла Іерусалимскаго (тамъ же, стр. 60), 16-ти словъ Григорія Богослова съ толкованіемъ (тамъ же, стр. 87), вопросовъ и отвѣтовъ Сильвестра и Антонія (тамъ же, стр. 153), Лѣствицы св. Іоанна Синайскаго (тамъ же, стр. 203), Іоанна Дамаскина о православной вѣрѣ, въ переводѣ того же ексарха (тамъ же, стр. 306), Изборника Святославова (тамъ же, стр. 402). Тоже самое, т. е. что текстъ пророковъ переведенъ болѣе или менѣе вновь самимъ переводчикомъ, изслѣдованіе показало и относительно толкованія на нихъ по списку Упиря, выводя это какъ изъ особыхъ чтеній греческаго подлинника, такъ и изъ особенностей перевода (Опис. отд. II, ч. 1, стр. 114). Когда такимъ образомъ переводчикъ толкованія не вполнѣ воспользовался гото-

вымъ текстомъ, лѣтописцы, подтверждая и украшая свои сказанія текстами Писанія, конечно должны были брать оные изъ общеупотребительнаго первоначальнаго перевода. Указывая въ лѣтописяхъ лишь слѣды этого перевода, описатели на основаніи прочихъ данныхъ естественно переходятъ къ мысли объ утратѣ его и объясняютъ ее; но рецензенту эта мысль почему-то кажется *поворотомъ и скачкомъ* въ выводахъ, и онъ старается оспорить ее. Во-первыхъ отвергается ссылка на свидѣтельство о таковой утратѣ *Елисаветинскихъ издателей Библіи.* Свидѣтельство ихъ только тогда бы не имѣло своей силы, если бы было одиноко; но въ связи съ предшествующими, имъ и намъ современными, данными, въ связи съ давними свидѣтельствами и указаніями на эту утрату, примѣчаемую доселѣ, этотъ торжественный голосъ духовнаго правительства, произнесенный устами не невѣдущихъ исправителей Библіи, долженъ имѣть значеніе. Напрасно за тѣмъ рецензентъ говоритъ, что въ *острожскомъ изданіи* нѣтъ ни слова объ утратѣ. Константинъ Острожскій, при всѣхъ стараніяхъ, въ славянскихъ земляхъ не могъ найти полной Библіи, — и былъ весьма радъ московскому списку Библіи, какъ прямо выразилъ сіе въ вышеприведенныхъ словахъ предисловія (стр. 4). Такимъ образомъ самое дѣло показывало утрату многихъ книгъ. Неосновательность ссылки рецензента (по списку пророковъ въ Описаніи подъ № 18), будто у острожскихъ издателей для нѣкоторыхъ книгъ были древнѣйшія рукописи, незнаемыя или непринятыя Геннадіемъ, мы показали выше (стр. 22—23). Переходя къ *Геннадіевой Библіи*, рецензентъ а) голословно замѣчаетъ (стр. 49), что изъ позднягo въ ней (латинскаго) перевода нѣкоторыхъ книгъ нельзя заключать объ утратѣ древняго, равно какъ б) изъ заимствованія другихъ изъ толкованія. Первый пунктъ рецензентъ развиваетъ ниже, гдѣ мы и разсмотримъ его. Въ опроверженіе послѣдняго заключенія онъ указываетъ на книгу Пѣснь пѣсней, также взятую Геннадіемъ изъ толкованія, тогда какъ, судя по списку въ Описаніи подъ № 17, «отдѣльный переводъ этой книги существуетъ, дошелъ до насъ, притомъ въ двухъ образцахъ, изъ

коихъ одинъ указываетъ на весьма значительную древность и даже глаголиту», а другой (см. стр. 23) — также самостоятельный, принятъ въ острожское изданіе. Но это единственный случай, еще не подрывающій вывода описателей, единственная книга, не искупающая еще собою множества другихъ, — и что отдѣльный переводъ означенной книги не заслуживаетъ особеннаго вниманія и отнюдь не такъ древенъ, какъ воображаетъ рецензентъ, а другаго самостоятельнаго вовсе и нѣтъ, все это также показано выше (стр. 19—20), а отчасти и еще раскроется. Главное же, мы повторимъ выше сказанное (стр. 3 и сл.), что не одно Геннадіево собраніе, а общее положеніе рукописей нашихъ и южно-славянскихъ, издавна показывающее и доселѣ подтверждающее утрату многихъ книгъ или совершенное небытіе нѣкоторыхъ въ первоначальномъ переводѣ, служило основаніемъ заключеніямъ описателей. Къ этому прибавимъ здѣсь еще и то весьма замѣчательное явленіе, что въ сочиненіяхъ нашихъ древнихъ писателей, современныхъ Геннадію и ранѣе его, мы вовсе не видимъ употребленія книгъ, переведенныхъ Геннадіемъ съ латинскаго: не приводятся у нихъ тексты ни изъ Премудрости Соломоновой (кромѣ паремій), ни изъ книгъ Паралипоменонъ, Ездры, Маккавейскихъ и другихъ, хотя во многихъ случаяхъ они могли бы воспользоваться тѣми книгами, если бъ существовалъ ихъ переводъ, напр. митрополитъ Фотій или Григорій Цамблакъ въ своихъ поученіяхъ, жизнеописатели святыхъ, или особенно Іосифъ Волоколамскій въ своемъ Просвѣтителѣ. Зиновій Отенскій былъ первый, приведшій тексты изъ Премудрости Соломоновой, но, какъ видѣли, по новому переводу съ латинскаго, сдѣланному Геннадіемъ. Въ рецензіи (стр. 51) соображается время отъ употребленія древняго перевода въ лѣтописяхъ XII и XIII в. до появленія Геннадіевой Библіи въ концѣ XV в. и представляется страннымъ отнести утрату къ сему промежутку времени. На это скажемъ мы, что въ вещахъ отдаленныхъ и сокровенныхъ нельзя требовать прямаго на все разъясненія и при недостаткѣ его отвергать самый фактъ. У васъ сдѣлалась пропажа; вы соображаете время, всѣ обстоятельства, и не можете объяснить

себѣ когда и какъ это случилось, однако самой вещи у васъ уже нѣтъ, она пропала. Тоже надобно сказать и объ утратѣ перевода: постепенно, незамѣтно онъ прекратился, — и только. Сколько вообще рукописей доселѣ считается потерянными; но кто можетъ опредѣлить время и условія или обстоятельства потери? Въ періодъ невѣжества во время Геннадія и передъ нимъ, обличаемый самимъ архіепископомъ, подобная потеря вообще легко могла случиться, — и самъ рецензентъ допускаетъ утрату нѣкоторыхъ книгъ именно въ это время (ниже, стр. 57). Въ частности описатели утрату древняго отдѣльнаго перевода нѣкоторыхъ ветхозавѣтныхъ книгъ объясняли распространеніемъ списковъ, въ которыхъ содержался тотъ же текстъ съ толкованіемъ и которые поэтому были болѣе удобны и нужны къ употребленію. Но рецензентъ (стр. 51) глумится надъ этимъ, по нашему мнѣнію, естественнымъ объясненіемъ, хотя выше, говоря о евангеліяхъ апракосахъ, какъ мы замѣтили (стр. 26—27), самъ оное принимаетъ, здѣсь же выставляетъ противъ него разные софизмы, параллели и такія положенія, коихъ несостоятельность для знающихъ дѣло очевидна. Ветхозавѣтныхъ книгъ, напр. Іова и Пѣсни пѣсней, нельзя ставить въ параллель съ Апостоломъ, замѣчая, что «толковые списки его не вытѣснили же (не уничтожили) недѣльные или цѣльные списки». Книга Апостола—книга первой важности и необходимо ежедневно употребляется въ церкви, не такъ какъ тѣ ветхозавѣтныя книги. Но по поводу рѣчи о частномъ употребленіи толковыхъ списковъ, рецензентъ и здѣсь не преминулъ провести прежнюю свою мысль о высокомъ образованіи *народа* въ то время. «Когда было такъ много списковъ толковыхъ (описатели не имѣли такой преувеличенной мысли), когда они были такъ распространены, что къ нимъ, а не къ другимъ (будто бы лишь какъ къ подручнымъ, не дѣлая разысканій!) обратился архіепископъ при своемъ собраніи, — значитъ, какую же огромную важность имѣло духовно-нравственное развитіе лицъ и семействъ XIV и XV вѣка!» Эта модная идея, во время оно высказываемая и въ другихъ статьяхъ «Русской Бесѣды», между прочимъ раз-

бивается о непреложное свидѣтельство самого Геннадія и потомъ актовъ XVI в. о жалкомъ современномъ невѣжествѣ.

Теперь возражаетъ рецензентъ (стр. 53) на первый изъ вышеозначенныхъ двухъ пунктовъ, именно на тотъ, что изъ вновь сдѣланныхъ Геннадіемъ переводовъ нѣкоторыхъ книгъ нельзя заключать, чтобъ ихъ прежде и совсѣмъ не было въ переводѣ. Этотъ выводъ кажется ему крайне неожиданнымъ. Особенно поражаютъ его слова Описанія (стр. 136, § 5): «чего не находили они (собиратели Библіи) между переводами съ греческаго, то внесли въ новомъ переводѣ съ латинскаго», и сдѣланное въ введеніи (стр. VII—VIII) объясненіе къ употребленію Вульгаты: «можетъ быть у нихъ не было и греческаго текста недостававшихъ въ ихъ собраніи книгъ, или не было переводчиковъ, достаточно знающихъ греческій языкъ». Странно, что, не опровергая самаго положенія, рецензентъ занимается объясненіемъ его и дѣлаетъ на него множество вопросовъ. «На Руси, говоритъ онъ, стоявшей въ постоянныхъ и ближайшихъ сношеніяхъ съ Греціей; на Руси, употреблявшей по нѣкоторымъ мѣстамъ греческій языкъ даже при богослуженіи, принимавшей къ себѣ множество Грековъ, а въ Грецію посылавшей столько путешественниковъ, столько иноковъ и *торговыхъ людей* на постоянное житье, имѣвшей въ греческихъ монастыряхъ своихъ особыхъ переписчиковъ; въ *языкѣ торговыхъ перехожихъ людей*, *варяговъ*, *сохранившей на половину слова греческія;* справлявшей постоянно и въ это самое время текстъ священныхъ книгъ, конечно не безъ подлинника греческаго; наконецъ продолжавшей переводить съ греческаго нѣкоторыя книги и незадолго передъ тѣмъ имѣвшей во главѣ духовенства грека, митрополита Фотія: на этой Руси не было людей достаточно знающихъ греческій языкъ?»—Скажемъ, не обинуясь, что изъ сихъ возраженій одни относятся не ко времени (XV в.), другія не къ мѣсту (Новгороду), а нѣкоторыя не къ предмету (переводамъ съ греческаго Библейскихъ книгъ). Такъ постоянныя и ближайшія сношенія съ Греціей, употребленіе греческаго языка въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при богослуженіи, приливъ

къ намъ Грековъ (хотя все это не въ такой степени, какъ представляетъ рецензентъ) имѣли мѣсто только или почти только въ первыя времена просвѣщенія Россіи вѣрою христіанскою. Сличеніе текста нѣкоторыхъ священныхъ книгъ съ греческимъ подлинникомъ, именно пророковъ въ синод. рукоп. подъ № 18 и многихъ другихъ ветхозавѣтныхъ книгъ въ острожскомъ изданіи, равно и Новаго Завѣта въ исправленныхъ Тетроевангеліяхъ и полныхъ спискахъ Апостола, происходило вовсе не въ Новгородѣ и вообще не на сѣверѣ Россіи, а на югѣ или юго-западѣ ея, или же въ другихъ южныхъ славянскихъ странахъ. Наконецъ ни путешественники, ходившіе, положимъ, въ довольно значительномъ числѣ въ Грецію, ни торговые люди, постоянно тамъ жительствовавшіе, ни переписчики, трудившіеся въ тамошнихъ монастыряхъ, не могли быть переводчиками священныхъ книгъ. Относительно же положенія, что «въ языкѣ торговыхъ перехожихъ людей, варяговъ, сохранилось на половину слова греческія», мы не будетъ доказывать ни того, на сколько оно само въ себѣ состоятельно, ни того, на сколько оно относится къ данному предмету. Рецензентъ впрочемъ, сверхъ чаянія, послѣ такого грома дѣлаетъ уступку. «Положимъ, говоритъ онъ, что не знали тогда греческаго языка. Но при этомъ да потрудятся объяснить намъ (описатели): какъ на этой же Руси, въ этотъ же вѣкъ Геннадія нашлись достаточные переводчики съ языка латинскаго, который никогда не привлекалъ особеннаго расположенія нашего народа, называвшаго все католичество латинствомъ? Какъ у Геннадія нашлись люди для переводовъ съ нѣмецкаго и пр.?» На этотъ вызовъ отвѣчаемъ, что а) въ XV вѣкѣ состояніе просвѣщенія на *сѣверѣ* Россіи (а не на югѣ) вообще было самое печальное, какъ объ этомъ прямо гласятъ § 23 Исторіи русской церкви преосв. Филарета (изд. 2, Москва 1851, пер. III, стр. 129) и Исторія русской церкви преосв. Макарія (т. 5, Спб. 1866, стр. 255 и слѣд.). Въ особенности въ Новгородѣ самъ Геннадій описываетъ мрачными красками глубокое невѣжество духовенства и общества. Приходящіе ставиться во священники не умѣли порядочно прочесть ни Апостола, ни Псалтири,

отзываясь тѣмъ, что «земля такова, не можемъ добыть, кто бы умѣлъ грамотѣ». По приказу ревностію снѣдаемаго архіепископа не могутъ они выучить ни эктеніи, ни азбуки. Геннадій поэтому умолялъ великаго князя и митрополита, чтобы заведены были училища; съ какимъ же уставомъ или программою? — съ самыми ограниченными: «сперва пусть будетъ истолкована азбука съ граніями, потомъ подтительныя, за тѣмъ выучить твердо Псалтирь съ возслѣдованіемъ; когда выучитъ это, можетъ учащійся канонархать и читать всякую книгу». А что касается общества, то даже въ половинѣ слѣдующаго XVI в. многіе изъ князей и бояръ русскихъ не умѣли писать (Исторія русск. церкви Филарета, тамъ же). При этомъ невѣжествѣ однако латинскій языкъ у насъ употреблялся болѣе или менѣе по нуждѣ. Открывшіяся со временъ Іоанна III сношенія съ европейскими дворами и съ сосѣдями германскаго происхожденія требовали, чтобъ у насъ постоянно были латинскіе толмачи: такъ какъ у тѣхъ и другихъ дипломатическій языкъ былъ одинъ — латинскій (Арцыбышева, Повѣствованіе о Россіи, кн. IV, отд. 1, стр. 394). Одинъ изъ таковыхъ переводчиковъ, хорошо изучившій латинскій языкъ въ Ливоніи, находился нѣсколько времени въ Новгородѣ — и архіепископъ Геннадій воспользовался его познаніями какъ въ борьбѣ съ жидовствующими, поручая ему вышепоказанные переводы изъ Николая Лирана (Опис. рукописей Царскаго № 461), такъ и въ составленіи полнаго списка Библіи, по примѣру Вульгаты, имѣлъ его, по всей вѣроятности, въ числѣ самыхъ дѣятельныхъ своихъ сотрудниковъ (Обзоръ русск. духовной литературы, Харьковъ 1859, § 111). Впослѣдствіи Димитрій, при своемъ хорошемъ знаніи латинскаго языка, свѣдѣніяхъ и оборотливости, былъ во многихъ посольствахъ къ европейскимъ дворамъ, служилъ посредникомъ при препод. Максимѣ Грекѣ въ переложеніи имъ толковой Псалтири и самъ перевелъ съ латинскаго другую толковую Псалтирь Брунона (Обзоръ, тамъ же). Этотъ же самый Димитрій толмачъ, какъ въ Описаніи и сказано, по всей вѣроятности, перевелъ указываемую рецензентомъ статью въ Геннадіевой Библіи съ нѣ-

мецкаго, что видно изъ того, что въ 1502 г. имъ, Димитріемъ, сдѣланъ переводъ съ нѣмецкаго надписаній псалмовъ (Описаніе синод. рукоп. отд. 1, стр. 6—7). Близкія отношенія Герасимова къ архіепископу Геннадію показываютъ два или три посланія его къ сему святителю — о лѣтахъ седми вѣковъ, объ аллилуіи и о бѣломъ клобукѣ (Православный Собесѣдникъ 1861, янв., стр. 100). Въ Новгородѣ, слывшемъ тогда Великимъ, кипѣвшемъ жизнію, важномъ пунктѣ Ганзейскаго союза, смежномъ и имѣвшемъ сношенія съ Литвою, Польшею, Ливонскимъ орденомъ, естественно могло быть очень много всякаго званія иностранцевъ, знавшихъ латинскій и нѣмецкій языки. Такимъ образомъ у Геннадія явился и другой латинскій переводчикъ Маккавейскихъ книгъ — Веніаминъ, римскій пресвитеръ или монахъ, родомъ же славянинъ, свѣдущій въ языкахъ и грамматикѣ (Опис. стр. 128). Совсѣмъ иное было положеніе на юго-западѣ Россіи, въ Литвѣ, Польшѣ, Галиціи и славянскихъ земляхъ. По смежности этихъ странъ съ западомъ, тогдашнія движенія запада, научныя и вѣроисповѣдныя, имѣли дѣйствіе и на нихъ. Издавна здѣсь существовали типографіи и первоначальныя школы, а къ концу XVI в. въ Острогѣ и Слуцкѣ открыты высшія училища наукъ. Въ тоже самое время и во Львовѣ основана патріархомъ Іеремією грекорусская школа и издана грамматика на греческомъ и русскомъ языкахъ. Изученіе греческаго языка въ этихъ странахъ, зависѣвшихъ тогда отъ константинопольскаго патріархата, до того было обыкновенно, что ему по мѣстамъ обучались даже причетники и пѣли по гречески (Филарета, Исторія русской церкви, пер. 3, стр. 69—70). О переводахъ съ греческаго въ XV в. въ Сербіи, Константинополѣ и особенно на Аѳонѣ, а отнюдь не въ нашей неподвижной Россіи, приведены указанія преосвящ. Макаріемъ въ его Исторіи русской церкви (т. 5, стр. 255—256). Такимъ образомъ указаніе рецензента въ упрекъ Геннадію на переводы съ греческаго острожскихъ издателей и другихъ исправителей свящ. текста и переводчиковъ оказывается совершенно неумѣстнымъ*).

*) Приведемъ здѣсь слова о князѣ Константинѣ Острожскомъ Я. Ѳ. Голо-

Описатели указали на Максима Грека, который немного лѣтъ спустя вызванъ былъ въ Москву, потому что «и въ Москвѣ тогда не находили хорошо знающихъ греческій языкъ» (Введеніе стр. VIII).—«Позвольте сказать, возражаетъ рецензентъ, что это несправедливо: не по тому былъ вызванъ Максимъ, а для того, чтобы служить ему руководителемъ и исправителемъ свѣдѣній и занятій... для книжныхъ русскихъ сокровищъ именно нуженъ былъ иностранецъ со свѣдѣніями иностранныхъ университетовъ». Но уже митроп. Евгеній противъ другаго, болѣе съ дѣломъ сообразнаго мнѣнія, что Максимъ былъ вызванъ для исправленія книгъ, указывалъ въ жизнеописаніи преподобнаго (въ Софійской библіотекѣ) подлинную причину вызова, именно, что онъ былъ приглашенъ разсмотрѣть сокровища въ великокняжеской библіотекѣ, т. е. разобрать и описать множество греческихъ книгъ, чего никто не могъ сдѣлать тогда въ Россіи (Словарь писателей духовнаго чина, изд. 2, часть 2, стр. 26—27). Отсюда видно, что не только мы сами не могли пользоваться сими сокровищами, переводя что нибудь съ греческаго, но и не понимали ихъ. Подобное говорится и въ сказаніи о приходѣ на Русь Максима Грека (по синод. рукописи № 157, XVII в., см. Опис. отд. II, ч. 2, № 192). По этому сказанію (л. 26 об.) царь Василій Ивановичъ, указывая турецкому султану «въ своей книгохранительницѣ книги греческія не переведены на русскій языкъ, изыщи, писалъ, человѣка, которому быть возможно тѣ книги перевести». Этимъ извѣстіемъ о множествѣ греческихъ книгъ въ великокняжеской библіотекѣ рецензентъ далѣе думаетъ ниспровергнуть предположеніе описателей о неимѣніи у Геннадія греческихъ списковъ нѣкоторыхъ книгъ, и въ противорѣчіе сему ставитъ высокое образованіе тогдашней Россіи, если, по Описанію, тѣ книги переведены съ латинскихъ и нѣмецкихъ изданій Библіи,

---

вацкаго: «въ своей резиденціи Острозѣ, основалъ князь Константинъ Острожскій академію, завелъ типографію, созвалъ около себе кружокъ ученыхъ людей того времени, грековъ и русиновъ, вспомоществовалъ ихъ и поощрялъ къ наукѣ и ученой дѣятельности». См. статью его: Львовское ставропигійское братство и князь Острожскій (Львовъ, 1865).

за нѣсколько лишь лѣтъ вышедшихъ (стр. 56). Но что было въ Москвѣ — греческіе списки библейскихъ книгъ, — того не могло быть въ Новгородѣ, и въ самой Москвѣ эти книги лежали, какъ видно, безвѣстно. Съ другой стороны, не отступаясь отъ мысли, встрѣчающейся уже у Добровскаго, что латинскій переводъ при Геннадіѣ нѣкоторыхъ книгъ сдѣланъ былъ именно съ печатной Вульгаты, по коей и раздѣлена вся Библія на главы, мы однако же не представляемъ нашего тогдашняго просвѣщенія на высотѣ. Въ Новгородѣ и католики, и нѣмецкіе протестанты, и даже жидовствующіе могли имѣть сіи изданія и съ укоромъ указывать на нихъ православнымъ, не имѣвшимъ не только подобнаго изданія на славянскомъ, но и въ рукописяхъ полнаго собранія библейскихъ книгъ *).

Теперь снова приступая къ предположенію описателей объ утратѣ или несуществованіи въ переводѣ нѣкоторыхъ ветхозавѣтныхъ книгъ (стр. 56), рецензентъ сперва склоняется согласиться съ Описаніемъ, что это положеніе простирается а) не на весь объемъ свящ. книгъ (но этого описателямъ и въ голову не приходило, чтобы допускать утрату всѣхъ книгъ библейскихъ) и б) не на все прошлое Руси, на основаніи указаннаго въ Описаніи жизнеописанія Меѳодія, свидѣтельства Нестора и Іоанна, екзарха болгарскаго, объ исконномъ переводѣ всѣхъ 60 уставныхъ книгъ (Опис. введ. стр. II). Но эти самыя свидѣтельства, если бы вникнулъ въ нихъ рецензентъ, показываютъ, что не всѣ книги библейскія первоначально были переведены. Въ счетъ 60 входятъ только изъ Ветхаго Завѣта однѣ каноническія книги, въ числѣ 33, а исключаются книги неканоническія, хотя также входящія въ составъ Библіи, именно книги Товіи, Юдиѳи, Премудрости Соломоновой, 2 и 3 Ездры и книги Маккавейскія; о не переводѣ сихъ послѣднихъ и прямо сказано въ жизнеописаніи Меѳо-

*) Съ 1450 г. до 1493 г., когда производился у Геннадія переводъ съ латинскаго Маккавейскихъ книгъ, печатныхъ изданій Вульгаты вышло уже 48. Franz C. Alter, Bibliographische Nachrichten von verschiedenen Ausgaben orientalischen Bibeltexte und der Kirchenväter, Wien, 1779, S. 88—95.

дія *). Въ подтвержденіе мнимой полноты ветхозавѣтныхъ книгъ въ первоначальномъ переводѣ, рецензентъ голословно указываетъ на мѣсто Нестора, не цитуя и не выписывая онаго буквально, мѣсто объ Ярославѣ, гдѣ, говоритъ, при Новомъ Завѣтѣ упоминаются «книги пророческія», обнимавшія Ветхій Завѣтъ — по тому всеобщему понятію, что онъ былъ прообразованіемъ или пророкомъ Новаго. Рецензентъ, очевидно, имѣетъ здѣсь въ виду мѣсто лѣтописца въ рѣчи о Ярославѣ (Полное собраніе русск. лѣтописей т. 1, стр. 66): «иже бо книгы часто чтеть, то бесѣдуеть съ Богомъ или святыми мужи; почитая пророческыя бесѣды, и еуангельская ученія и апостолская, житья святыхъ отець въсприемлеть душа велику ползу». Конечно подъ пророческими бесѣдами разумѣются ветхозавѣтныя книги, но отнюдь не видно, чтобы въ полномъ ихъ составѣ. Можно даже въ частности ограничить эти слова пророческими книгами съ толкованіемъ, извѣстнымъ по списку Упиря и, какъ видно, употребляемымъ въ домашнемъ чтеніи, и самое выраженіе можно сопоставить съ словами въ припискѣ Упиря: тѣмъ же молю всѣхъ прочитати пророчество се, велика бо чюдеса написаша намъ си пророци въ сихъ книгахъ (Опис. стр. 112).

---

*) См. замѣчанія на это въ паннонскомъ житіи св. Кирилла и Меѳодія, А. В. Горскаго, и въ статьѣ Кириллъ и Меѳодій, преосв. Филарета, перепечатанныхъ въ Кирилло-Меѳод. сборникѣ, Москва 1865, стр. 39, 72, 73. Мы, впрочемъ, не сомнѣваясь, что подъ 60 уставными книгами у екзарха разумѣются именно книги Свящ. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта (см. Описаніе отд. I, предисл. стр. II), мало вѣримъ достовѣрности или точности самого свидѣтельства, ибо а) екзархъ самъ признается, что пишетъ сіе — о переводѣ книгъ Меѳодіемъ — только по слуху; б) такъ какъ паннонское жизнеописаніе Меѳодія, а по нему, вѣроятно, и молва гласили, что Меѳодій преложилъ вся книги исполнь (подъ чѣмъ можно разумѣть и полный кругъ церковныхъ книгъ): то екзархъ, понимая это исключительно о книгахъ Св. Писанія и понимая въ строгомъ смыслѣ, могъ уже самъ опредѣленно выразить всю совокупность ихъ обычнымъ въ то время счетомъ 60-ти; но, повторяемъ, могъ при этомъ и погрѣшить. Сомнѣніе въ означенномъ свидѣтельствѣ екзарха мы встрѣчаемъ и у акад. Срезневскаго въ изданіи: Древніе памятники письма и языка югозападныхъ Славянъ, стр. 9. Добровскій полагалъ, что самими Кирилломъ и Меѳодіемъ переведены изъ Св. Писанія лишь Псалтирь, Евангеліе и Апостолъ, а за тѣмъ богослужебныя собственно книги (Slavin, Prag 1834, S. 150, 151, 282).

Странно, что и за симъ (стр. 57) рецензентъ, хотя, уступая описателямъ, и допускаетъ возможность утраты нѣкоторыхъ книгъ въ древнемъ переводѣ передъ временемъ Геннадія, но потомъ тутъ же оспариваетъ ее, соображая a priori, что *не могла* она послѣдовать при всеобщемъ употребленіи въ древности Свящ. Писанія. Но что намъ еще толковать о невозможности, когда мы видимъ утрату на самомъ дѣлѣ, и говорить о потерѣ такого перевода, который вовсе и не существовалъ изъ начала? Далѣе говоритъ, что единственное будто бы основаніе къ такому предположенію въ неимѣніи нѣкоторыхъ древнихъ переводовъ у Геннадія въ Библіи нетвердо, по недостатку ревности и свѣдѣній Геннадія въ собраніи библейскихъ книгъ. Въ доказательство этого выставляются (стр. 59) прежнія положенія рецензента, которыхъ несостоятельность и лживость нами уже показана, именно: что Геннадій нѣкоторыя книги перевелъ съ латинскаго, а не съ греческаго языка; не воспользовался лучшими и древнѣйшими будто бы списками толкованія, какими же? вѣроятно, разумѣются переводы Пѣсни пѣсней по № 17 и пророковъ по № 18 (о чемъ см. выше стр. 19, 21!); не воспользовался варіантами (т. е. Новаго Завѣта, см. стр. 31); не вездѣ аккуратно извлекалъ текстъ изъ толкованій (см. выше стр. 33—34); не употребилъ въ дѣло отрывковъ изъ паремій (см. стр. 22). Но съ особеннымъ напряженіемъ здѣсь занимается рецензентъ отрывкомъ изъ посланія Геннадія къ ростовскому архіепископу Іоасафу, приведеннымъ описателями въ доказательство исканія Геннадіемъ библейскихъ книгъ по монастырямъ и несуществованія тогда у насъ полнаго состава Библіи (стр. 59 и слѣд.). Мѣсто это въ описаніи (стр. 136—137) читается такъ: «Новгородскій архіепископъ Геннадій, предпринимая борьбу съ появившимися въ Новгородѣ еретиками, жидовствующими, и имѣя для того нужду въ разныхъ книгахъ, между прочимъ спрашивалъ письмомъ у архіепископа ростовскаго Іоасафа: да есть ли у васъ въ Кириловѣ, или Ѳараѳонтовѣ, или на Каменномъ книги: Селивестръ, папа Римскый, да Аѳанасій Александрійскый, да слово Козмы прозвитера на новоявлъшуюся ересь

на богумилы, да посланія Фотѣя патріарха ко князю Борису Болгарскому, да *Пророчьство*, да *Бытья*, да *Царство*, да *Притчи*, да Менандръ, да *Іисусъ Сираховъ*, да Логика, да Деонисій Ареопагитъ. Занеже тѣ книги у еретиковъ есть». «Если бы тогда — въ Описаніи къ этому прибавлено — были извѣстны исчисленныя книги библейскія въ одномъ полномъ собраніи, то конечно не было бы нужды отыскивать ихъ по разнымъ мѣстамъ. Геннадій до архіепископства новгородскаго былъ архимандритомъ Чудова монастыря въ Москвѣ. Видно и тамъ онъ не находилъ такого собранія». Снова унизивъ монастыри передъ обществомъ въ разсужденіи просвѣщенія и обладанія письменными памятниками, рецензентъ въ приведенныхъ словахъ посланія не видитъ никакого отношенія къ библейскому собранію Геннадія и къ исканію нужныхъ для того книгъ, а находитъ въ нихъ только указаніе Іоасафу, какія книги нужно ему имѣть въ спорѣ съ жидовствующими. При этомъ, глумясь надъ пониманіемъ тѣхъ же словъ описателями, рецензентъ позволяетъ себѣ противъ описателей такія выходки и придирки, навязываетъ имъ такія странныя мысли, выводитъ заключенія, которыя, показывая только раздражительность его, не приличествуютъ серьозному разсужденію. Предоставляя эти страницы критики (59—68) просвѣщенному вниманію читателей (а спеціалисты сами ихъ понимаютъ), мы съ своей стороны въ отвѣтъ скажемъ только слѣдующее. Жидовствующіе, выродки запада, съ своимъ іудейскимъ и раціоналистическимъ ученіемъ пришедшіе къ намъ изъ Польши и Литвы (см. Руднева, Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ, стр. 124 и слѣд.), утверждались преимущественно на Ветхомъ Завѣтѣ, приводили православныхъ въ затрудненіе и упрекали тѣмъ, что они (въ отношеніи къ Ветхому Завѣту) не имѣли полнаго состава Библіи. Такое же дѣлали намъ обличеніе и сами собою распространившіяся тогда изданія Вульгаты (см. выше стр. 45). Этотъ вопросъ прежде и болѣе всего долженъ былъ встревожить ревностнаго Геннадія, и видно, что онъ теперь былъ имъ озабоченъ. Онъ спрашиваетъ у Іоасафа о Пророчествѣ, Бытіи и другихъ ветхозавѣтныхъ книгахъ

по тому побужденію, что «тѣ книги у еретиковъ есть». Мы относимъ это выраженіе, по народному не точному языку Геннадія въ настоящемъ посланіи (въ чемъ и рецензентъ не преминулъ упрекнуть его), не ко всѣмъ поименованнымъ въ немъ книгамъ, а только къ ближайшимъ библейскимъ, потому что прочія, болѣе обличающія еретиковъ (слова Аѳанасія противъ аріанъ, Козмы пресвитера на богомиловъ и др.), очевидно требовались только для опроверженія ихъ, а не по тому, что имѣлись у нихъ самихъ. Геннадій не указываетъ здѣсь Іоасафу (какъ объясняетъ рецензентъ) какія книги надобно ему употребить въ дѣлѣ съ жидовствующими (если есть у тебя такія-то книги, то ихъ употреби), а проситъ его съ посланными своими отписать ему о нихъ или сообщить самыя книги. Въ связи это мѣсто читается такъ: «да и о томъ ми отпиши: мощно ли у мене побывати Паисею да Нилу (теперь находившимся при Іоасафѣ), о ересѣхъ тѣхъ было (т. е. чтобы о ереси жидовствующихъ можно было) съ ними поговорити; да есть ли у васъ въ Кириловѣ или Фарафонтовѣ или на Каменномъ книги и пр.», т. е. и объ этомъ отпиши, или, если есть самыя книги, то ихъ пришли. И замѣчателенъ образъ выраженія, показывающій, что не было тогда полнаго состава Библіи, а употреблялись только отдѣльныя части ея, которыя притомъ были довольно рѣдки (потому что объ обыкновенныхъ книгахъ было бы неумѣстно спрашивать: есть ли у васъ такія-то книги, или если не у васъ, то въ Ѳерапонтовскомъ или Каменно-островскомъ монастыряхъ?). Какія части и подъ какимъ названіемъ они находились въ употребленіи и были извѣстны Геннадію, о тѣхъ только онъ и пишетъ — о Пророчествѣ, Бытьѣ, Царствѣ, Притчахъ (вводя за симъ Менандра) и объ Інсусѣ Сираховѣ. Подъ именемъ *Пророчества* разумѣлись всѣ книги 16-ти пророковъ. Такъ уже Упирь Лихой въ XI в., списавши для князя Владиміра Ярославича толкованія сихъ книгъ (изъ коихъ впослѣдствіи и извлеченъ текстъ пророковъ), въ послѣсловіи своемъ писалъ: «тѣмъ же молю всѣхъ прочитати пророчество се, велика бо чюдеса написаша намъ сии пророци в сихъ книгахъ» (Опис. отд. 1, стр. 112). Книгою *Бытья*

называлось все Моисеево Пятокнижіе. Такъ списокъ Пятокнижія Моисеева 1493 г., въ библіотекѣ Іосифова монастыря, подъ № 8 (теперь принадлежащій Москов. духовной академіи), на первомъ бѣломъ листѣ имѣетъ такую помѣту XVI в.: «книга глаголемая Бытья Іосифова монастыря старая», а въ концѣ (на л. 376) рукою самого писца приписано: «изволеніемъ безначальнаго Отца... написаны сіи Бытіискія книги Моисеова сказанія въ лѣто 7002 сентемвріа мѣсяца» и пр. Подъ *Царствомъ* такъ же, какъ и подъ Пророчествомъ, разумѣли всѣ четыре книги Царствъ, и самыя книги назывались: Царство первое, Царство второе и т. д. (Опис. отд. 1, стр. 31, списокъ Библіи № 1; въ Моск. музеѣ бывшій г. Ундольскаго, стр. 177 и слѣд.; чудовской списокъ книгъ отъ Навина до Царствъ включительно, № 25, XV в., и мн. др.). Что касается *Менандра*, поставленнаго между книгою Притчей и Сираха, то въ нѣкоторыхъ спискахъ славянскихъ дѣйствительно въ этомъ ряду свящ. книгъ писались стихи изъ Менандра. Такъ въ сборникѣ Московскаго историческаго общества (по Описанію Строева, отд. 1, № 189), конца XV в., въ началѣ слѣдуютъ книги библейскія въ такомъ порядкѣ: 1) Пѣснь пѣсней Соломона, 2) Притчи его, 3) Менандра мудраго о разумѣ, научаще въ разумъ человѣколюбства мудрость и пр., 4) Премудрость Сирахова и т. д. Въ вышепоказанномъ спискѣ Библіи 1507 г. (см. стр. 7) помѣщены послѣ пророковъ: Іовъ, Притчи, Соломонъ (Премудрость Соломона), отъ Царствъ 3, ключъ паремьямъ, Екклесіастъ, Пѣсни пѣсней, Менандръ, Іисусъ Сираховъ и пр. Подобнымъ образомъ въ чудовской рукописи подъ № 200, XVI в., собраны слѣдующія библейскія книги: 1) Апокалипсисъ съ толкованіемъ, 2) Книга Притчей Соломоновыхъ, 3) Екклесіаста, 4) Пѣснь пѣсней, 5) Премудрость Сирахова и 6) Менандрови стиси, имѣя кождо стихъ свой разумъ въ себѣ. Эти стихи, научающіе житейской мудрости, по формѣ и нерѣдко по содержанію своему очень подходятъ къ изрѣченіямъ въ книгѣ Притчей и Сираха. Они приписываются знаменитому греческому комику, Менандру Аѳинянину (жившему за 300 лѣтъ до Рождества Христова), изъ котораго, по

свидѣтельству Іеронима (Comm. in ep. Tit. 1, 12 sq.), и апостолъ Павелъ (1 Кор. 15, 33) привелъ стихъ *). На греческомъ стихи Менандра (они или другіе, неизвѣстно) читаются въ вѣнской рукописи (Lambecii, Bibliothecae Vindob. commentariorum ed. Kollar, t. IV, p. 507—Menandri comici sententiae monostichae ordine alphabetico). Занятый мыслію о библейскомъ кодексѣ, Геннадій спрашиваетъ у Іоасафа о всѣхъ сихъ книгахъ, какъ видно не довѣряя точности и полнотѣ своихъ новгородскихъ списковъ и надѣясь въ рукописяхъ ростовскихъ, можетъ быть въ самой книгѣ Менандра, найти восполненіе того, чего не доставало ему по упрекамъ жидовствующихъ. Но о книгахъ, которыхъ не было въ древнемъ переводѣ, впослѣдствіи переведенныхъ имъ съ латинскаго, а теперь ему еще неизвѣстныхъ, онъ вовсе и не спрашиваетъ: ignoti nullum cupido. И вотъ нашъ отвѣтъ на замѣчаемую рецензентомъ (стр. 63) поразительную странность, что Геннадій, будто ища, по нашему объясненію, нужныхъ для него книгъ, о тѣхъ, коихъ вовсе у него не было и кои онъ принужденъ былъ перевести съ латинскаго, въ письмѣ даже и не упоминаетъ! Если же Геннадій для восполненія библейскаго кодекса искалъ нѣкоторыхъ книгъ въ вологодскихъ монастыряхъ, то можно предположить, что ихъ тогда не находилось въ Чудовѣ монастырѣ, настоятелемъ котораго онъ былъ прежде, какъ и теперь въ библіотекѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ отъ нихъ. Въ какой же степени неосновательно рецензентъ, находя и это предположеніе страннымъ и несправедливымъ (стр. 67), въ обличеніе мнимой невнимательности Геннадія, указываетъ на непринятіе имъ перевода святителя Алексія, мы показали уже выше (стр. 29).

---

*) Fabricii Bibliotheca Graeca, ed. Harles, t. 11, p. 454 sq. Издатель здѣсь, между прочимъ, замѣчаетъ, что писатели церковные приписали Менандру или Филемону такіе стихи, которыми могли доказывать, что правила древнихъ мудрецовъ не отвращались отъ христіанскаго ученія. Поэтому Менандръ, въ числѣ прочихъ еллинскихъ мудрецовъ, изображался со свиткомъ на папертяхъ нашихъ храмовъ (Снегирева, Памятники московской древности, стр. 86).

Здѣсь критикъ оканчиваетъ разсмотрѣніе главнѣйшихъ выводовъ описателей, и за тѣмъ (стр. 69), послѣ общихъ въ томъ же родѣ замѣчаній, пускается въ нѣкоторыя другія многословныя разсужденія: «поколику они (описатели) вышли за предѣлы спеціальныхъ своихъ свѣдѣній, говоритъ онъ (слич. тоже стр. 10, 11), и частный случай предприняли развить въ общее положеніе науки, по стольку и мы сочли себя въ правѣ войти въ разборъ ихъ (sic); тѣмъ самымъ мы думали оказать изслѣдователямъ услугу, предупреждая и освобождая ихъ отъ нареканія,—того нареканія, когда тѣнь, брошенная ими на древнюю Русь, отразится въ современныхъ умахъ совершеннымъ мракомъ, покажется имъ, что до Геннадія у насъ совсѣмъ не было Свящ. Писанія». Нарисовавъ за тѣмъ фантастическую картину общаго въ древней Руси стремленія къ изученію Слова Божія на всемъ пространствѣ, во всѣхъ слояхъ народа, спрашиваетъ (стр. 76): не ужели для древней Руси, обозначавшейся такими чертами, можетъ служить какимъ нибудь упрекомъ то, что не всѣ священныя книги были у ней собраны и записаны въ одинъ списокъ? Для народа, надѣющагося жить, по словамъ критика, было и не нужно и не естественно предпринимать трудъ таковаго собранія, ради одной только пользы потомковъ, и дѣлать какъ бы завѣщаніе, готовясь къ смерти. И ему кажется удивительнымъ, почему архіепископъ новгородскій вздумалъ собрать священныя книги. Это сдѣлалъ Геннадій не изъ общественныхъ видовъ или побужденій (употребляемъ слова рецензіи), не поступая впередъ положительно, но съ побужденіями къ дѣятельности отрицательной, что̀, не составляя необходимости въ положительномъ развитіи, есть всякое зло, съ характеромъ частности, случайности или несущественности. Въ такомъ случаѣ и самая борьба противъ зла есть уже отрицательное положеніе, отрицательный оборотъ. Такова была борьба Геннадія противъ жидовствующихъ... и если она сосредоточивала на себѣ все вниманіе Геннадія, то не естественно ли, что трудъ собранія Библіи вызванъ былъ также ею или по крайности непремѣнно имѣлъ къ ней отношеніе... Не только современники, но даже и потомки не

могли не поражаться суровостію Геннадія въ этомъ дѣлѣ (борьбы съ жидовствующими), суровостію, несогласною съ характеромъ, воспитаннымъ въ православіи... Между Новгородомъ и Москвою теперь было какое-то различіе въ чертахъ православія... Что мудренаго, восклицаетъ за симъ рецензентъ, если такой человѣкъ, какъ Геннадій, и въ такомъ положеніи, въ борьбѣ съ еретиками, могъ быть не совсѣмъ разборчивъ и довольно небреженъ въ средствахъ своихъ вообще, а по этому и въ собраніи библейскомъ?.. Характеръ отрицательный могъ и даже долженъ былъ и здѣсь отразиться. И Геннадій за симъ сравнивается (стр. 79), по разительному будто бы сходству, съ переводчикомъ посольскаго приказа Фирсовымъ, при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ сдѣлавшимъ новый переводъ Псалтири (см. Описаніе синодальн. рукописей т. 1, подъ № 16). «Не нуженъ былъ, замѣчаетъ рецензентъ, и самый переводъ, языкъ его нечистъ, переводчикъ, подобно Геннадію, нападаетъ здѣсь на расколы своего времени и что напрасна и ошибочна недовѣрчивость народа къ книгамъ новоправленнымъ, поправки его (Фирсова) съ еврейскаго не совсѣмъ точны, равно какъ и прибавленныя къ тексту замѣчанія нерѣдко произвольны и ошибочны... Явно, что здѣсь у Фирсова — цѣли противоборства, дѣятельность отрицательная,—и читатели во многомъ найдутъ сходство съ дѣломъ Геннадія. Переводчикъ Псалтири по всему — человѣкъ новаго времени, выскочка. Россійскій народъ называлъ его грубымъ и не ученымъ. Переводъ его запрещенъ царями и патріархомъ; почти такова же была судьба Библіи Геннадіевой, оффиціально не признанной. Геннадій точно также жаловался на необразованность своего времени. Видно (заключаетъ такое сравненіе рецензентъ), что во всѣ времена люди отрицательнаго направленія одинаковы». Изъ всего этого ясно, что рецензентъ въ оппозиціи Геннадію дошелъ уже до крайности, чтобы не сказать болѣе. Въ собраніи книгъ библейскихъ въ одинъ составъ онъ не только не видитъ никакого разумнаго основанія, но даже находитъ противодѣйствіе и вредъ общественному развитію, дѣятельность отрицательную; такой же характеръ

даетъ и извѣстной борьбѣ Геннадія съ жидовствующими, съ которою означенное собраніе поставляетъ въ необходимую связь (тогда какъ выше стр. 62, разбирая посланіе къ Іоасафу, между ними отвергалъ всякое отношеніе). Противъ такого, ни съ чѣмъ не сообразнаго воззрѣнія, мы должны замѣтить, что борьба Геннадія съ жидовствующими не только не имѣла чего-нибудь отрицательнаго, вреднаго и безразсуднаго, но и въ высшей степени была полезна: ибо только Геннадіева непоколебимая твердость и ревность спасла тогда русскую церковь отъ ужаснаго зла, пустившаго слишкомъ глубокіе корни, и надолго оградила ее отъ випраженій протестанства и раціонализма. Рецензентъ иронически замѣтилъ, что новгородское православіе въ этомъ случаѣ отличалось отъ московскаго. Но московскій органъ православія, преп. Іосифъ Волоцкій, сподвижникъ Геннадія, не болѣе ли даже самого Геннадія гремѣлъ и дѣйствовалъ противъ ереси? Такимъ образомъ на обоихъ, и на Геннадія и на Іосифа, равно падаетъ упрекъ рецензента, тогда какъ церковь и общій голосъ восхваляютъ обоихъ за сей преимущественно подвигъ противъ жидовствующихъ. Какъ дѣйствовали православные государи греко-римскіе въ IV—VI в. противъ еретиковъ и раскольниковъ, мы отсылаемъ читателей къ замѣчательной статьѣ подъ этимъ заглавіемъ въ Прибавленіяхъ къ изданію твореній св. отцевъ 1859 г. (ч. XVIII, стр. 49). И послѣ сего рецензентъ предъявляетъ о себѣ, что хотѣлъ освободить изслѣдователей отъ нареканія въ современномъ обществѣ? Бросаетъ самъ въ это общество, и безъ того предубѣжденное противъ церкви, такія воспламеняющія его идеи, какова напр. о безразсудствѣ и вредѣ преслѣдованія ереси (а не раскола, какъ называетъ рецензентъ) и выше (стр. 24—27) о преимуществѣ общества предъ церковію въ дѣлѣ религіознаго образованія народа, а у описателей находитъ соблазнъ въ выводѣ о библейскомъ кодексѣ, такомъ выводѣ, который торжественно провозглашенъ высшимъ духовнымъ правительствомъ, святѣйшимъ синодомъ, въ предисловіи къ Елисаветинскому изданію Библіи, который основывается на памятникахъ письменности и

свидѣтельствахъ древности и признанъ самими славянами, отъ коихъ мы получили Свящ. Писаніе (см. выше свидѣтельства о славянской Библіи Добровскаго и Шафарика, а также Константина Острожскаго)!

Странно, что вслѣдъ за симъ рецензентъ (стр. 81), вопреки предъидущимъ своимъ словамъ, признаетъ заслугу Геннадія въ полномъ собраніи Библіи у насъ на Руси — прежде всѣхъ славянскихъ племенъ, за что, говоритъ, они и должны быть намъ благодарны; только самый этотъ составъ рецензентъ называетъ *вторичнымъ* (оставляя первый за славянскими просвѣтителями). У прочихъ славянъ въ параллель Геннадіеву собранію ставитъ онъ яко бы «древнѣйшій и полный списокъ Библіи 1429 г., писанный у болгаръ, въ молдавскомъ монастырѣ Нямцахъ, явившійся, по словамъ его, также вслѣдствіе какой-то борьбы ихъ (слич. рец. стр. 30) и изчезнувшій изъ употребленія, какъ и всѣ *подобные плоды отрицанія*». Но объ этомъ спискѣ, какъ мы сказали выше (стр. 4), не только нѣтъ опредѣленныхъ извѣстій, но и самое существованіе его, какъ списка полной Библіи, подлежитъ сомнѣнію. Вотъ что писалъ о немъ въ 1825 г. нашъ ученый Кеппенъ въ проектѣ путешествія по славянскимъ землямъ (Библіограф. листы стр. 485): «Въ *Поминакѣ книжескомъ*, изд. Солярičемъ въ 1810 г. сказано, что онъ видѣлъ у г. Перичинотти Св. Писаніе, переписанное какимъ-то монахомъ Гавріиломъ въ 6939 (1429) году, при молдавскомъ господарѣ Александрѣ и женѣ его Маринѣ, въ монастырѣ Нѣмц. Полезно было бы узнать, цѣлая ли это Библія или однѣ только Евангелія, и полныя ли или токмо воскресныя». Ни у Добровскаго (Slavin. Prag, 1834), ни у Шафарика (Geschichte d. südslawischen Literatur. Prag, 1864—65) объ этой рукописи нѣтъ и помину. Послѣ сего мы не знаемъ, на какомъ основаніи рецензентъ столь прямо утверждаетъ о полнотѣ сего списка, о происхожденіи его вслѣдствіе какой-то также непонятной для насъ борьбы болгаръ и изчезновеніи подобно всѣмъ плодамъ отрицанія (каковымъ въ рецензіи считается списокъ Геннадіевъ). Другое собраніе Библіи, также по

рецензіи вторичное, появившееся еще въ XIV вѣкѣ, представляется у *чеховъ*. Объ этой чешской Библіи, «чрезвычайно напоминающей и объясняющей» Геннадіево собраніе, рецензентъ говоритъ довольно пространно. Чешскій переводъ, по его объясненію, въ основѣ своей имѣлъ «прадревній переводъ» славянскихъ первоучителей и только приноровленъ былъ къ латинскому тексту; онъ былъ слѣдствіемъ вѣроисповѣднаго движенія чеховъ, плодомъ созрѣвшей борьбы ихъ противъ латинъ. Также какъ у Геннадія, Пятокнижіе, Іовъ, Псалтирь, книги пророковъ носятъ слѣды древнѣйшаго перевода, а позднѣйшаго тѣ самыя книги, какія и у Геннадія, и позднѣйшій переводъ былъ вызванъ наступавшею борьбою; какъ Геннадій, оставляя древніе переводы (!), на скорую руку составлялъ новые, такъ у чеховъ, въ противоборство составу, принаровленному къ Вульгатѣ, появляются новые переводы прямо съ еврейскаго или другихъ языковъ. Но между тѣмъ и другимъ (опять въ укоръ Геннадію) замѣчается такое различіе, что тогда какъ предпріятіе Геннадія было исключеніемъ изъ общей дѣятельности и осталось безъ послѣдствій, чешскій переводъ служилъ необходимымъ выраженіемъ общественнаго стремленія и имѣлъ обширное вліяніе на всю дѣятельность чеховъ въ XV и XVI в. На все это замѣтимъ, что мы сами дѣлали сличенія древняго чешскаго перевода съ первоначальнымъ славянскимъ св. Кирилла и Меѳодія и сотрудниковъ ихъ, поколику его представляетъ Геннадіева Библія, напр. въ Пятокнижіи, Пророкахъ, а за тѣмъ и въ нѣкоторыхъ другихъ книгахъ, у Геннадія являющихся въ переводѣ позднемъ или заимствованномъ изъ толкованій,—и въ чешскомъ ни въ тѣхъ, ни въ другихъ книгахъ отнюдь не нашли Кирилловской основы, примѣненной только къ латинскому, а вездѣ прямой, не глубокой древности, переводъ съ Вульгаты. Наше мнѣніе въ этомъ случаѣ согласно съ учеными изслѣдованіями самихъ чеховъ, напр. Добровскаго (Über das Alter d. böhmischen Uebersetzung въ Abhandlungen einer Privatgesellschaft in Böhmen, Prag, 1782, 5-er Band, S. 300—322) и современнаго намъ Иречека (Časopis Musea kral. Českého 1864,

Rozbor prvotního Českého překladu Starého Zákona, pod. Jos. Jireček, t. XXXVIII, p. 136—177, 288—301, 371—388), которыхъ результаты вообще расходятся съ мыслями рецензента. Первый говоритъ (стр. 305—306), что хотя древне-славянскій языкъ, кирилловское письмо и переводъ Св. Писанія отчасти могли быть извѣстными чехамъ; но по сличеніи не оказывается ни малѣйшаго сходства между древле-славянскимъ и чешскимъ переводомъ Библіи: первый постоянно слѣдуетъ LXX-ти, вторый Вульгатѣ, съ которою (стр. 312) сходенъ и въ расположеніи книгъ. Иречекъ (стр. 143) примѣрами изъ всѣхъ ветхозавѣтныхъ книгъ доводитъ до очевидности, что этотъ чешскій переводъ—переводъ съ Вульгаты, и изъ Вульгаты же объясняетъ мнимые варіанты, приводящіе рецензента совершенно къ противнымъ заключеніямъ (см. рец. стр. 82), когда напр. Лев. 19, 20 вмѣсто nubilis читалось nobilis, Нав. VI, 16 вмѣсто curribus—cruribus, Суд. 11, 2 вмѣсто altera—adultera и мн. др. Потомъ Иречекъ (стр. 146) опровергаетъ то мнѣніе, будто бы всѣ книги библейскія на чешскій переведены въ одно время, однимъ лицемъ или подъ наблюденіемъ одного, находя напротивъ, что разныя книги явились въ переводѣ въ весьма разныя времена и имѣли разныхъ переводчиковъ, и что собиратели Библіи помѣстили сіи книги безъ всякаго пересмотра ихъ, такъ, какъ нашли ихъ; посему въ этомъ древнемъ собраніи и господствуетъ величайшее разнообразіе перевода и языка. Съ этой стороны, скажемъ мы, чешскій переводъ служитъ не укоромъ, а оправданіемъ Геннадіева собранія, сдѣланнаго также съ отсутствіемъ критики. Въ результатахъ своего изслѣдованія Иречекъ (стр. 378) замѣчаетъ: чешскій древній переводъ не былъ дѣломъ одного какого нибудь вѣка или человѣка, но здѣсь представляются литературные памятники по крайней мѣрѣ трехъ столѣтій и труды человѣкъ семнадцати. Къ самымъ старшимъ переводамъ—древнѣе XIII в.—относятся книга Бытія *), Псалтирь,

---

*) Выше (стр. 150) о книгѣ Бытія сказано: очевидно, что рано *нѣкоторый благочестивый князь* (některy zbožny kněž) ухватился за мысль перевести на чешскій

Товія, Исходъ и Левитъ, къ позднѣйшимъ—послѣ XIV в.—книги Царствъ, Маккавейскія, меньшихъ пророковъ и Премудрость Соломонова; прочія всѣ отнесены къ XIII или началу XIV вѣка.

Въ заключеніе своего разбора г. Безсоновъ (стр. 87) дѣлаетъ нѣсколько филологическихъ замѣчаній, недовольный Описаніемъ и въ этомъ отношеніи, гдѣ онъ считаетъ себя полнымъ хозяиномъ. Но при этомъ онъ ограничивается только тѣмъ, что̀, по его словамъ, особенно бросается въ глаза. «Во первыхъ нельзя не пожалѣть, говоритъ онъ, что ученые не приняли въ свое соображеніе отдѣлъ глагольскихъ памятниковъ, хотя бы по тѣмъ сочиненіямъ, которыя объ нихъ изданы. Сличеніе текста глагольскихъ рукописей съ кирилловскими дало бы возможность опредѣлить древность нѣкоторыхъ нашихъ книгъ, напр. Притчей (въ Описаніи стр. 72), Пѣсни пѣсней подъ № 18 (должно быть № 17, слич. реценз. стр. 23) и особенно разныхъ списковъ Новаго Завѣта, изъ коихъ нѣкоторые прямо указываютъ на глаголицу; по крайности для этого слѣдовало бы различить употребленіе словъ: *книга* и *писмя*, *письмо* или *писаніе*, *клепля* и *знамєная*, *вѣнити* и *цѣнити*, *пробрѣзчу* въ значеніи ἔννοχα (!), *хлѣбъ наставшаго дне* и *насущный*. *бытный*, *чрѣво* и *утроба*, *вслѣпити* и *истекати*» и т. п. Какъ ни притязательно это требованіе рецензента отъ описателей рукописей, чтобъ они соображались и съ глаголическими памятниками, можно было бы однако его принять, если бы оно имѣло твердыя основанія и обѣщало положительные результаты. Въ этомъ случаѣ описатели и сами не преминули бы потрудиться для науки. Но какіе глаголическіе памятники библейскаго текста, появившіеся до 1855 г. (когда изданъ 1-й томъ Описанія), или къ тому же относящіяся изслѣдованія ученыхъ разумѣетъ рецензентъ, мы не знаемъ. До означеннаго года никакихъ таковыхъ памятниковъ не было издано, равно и изслѣдованій о библейскомъ текстѣ глаголическихъ рукописей не было, и безъ данныхъ не могло и

всю Библію и приложилъ руку къ первой книгѣ Моисеевой; однако далѣе сей книги въ переводѣ не успѣлъ.

быть, кромѣ краткихъ замѣчаній Шафарика объ особой глаголической рецензіи въ переводѣ Новаго Завѣта, о которыхъ скажемъ ниже *). Были только между собою несогласныя, болѣе или менѣе шаткія и по недостатку данныхъ (т. е. рукописей) не основательныя мнѣнія, не говоря о прочихъ, Добнера, Добровскаго, Копитара, Шафарика и нашихъ ученыхъ — Прейса, Срезневскаго и Григоровича о времени и мѣстѣ изобрѣтенія и употребленія глаголицы и отношеніи ея къ кириллицѣ. При такомъ положеніи неумѣстно и невозможно было описателямъ пускаться въ требуемыя рецензентомъ соображенія. И мы находимъ весьма забавными догадки рецензента, когда онъ вышеозначенный переводъ книги Притчей въ Геннадіевой Библіи (Опис. стр. 72) и Пѣсни пѣсней въ отдѣльномъ спискѣ (Опис. стр. 199, № 17) относитъ къ глагольскимъ памятникамъ и чрезъ это дастъ имъ глубокую древность на основаніи лишь встрѣчающагося въ той и другой книгѣ слова: *въслъпити*, Прит. 18, 4 вода въслѣплѣ, Пѣснь Пѣсп. 4, 15 стѹденецъ воды живы. йслѣплюща ѿ ливана (другихъ къ тому основаній, при ссылкѣ рецензента только на эти страницы Описанія, мы не видимъ и придумать не можемъ). Что касается новозавѣтнаго текста, то всѣ указанные выше признаки въ немъ глаголицы въ употребленіи словъ *книга* и *писмя* и др. взяты рецензентомъ изъ вышепоказанной же записки Шафарика о глаголитѣ (Извѣстія т. 1, 383—386). Шафарикъ въ этой запискѣ, приписывая Клименту Величскому, или другимъ ученикамъ Меѳодія, переводъ Четвероевангелія по пересмотрѣ первоначальнаго перевода апракосовъ, утверждаетъ, что сей новый или исправленный переводъ былъ въ тоже время Климентомъ переложенъ съ кириллицы на глаголиту, имъ, Климентомъ, собственно и изобрѣтенную (во второй половинѣ X в.), а потому и допускаетъ особую глаголитскую рецензію — моложе кириллов-

*) См. записку Шафарика о глагольской письменности въ Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ, по отдѣленію русск. языка и словесности, т. 1, стр. 367—389.

ской—съ вышеозначенными и другими признаками (тамъ-же, стр. 388). Но вообще отдавая полную справедливость глубокимъ изслѣдованіямъ Шафарика, мы должны безпристрастно замѣтить, что настоящія его замѣчанія о такъ называемой имъ глаголической рецензіи священнаго текста составлены поспѣшно и безъ достаточныхъ основаній, да и самая мысль о переложеніи текста Климентомъ съ кириллицы на глаголиту—произвольное предположеніе. При изслѣдованіи Мстиславова списка Евангелія и другихъ древнѣйшихъ сличаемыхъ съ нимъ списковъ апракосовъ и тетровъ (Остромирова, Юрьевскаго, Галицкаго и двухъ другихъ XII в. и одного XIII в.) указанные Шафарикомъ признаки глаголической рецензіи мы подвергли строгому испытанію, — и убѣдились въ ихъ несостоятельности. Эти мнимо-глаголическіе признаки находятся и въ вышеозначенныхъ нашихъ кирилловскихъ спискахъ Евангелій, тетрахъ и апракосахъ, и на оборотъ — по Шафарику читаемое только въ кирилловскихъ спискахъ встрѣчается и въ глаголическихъ. Напр. Матѳ. 6, 11 хлѣбъ нашъ *насущный* (признакъ кирилл.) читается и въ Ассемановомъ апракосѣ и въ Зографскомъ тетрѣ (Древніе глаголическіе памятники сравнительно съ памятниками кириллицы, изд. Срезневскимъ, Спб. 1866, стр. 98, 161), а хлѣбъ *наставшаго дне* (признакъ глагол.) находится въ синодальныхъ и уже не древнихъ спискахъ XIV и XV в. (см. Описаніе слав. рукописей Синод. библіотеки отд. 1, стр. 240). Мар. 1, 35 переведено *утро пробрьзгу* (признакъ глагол.) въ древнемъ толкованіи Ѳеофилакта Болгарскаго на Евангелія (Опис. синод. рукописей отд. II, ч. 1, стр. 133). Въ типографскомъ тетроевангеліи (№ 54, перг.) XII в., русскаго письма, принадлежавшемъ новгородскому Аркажскому монастырю, Матѳ. 8, 28 стоитъ: отъ *жалій* исходяща, а въ евангелистаріи или апракосѣ Ассемановомъ (изд. Рачки, въ Загребѣ, 1865, стр. 51) отъ *гробищь*, тогда какъ первое по Шафарику относится къ глаголитѣ, второе — къ кириллицѣ. Въ томъ же Аркажскомъ спискѣ и Галицкомъ Евангеліи Матѳ. 10, 29 читается, какъ въ глаголическихъ рукописяхъ: не двѣ ли птицы ассаріи *вѣнимъ* есте? Въ

Ассемановомъ апракосѣ (изд. Рачки) не по глаголической примѣтѣ, а по кирилловской читается (стр. 203): и принесе главу его на *блюдь*, и (стр. 178) Мар. 1, 7 ремене *сапогу* его. Γραφή или γράμμα (Свящ. Писаніе), также и βιβλίον въ Мстиславовомъ спискѣ и прочихъ безразлично переводится *книги* и *писаніе*, равно какъ и κοιλία—*чрево* и *утроба;* въ Мстислав. спискѣ Іоан. 12, 33 въ чтеніи сентября 14: σημαίνων—*клепля*, но февр. 23 *назнаменовая*. Въ Галицкомъ Евангеліи Іоан. 2, 10 по мнимо-глаголически читается: и егда упьются тачѣк (въ прочихъ хуждее—τὸν ἐλάσσω). Въ типографскомъ апракосѣ (№ 60, перг.) XII в. Іоан. 4, 14 также признакъ глаголическій: источьникъ воды, *въсльплющія* въ животъ вѣчный. Такъ это мѣсто читается и у *Іоанна екзарха* въ синод. спискѣ Богословія Іоанна Дамаскина (по Описанію синодальныхъ рукописей № 155, по прежнему каталогу № 108), перг. XIII в. (л. 304), въ спискѣ поученій Кирилла Іерусалимскаго *болгарскаго* же перевода (№ 114 (478), перг. XII в., л. 202 об.) и въ нѣкоторыхъ другихъ древнихъ памятникахъ (слич. въ Пандектахъ Антіоха, Опис. синод. рукописей отд. II, ч. 2, стр. 263). Многихъ другихъ примѣровъ не приводимъ. Чрезъ шесть лѣтъ послѣ означенной записки о глаголитѣ, въ 1858 г. Шафарикъ въ сочиненіи своемъ: Ueber den Ursprung und Heimath des Glagolitismus развилъ совершенно противоположный предъидущему взглядъ, утверждая, что глаголита древнѣе кириллицы и изобрѣтена самимъ первоучителемъ славянъ Константиномъ философомъ, въ монашествѣ Кирилломъ, а называемая кириллицей греко-славянская азбука придумана вышеозначеннымъ Климентомъ Величскимъ (Извѣстія Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, т. 7, стр. 102 и слѣд.). При этомъ Шафарикъ опять проводитъ глаголитскую рецензію свящ. текста съ тѣми же, а отчасти и со вновь прибавленными признаками, считая ее теперь уже древнѣйшею, первоначальною, а кирилловской усвояя только послѣдующія и позднѣйшія поправки (тамъ же, стр. 107). Мнѣніе это, какъ ни искусно и остроумно было изложено, вообще не

принято учеными *); но оно возбудило вящшія занятія глаголитой. Специалистъ по сей части, И. И. Срезневскій, въ слѣдъ за древними (кирилловскими) памятниками юго-западныхъ славянъ, издалъ въ 1866 г. и «Древніе глаголическіе памятники сравнительно съ памятниками кириллицы». Это изданіе, вмѣстѣ съ полнымъ изданіемъ Ассеманова Евангелистарія д-ра Рачки, въ Загребѣ, дало возможность изслѣдовать текстъ глаголическихъ памятниковъ,—и при этомъ, мы думаемъ, окончательно рушились предположенія Шафарика объ особенностяхъ и древности глаголической рецензіи библейскаго текста. Самъ издатель памятниковъ, г. Срезневскій, сличивъ довольно большія выписки изъ Ватиканскаго Евангелія съ Остромировымъ спискомъ, нашелъ, что текстъ евангельскій въ обоихъ одинъ и тотъ же, что встрѣчающіяся иногда различія чтеній между ними таковы же, какъ и въ разныхъ кирилловскихъ спискахъ, сравниваемыхъ между собою, не болѣе, при томъ пальму древности отдаетъ Остромирову списку (Древніе глаголическіе памятники, стр. 70 и слѣд.). Не древность текста справедливо замѣчена (стр. 162) въ глаголическихъ листкахъ Михановича (*хльбъ наставшааго дне*) и во всѣхъ вообще Еванг. спискахъ, а позднія исправленія. Одни и тѣже чтенія по разнымъ глаголическимъ спискамъ, сравниваемыя между собою, представляютъ разности какъ въ переводѣ свящ. текста, такъ и въ формахъ языка (см. стр. 83, 136, 141, 157), также какъ это бываетъ и въ кирилловскихъ спискахъ. Къ существеннымъ признакамъ глаголической рецензіи Шафарикъ теперь относилъ еще слова *хрисма*, *крижь* и *ядро*, вмѣсто коихъ въ Кирилловскихъ спискахъ всегда будто бы употребляется *миро*, *крестъ*, *скоро*. Но а) въ Ассемановомъ глаголитскомъ евангелистаріи всегда (8 разъ) употребляется *миро*, см. Матѳ. 26, 7. 9. 12 (по изд. Рачки стр. 116), Лук. 7, 37. 38 (стр. 153), Іоан.

---

*) См. Срезневскаго изложеніе сего взгляда въ Извѣстіяхъ Академіи т. 7, стр. 102 и слѣд., замѣчанія въ «Памятникахъ глаголическихъ» и статью г. Викторова въ Лѣтописяхъ русской словесности, т. II: Послѣднее мнѣніе Шафарика о глаголицѣ.

11, 2 (стр. 107), 12, 3. 5 (стр. 110), всегда (11 разъ)—*кръстъ* Мато. 10, 38 (стр. 53), 27, 32. 40. 42 (стр. 139), Мар. 8, 34 (стр. 103), 15, 21. 29. 32 (стр. 134), Лук. 9, 23 (стр. 154), Іоан. 19, 25. 31 (стр. 135, 152), всегда (4 раза)—*скоро* Лук. 14, 21 (стр. 85), Іоан. 11, 29 и 31 (стр. 108), Мато. 28, 7, и только однажды въ слѣдующемъ 8 стихѣ ыдро (ibid.). По выпискамъ уг. Срезневскаго въ Аоонскомъ Четвероевангеліи Григоровича Іоанн. 11, 2 помазавъшиѣ Га мурож (Пам. глагол. стр. 108), въ Зографскомъ Евангеліи Мато. 10, 38 крста своего, 16, 24 кръстъ (стр. 139, 149). Съ другой стороны б) въ кирилловскихъ спискахъ, напр. въ вышеозначенномъ типографскомъ тетрѣ № 54 Мар. 14, 4. гыбель хрисмьная, 5. можааше бо си *хрисма* (греч. только τοῦτο), 8. похрисмити (μυρίσαι), но Мато. 26, 7. стклянпцу благовонны масти; въ Мстиславовомъ Евангеліи Лук. 7, 37 въ чтеніи сент. 16 стклянпцу масти, 38. мазаше мастію, но въ чтеніяхъ отъ Лук. понед. 4 алавастръ хрисмы, мазаше хрисмою; въ Галицкомъ спискѣ Мато. 26, 7. 9. 12 масть, Лук. 7, 37. 38, Іоан. 11, 2; 12, 3. 5. хрисма. Всѣ сіи и вышеприведенные примѣры ясно опровергаютъ теорію Шафарика о глаголитской рецензіи библейскаго текста, — и знаменитый ученый, конечно, не допустилъ бы такой странности, если бы достаточно вникнулъ въ текстъ глаголитскій и подъ руками имѣлъ большее число кирилловскихъ списковъ. Съ своей стороны, не признавая особой глаголитской рецензіи, мы думаемъ, что всѣ ся мнимыя особенности буквально переписаны съ кирилловскихъ списковъ, а потому въ памятникахъ нерѣдко среди глаголическаго письма встрѣчаются строки и кирилловскихъ писменъ. Возвратимся теперь къ замѣчаніямъ нашего рецензента. Шафарикъ въ запискѣ о глаголитѣ, по сходству въ Галицкомъ Евангеліи нѣкоторыхъ чтеній съ глаголитскими, считалъ оное спискомъ съ глаголитскаго оригинала (Извѣстія Академіи т. 1, стр. 388). Рецензентъ, настаивая на сличеніи вошедшихъ въ Описаніе кирилловскихъ списковъ съ глаголитскими, говоритъ (стр. 87): «одно Галицкое Евангеліе при этомъ возбудило бы сколько любопытныхъ соображеній! Всѣ кажущіяся

странности правописанія, которыя замѣчены изслѣдователями на стр. 214, объяснялись бы для нихъ прямо и удовлетворительно изъ глаголицы». Не понимаемъ. Правописаніе Галицкаго Евангелія имѣетъ весьма близкое сходство съ правописаніемъ Изборника Святославова (см. Описаніе синод. рукописей, отд. I, стр. 213—214, слич. отд. II, ч. 2, стр. 404—405); но самъ Шафарикъ оба Изборника Святославовы считаетъ представителями памятниковъ кирилловскихъ (Ueber d. Ursprung des Glagolitismus, см. Извѣстія Академіи Наукъ, т. 7, стр. 110). Особенныя формы его надобно производить отъ мѣстнаго нарѣчія (какъ напр. дъжчь, доселѣ сохранившуюся въ венгерскомъ языкѣ (см. Словарь Миклошича), —и вслѣдствіе своего происхожденія на югѣ эта рукопись естественно должна во многомъ сходствовать съ южно-славянскими памятниками. Что же касается до самаго текста, то Галицкій списокъ нерѣдко представляетъ такія оригинальныя чтенія, коихъ слѣда не только нѣтъ въ глаголическихъ, но не всѣ встрѣчаются и въ кирилловскихъ Евангеліяхъ. Такъ Матѳ. 14, 26 и Мар. 6, 49 φάντασμα въ немъ переведено — безтѣлесный призоръ, βλασφημία Матѳ. 12, 31—вредно глаголанье, но Мар. 14, 16 беззаконно разумѣнье о божескыхъ, ἄρτον τὸν ἐπιούσιον Матѳ. 6, 11 хлѣбъ достоинъ естеству, но Лук. 11, 3 насущный. По отмѣткамъ на полѣ видно, что писецъ Галицкаго Евангелія заимствовалъ чтенія изъ *разныхъ* кирилловскихъ списковъ. За симъ рецензентъ рекомендуетъ описателямъ принять во вниманіе означенную записку Шафарика о глаголитѣ и сдѣлать по ней дополненія, а также и исправленія, именно въ объясненіи перевода Ис. 23, 8 ἥσσων словомъ *тъчень*, т. е. равный. Въ Описаніи (стр. 87) это произведено отъ ошибочнаго чтенія ἴσος вмѣсто ἥσσων, а по рецензіи—при правильномъ чтеніи здѣсь *тъчень* происходитъ отъ глагольскаго тачак, тачѣк — хуже. И съ симъ нельзя согласиться: ибо а) ни чѣмъ не доказано глаголическое собственно происхожденіе слова тачак, встрѣчающагося и въ кирилловскихъ памятникахъ (см. Словарь Миклошича); б) указанные въ Описаніи (на стр. 87) примѣры ошибочныхъ чтеній свящ.

текста часто встрѣчаются въ славянскихъ переводахъ, какъ видно между прочимъ въ послѣдующихъ томахъ Описанія изъ разсмотрѣнія текстовъ Св. Писанія въ древнихъ памятникахъ и изъ примѣровъ у Шафарика въ сочиненіи: Ueber d. Ursprung des Glagolitismus (Изв. т. 7, стр. 107); в) въ Словарѣ Миклошича къ слав. тъчьнъ приставлено именно греч. ἴσος, такъ переводимое; г) сливать тъченъ съ тачак — слишкомъ произвольно и не естественно. На послѣдующее замѣчаніе о годинѣ (стр. 88), означающей у переводчика книги Есоири 1, 13 не годъ собственно, какъ признано въ Описаніи (стр. 54), а по рецензіи — судьбы, скажемъ, что буквальность сего переводчика видна и изъ многихъ другихъ тамъ (стр. 54) приведенныхъ мѣстъ и что слово година вездѣ употребляется имъ въ смыслѣ года 4, 14. 5, 3. 8, 9. 9, 26. 27 (послѣднее тамъ же). «Переводъ Есоири, говоритъ рецензентъ, описателями выводится изъ Польши; но слова и обороты, приводимые въ доказательство, относятся столько же и къ чешскому языку, означая гораздо проще западное славянское нарѣчіе». На это скажемъ, что въ Описаніи не изъ Польши прямо произведенъ переводъ и языкъ польскимъ не признанъ, а сказано: «переводъ сдѣланъ, вѣроятно, близъ Польши, выходцемъ изъ тѣхъ странъ, какъ можно судить по нѣкоторымъ выраженіямъ и оборотамъ рѣчи, приближающимся къ польскому языку». Надобно быть слишкомъ произвольнымъ, чтобы таковыя выраженія, въ Описаніи представленныя (стр. 55—56), относить къ чешскому или какому нибудь другому западному нарѣчію. Не явные ли это признаки малороссійскаго, бѣлорусскаго или можетъ быть и литовскаго нарѣчія: улюбіе (угодность), абы (чтобы), приклякая (припадая), охота (веселіе), избудучися (избавившись), погонницы ѣздяху на борзыхъ конѣхъ, жидовяхуся (принимали еврейскую вѣру), такъ ясно указывающее на бывшую у насъ ересь жидовствующихъ, тивунъ, староста, 3, 12. 8, 10. приставъ, поземникъ, 8, 11. погубити добытки ихъ по располону (добычу взятую грабежемъ), 10, 3 волникъ (польское wolnik—вольный господинъ, панъ), 1, 6 вервми шолковыми и лептугъ (funiculis byssinis et

purpureis), или 8, 15 ушибъ (чит. ушивъ?) шолковъ летуженъ (stola byssina aut purpurea). Гораздо ближе къ истинѣ и съ дѣломъ сообразнѣе преосв. Филаретъ (Обзоръ духовной литературы. Харьковъ 1859, стр. 146), приписывая этотъ переводъ книги Есоиры, совершенный по волѣ митрополита Филиппа I (1464—1473) новокрещенному еврею Ѳеодору, замѣчаетъ, что встрѣчающіяся въ немъ (вышеприведенныя) слова даютъ видѣть въ переводчикѣ человѣка долго жившаго на русскомъ югѣ, но не поляка (слич. Опис. синод. рукоп. т. 1, стр. 55 прим.). Судя по тѣмъ же словамъ и г. Востоковъ переводъ книги Есоиры съ вѣроятностію полагалъ «въ Россіи» (Опис. Румянц. музея стр. 35). Слово *бохма*, по Описанію взятое изъ какихъ-то «другихъ нарѣчій», рецензентъ (стр. 88) признаетъ чисто славянскимъ, употребляемымъ въ церковно-славянскихъ памятникахъ и у разныхъ славянъ. Не входя въ споръ объ этой мелочи, въ оправданіе свое скажемъ, что и въ толкованіи неудобь познаваемыхъ рѣчей у Калайдовича (Іоаннъ, екзархъ болгарскій, стр. 196) бъхма отнесено къ словамъ, оставленнымъ не переведенными, что оно встрѣчается обыкновенно въ болгарскихъ памятникахъ (см. Слов. Миклошича) и не имѣется въ сербскихъ словаряхъ ни у Караджича, ни у Даничича. Наконецъ рецензентъ дѣлаетъ общій приговоръ: «такихъ примѣровъ (какъ произведено бъхма) можно бы привести довольно. Вообще половина словъ и оборотовъ, признанныхъ «темными, ошибочными или произвольными», казалась намъ вовсе не темною, не ошибочною и не произвольною. Но это все мы предоставляемъ разобрать себѣ послѣ въ филологическомъ дополненіи къ труду изслѣдователей». Конечно, Описаніе не чуждо филологическихъ недостатковъ; но каковы они и въ какой степени вкрались, обличенія сего доселѣ не явилось въ обѣщанномъ дополненіи рецензента. Между тѣмъ не безъизвѣстно, какое вниманіе обратилъ на Описаніе синодальныхъ рукописей съ этой (филологической) стороны г. Миклошичъ въ извѣстномъ своемъ Словарѣ (Lexicon Palaeoslovenico-graeco-latinum, emendatum et auctum, Vindob. 1862—65), и въ какой степени воспользовался имъ, не скрываетъ онъ самъ.

Симъ заключаются наши отвѣты на рецензію г. Безсонова по I тому Описанія синод. рукописей, такъ растянувшіеся сверхъ желанія нашего. По главному пункту мы думаемъ, что оспориваемая имъ наша мысль о неполномъ составѣ Библіи до временъ Геннадія дотолѣ будетъ стоять, доколѣ не откроется древнихъ переводовъ недостающихъ книгъ; а этого открытія доселѣ не послѣдовало и едва ли когда будетъ.

II.

На *второй* по числу томъ, или первую часть 2-го отдѣла, описывающую рукописи по толкованію Св. Писанія, въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ по 2-му отдѣленію (т. 7, стр. 201—204) помѣщена рецензія редактора Извѣстій И. И. Срезневскаго, написавшаго таковую и на I томъ Описанія въ тѣхъ же Извѣстіяхъ (т. 5, стр. 36—43). Скажемъ мимоходомъ, что почтеннѣйшій академикъ ни въ той, ни въ другой рецензіи относительно I-го тома не выразилъ тѣхъ сомнѣній и притязаній, какія находятся въ критикѣ г. Безсонова. Въ первой рецензіи (стр. 43) онъ только замѣчаетъ: «можно бы пожелать (отъ описателей) болѣе выписокъ, болѣе замѣчаній о языкѣ въ отношеніи къ правильности передачи греческихъ словъ и выраженій славянскими, особенно терминовъ знанія. Но чего нельзя выдумать, желая—прибавляетъ за тѣмъ. Желаніямъ, какъ и любознательности, нѣтъ предѣловъ». Мы съ своей стороны на это замѣчаніе, впрочемъ, скажемъ, что существенныя отличія отъ нынѣшняго печатнаго текста въ чтеніяхъ (варіантахъ) и переводѣ свящ. книгъ нами отмѣчены, а разбирать то, что находится и въ печатномъ изданіи Библіи, мы не разсудили, предоставляя сіе для всякаго доступное дѣло самимъ изслѣдователямъ перевода и языка. Во второй рецензіи (стр. 202) о сдѣлавшемся спорнымъ вопросѣ онъ говоритъ: «разборъ синодальныхъ рукописей, въ которыхъ содержатся списки переводовъ Свящ. Писанія, составилъ содержаніе перваго

тома и далъ поводъ къ рѣшенію вопроса о судьбахъ перевода книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта на церковный языкъ. Богатства Синодальной библіотеки (показано число рукописей по Св. Писанію) дали возможность рѣшить вопросъ почти окончательно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ сомнѣній и недоразумѣній». Какихъ именно частныхъ сомнѣній и недоразумѣній—рецензентъ не объяснилъ; но, можетъ быть, они теперь уже разрѣшены. Затѣмъ о второмъ томѣ Описанія, приводя слова предисловія къ нему самихъ составителей: «въ XII столѣтіи становится извѣстнымъ у славянъ толкованія Өеофилакта Болгарскаго на Евангелія», г. Срезневскій съ своей стороны замѣчаетъ: *почему, впрочемъ, именно въ XII вѣкѣ, это въ Описаніи не объяснено.* Это недоумѣніе, единственное во всей рецензіи, мы и хотимъ теперь разрѣшить, тѣмъ болѣе, что сего требуетъ и важность вопроса.

Хотя списковъ толкованія Өеофилакта Болгарскаго ранѣе XIV — XV в. мы не знаемъ, однако не сомнѣваемся переводъ его отнести къ XII вѣку. 1) Въ Мстиславовомъ Евангеліи, писанномъ въ началѣ XII вѣка, и въ другихъ того же времени спискахъ нѣкоторыя прибавленія или отступленія отъ принятаго нынѣ текста, очевидно, сдѣланы по толкованію Өеофилакта Болгарскаго. Надобно думать, что толкованія отцевъ и учителей церкви на Свящ. Писаніе явились у славянъ въ слѣдъ за переводомъ его. Іоаннъ, пресвитеръ и екзархъ болгарскій, говоритъ о себѣ, что, лишь только перевели св. Кириллъ и Меѳодій свящ. книги, онъ возъимѣлъ покушеніе (хотѣвъ окусити) прѣложити въ словѣньскъ языкъ готовая (т. е. на греческомъ существующія) учительская сказанія, — и изъ нихъ составилъ свой Шестодневъ (см. Прологъ къ Богословію Іоанна Дамаскина по извѣстному синод. списку № 108, перг. XIII в.). И сами переводчики, тѣмъ болѣе послѣдующіе приправщики, въ нѣкоторыхъ трудныхъ мѣстахъ могли воспользоваться отеческими толкованіями, слѣды чего находимъ даже въ самыхъ греческихъ спискахъ. Что касается до Өеофилакта, архіепископа болгарскаго, написавшаго свое толкованіе Евангелій на греческомъ языкѣ для царицы

Маріи (греческой), во второй половинѣ XI в. (см. Описаніе синод. рукописей отд. II, ч. 1, стр. 127), то естественно, что оно, будучи сокращеніемъ Златоустовыхъ толкованій, тотчасъ должно было обратить на себя вниманіе славянъ, если только не было переведено на славянскій по распоряженію самого архіепископа. Вышепомянутые слѣды употребленія сего толкованія въ Мстиславовомъ Евангеліи и другихъ спискахъ суть слѣдующіе: Матѳ. 5, 22 (среда св. пятидесятницы, л. 28 об.) въ Мстиславовомъ спискѣ Евангелія читается: иже бо речеть брату своему рака — *рака бо речеться сўрскы оплъванъ.* Сіе пояснительное прибавленіе, не встрѣчающееся въ варіантахъ ни у Шольца (Nov. Testamentum Graece, Lipsiae 1830), ни у Маттея (Nov. Testamentum Graece et Latine, Rigae 1782—88), ни у Тишендорфа (Nov. Testamentum Graece, editio septima, Lipsiae 1859), взято изъ толкованія Ѳеофилакта Болгарскаго на это мѣсто, гдѣ по синодальной рукописи № 302 (въ Описаніи № 87) л. 24 об. читается: нѣцій же рака, сирьскы оплеване толкуетсѧ (τινὲς δὲ τὸ ῥακά, συριστὶ κατάπτυστον φασὶ σημαίνειν). Такое же прибавленіе, какъ Мстиславовъ, имѣютъ и списки Евангелій-апракосовъ: Москов. синод. типографіи № 60 (XII в.), Синодальной библіотеки по печ. Описанію № 21 (1307 г.), 23 (1355), 24 (1357) и другіе XIV в. съ годами (см. Описаніе синод. рукоп. отд. I, стр. 242), равно и списокъ Новгородской Софійской библіотеки XIV в. (Извѣстія Академіи Наукъ, т. 6, стр. 278). Далѣе въ Мстиславовомъ спискѣ Лук. 11, 22 (четверт. 6 недѣли, л. 83) читается съ прибавленіемъ: и плѣнъ кго раздакть *иному.* И этого прибавочнаго слова «иному» не значится въ варіантахъ помянутыхъ изданій. А у Ѳеофилакта Болгарскаго хотя въ текстѣ также нѣтъ слова *иному*, но въ толкованіи на оный сказано: и корысть его рекше ч҃лкы. яжъ имѣ плѣнникы истергнꙋ отъ него и дахъ ѧ *иномоу* агг҃лꙋ хранити. Кромѣ такихъ варіантовъ, и переводъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ соображенъ съ толковымъ текстомъ Ѳеофилакта Болгарскаго. 2) Ясные слѣды употребленія толкованія Ѳеофилакта Болгарскаго въ томъ же XII вѣкѣ находятся еще въ *поученіяхъ Кирилла, епископа туровскаго*.

Въ словѣ о разслабленѣмь *отъ сказанія евангельскаго* онъ говоритъ отъ лица Господа: възискавъ обрѣтохъ шьдъшаго въ пути не *благы* кумирослуженія, обязахъ раны уязвьнаго *бѣсовьскыми* разбойникы, възльяхъ на язвы его *моея крьве* вино и масло, и възьмъ *на тѣла моего* скотъ, внесохъ въ гостиньницю, *святую церковь*, дахъ два сребрьника гостиньнику, *новый и ветхый законъ святителемъ*, да прилежать ученіемъ людемъ, обѣщахъ и мьзду *по възвращеніи моемь* спасъшимъ грѣшьникы (Памятники XII в., изд. Калайдовичемъ, стр. 51). Это таинственное объясненіе притчи о человѣкѣ, впадшемъ въ разбойники, взято изъ толкованія Өеофилакта Болгарскаго на сію притчу Лук. 10, 29—37 (по чудовскому пергам. списку XIV—XV в., л. 72 об.—74 об.): подчеркнутыя слова читаются и въ толкованіи. Въ словѣ о слѣпьци — отъ сказанія еуангельскаго (Памятн. стр. 56—57) также видно заимствованіе изъ Өеофилактова толкованія о слѣпорожденномъ Іоан. 9, 1 и слѣд.

III.

Изъ рецензій на *третій* по выходу томъ Описанія синодальныхъ рукописей (2-го отдѣла, вторая часть—Писанія св. отцевъ догматическія и духовно-нравственныя) мы обратимъ вниманіе на рецензію *свящ. Г. П. Смирнова-Платонова* (Православное Обозрѣніе 1860, № 6 (іюнь), стр. 231—276).

Въ началѣ рецензентъ замѣчаетъ, что наука нынѣ должна быть строже, чѣмъ когда либо, — вести свои изслѣдованія для общей пользы, и желаетъ, чтобъ особенно былъ объясненъ историческій ходъ нашей церковной жизни. Раскрывая за тѣмъ понятіе этой внутренней исторіи церкви, говоритъ: «первоначальное распространеніе христіанства въ нашемъ отечествѣ, постепенное умноженіе храмовъ и монастырей, перемѣны церковной іерархіи, совокупность церковныхъ событій и пр. все это еще не обнимаетъ внутренней исторіи нашей церкви, или лучше все это со-

ставляетъ нашу церковную исторію, но еще не выражаетъ *исторіи вѣры* въ нашей церкви. Подъ покровомъ историческихъ явленій и событій движется жизнь внутреннихъ началъ вѣры, жизнь не всегда доступная прямо наблюденію, тѣмъ не менѣе всегда дѣйственная и обладающая великою силою историческаго вліянія. Общіе матеріалы церковной исторіи суть *историческія свидѣтельства* въ лѣтописяхъ, актахъ и т. п. Матеріалы для внутренней исторіи церкви имѣютъ *литературный характеръ*, и преимущественно заключаются въ памятникахъ церковной письменности». Теперь, одобряя Описаніе синодальныхъ рукописей въ библіографическомъ отношеніи, г. рецензентъ (стр. 245) упрекаетъ отсутствіе въ немъ историческихъ замѣчаній, кои могли бы проливать свѣтъ на эту внутреннюю исторію нашей церкви, объяснять ходъ нашей внутренней церковной жизни. «Не выходя изъ круга библіографическихъ требованій, изслѣдованіе памятниковъ, говоритъ онъ, можетъ быть ведено съ большимъ или меньшимъ сознаніемъ ихъ внутренняго историческаго значенія. Первая мысль, которая должна лежать въ основѣ изслѣдованій о каждой *исторической библіотекѣ*, есть мысль ея историческаго происхожденія и значенія. Рукописи библіотеки патріаршей собрались въ наличную ихъ совокупность не случайно, а вслѣдствіе одной исторической потребности, образовавшей эпоху во внутренней исторіи нашей церкви. Эта потребность, по коей и составилось собраніе рукописей и книгъ Синодальной библіотеки, какъ объяснено далѣе, была—исправленіе церковныхъ книгъ въ XVII в., веденное при всѣхъ бывшихъ у насъ патріархахъ. Изученіе рукописей патріаршей библіотеки (стр. 248) въ ея цѣломъ составѣ есть ничто иное, какъ изученіе того движенія, которое наполняетъ исторію нашей церкви въ данное время». Такимъ образомъ рецензентъ, требуя отъ описателей, чтобъ они объясняли отношеніе рукописей къ исторіи внутренней жизни нашей церкви, въ частности сводитъ всѣ замѣчанія — къ дѣлу книжнаго исправленія, послужившаго основаніемъ и правиломъ, или поводомъ и цѣлію составленія всей библіотеки. На все это описатели съ своей сто-

роны могутъ представить слѣдующее: 1) требованіе рецензента, чтобъ при описаніи рукописей синодальныхъ постоянно было обращено вниманіе на внутреннюю исторію церкви, на исправленіе книгъ, — излишне и не имѣетъ твердаго основанія. Нельзя сказать рѣшительно, чтобъ Синодальная библіотека образовалась по поводу исправленія у насъ церковныхъ книгъ: нѣсколько рукописей, конечно, сохранилось еще отъ древнихъ временъ, отъ митрополитовъ всероссійскихъ (см. Указатель Синод. библіотеки, архим. Саввы, изд. 3, Москва 1858, стр. 2), часть рукописей прислана въ даръ отъ греческихъ и славянскихъ святителей и монастырей, безъ отношенія къ книжному исправленію, а болѣе по полемическому ихъ содержанію противъ латинъ (тамъ же, стр. 3—4, 8, 13), часть пріобрѣтена случайными покупками у разныхъ лицъ (тамъ же, 11, 12, 13), часть досталась по смерти патріарховъ (Филарета, Никона, Іоакима и Адріана) изъ келейныхъ ихъ библіотекъ, также разнаго содержанія, равно и труды, переводные и оригинальные, духовныхъ ученыхъ въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ XVII и XVIII в., изъ коихъ только немногіе были соприкосновенны дѣлу исправленія (тамъ же, стр. 16); наконецъ въ 1722 г., съ цѣлію собрать историческіе матеріалы, указомъ вытребованы были изъ епархій и монастырей лѣтописцы, церковные и гражданскіе, хронографы и т. п. (тамъ же, стр. 17, слич. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, Пекарскаго, т. 1, стр. 318). Все это, хотя не въ цѣлости, доселѣ сохраняется въ Синодальной библіотекѣ. Какъ же такія рукописи пріурочивать къ дѣлу книжнаго исправленія, или и къ самой внутренней исторіи русской церкви? 2) О тѣхъ рукописяхъ, кои дѣйствительно въ извѣстной степени могли выражать эту внутреннюю жизнь церкви и относиться къ книжному исправленію, мы думаемъ, что это и показано въ Описаніи на столько, сколько можно было это сдѣлать въ предѣлахъ Описанія и сколько требовалось по мысли самого рецензента. «Внутренняя исторія церкви, говоритъ онъ (стр. 233), достаточно изслѣдованная, объяснитъ не только усвоеніе православной вѣры, принятой отвнѣ, но и само-

стоятельное раскрытіе ея началъ въ отечественной церкви, въ ихъ отношеніи къ историческому ходу нашей жизни. Такъ первоначальный переводъ книгъ священныхъ, умноженіе славянскихъ библейскихъ списковъ, различіе въ переводахъ, сводъ ихъ въ составъ Библіи, постепенное исправленіе текста — покажетъ исторію усвоенія и разумѣнія слова Божія въ нашей церкви, и объяснитъ тотъ послѣдній видъ, какой имѣетъ у насъ Библія». Не все ли это показано въ 1-мъ томѣ Описанія Синодальной библіотеки, въ изложеніи рукописей по Свящ. Писанію въ частности, и въ общемъ обзорѣ въ введеніи къ тому? Мысли рецензента тѣже самыя, что и въ этомъ введеніи изложенныя, какъ результатъ изслѣдованія рукописей. Далѣе рецензентъ пишетъ: «переводъ книгъ богослужебныхъ, ихъ видоизмѣненіе въ древнихъ славянскихъ рукописяхъ, ихъ дополненіе службами въ Россіи составленными, ихъ сличеніе съ греческими подлинниками и исправленіе — представитъ намъ исторію православнаго богослуженія въ русской церкви и объяснитъ настоящее его состояніе». Все это съ самаго начала было въ планѣ описателей, — и какъ они выполнили, или могли выполнить оный, довольно или скудно, хорошо или худо, покажетъ имѣющій теперь явиться томъ Описанія книгъ богослужебныхъ. «Славянскіе переводы твореній отеческихъ, продолжаетъ рецензентъ, возобновленіе переводовъ, обогащеніе догматической литературы произведеніями русскихъ писателей, опыты символическихъ изложеній, появлявшихся у насъ — покажутъ исторію православной догматики въ русской церкви и объяснятъ настоящій видъ нашего богословія». Въ отвѣтъ на все это мы можемъ указать на третій томъ Описанія и на его предисловіе такимъ же образомъ, какъ выше указали на первый: въ немъ (3 томѣ) изложены и признаками опредѣлены по времени и мѣсту происхожденія древніе переводы отцевъ церкви, вторичныя потомъ переложенія ихъ въ XVII в., показаны догматическія и духовно-нравственныя творенія русскихъ духовныхъ писателей и опытъ православнаго исповѣданія Петра Могилы. Послѣдующій 4-мъ томъ, представляющій разныя богословскія сочиненія, от-

крываетъ другія стороны этой «внутренней церковной жизни», именно излагаетъ памятники *проповѣди* въ нашей церкви съ древнихъ временъ до позднѣйшихъ (списки Измарагда, Златоустника, поученія Григорія Цамблака, митрополита Даніила, опыты ихъ въ XVII в. въ Кіевѣ и Москвѣ), *полемическія* сочиненія, переводныя и оригинальныя, противъ латинъ, лютеранъ и своихъ раскольниковъ, и особенно знакомитъ съ разнообразною церковною литературою въ концѣ XVII в. (см. предисловіе къ этому 4 тому). 3) Намъ кажется, что Описаніе, указывая и по возможности объясняя памятники, обращавшіеся въ нашей церкви и показывающіе духовно-литературную въ ней дѣятельность, тѣмъ самымъ и исполняетъ требованіе рецензента относительно внутренней исторіи церкви. Чего же онъ желаетъ еще, мы недоумѣваемъ. Ужели того, чтобъ каждый таковой памятникъ, даже и общаго догматическаго и нравственнаго содержанія (такъ какъ рецензія сдѣлана на Описаніе такихъ рукописей), кромѣ изложенія его по главамъ, былъ подробно анализированъ въ его содержаніи, съ показаніемъ, какое онъ имѣлъ употребленіе въ церкви и у православныхъ, какъ способствовалъ развитію жизни духовной и т. д.? Это было бы уже слишкомъ требовательно, и Описаніе, по такой мысли сдѣланное, далеко вышло бы изъ своихъ предѣловъ и значенія.

Кромѣ разсмотрѣннаго, рецензентъ дѣлаетъ другіе упреки Описанію. «Отсутствіе *историческаго начала въ Описаніи* Синодальной библіотеки, говоритъ онъ (стр. 248), весьма замѣтно и сопровождается нѣкоторыми особенностями, довольно рѣзко бросающимися въ глаза... Изслѣдователи привносятъ нѣчто чуждое дѣлу, какимъ оно представляется непосредственно съ исторической точки зрѣнія. Такъ въ описаніи рукописей библейскихъ сперва берутся *полные* рукописные списки Библіи, образовавшіеся въ позднее время, а потомъ разсматриваются отдѣльные списки, нерѣдко очень древніе; такъ въ описаніи рукописей догматическаго содержанія принимается за основаніе хронологическій порядокъ греческихъ авторовъ, начиная съ I вѣка христіанскаго лѣтосчисленія, а не старшинство славянскихъ переводовъ, такъ

что ходъ русской церковной жизни скрывается отъ непосредственнаго наблюденія». Отвѣчая на первое замѣчаніе, что напрасно въ главу библейскихъ рукописей поставлены полные списки, высказанное еще въ критикѣ г. Безсонова, пріемъ описанія въ этомъ случаѣ мы представили общему сужденію и соображенію, лучше ли было бы, еслибъ поступлено было по требованію рецензента. Теперь мы сами объяснимся. Строго слѣдуя старшинству списковъ, надлежало бы помѣстить на первомъ мѣстѣ Евангелія, притомъ только пергаменныя, отдѣливъ отъ бумажныхъ, имѣющихъ и особую редакцію, потомъ Псалтирь перг. XIII в. (въ Описаніи № 13) съ двумя списками XVI в. (№ 14, 15), отдѣливъ отъ нихъ куда нибудь въ другое мѣсто № 16 совсѣмъ другаго, позднѣйшаго перевода, за тѣмъ два старшіе пергаменные списка Апостола (въ Опис. № 45, 46), отдѣливъ отъ прочихъ, опять представляющихъ особую редакцію, за симъ уже полные списки Библіи, въ сопровожденіи правленныхъ при Петрѣ I (хотя такое соединеніе опять было бы не по правилу), за ними отдѣльные списки книгъ ветхозавѣтныхъ съ Навина до Есоири № 12, Паремейника № 17, книгъ пророческихъ № 18 и 19, всѣ XVI в., бумажные списки Евангелія и Апостола. Что же это былъ бы за порядокъ? И развѣ старшинство списковъ непремѣнно ручается за старшинство и достоинство самаго перевода? Не то мы видимъ и показали выше (стр. 15—16) въ пергаменномъ спискѣ Псалтири № 13 сравнительно съ текстомъ ея въ полныхъ спискахъ. И какъ вести изслѣдованіе текста при такомъ размѣщеніи рукописей, на какихъ спискахъ оное основать и какіе къ нимъ подводить? не нужно ли будетъ и здѣсь (что находятъ неудобнымъ) также часто возвращаться къ предъидущему или ссылаться на послѣдующее и еще съ большею неудобностію? Наконецъ, при такой разрозненности списковъ одной книги — какъ можно видѣть заразъ ихъ богатство и разнообразіе? Порядокъ же, установленный въ Описаніи, кромѣ неотъемлемаго преимущества естественности его, — болѣе приличенъ и удобенъ для изслѣдованія, потому что полные списки Библіи содер-

жать древнѣйшій текстъ и Пятокнижія съ ближайшими къ нему историческими книгами, и Пророковъ, и Псалтири и нѣкоторыхъ другихъ учительныхъ книгъ — кромѣ исправленнаго текста Новаго Завѣта. Такимъ образомъ естественно было полные списки поставить въ основаніе изслѣдованія текста и подводить къ нимъ въ порядкѣ слѣдующіе отдѣльные списки. Что касается втораго сроднаго съ симъ упрека, что въ описаніи отеческихъ твореній принятъ хронологическій порядокъ самихъ отцевъ, а не старшинство славянскихъ переводовъ сихъ твореній, то предлагаемый порядокъ сравнительно съ принятымъ еще болѣе неоснователенъ и неудобенъ. Какая при этомъ явилась бы странная по времени смѣсь твореній отеческихъ: по какимъ основаніямъ опредѣлительно и безошибочно можно было бы размѣстить по старшинству всѣ переводы, особенно при отсутствіи филологическихъ и подобныхъ замѣчаній, не нужныхъ по мнѣнію рецензента; наконецъ, какъ эти переводы, почти исключительно болгарскіе и сербскіе, могли бы открывать наблюдателю ходъ *русской* церковной жизни! Но вотъ слѣдуетъ и третій еще упрекъ (стр. 248): «Равнымъ образомъ въ замѣнъ сосредоточеннаго вниманія къ цѣлому ходу церковной жизни, составители нерѣдко заняты посторонними, почти случайными требованіями: таково напр. намѣренное пополненіе словаря г. Востокова новыми словами, выписки которыхъ многочисленны. Это — ученая роскошь, не совсѣмъ умѣстная тамъ, гдѣ требуется еще удовлетворить самыя существенныя потребности». Но этимъ самымъ томомъ — описаніемъ духовныхъ твореній отцевъ, на который написана критика,—составители могутъ свидѣтельствоваться, что хотя они не преслѣдовали такую идеальную и неудобоисполнимую мысль, но гдѣ встрѣчалось что нибудь дѣйствительно историческое и замѣчательное для церкви въ литературномъ и другихъ отношеніяхъ,— не опускали безъ вниманія, указывая или на прежнія изслѣдованія или дѣлая выписки. Таковыя извѣстія и замѣчанія можно находить напр. въ описаніи твореній препод. Максима Грека № 191, въ прибавочныхъ статьяхъ твореній Симеона Ѳессалоникскаго

№ 179, Григорія Богослова № 121, Григорія и Нила Солунскихъ № 177. Въ слѣдующемъ же томѣ сюда относятся замѣчанія на творенія Никона Черногорца № 226—229, на Измарагдъ и Златоустникъ—эти древне-русскія поученія—№ 230, 231, на слова Григорія Цамблака и митрои. Даніила № 235 и 237, на Палинодію Захарія Копыстенскаго № 272 и на обширный полемическій сборникъ — Щитъ вѣры № 310. Что касается нашихъ филологическихъ и другихъ подобныхъ замѣчаній, то отнюдь мы не считаемъ ихъ дѣломъ постороннимъ и случайнымъ. Въ нихъ мы старались открыть существенные способы переложенія и языкъ древнихъ и послѣдующихъ переводовъ, съ особенными его формами и словами. Эти признаки, съ усиліемъ найденные, о которыхъ прежде почти и не думали, служили намъ главнымъ основаніемъ къ опредѣленію времени переводовъ (хотя приблизительно), а также и мѣста, гдѣ они явились, въ Болгаріи или Сербіи. Повторяясь въ близкихъ между собою по времени и мѣсту происхожденія переводахъ, они давали твердость нашимъ заключеніямъ и иногда въ младшихъ спискахъ указывали древніе, доселѣ неизвѣстные переводы, напр. бесѣдъ Златоустаго къ антіохійскому народу, извѣстныхъ подъ именемъ андріатиса (въ Описаніи № 125). Эти наблюденія надъ переложеніемъ и языкомъ имѣли такимъ образомъ большую важность и существенную необходимость въ Описаніи, — и мы полагаемъ, что и впредь они будутъ имѣть такое же значеніе для изслѣдователей подобныхъ памятниковъ. Если они благосклонно приняты въ словарь не Востокова, а въ болѣе совершенный Миклошича: то это было уже слѣдствіемъ, а не цѣлію нашихъ замѣчаній. Въ связи съ предъидущимъ, рецензентъ тамъ же (стр. 249) дѣлаетъ еще такое замѣчаніе, что описатели, не обращая должнаго вниманія на церковную жизнь въ древней Руси, въ пособіе своихъ изслѣдованій пользовались нѣкоторыми посторонними библіотеками, а не книгами и рукописями *Типографской библіотеки* или бывшаго Московскаго печатнаго двора, которыя необходимы для изученія нашего книжнаго исправленія и вообще нашей древней церковной

литературы. При этомъ онъ особенно указываетъ на правленный въ XVIII в. *текстъ Библіи Елисаветинскихъ исправителей* и, оговаривая скудость и позднѣйшее время *отеческихъ* рукописей, замѣчаетъ большое богатство и древность *богослужебныхъ* книгъ, рукописныхъ и старопечатныхъ, того же и прочаго содержанія по церковной литературѣ. Хорошо, еслибъ г. рецензентъ описателямъ положительно показалъ важность и необходимость употребленія правленныхъ списковъ Библіи XVIII в., чего сами они не видѣли, основавшись въ своихъ выводахъ на все объясняющемъ предисловіи Елисаветинскихъ исправителей (Опис. 1, 176 и слѣд.). Въ отдѣлѣ отеческихъ твореній самъ рецензентъ не признаетъ особенной нужды въ типографскихъ рукописяхъ и книгахъ, хотя напротивъ составители Описанія и здѣсь пользовались ими, напр. въ признаніи списка бесѣдъ Василія Великаго на Шестодневъ подъ № 60, словъ Аѳанасія Александрійскаго противъ аріанъ № 112 и Григорія Богослова № 124 и богословія Іоанна Дамаскина № 153, въ признаніи сихъ списковъ оригиналомъ для типографскаго изданія 1665, въ опредѣленіи отрывковъ изъ Никоновой скрижали 1656 г. въ № 103 и поученій аввы Дороѳея по рукописи № 148 (см. еще Описаніе № 209 и 214). Что же касается книгъ богослужебныхъ, то, какъ описаніе ихъ доселѣ еще не вышло, замѣчанія рецензента оказываются преждевременными, если только они не были сдѣланы въ видѣ предостереженія. Между тѣмъ мы можемъ завѣрить, что и тамъ найдется употребленіе типографскихъ старопечатныхъ книгъ, хотя волею и неволею и не въ такой степени, какъ бы хотѣлось любознательности.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,
ЧИТАННЫХЪ
ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ VII, № 7.

О ГРЕЧЕСКОМЪ КОНДАКАРѢ XII–XIII ВѢКА МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ

СРАВНИТЕЛЬНО

СЪ ДРЕВНИМЪ СЛАВЯНСКИМЪ ПЕРЕВОДОМЪ.

Архимандрита Амфилохія.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр. 9-я лин., № 12.)
1869.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. С.-Петербургъ, Ноябрь 1869 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ВЫБОРЪ СЛОВЪ

изъ древняго Славянскаго Кондакаря сравнительно съ Греческимъ Кондакаремъ XII—XIII вѣка Московской Синодальной библіотеки[1]),

АРХИМАНДРИТА АМФИЛОХІЯ.

Басйныи, μυθηκὸς, вымышленный, баснословный. Басноую клинь моудро ѿвиль іеси всоу. Икосъ 3 окт. св. Діонисію Ареопагиту изъ 6-ти мѣсячной служб. минеи XIV в. № 75. Библ. Унд. л. 59 τὴν μυθηκὴν (—ικὴν) ἐλλένων (—ήνων) σοφίαν καταλελοιπας. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ.

Бесловесьникъ, ἄλογος, неразумный. Хытрословесьникы бесловесникы обличающи. Ик. начин. греч. буквою ρ на Благовѣщ. Бцы изъ Конд. XI в. № 1. син. тип. Библ. τεχνολόγους ἀλόγους ἐλέγχουσα. Въ словарѣ Востокова слова: бесловесьникъ, нѣтъ. Въ старопечатныхъ тріодяхъ и новопечатныхъ хытрословеснья безсловеснья...

Бе съпонъ, ἀνεμποδίστως, безпрепятственно, свободно. Бе съпонъ славлю тѧ. Икос. 25 апр. св. еванг. Марку изъ Кондак. XI в. № 1. Син. тип. Библ. ἀνεμποδίστως δοξάζω σε. Въ словарѣ Востокова слова: бе съпонъ нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1710 г. непреткновенно...

---

[1]) Объясненіе объ изслѣдованіи Греческаго Кондакаря, которое предпринято архим. Амфилохіемъ было напечатано въ *Запискахъ Академіи Наукъ*, Т. XIII, кн. I, стр. 186—194. Здѣсь представляется часть этого изслѣдованія.

Бе сытости, ἀπλήστως, ненасытно. Ноудить бе сытости, Икос. 15 нояб. св. Ап. Матоїю изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. βιάζεται ἀπλείστως (—ήστως). Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ служ. старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1710 г. нѹдить мѧ несытно.

Бещислик, ἄπειρος, безконечный, безграничный. Въ бещислии (sic) хе҃ мои твоихъ соудьбъ. Икос. 8 іюл. св. муч. Прокопію изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. ἐν ἀπείρω χε̃ μυ τῶν σῶν κριμάτων. Въ словарѣ Востокова слова: бещислик нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ неизчетно..... Въ минеи 1711 г..... хрт҃е мой пѹчинѹ.....

Бл҃гострт҃ие, εὐπαθειά, счастіе, счастливая жизнь, доброе здоровье; удовольствіе. Бл҃гострт҃иѧ желание ѡмрази. Конд. св. муч. Матронѣ 9 нояб. изъ минеи 1588 г. № 276. Рум. муз. л. 171 об. τῆς ἐυπαθείας σχεσιν ἀπεβδελύξω. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ Бол. час. Сев. собр. № 1. XIV—XV в. покоа желаніе възненавидѣвши. Въ больш. час. XV в. Библ. Хлудова... покоища; въ Филаретовской минеи: покоища, въ Гермогеновской 1609—11. плоти, въ минеи 1710 г. покоѧ... возненавидѣла есть.

Бл҃госѣньнолиствьнъıи, εὐσκιόφυλλυν, листья на древѣ, дающія прекрасную тѣнь. Дрѣво бл҃госѣньнолиствьнок. Ик. начин. греч. букв. N на Благовѣщеніе Богородицы изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. ξύλον εὐσκιόφυλλον. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ старопечатныхъ тріодяхъ и новопечатныхъ осталось въ древнемъ же переводѣ.

Блоудѧщии, ἄσωτος, пропащій; чрезвычайно распутный. Блоудьници и блоудѧщеи, Икос. въ св. и великую среду изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. πόρνοι καὶ ἄσωτοι. Въ словарѣ Востокова слова: блоудѧщии, нѣтъ. Въ тріодѣ цвѣтной Іосифовской: блѹдницы и любодѣи, такъ и въ Краковской тріоди.

Бг҃овѣщанныи, θεοφθέγγος, Богомъ сказанный, предреченный. Сщ҃нныи и бг҃овѣщанныи проповѣдатели. Конд. 30 янв.

тремъ святителямъ Василію Вел., Григорію Богослову и Іоанну Злат. изъ минеи 1441 г. № 273. Рум. муз. τοὺς ἱεροὺς καὶ θεοφθόγγους κήρυκας. Въ словарѣ Востокова слова: бговѣщанныи нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ также, въ минеи 1710 г.... проповѣдники.

Богоразоумьнъіи, θεογνωστος, Богу извѣстный. Радоуися богоразоумьнааго съвѣта съмотрениѧ. Ик. 3 октяб. св. Діон. Арсоп. изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. л. 32 об. χαῖρε θεογνώστου. βουλῆς σκοπευτήριον. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ и 1710 г. напечатано..... смотреніе.

Бословеськ, θεολόγια, Богословіе. Бословесьи Ѹмъ краинии. Ик. 25 генв. св. Григорію Богослову, изъ служ. минеи XV в. № 11. Син. тип. Библ. л. 103 об. θεολογίας νοῦς ὁ ἀκρότατος. Въ словарѣ Востокова слова: бословеськ нѣтъ. Въ минеи XIV в. № 75. Библ. Унд. въ кондакѣ написано: бословиıı разоумь неоудрьжанныи. Въ старопечатныхъ минеяхъ: бгословіѧ оумс съвершеныи, въ святцахъ Іосифовскихъ... пресовершенныи, въ минеи 1710 г.... крайнѣйшій.

Бжбствьнообразьно, θεοειδῶς, богоподобно, божественно. Пррроци, бжбствьнообразьно въдъхноувъше. Икос. въ недѣлю православія изъ конд. XI в. № 1. Синд. тип. Библ. προφῆται θεοειδῶς ἐμπνευσθέντες. Въ словарѣ Востокова слова: бжбствьнообразьно, нѣтъ. Въ краковской тріоди постной... бжтвніи въдъхновени бывше, въ Іосифовской... бговиднѣ...

Быстрота, ὀξὺ, острый, быстрый. Дшвнж же быстротж въперилъ еси просвѣщеніемъ. Конд. 12 іюля св. Михаилу Маленну изъ Больш. часослова XIV—XV в. № 1. Сев. собр. л. 111 об. ψυχῆς τὸ ὀξὺ. πτερώσας δὲ ἐλλαμψεως. Въ словарѣ Востокова слова: быстрота, нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1711 г..... быстрость...

Бѣдоу приимати, προκινδυνεύειν, прежде или первому вдаваться въ опасность. По христосѣ оуспѣшно бѣдоу прикмлѧ. Конд. св. Григорію Епископу Великія Арменіи. 30 сент. изъ кон-

дакарія XI в. № 1. Сvн. тип. Библ. л. 31 об. ὑπὲρ τοῦ χῦ προθύμως προκινδυνέυων. Въ слов. Востокова сего нѣтъ. Въ 6-ти мѣсячной Сербской минеи XIV в. Библ. Унд. № 75 написано: за х҃а дрьзновлѣнно прѣдавьсе. Въ служ. минеи № 8. XV в. Сvн. тип. Библ. и оусердно бѣдноуа. Въ Сербской псалтири 1561 г.... оусрьдно стражде.

Великдѣıаник, μεγαλουργία, великое дѣло. Провидьче великдѣıаниıа. Конд. 20 іюля св. пророку Иліи изъ конд. XI в. № 1. Сvн. тип. Библ. л. 72 об. πρεόπτα τῶν μεγαλουργιῶν. Въ словарѣ Востокова слова: велик дѣıаник, нѣтъ. Въ больш. часословѣ XIV — XV в. № 1. Сев. собр.... великыхь дѣль. Такъ напечатано въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1711 г.

Водоносьнъıи, ὑδατόρρυτος, водоточный. Оустави водоносныıа облакы, στήσας τὰ ὑδατόρρυτα. Конд. 20 іюля св. пророку Иліи изъ конд. XI в. № 1. Сvн. тип. Библ. л. 72 об. Въ словарѣ Востокова слова: водоносьнъıи, нѣтъ. Въ служ. минеи XI — XII в. № 54. Сvн. тип. Библ..... водоточьныıа. Въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1711 г. оуставивыи водоточныа... въ слѣд. Сербск. псалтыри 1551 г. оуставиль ѥси...

Врѣдоумьно, φρενοβλαβῶς, безумно, глупо. Законы твои г҃и врѣдоумьно ѿвьргъшаго. Ик. въ недѣлю блуд. сына изъ конд. XI в. № 1. Сvн. тип. Библ. τὸν τοὺς νόμους σου κε̄. φρενοβλαβῶς ἀθετήσαντα. Въ словарѣ Востокова: врѣдооумьно нѣтъ.

Въд҃шьнъıи, ἔμψυχος, одушевленный, живой. Въд҃шьныıа добродѣтели (sic). Конд. св. муч. Сергію и Вакху. 7 окт. изъ минеи № 8. XV в. Сvн. тип. Библ. л. 118 об. τοὺς ἐμψύχους μάρτυρας. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Слово: добродѣтели ошибкою писца написано вмѣсто или: свѣдѣтели, или: моученикы.

Въдьржавити, κραταιῶσαι, оказать свою силу, власть надъ кѣмъ, овладѣть, одержать. Въдьржавѣ (sic) кнıаза. Конд. 2 февр. на Срѣтеніе Господне, изъ конд. XI в. № 1. Сvн. тип. Библ.

κρατέωσον βασιλεῖς. Въ словарѣ Востокова слова: въдьржави, нѣтъ. Въ часословѣ XIV—XV в. № 1. Сев. собр. ꙋкрѣпи цр҃а. Въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1710 г. тамъ же, какъ въ часословѣ написано.

Възблистати, ἀστράπτειν, блистать, сверкать, какъ молнія. Вьсѣмъ възблистаіть оумно. Ик. 1 генв. св. Василію Великому изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. л. 48 об. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1710 г. всѣмъ облистаетъ мысленно. πᾶσιν ἀστράπτει νοερῶς.

Въседꙋшно, ὁλοψύχως, совсею душою, отъ всей души. Въседꙋшно възненавидѣвь. Икос. 27 авг. преп. Пимину изъ служ. минеи XV в. № 85. Библ. Унд. л. 143. ὁλοψύχως μισήσας. Въ словарѣ Востокова слова: вьседꙋшно, нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1711 г. такъ же, какъ въ минеи XV в. № 85. Библ. Унд.

Въсенесквръныи, πανάσπιλος, совершенно нескверный, чистый. Въспоѫ та въсенескверънаа. Икос. 31 авг. на положеніе честн. пояса Богород. изъ служ. минеи XV в. № 85. Библ. Унд. ὑμνήσω σε πανάσπιλε. Въ словарѣ Востокова слова: въсенесквръныи, нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1711 г. воспою твой...

Всепрнопаматныи, πανοαοίδημος, препрославленный. Всепрнопаматне. Конд. 19 сент. св. муч. Трофиму. Изъ служ. минеи № 8. XV в. Син. тип. Библ. л. 66 πανοαοίδιμε. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ старопечатныхъ и новопечатныхъ напечатано: всепамятне и приснопаматне.

Вьсепраꙁдьственыи, πανέορτος, всѣми празднуемый. Памать вьсепраꙁдьственꙋѫ вашꙋ съврьшающе. Изъ больш. часосл. Сев. собр. № 1. XV в. л. 58. 27 сент. Конд. св. муч. Каллистрату и друж. его. μνήμην τὴν πανέορτον ὑμῶν ἐπιτελοῦσι. Въ словарѣ Востокова слова сего нѣтъ. Такъ же напечатано въ старопечатныхъ минеяхъ и 1710 г. Въ минеи 1441.

№ 273. Рум. муз. въ Икосѣ 18 генв. св. Аѳанасію и Кириллу слово: πανέορτος также переведено: всепразнественыи.

Вѣньчатель, στεφανίτης, увѣнчанный. Страстотьрпьць явися и вѣньчатель. Икос. 11 февр. св. священномученику Василію, изъ конд. XI в. № 1. Сvн. тип. Библ. ἀθλοφόρος ὀράθη καὶ στεφανίτης. Въ словарѣ Востокова слова: вѣньчатель, нѣтъ.

Вѣчьньствовати, διαιωνίζειν, безпрерывно, вѣчно продолжаться вѣчно жить. Въ житьницахъ небесьныихъ, вѣчьньствоуя въ истиноу. Ик. 20 дек. св. священномуч. Игнатію изъ конд. XI в. № 1. Сvн. тип. Библ. ἐν ἀποθήκες (—καις) ἐπουρανίοις. διαιωνίζων ἀληθῶς. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1710 г..... вѣчнѹя.

Дарολюбьць, φιλόδωρος, щедрый. Даролюбьць дары раздая апл҇омъ своимъ. Икос. на Вознесеніе Господне изъ конд. XI в. № 1. Сvн. тип. Библ. ὁ φιλόδωρος. τὰς δωρεας διενήμεν (—νειμεν). ταῖς ἀποστόλοις αὐτοῦ. Въ словарѣ Востокова слова: даролюбьць, нѣтъ. Въ краковской тріоди даролюбезныи.

Добромыслень, γενναιόφρων, благородно мыслящій. Добромыслене. Конд. 19 сент. св. муч. Трофиму изъ служ. минеи XV в. № 8. Сvн. тип. Библ. л. 66 γενναιόφρον. У Востокова нѣтъ сего слова. Въ старопечатныхъ минеяхъ и 1710 г. напечатано: доблемѹдрене.

Добропѣсньныи, καλλικέλαδος, прекрасно звучащій, доброзвучный. Добропѣсньныи гл҇съ твой слове. Конд. 10 дек. св. Минѣ, Ермогену и Евграфу изъ служ. минеи XV в. № 91. Библ. Унд. л. 64. Ἡ καλλικέλαδος φωνὴ τῶν σῶν λόγων. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1710 г. также.

Доброıазычьныи, εὔγλωττος, умѣющій говорить хорошо, способный говорить. Вѣти кси доброıазычьнѣи:· Конд. 13 дек. св. Евстратію и дружинѣ его. Изъ кондакарія XI в. № 1. Сvн. тип. Библ. л. 44. ῥητόρων ὑπάρχων εὐγλωττότερος. Въ

словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ служ. минеи 1710 г. напечатано: риторовъ сый блгоязычнѣйшій.

Доодльжьнъ, ἀξιόχρεως, приличный, достойный, достодолжный, доодльжьно. Ик. 3 окт. св. Діон. Ареопаг. изъ 6-ти мѣсячн. служ. минеи XIV в. № 75. Библ. Унд. ἀξιόχρεον. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ.

Достохвалє; ἀξιέπαινος, достойный похвалъ. Гражанѝ же пустынный достохвалє. Конд. 5 дек. преп. Саввѣ. Изъ служ. минеи XV в. № 91. Библ. Унд. л. 29. πολίτης ταὶ (τε). τῆς ἐρήμα ἀξιεπαινος. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1710 г. также, въ Сербск. слѣд. псалтири: житель..... достойнохваленъ.

Двовидимъıи, δυσθεώρητος, что трудно созерцать, съ трудомъ изслѣдуемый, разсматриваемый. Радоуися глоубино двовидимаıа. и англльскъıма ѡчима. Ик. на Благовѣщеніе Богородицы. Изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. χαῖρε βάθος δυσθεώρητον. καὶ ἀγγέλων ὀφθαλμοῖς. Въ словарѣ Востокова слова: двовидимый, нѣтъ. Древній переводчикъ δὺς читалъ δὶς дважды, а не δὺς съ трудомъ, едва.

Дъвовъсходьнъıи, δυσανάβατος, на что трудно взойти, съ трудомъ восходимый. Радоуися высото дъвовьсходьнаıа. и члвцкъıмь помъıслъмь. 1-й Ик. на Благовѣщеніе Богород. Изъ кондак. XI в. № 1. Син. тип. Библ. χαῖρε ὕψος δυσανάβατον. ἀνθρωπίνοις λογισμοῖς. Въ словарѣ Востокова слова: дъвовъсходьнъıи, нѣтъ. Древній переводчикъ неправильно перевелъ сложную частицу δὺς за два δὶς, вмѣсто δυς едва, съ трудомъ.

Дългоу раздрѣшитель, χρεωλύτης, разрѣшитель долга, освободитель отъ долга. Всѣхъ члвкъ дългоу раздрѣшитель приде. Конд. начин. греч. буквою χ на Благовѣщеніе Богородицы изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. ὁ πάντων χρεωλύτης ἀνθρώπων. Въ словарѣ Востокова слова: дългоу раздрѣшитель нѣтъ. Въ старопечатныхъ тріодяхъ и новопечатныхъ... долговъ рѣшитель члвкомъ.

Дѣтельнъ, πρακτικὸς, дѣятельный, рачительный. Дѣтельнъ же бы҃. въ дѣлѣхъ оучитель. Конд. 28 генв. св. Ефрему Сирину изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. л. 54. πρακτικῶς (—κὸς) δε γέγονας ἐν τοῖς ἔργοις διδάσκαλος. Въ словарѣ Востокова слова: дѣтельнъ, нѣтъ. Въ больш. часословѣ Сев. собр. № 1. XIV—XV в. л. 93. дѣлателник же быль еси в... и..... въ старопечатныхъ и нов. минеяхъ также, кромѣ и, котораго нѣтъ. Въ Іосифовскихъ святцахъ: дѣйственъ же... и...

ѥдиногла҃но, συμφώνως, согласно, одногласно. ѥдиногла҃но славити прѣсты҃и дх҃ъ. Конд. въ недѣлю пятидесятницы изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. συμφώνως δοξάσωμεν τὸ πανάγιον πνεῦμα. Въ словарѣ Востокова слова: ѥдиногла҃но нѣтъ. Въ Краковской тріоди съгласно славимъ въсесты҃и дх҃ъ, въ теперешней печатной..... всес҃таго дх҃а.

ѥдиномысльно, ὁμοφρόνως, единомыслено, согласно. ѥдиномысльно. Конд. 7 окт. св. муч. Сергію и Вакху. Изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. л. 33. ὁμοφρόνως. Сего слова въ словарѣ Востокова нѣтъ. Такъ напечатано въ старопечатныхъ и 1710 г. минеяхъ; а въ уставѣ XIII — XIV в. № 328. Син. тип. Библ. написано: ѥ҃диноумно, котораго слова въ словарѣ Востокова также нѣтъ.

Единоѡбразнъ, μονοτρόπος, однообразный, одноправный. Ра҃уися ѐдиноѡбразны҃ лавры (sic) спѝне. Икос. 15 дек. св. Павлу Латрскому. Изъ служ. минеи XV в. № 91. Библ. Унд. л. 97. χαῖρε μονοτρόπων τοῦ λάτρα διάσωσμα. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ минеи XVI в. № 77..... латры. Въ старопечатныхъ минеяхъ, 1710 г. такъ же, какъ въ минеи № 91. XV в. Библ. Унд.

Заповѣданик, δόγμα, постановленіе, опредѣленіе. Оц҃ь заповѣданик (sic). Конд. 318 отцамъ. Изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. τῶν πρῶν τὰ δόγματα. Въ словарѣ Востокова: заповѣданик нѣтъ. Въ краковской тріоди ѡц҃мь оученіе, въ Іосифовской оц҃ь оученіе, въ теперешней... догматы.

Злог҃ливъіи, βλασφημῶν, порицающій, поносящій. Ра҃уися зло-

гнѣвъімъ чл҃комъ ѡбоуздание. Икос. 17 окт. св. Андрею Критск. изъ минеи 1558 г. № 276. Рум. муз. χαίρεις βλασφημούντων ἀνῶν τὸ φίμετρον. Въ словарѣ Востокова нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ также, въ минеи 1710 г. злогнѣвъіхъ...

Злопачалныи, ἀρχέκακος, начальникъ зла, виновникъ несчастія. Смири еси злоначалнаго врага. Ик. 15 дек. св. Павлу Латрск. изъ служ. минеи XV в. № 91. Библ. Унд. л. 83 об. ἐταπείνωσας τὸν ἀρχέκακον ἐχθρόν. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1710 г. также. Въ минеи 1530 г. № 79. Библ. Унд. л. 70 об. въ икосѣ 13 февр. св. Мартиніану греч. слово ἀρχέκακος также зълоначалныя переведено.

Изращеніе, ὄψις, видъ, взглядъ; явленіе, изображеніе. Землꙗ оудобрѣѫ (солнце утромъ) цвѣтꙑ творꙗ изращеніе. Икос. 9 іюля св. Кириллу изъ служ. минеи XV в. № 83. Библ. Унд. л. 50. τῆς γῆς καλλωπίζων, περὶ ανθίζων τὴν ὄψιν. Въ словарѣ Востокова слова: извращеніе, нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1711 г. землю оудобрꙗꙗ.

Испъщренъ, πεποικιλμένος, испещренный, разукрашенный. Въселенаꙗ невещественъıи дхꙑ испъщрена. Конд. 14 авг. препразднеству успенія Богородицы, изъ служ. минеи XV в. № 85. Библ. Унд. ἡ οἰκουμένη αὔλω πνῖ. πεποικιλμένη. Въ словарѣ Востокова нѣтъ слова: испъщренъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1711 года такъ же, какъ въ минеи XV в. № 85.

Кореносѣчный, ῥιζοτόμος, рѣжущій корни, съ корнемъ вырывающій. Радѹйся страстей кореносѣчный мечь. Ик. 12 нояб., преп. Нилу изъ печатн. минеи 1710 г. χαίρεις παθῶν ῥιζοτόμος μάχαιρα. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ.

Крѣпкомѫдрънъ, κραταιόφρων, крѣпко, сильно умный, мудрый. Хранило въ истинѫ доблествно и крѣпкомѫдръно. противѫ коварствꙑ злочьстивꙑ. Ик. 1 августа св. муч. Макавеямъ изъ служ. минеи XV в. № 85. Библ. Унд. л. 5. φύλαξ ὄντως

γενναίος καὶ κραταιώφρων, πρὸς μηχανὰς δυσσεβῶν. Въ словарѣ Востокова слова: крѣпкомѫдрънъ, нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ, какъ и въ минеи XV в. № 85. въ минеи 1711 г. ѡполченіе.....

Крѣпъцѣ, θαρσαλέως, смѣло, отважно, безбоязненно. Рє Гаврилоу крѣпъцѣ. Кондакъ начинающійся второй греч. буквою β на Благовѣщеніе Богородицы изъ Конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. φησὶ τῷ γαβριὴλ θαρσαλαίως (—εως). Въ словарѣ Востокова слова: крѣпъцѣ, нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1710 г.... дерзостнѡ.

Куппосъсельникъ, ὁμόσκηνος, служащій, живущій въ одной палаткѣ. Агглмь куппосъсельникъ, конд. 14 іюля св. Меѳодію Патріарху Конст. Изъ служ. минеи XV в. Синод. тип. Библ. л. 131. Въ словарѣ Востокова слова: куппосъсельникъ, нѣтъ. Въ минеи 1813 г. совселникъ.

Къзнодѣиство, μηχανουργεία, коварное дѣйствіе, хитрое замышленіе, дѣйствіе. Безаконнй къзнодѣиства посрамиста. Конд. 10 окт. св. муч. Евлампію и Евлампіи. Изъ часосл. № 1. XIV—XV в. Сев. собр. τῶν παρανόμων μηχανουργείας ἴσχυναν. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ также, кромѣ одного слова: посрамишѧ, а въ минеи 1710 г. пребеззаконныхъ.

Ледѧнъıи, παγετὸς, морозъ, ледъ. Въ ледѧнѣи зимѣ. Боле цвьтуть наче. Ик. 2 августа на перенесеніе мощей св. первомученика Стефана, изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. Въ словарѣ Востокова слова: ледѧнъıи, нѣтъ. Въ минеи XV в. № 85. Библ. Унд. л. 12. въ ледѣ зимнѣмь множае цьвтѧть (sic). ἐν παγετῷ χειτῶνος. πλεῶν ἀνθοῦσι μᾶλλον; въ минеи 1711 г. и старопечатныхъ минеяхъ..... цвѣтꙋ́ть паче.

Лоуча поущати, ἀκτινοβολεῖν, бросать лучи, быть осіяну. Лоуча поущакши на земли и на мори. Конд. XI в. № 1. Синод. тип. Библ. ἀκτινοβολῆς (—λεῖς) ἐν γῇ καὶ ἐν θαλάσσῃ. Икос. 15 сент. св. муч. Евѳиміи. У Востокова сего слова нѣтъ.

Любопытьнъıи, φιλοπράγμων, хлопотливый, дѣятельный, рачи-

тельный. Любопытьною десницею. Конд. на антипасху. Изъ Конд. XI в. № 1. Син. тип. Бил. τῇ φιλοπράγμονη (—γμονι) δεξιᾷ. Въ словарѣ Востокова слова: любопытиыи, нѣтъ. Въ Краковской тріоди, Іосифовской и нынѣшней печати такъ же напечатано, какъ въ Кондакарѣ XI в.

Мотива дѣлати, ἐξιλεώσειν, умилостивлять. Молитвами ми содѣлаи. Ик. 27 сент. св. муч. Каллисту изъ служ. минеи 1561 г. № 87. Библ. Унд. л. 418. ἐξιλεῶσαι κἀμοὶ. Сего слова у Востокова нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ и 1710 г. напечатано: млтива ми содѣлаи, какъ и слѣдуетъ вм. ошибочнаго молитва ми.

Многобжьствьк, πολυθεΐα, многобожіе. Многобжствык разроушилъ кси. Конд. 1 февр. св. муч. Трифону. Изъ Конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. л. 55. πολυθεΐας ἔλυσας. Въ словарѣ Востокова слова: многобжьствые, нѣтъ. Въ больш. часословѣ Сев. собр. № 1. XIV—XV в. многобжїа разорилъ еси, въ старопеч. минеяхъ: многобожїе... въ минеи 1710 года... разрѹшилъ еси.

Многобжьствьныи, πολύθεος, допускающій многихъ боговъ, многобожный. Многобжствьнаго избавлающи слоужениꙗ. Икос. начин. греческ. буквою I, на Благовѣщеніе Богородицы изъ Конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. τῆς πολυθεοῦ λυτρουμένη θρησκείας. Въ словарѣ Востокова слова: многобжьствьныи, нѣтъ. Въ старопечатныхъ тріодяхъ постныхъ и новопечатныхъ: варварскаго, и въ греческомъ псалтири X—XI в. Син. тип. Библ. № 356. βαρβάρων, въ тріодяхъ № 33. XII—XIII в. Сев. собр. въ святцахъ 1323 г. въ Акаѳистѣ, помѣщенномъ при Апостолѣ XI в. № 341. Син. Библ. и другихъ рукописяхъ: βαρβάρω.

Многоводьныи, πολύρρυτος, много, сильно текущій; обильный. Многоводьнок истачакши напокник. Ик. начин. греч. буквою φ, на Благовѣщеніе Богородицы. Изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. τὸν πολύρρητον (—ρυτον) ἀναβλύζεις ποταμῶν. Въ словарѣ Востокова слова: многоводьныи, нѣтъ. Въ

старопечатныхъ тріодяхъ и новопечатныхъ: многотекꙋщꙋю источаеши рѣкꙋ. Древній переводчикъ читалъ вмѣсто ποταμὸν рѣкꙋ, ποτισμὸν напоеніе.

Многокознъіи, πολυμήχανος, изобрѣтательный, искусный, многохитрый. Нізложи многокозна (sic). Ик. 13 дек. св. муч. Евстратію изъ служ. мин. XV в. № 91. Библ. Унд. л. 83 об. καθεῖλες τὸν πολυμήχανον. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ старопеч. минеяхъ и минеи 1710 г..... многокозненнаго.

Многоплодовитъ, πολύφορος, многоприносящій, плодоносный. Розга многоплодовита. Конд. 11 февр. св. священно-мученику Василію, изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. τὸ κλῆμα τὸ πολύφορον. Въ словарѣ Востокова слова: многоплодовитъ, нѣтъ.

Мракопрѣбываниє, ἀχλὺς, мракъ, мгла. Мракопрѣбывание. Ик. 1 окт. св. Ап. Ананіи. Изъ Конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. л. 32. τὴν ἀχλὺν. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ греч. минеи XII—XIII в. № 111. Сев. собр. τὴν ἀχλὺν есть, но послѣ сего написаны: ψυχῆς καὶ καρδίας τὴν σκοτομαίναν вм. τὴν ἐμεῖς (—ῆς) καρδιάς νῦν τε τὴν πορρωσιν. Въ старопечатныхъ минеяхъ и мин. 1710 г. напечатано: мракъ моего сердца и слѣпотꙋ. σκοτόμαινα значитъ темная безлунная ночь.

Моужьюмьнъіи, ἀνδρειόφρων, мыслящій по мужскому, мудрый умный какъ мущина. Моучительска не оустрашися прещенија моужьюмьнаꙗ. Конд. 4 дек. св. муч. Варварѣ. Изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. τυράννων οὐκ ἔπτηξας, ἀπειλὰς ἀνδρειόφρον. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ святцахъ Іосифовскихъ также, кромѣ одного слова: мꙋчителева, въ старопечатныхъ минеяхъ: мꙋчителей не оубоася прещеніа бгомꙋдраа, въ минеи 1710 г..... неоустрашилася еси мꙋжемꙋдренная.

Мчнколюбць, φιλομάρτυς, любящій мучениковъ. Мчнколюбци. Конд. 24 нояб. св. муч. Екатеринѣ. Изъ служ. минеи XV в.

№ 48. Син. тип. Библ. л. 114. φιλομάρτυρες. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ.

Мълчелюбивъ, φιλήσυχος, любящій спокойствіе, молчаніе, миролюбивый. Ефреме ѩко мълчелюбивъ. Конд. 28 генв. св. Ефрему Сирину. Изъ Конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. л. 54. ἐφραὶμ ὡς φιλήσυχος. Въ словарѣ Востокова слова: мълчелюбивъ, нѣтъ. Въ больш. часословѣ XIV—XV в. № 1. Сев. собр.... люба безмлъвїе. Въ старопечатныхъ минеяхъ также; въ минеи 1710 г.... любобезмолвныи.

Мыслениѡ, νουνεχῶς, умно, благоразумно. Мыслениѡ молю. 2 Ик. въ субб. мясопустную изъ правлен. требн. XVII в. № 308. Син. Библ. νουνεχῶς συσωπῶ. Въ словарѣ Востокова слова: мыслениѡ, нѣтъ.

Мытарьскъ, τοῦ τελωνίου, сбирающій пошлины. Мытарьское иго ѿвръгъ. Конд. 15 ноябр. св. Ап. Матѳію. Изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. л. 39. τοῦ τελωνίου τὸν ζυγὸν ἀπορρίψας. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ старопеч. минеяхъ... ѿверглъ. Въ слѣд. Псалтири 1635 г. и минеи 1710 г. ѿтвергъ.

До нб҃се ѩвленъ, οὐρανοφάντως, свѣтящій до самаго неба. До нб҃се ѩвленъ василие преподобне. Конд. 1 генв. св. Василію Велик. Изъ Конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. л. 48 об. οὐρανοφάντως βασίλειε ὅσιε. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ часословѣ XIV—XV в. № 1. Сев. собр., въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1710 г. нб҃оѩвленне.....

Невлажно, ἀβρόχως, неорошенно, неокропленно. Невлажно. Конд. 15 окт. св. Евѳимію новому. Изъ больш. часослова XIV—XV в. № 1. Сев. собр. л. 63. ἀβρόχως. Сего слова въ словарѣ Востокова нѣтъ. Такъ оно напечатано въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1710 г.

Невозбра̑нъ, ἀκώλυτος, безпрепятственный, свободный. Невозбра̑но ѡ҆брѣте е҆̑же внꙋ̑трь вхоженїе. Изъ служ. минеи 22 окт. св. муч. Ѳокѣ. № 87. 1561 г. Библ. Унд. ἀκώλυ-

τον εὗρε τὴν εἰς τὰ ἔσω πορείαν. У Востокова нѣтъ сего слова.

Невъмѣстимъіи, ἀχώρητος, невмѣстимый, необъемлемый. Ба҃ невъмѣстимаго село. Икос. нач. греч. буквою Ӡ, на Благовѣщеніе Богородицы; изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. Ӡυ҃ ἀχωρήτου χώρα. Въ словарѣ Востокова слова: невъмѣстимъіи, нѣтъ. Въ старопечатныхъ тріодяхъ и новопечатныхъ.... вмѣстилище.

Невѣжьствиѥ, ἄγνοια, неразуміе, незнаніе. Въ тьмѣ невѣжьствиѧ съпѧщаꙗ. Конд. 3 окт. св. Діонис. Ареопаг. Изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. л. 32 об., τούς ἐν σκότει τῆς ἀγνείας καὶ καϑεύδοντας. Въ словарѣ Востокова нѣтъ. Въ больш. часословѣ Сев. собр. № 1. напечатано:.... невѣдѣнїа лежащихъ. Въ старопечатныхъ и 1710 г. напечатано:... сѣдѧщїи и сѣдѧщыѧ, а въ слѣд. Сербской псалтири 1561 г. спещеѥ. Греч. καϑεύδω значитъ сплю, а не: сижу.

Нѥвѣровати, ἀπιστεῖν, невѣрить, недовѣрять. Не нѥвѣроуи. Ик. 6 окт. св. Ап. Өомѣ. Изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. л. 33. μι (μὴ) ἀπίστει. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Такъ оно переведено въ старопечатныхъ минеяхъ и 1710 г. минеи. Въ Кондакарѣ XI в. 24 февр. на обрѣтеніе честныя главы св. Предтечи во 2-мъ Икосѣ переведено: невѣрьствовати, ἀπιστήσας невѣрьствовавъ.

Неврѣдимъ, ἄτρωτος, не ранимый. Набъдѧи градъ твои неврѣдимъ. Конд. 26 окт. во время труса и св. великомуч. Димитрію. Въ Конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. л. 35. περιέπων τὴν πόλιν σου ἄτρωτον. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ уставѣ XIII — XIV в. № 328. Син. Библ..... непобѣдимъ. Въ часословѣ XIV — XV в. № 1. Сев. собр. сохранивъ..... неврѣдимъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ: сохранѧи... въ минеи 1710 г. соблюдаѧ...

Неврѣжени, ἀλώβητος, изъятый отъ всякаго вреда, цѣлый, неповрежденный. Стадо неврѣжено. Конд. 18 генв. св. Кириллу изъ 6-ти мѣсячной Сербск. минеи XIV в. № 75.

Библ. Унд. τὸ ποίμνιον ἀλώβητον. Въ словарѣ Востокова нѣтъ. Въ конд. 9 іюня св. Кириллу въ больш. часословѣ XIV—XV в. Сев. собр. № 1. слов. ἀλώβητος переведено: неврѣдимъи.

Невъздѣланъи, ἀγεώργητος, необработанный. Невъздѣланнаго грьзда. прозябьшиıа лоза. Ик. 26 дек. на Соборъ Богородицы. Изъ Кондак. XI в. № 1. Син. тип. Библ. л. 46. τὸν ἀγεώργητον βότρυν. βλαστήσασα ἡ ἄμπελος. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ старопечатн. минеяхъ: невоздѣланный гроздъ возраставшій виноградъ; въ минеи 1710 г. возраставшаѧ тайнъй винограде. Слова тайный въ рукописи по гречески нѣтъ.

Незаходимъи, ἄδυτος, незаходящій. ıако свѣтильника незаходимаго мысльнаго слнца. Конд. 21 окт. преп. Иларіону. Изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. л. 34. ὡς φωστῆρα ἄδυτον τοῦ νοητοῦ σε ἡλίου. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ часословѣ XIV—XV в. № 1. Сев. собр.... разоумнаго, и въ старопечатныхъ минеяхъ также, а въ минеи 1710 г..... ѹмнаго.....

Неизвѣщанно, ἀφράστως, несказанно. И радуютсе неизвѣщанно на земли рожьщоусе и поють. Конд. 29 дек. въ недѣлю по Рождествѣ Христовѣ. Изъ минеи XIV в. № 75 Библ. Унд. л. 230. χαίρουσι καὶ τῶν ἀφράστως ἐν γῇ τεχθέντα ανυμνοῦσι. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1710 г..... радѹютсѧ. неизреченно на земли рождшагосѧ воспѣваютъ.

Неизготованъи, ἀδαπάνητος, ничего не издерживающій; безъ издержекъ. Сѫкровище животоу неизготованое. Икос. начин. греч. буквою ψ, на Благовѣщеніе Богородицы. Изъ Конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. θησαυρὲ τῆν ζωῆς ἀδαπάνητε. Въ словарѣ Востокова слова: неизготованъи, нѣтъ. Въ старопечатныхъ тріодяхъ и новопечатныхъ..... живота неистощимое. Въ Конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. въ кондакѣ

въ недѣлю блудн. сына слово: ἀδαπάνητος, переведено: неизготовавъшии.

Неископанъ, ἀνώρικτος, невыкопанный, невырытый. Кладазь неископанъ, Ик. 25 дек. Рождеству Христову. Изъ Конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. φρέαρ ἀνώρικτον (ἀνώρυ—). Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1710 г. также.

Некрадомъіи, ἄσυλος, не разграбленный, безопасный, обезопасенный. Подаѧ вьсѣмъ некрадомое господьство. Конд. 1 генв. св. Василію Великому. Изъ Конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. л. 48 об. νέμον (—μων) πᾶσιν ἄσυλον. τὴν κυριώτητα. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ..... Въ часосл. XIV—XV в. № 1. Сев. собр..... некрадомо скровище. Въ старопечатныхъ минеяхъ также, и въ минеи 1710 г. гдьство, какъ въ Кондакаріѣ XI в.

Немилосьрдьнъіи, ἀσπλαγχνίας, безжалостный, немилосердый. Словеса немилосьрдьнаѧ къ милосьрдоумоу подвиже. Икос. 20 іюля св. прор. Иліи изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. λόγους ἀσπλαγχνίας πρὸς τὸν εὔσπλαγχνον ἐκίνησεν. Въ словарѣ Востокова слова: немилосьрдьнъіи, нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1711 г.... немилостивна къ милостивномꙋ...

Ненапоинъ, ἀπότιστος, ненапоеный. Тоу ѩвисѧ корень ненапоинъ. Ик. 25 дек. Рождеству Христову. Изъ Конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. ἐκεῖ ἐφάνει ῥίζα ἀπότιστος. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ тꙋ бо... а въ минеи 1710 г. тамо.....

Неневѣстьнъіи, ἀνύμφευτος, несочетанный бракомъ. Невѣсто неневѣстьнаѧ. Конд. 25 марта на Благовѣщеніе Богородицы. Изъ Кондакарія XI в. № 1. Син. тип. Библ. νύμφη ἀνύμφευτε. Въ словарѣ Востокова слова: неневѣстьнъіи, нѣтъ. Слово: ἀνύμφευτος, въ словѣ св. Іоанна Златоуста, помѣщенномъ въ Макаріевскихъ четьи-минеяхъ на Благовѣщеніе, переведено: небрачный.

Необоуреваемъ, ἀκλυδώνιστος, не движимый, не зыблемый волнами, спокойный. юже (церковь)... съхрани... недвижноу и необоуреваемоу. Конд. 22 окт. преп. Аверкію. Изъ служ. минеи XV в. № 8. Син. тип. Библ. ἣν... περιφύλαττε... ἀκαταγώνιστον καὶ ἀκλυδώνιστον. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ уставѣ XIII—XIV в. № 328. Син. Библ...... непреклонну неподвижиму; въ Сербск. минеи XIV вѣка № 75. Библ. Унд.... бесьсьблазньно и безьмятежьно, въ Часословѣ XIV—XV в. № 1. Сев. собр.... непобѣдимѫѧ и немѣтежнѫ и въ старопечатныхъ минеяхъ также, въ минеи 1710 г.... неѡбꙋ́реваемꙋ.

Неоправленъ, ἀδιόρθωτος, неисправленный. Неоправленъ (sic) бы. Конд. во св. и велик. четвертокъ изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. ἀδιόρθωτος ἔμεινεν. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ краковской тріоди цвѣтной: неисправленъ прѣбысть, такъ и въ Іосифовской.

Неостоупьнъ, ἀδιάστατος, безъ промежутковъ, безпрерывный, постоянный. Прѣбываꙗ неостоупьно. Конд. на Вознесеніе Господне изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. μένον (—ων) ἀδιάστατος. Въ словарѣ Востокова слова: неостоупьнъ нѣтъ. Въ тріоди нынѣшней печати... неотстꙋ́пныи.

Непоколѣблемъıи, ἄσειστος, непотрясаемый. ꙗвиса стълпъ непоколѣблемъıи цр҃кви. Конд. 1 Генв. св. Василію Великому, изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. л. 48 об. ὤφθης βάσις ἄσιστος (ἄσει—) τῇ ἐκκλησιά. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ часословѣ XIV—XV в. № 1. Сев. собр.... степень недвижимоую... Въ старопечатныхъ минеяхъ... столпъ неподвижимыи... Въ часословѣ XV в. Библ. Хлудова..... непоколеблемъ... въ минеи 1710 г. ꙗвился еси ѡснованіе непоколебимое цр҃кве. Въ святцахъ Іосифовскихъ: ...столпъ непоколебимъıи.....

Непорабощенъ, ἀδούλωτος, не порабощенный, не терпящій рабства. Дш҃ю же всю непорабощеноу съхранивъша. Икос. въ великій понедѣльникъ изъ конд. XI в. № 1. Син. тип.

Библ. τὴν ψυχὴν δὲ ὅλην ἀδούλωτον φυλάξαντα. Въ словарѣ Востокова слова: непорабощенъ, нѣтъ.

Непосрамьнъıи, ἀκαταίσχυντος, непостыдный, непосрамленный. Застоупьнице хрьстьıномъ непосрамьнаıа. Конд. Богородицѣ изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. л. 93. προστασία τῶν χριστηανῶν (—ιανῶν) ἀκαταίσχυντε. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ.

Непрележаніе, ἀμελεία, нерадѣніе, лѣность. Отънепрележаніꙗ страшнъıи падохъ. Ик. 10 генв. св. Григорію Нисскому. Изъ служ. минеи XV в. № 11. Син. тип. Библ. ἐξἀμελείας ὁ δείλαιος ἀναπέπτωκα. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ служ. минеи Рум. муз. 1441 г. № 273. лѣностию ѡкаанныи ѿ падохъ. Такъ напечатано въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1710 г.

Непремѣнинъ, ἀναλλοίωτος, неизмѣняемый, непремѣняемый. Разумѣите непремѣнного. Ипак. гл. 3. Изъ большаго часослова XV в. Библ. Хлуд. л. 76 об. б. γνῶτε τὸν ἀναλλοίωτον. Въ словарѣ Востокова слова: непремѣнинъ, нѣтъ. Въ Кіевскомъ молитвословѣ 1851 г. также переведено, какъ и въ часословѣ XV в. Библ. Хлуд.

Непретъıкаѥмъı, ἀναπρόσκοπτος, невстрѣчающій препятствія на пути къ паденію, не преткновенный. Непретъıкаѥмоѥ шествиѥ дшамъ подаиже. Икосъ 18 генв. св. Аѳанасію и Кириллу. Изъ служ. минеи XV в. № 11. Син. тип. Библ. ἀναπροσκόπτω. πορία ψυχῶν παράσχου. У Востокова слова: непретыкаемый нѣтъ.

Неприкосновенинъ, ἀπρόσιτος, неприступный, недостижимый. Землꙗ вьртьпъ неприкосновенноу приносить. Конд. 25 дек. Рождеству Христову. Изъ Кондак. XI в. № 1. Син. тип. Библ. ἡ γῆ τὸν σπίλαιον (σπη—). τῷ ἀπροσίτῳ προσαγει. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ..... неприкосновенномꙋ... въ большомъ часословѣ XIV—XV в. № 1. Сев. собр. также, а въ минеи 1710 г. непристꙋпномꙋ. Переводчикъ смѣшалъ два слова: ἀπροσι-

τος неприступный, съ ἀπρόσδεκτος, неприкосновенный. Въ значеніи: неприкосновенный употреблено въ Конд. на Богоявленіе Господне

Непрѣдълагаемыи, ἀμετάθετος, непереставимый; постоянный, твердый. непрѣдълагаемое оупъваніе, Конд. 15 авг. на Успеніе Богор. изъ Конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. ἀμετάθετον ἐλπίδα. Въ слов. Востокова слова: непрѣдълагаемыи нѣтъ. Въ минеи XI—XII в. № 55. Моск. Син. тип., Библ. л. 36: непрѣдълагаемоую надежю. Въ часословѣ Библ. Хлудова XV в. непрелагаемое... Въ старопечатн. минеяхъ: извѣстное... Въ слѣд. Сербск. псалтири 1561 г. и минеи 1711 г. непрѣложное... Въ кондакарѣ XI в., въ кондакѣ Богор. ἀμετάθετος. переведено непрелагаемыи.

Непрѣльстьныи, ἀπλανής, не блуждающій. Звѣзда свѣтлаа непрѣльстьнаа ıависл. Конд. 3 нояб. св Георгію изъ больш. часосл. Сев. собр. № 1. XIV—XV в. л. 68. об. Ἀστὴρ φαεινὸς ἀπλανέστατος ἐδείχθης. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Такъ напечатано въ старопеч. и минеи 1710 г.

Неразоримыи, ἀπόρθητος, неразрушимый. Црствию неразоримаıа стѣна. Икос. начинающ. греч. буквою ψ. на Благовѣщеніе Богор. Изъ Конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. τῆς βασιλείας τὸ ἀπόρθητον τεῖχος. Въ словарѣ Востокова слова: неразоримыи нѣтъ. Въ старопечатныхъ тріодяхъ и новопечатныхъ: црствіа нерꙋшимаа стѣно.

Неоувѧдающии, ἀμάραντος, неувядаемый. Цвѣтъ неоувѧдающии. Конд. 11 февр. св. Василію изъ Конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. τὸ ἄνθος τὸ ἀμάραντον. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ.

Неоугасимыи, ἄσβεστος, неугасаемый, вѣчно-продолжающійся. Свѣтъ въсиıа неоугасимыи. Ик. 7 генв. на соборъ св. Предтечи. Изъ Конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. φῶς ἀνέτειλεν ἄσβεστον. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ и мин. 1710 г. также. Въ минеи XI—XII в. № 66. Син. тип. Библ... негасимыи.

Неоудобьразоумныи, δυσσέφικτος, чего трудно достигать, съ трудомъ постижимый. Сказающа бжтвенаы концемь неоудобьразоумнаы. Конд. 21 генв. св. Максиму исповѣдн. Изъ минеи 1441 г. № 273. Рум. муз. σαφηνίζων (—ζων) τὰ θεία τοῖς πέρασι. δυσσεφίκτων νοημάτων. Въ словарѣ Востокова нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ, такъ и въ минеи 1441 г. Въ минеи 1710 г. ѧвлѧюща..... неоудобопостижныхъ разѹмѣній.

Неоуѧзвень, ἄτρωτος, нераненный. Врагѡвь стрѣлѣніи неоуѧзвень. Икос. 2 іюн. св. Никифору. Изъ служ. минеи XV в. № 83. Библ. Унд. ἐχθρῶν ἐντόξοις ἄτρωτος. Въ словарѣ Востокова слова: неоуѧзвень нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1711 г. ѿ врагѡвъ стрѣлѧніи...

Неѿтдатно, ἀνενδότως, неослабно, непреклонно. ѿтгонѧ дѣмоньскую мрачную соблазнь неѿтдатно. Икос. 17 генв. преп. Антонію. Изъ служ. минеи XV в. № 11. Син. тип., Библ. л. 77. об. ἐκδιώκων καὶ δεμόνων τὴν ζοφερὰν, νύκτα ἀνενδότως. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ минеи XIV в. № 75. Библ. Унд. л. 274 об. написано: ѿтгоне бесовьскую ѡмраченоую лѣсти неѡслабно.

Нїзѹплѣжѹщїи, χαμερπής, ползающій, пресмыкающійся по землѣ. помышленїа нїзѹ плѣжѹщаа ѡблича мчтльскаа. Ик. 27 сент. св. муч. Каллистрату. Изъ служ. минеи 1561 г. № 87. Библ. Унд. л. 418. φρένας χαμερπεῖς ἐλέγχωντας τυράννων. Сего слова: нїзѹплѣжѹщїи въ словарѣ Востокова нѣтъ. Такъ оно напечатано въ старопечатныхъ минеяхъ и 1710 г.

Оброучитисѧ, προσορμησθῆναι, устремиться, приблизиться. Правьдьноуоумоу игѹ обрѹчисѧ. Конд. 16 нояб. св. Апост. Матѳію. Изъ Конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. л. 39. δικαιοσύνης τῷ ζυγῷ προσορμίσθης (—ήσθης). Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ: правды иго воспріялъ еси. Въ минеи XV в. № 76. Библ. Унд. праведномѹ игоу пѡложисѧ, въ слѣд. псалтири 1561 г... приступилъ еси.

Осопныи, λοιμικός, принадлежащій къ моровой язвѣ, заразительный. Избавлєєши всꙗкого чл҃вка ѡсопнаго недуга всегда. Конд. св. муч. Варварѣ 4 дек. Изъ служ. мин. XV в. № 64. Син. тип. Библ. л. 135. λυτρούσε πάντα ἄνθρωπον. λοιμικῆς (λοιμι—) νόσου πάντοτε. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ.

Паствина, ποίμνη, стадо, паства. Оумирити паствинѫ. Изъ бол. час. Сев. собр. № 1. XIV—XV в. л. 58. Конд. св. мучен. Калистрату. τοῦ εἰρηνεῦσαι ποίμνην. У Востокова сего слова нѣтъ. Такъ оно напечатано въ старопечатныхъ минеяхъ и 1710 г. и написано въ часословѣ XV в. Библ. Хлудова.

Первопобѣдникъ, προτροπή, ободреніе, побудительная причина. Первопобѣдниче чт҃нымъ мч҃нкмъ. Ик. 13 дек. св. муч. Евстратію. Изъ служ. минеи XV в. № 91. Библ. Унд. л. 83 об. προτροπη σεπτων μαρτύρων. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1710 г. также. Слово προτροπή неправильно переведено: первопобѣдникъ, котораго значенія оно не имѣетъ. Въ Конд. 15 дек. св. священомуч. Елевѳерію оно переведено въ часословѣ XIV—XV в. № 1. Сев. собр. л. 82 об. красота, а въ часословѣ XV в. Библ. Хлуд. л. 209. преложеніе, въ минеи 1710 г. ѕвѣщаніе, въ слѣд.пс. 1561. понуужденіе.

Первострадална, ἡ πρώταθλος, первая подвижница, первая страдалица, мученица. Первострадалнꙋ ꙗви. Изъ служ. минеи № 87. Библ. Унд. л. 345 об. 24 сент. Икос. св. первомуч. Ѳеклѣ. πρώταθλον ἔδειξεν. Сего слова въ словарѣ Востокова нѣтъ. Такъ это слово напечатано въ старопечатныхъ минеяхъ и 1710 г. Въ минеи 6-ти мѣсячной № 75. XIV в. Библ. Унд. во 2-мъ кондакѣ это слово переведено: прьво м҃ца. и въ часословѣ № 1. Сев. собр. также.

Пьрвострадальць, ὁ πρώταθλος, первый страдалецъ, мученикъ, подвижникъ. ꙗвисꙗ пьрвострадальць вьсѣмъ. Конд. 27 дек. св. первомученику Стефану. Изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. л. 47 об. ἐδείχθη πρώταθλος ἅπασιν. Въ словарѣ Во-

стокова сего слова нѣтъ. Въ Кондак. XI в. въ Конд. 1 авг. на перенесеніе мощей св. первомученика Стефана ὁ πρώταθλος переведено: пьрвострадальче.

Погоубитель, ὀλετήριος, разрушительный[1]), пагубный, вредный. Радоуисѧ мьногобожнлаго храма погоубителю. Икос. 3 окт. св. Діонисію Ареопагиту. Изъ Конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. л. 32 об. χαῖρε πολυθέου σκηνῆς ὀλετήριον. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ напечатано: многобожїѧ храмωмъ 1710 г... храмовъ.

Подвигѫначальникъ, σταδιάρχης, поприщеначальникъ, подвигоначальникъ. Добрыи подвигоу начальникъ, Икос. 2 авг. на перенесеніе мощей св. первомученика Стефана. Изъ Кондакарія XI в. № 1. Син. тип. Библ. ὁ καλὸς σταδιάρχης. Въ словарѣ Востокова слова: подвигоу начальникъ нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи XV в. № 85. Библ. Унд... сѫдищꙋ началникъ, въ минеи 1711 г.... подвиго нач...

По дльгоу, καταχρέως, по долгу, по обязанности. По дльгоу. Конд. 12 мая св. Епифанію и Герману, изъ служ. минеи 1577 г. № 82. Библ. Унд. καταχρέως. Въ словарѣ Востокова слова: по дльгоу нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1711 г. какъ и въ минеи 1577 г.; въ уставѣ XIII—XIV в. № 328. Син. тип. Бил. должно.

Помраченныи, γνοφώδης, темный, мрачный. Тамо землѧ темна и помраченна всѧ. Икос. 11. въ субб. мясоп. изъ правл. требника XVII в. № 308. Син. тип. Библ. ἐκεῖ γῆ σκοτεινὴ. καὶ γνωφώδης (γνοφώ—) ὅλη. Въ словарѣ Востокова слова: помраченный, нѣтъ. Въ маломъ печатномъ требникѣ 1857 года. Кіевъ. такъ же, какъ и въ правленомъ XVII в.

Прародительница, ἡ πρόγονος, прежде рожденная, прародительница. Прародительницѧ х҃вы прѣстоѥ прѣставлениѥ.

[1]) Въ среднемъ родѣ соотвѣтственно слѣдующему слову σκοπευτήριον, можетъ значить: разрушеніе.

Икос. 25 іюля на Успеніе св. Анны, изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. л. 73. τῆς προγόνου χῦ τὴν μακαρίαν μετάστασιν. Въ словарѣ Востокова слова: прародительница, нѣтъ. Въ служ. минеи XVI в. № 201. Библ. Большакова: прамтре... блаʼное... Такъ въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1711 г...

Привезаніе, πρόσδησις, привязываніе къ чему. Къ юнцемь привезаніе. Изъ часослова Сев. собр. № 1. XIV—XV в. Конд. 24 сент. св. первомуч. Оеклѣ. л. 57. ταύρων πρόσδησιν. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ.

Прималице, ἡ διάδοχος, преемница. Радоуисѧ питательнице манынѣ прималице. Ик. начин. греч. буквою: λ, на Благовѣщеніе Богородицы. Изъ Конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. χαῖρε τροφὴ τοῦ μάννα διάδοχε. Въ словарѣ Востокова слова: прималице нѣтъ. Въ тріодяхъ старопечатныхъ и новопечатныхъ... пище, манны пріемнице. Въ греч. псалт. № 356. Син. Библ. τροφὲ, и греч. Акаѳистѣ XIV в. № 429. также, въ другихъ греч. рукописяхъ, Апостолѣ XI в. мѣсяцесловѣ 1323 г. тріоди 1460 г. τροφὴ. Въ икосѣ начин. греч. буквою ρ. δοχεῖον переведено въ семъ кондакарѣ прималице.

Прилога, προσβολὴ, приложеніе; приближеніе, наступаніе. Всѧку прилогу мукъ доблестно... побѣдивше. Ик. 2 нояб. св. муч. Акиндину и... οἱ πᾶσαν προσβολὴν βασάνων ἀνδρείως... τρέψαντες. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Изъ минеи № 48. XV в. Син. тип. Библ. л. 2.

Приснодѣвыи, ἀειπάρθενος, всегда дѣвственный. Въ оутробоу въселиисѧ приснодѣвыи. Конд. 15 авг. на Успеніе Богор. Изъ Конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. ὁ μήτραν οἰκεῖσας ἀειπάρθενον. Въ словарѣ Востокова слова: приснодѣвыи нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ: иже во... вселивыисѧ приснодѣвственнѫю, въ минеи 1711 г. иже, нѣтъ, а прочее также.

Приснопамѧтныи, ἀοίδιμος, воспѣтый, прославленный. Приснопамѧтнаго страдальца. Конд. 16 окт. Изъ минеи XV в.

№ 8. Син. тип. Библ. л. 146 б. τοῦ ἀοιδίμου ἀθλητοῦ. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ уставѣ XIII—XIV в. № 328. Син. Библ. написано: непобѣдимаго мчнка. Здѣсь вмѣсто ἀοιδίμου читали ошибочно: ἀηττήτου. Такъ написано въ Серб. часословѣ XIV—XV в. № 1. Сев. собр. Въ сторопечатныхъ минеяхъ: приснословущаго мчнка, въ слѣд. Псалт. 1635 г. приснoблаженнаго, въ минеи 1710 г. такъ же, какъ выше въ минеи XV в.

ПриснOсиıанъıи, ἀειλάμπης, всегда свѣтящій. Свѣтомъ приснoсиıанъı̈. Ик. 2 нояб. св. муч. Авоонію, Акиндину и... Изъ служ. минеи № 48. XV в. Син. тип. Библ. л. 2. ἐν φωτὶ ἀειλαμπεῖ. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ.

Прнотекущіи, ἀέναος, вѣчно текущій, всегдашній. Рнса источниче чюдесъ прнотекущіи. Икос. 27 окт. св. Андрею Крит. изъ минеи 1558 г. № 275. Рум. муз. χαῖρε πηγὴ θαυμάτων ἀέναε. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Такъ напечатано въ старопечати. минеяхъ минеи 1710 г. Въ Кондак. XI в. № 1. Син. тип. Библ. 18 авг. въ конд. св. муч. Флору и Лавру ἀένναος переведено: приснотекоущии.

Прнохвалнъıи, ἀεισέβαστος, всегда почитаемый, достойный почтенія. Въсхвалимъ мартиніана прнохвалнаго, Конд. 13 февраля св. муч. Мартиніану изъ больш. часослова Сев. собр. № 1. XIV—XV. л. 95 об. εὐφημήσωμεν. μαρτινιανὸν τὸν ἀεισέβαστον. Въ словарѣ Востокова слова: прнохвалныи нѣтъ. Въ часословѣ XIV—XV в. № 1. Сев. собр., въ старопечатныхъ минеяхъ также; Въ больш. часословѣ XV в. Библ. Хлуд... достохвалнаго, въ минеи 1710 г. присночестнаго.

Пристоупьнъ, προσηνής, тихій пріятный, угодный. Свѣтлою пристоупьною. исповѣданиѧ благодатию. Ик. 11 ноябр. св. муч. Минѣ. Изъ Конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. ἐν φαιδρᾷ καὶ προσηνεῖ ὁμολογίας χάριτι. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ: въ свѣтлѣмъ

и радостнѣмъ исповѣданіи бл҃годати; въ минеи 1710 г. во... исповѣданія...

Проразумѣтель, προγνώστης, предвѣдецъ, предъузнающій. Свада (sic) ꙗко проразоумѣтель. Икос. 29 генв. на перенесеніе мощей св. Игнатія Богоносца. Изъ конд. XI в. № 1. Синд. тип. Библ. л. 54 об. γινώσκων ὡς προγνώστης. Въ словарѣ Востокова слова: проразоумѣтель нѣтъ. Въ минеи XIII—XIV в. № 65 Син. тип. Библ. л. 269. свѣдаꙗ... Въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1710 г. вѣдыи. ꙗко провѣдецъ.

Простославити, ὀρθοτομεῖν, въ прямомъ направленіи рѣзать раздѣлять; правильно разсуждать. Graeco-Latinum Lexicon in Nouum Testamentum Schleusner. 1808. T. Secund. p. 305. Простославити и прославити бл҃гочьстиꙗ великоую таиноу. Конд. 318. отцамъ изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. ὀρθοτομῇ (—μεῖ) καὶ δοξάζει. τῆς εὐσεβείας το μέγα μυστήριον. Въ словарѣ Востокова слова: простославити, нѣтъ. Въ краковской тріоди исправити иславити... великое таиньство. Въ Іосифовской и теперешней исправлꙗетъ и славитъ... таинство. Въ Икос. 12 мая свв. Епифанію и Герману въ минеи служ. 1577 г. № 82. Библ. Унд. греческое слово: ὀρθοτομῇ (—μεῖ) переведено: правоисправлѣеть; Въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1711 г.... вꙗеть.

Прѣбогатъи, ὑπερούσιος, пресущественный, по природѣ выше всѣхъ существъ [1]). Прѣвъзнесе кго прѣбогатъи, Икос. 13 нояб. св. Іоанну Златоусту изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. ὑπὲρ ὕψωσεν αὐτὸν ὁ ὑπερούσιος. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ минеи XV в. № 75. Библ. Унд. пресѫщьстьвныи. Въ старопечатныхъ минеяхъ... пребогатыи; въ минеи 1710 г. превышнии..... пресѹщественныи. Въ кондакѣ 21 генв. св. Максима переведено въ минеи 1441 г. пресущныи.

Прѣболии, ὑπέρτερος, высшій, преимущественнѣйшій. Паче вьсѣхъ чл҃вкъ. прѣболии былъ кси. Ик. 24 февр. на обрѣ-

теніе честн. главы св. Предтечи, изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. подъ 25 маія. ὑπὲρ πάντας βροτοὺς, ὑπέρτερος ἐχρημάτισας. Въ словарѣ Востокова слова: прѣболии нѣтъ. Въ минеи XVI—XVII в. 168. Большакова:... вышьши. Въ минеи Филаретовской также, Іосифовской: превысшій, минеи 1710 г. вышьшій.

Предоблии, πανάριστος, наилучшій. Коупьць предоблии. Конд. 16 нояб. св. Ап. Матѳію изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. л. 39. ἔμπορος πανάριστος. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ:... предобрыи, въ минеи 1710 г. всеизраднѣйшій.

Прѣизбранный, πρόκριτος, прежде осужденный; предпочтенный, предпочтительный, лучшій. Апл̃мь прѣизбранный. Конд. 11 сент. св. Ап. Филиппу. Изъ бол. час. XIV—XV в. № 1. Сев. собр. τῶν ἀποστόλων σήμερον ὁ πρόκριτος. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ 6-ти мѣсячной служ. минеи XIV в. Библ. Унд. № 75. Этотъ кондакъ написанъ подъ 9-мъ числомъ Ап. Іакову, и слово προκρίτος переведено: чьнѣйши. Въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1710 года предъизбранный.

Прекрасьнъіи, παγκόσμιος, всемірный; предоброправный, претихій, преукрашенный. Радоуися оч̃е прекрасьнъіи. Конд. 3 окт. св. Діон. Ареопаг. изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. л 32 об. χαῖρε πάτερ παγκόσμιε. Въ словарѣ Востокова нѣтъ. Такъ написано въ часосл. XIV—XV в. № 1. Сев. собр. Въ старопечатныхъ минеяхъ и 1710 г. всемирныи напечатано. Въ уставѣ XIII—XIV в. № 238. Син. Библ.... всест̃ныи.

Прп̃номч̃никъ, ὁσιομάρτυς, священный, благочестивый, преподобный мученикъ. Прп̃но мч̃ниче. Икос. 23 сент. св. Харитону исповѣднику. Изъ служ. минеи XV в. № 76. Библ. Унд. л. 121 об. ὁσιομάρτυς. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ.

Преблгнъıи, ὑπερευλογημένος, преблагословенный. Си соубота ѥсть преблгнаꙗ. Конд. во св. и Великую Субботу изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. τοῦτο σάββατον ἐστὶ τὸ ὑπερ ευλογημενον. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ тріоди постной и цвѣтной XI—XII в. № 15. Син. тип. Библ. л. 182... прѣблаженаа.

Прѣсъвършенъıи, ὑπερτέλειος, пресовершенный, совершеннѣе всѣхъ. Двца се ражаѥть прѣсъвършенаго. Икос. 24 декаб. препраздневству Рождества Христова; Изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. ἡ παρθένος ἰδου. τίκτει τὸν ὑπερτέλειον. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ минеи XII в. № 49. Син. тип. Библ. двца бо ражаѥть всесъвършенаго. Въ старопечатныхъ минеяхъ: се бо..... въ минеи 1710 г. два..... а прочее также какъ въ минеи XII в. № 49. Син. тип. Библ.

Прѣоугоднїи, ἄριστος, лучшій, превосходнѣйшій, благороднѣйшій. Поборници прѣоугоднїи, Конд. 25 окт. св. нотар. Маркіану и Мартирію. Изъ часослова XIV—XV в. № 1. Сев. собр. л. 65 об. ὑπέρμαχοι ἄριστοι. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ уставѣ XIII—XIV в. № 328. Син. Библ. написано: поборници доблии. Въ минеи 1558 г. № 276. Рум. муз.... избраннии. Такъ напечатано въ старопечатныхъ минеяхъ, и минеи 1710 г.: изрядиѣйшїи.

Прѣоукрашень, ὑπερκόσμιος, сверхъ земный, сверхъ мірскій. Показа тѧ въсѣмь Бцѧ. и страшенъ чрътогь прѣоукрашень. Икос. 14 авг. препраздневству Успенія Богород. изъ служ. минеи XV в. № 85. Библ. Унд. ἔδειξε σέ πᾶσιν κον. καὶ φρικτὴν παστάδα ὑπερκόσμιον. Въ словарѣ Востокова слова: прѣоукрашень нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1711 г. такъ же, какъ въ минеи XV в. № 85. Библ. Унд.

Прѣхвальнъ, πανευκλεής, преславный, презнаменитый. Съ прѣхвальною елисавеѳию. Конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. л. 30. Конд. 23 сент. зачатію св. Іоанна Предтечи. σὺν τῇ πανευκλεῇ ἐλισαβετ. У Востокова сего слова нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ и 1710 г. напечатано: съ преславною.

Ревнителнъ, ζηλωτὸς, блаженный, кому завидують, удивляются Ревнително житие. Икос. 28 генв. св. Ефрему Сурину изъ служ. минеи 1441 г. № 273. Рум. муз. ζηλωσεὶ τὸν βίον (въ минеи XII—XIII в. № 448 Син. Библ. ζηλωτὸν), Въ словарѣ Востокова слова: ревнителнъ нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1710 г. также.

Роукоденство, χειρουργία, ручная работа. Таинъимь роукоденствьмь страсти..... нцѣли. Ик. 18 окт. св. Апост. Лукѣ Изъ Конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. μυστικῇ χειρουργία τὰ πάθη... ἰᾶσαι. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ Въ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. Греческое слово: χειρουργία 31 генв. въ конд. св. чудотворц. Киру и Іоанну роучьноюе дѣлю... τῇ χειρουργία роучьнъимъ дѣлъмь, а въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1710 г. рꙋкодѣйствіемъ

Садовно дрѣво, φυτὸν, мѣсто, усаженное деревьями, виноградными лозами. ꙗвися на садовне дрѣвѣ Конд. 26 іюня преп Давиду Оессалонитскому изъ больш. часосл. Сев. собр. № 1 XIV—XV в. ὡραθῆς ἐν φυτῷ. Въ словарѣ Востокова слова: садовно дрѣво, нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ, также, какъ въ часословѣ XIV—XV в., въ минеи 1711 года ꙗвился еси.....

Самовѣщаньнъ, αὐτεπάγγελτος, кто самъ что обѣщаетъ, на себя беретъ; самообѣщанный. Къ сему самообѣщаньно (sic) приде Конд. начин. греч. буквою: σ, на Благовѣщеніе Богородицы, изъ Конд. XI в. № 1. Синод. тип. Библ. πρὸς τοῦτον αὐτεπάγγελτος ἦλθεν. Въ словарѣ Востокова слова: самообѣщаньнъ нѣтъ. Въ старопечатныхъ тріодяхъ и новопечатныхъ... самообѣтованъ...

Свѣтоводити, φωταγωγεῖν, освѣщать, свѣтить кому. Цр҃кы... свѣтоводить страданиі твоими. свѣтоносивую... пам҄ѧть твою҆ Конд. 18 нояб. св. Роману; Изъ служ. минеи XV в. № 48. Синод. тип. Библ. л. 77. ἡ ἐκκλησία... φωταγωγεῖται τοῖς ἄθλοις σου, τὴν φωτοφόρον... μνήμην σου. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ.

Свѣтопримьнъıи, φωτοδέχος, свѣтъ въ себѣ принимающій, свѣтопріемный. Свѣтопримьноу свѣщоу. Ик. начин. греч. буквою φ, на Благовѣщеніе Богородицы, изъ Конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. φωτοδέχον λαμπάδα. Въ словарѣ Востокова слова: свѣтопримьнъıи нѣтъ. Въ старопечатныхъ тріодяхъ и новопечатныхъ: свѣтопріемнꙋ.....

Свѣтьло плодьнъıи, ἀγλαόκαρπος, съ блестящими, прелестными плодами. Дрѣво свѣтьлоплодьное, Икос. начин. греческ. буквою N. Изъ Конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. δένδρον ἀγλαόκαρπον. Въ старопечатныхъ тріодяхъ и новопечатныхъ: свѣтлоплодовитое. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ.

Сщ҃еноначальникъ, ἱεράρχης, главный духовный начальникъ. Сщ҃еноначальниче евменіе. Служ. минеи № 8. XV в. Синод. тип. Библ. Конд. св. Евменію 18 сентяб. л. 64 а. ἱεράρχα εὐμένιε. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ старопечатныхъ и новопечатныхъ минеяхъ это слово замѣнено: ст҃лю.

Сщ҃енноначалныи, ἱεράρχης, священный начальникъ, главный духовный начальникъ. Сщ҃енноначалнїи чюдное съвъкоупленіе. Конд. 12 маія св. Епифанію и Герману изъ служ. минеи 1577 г. № 82. Библ. Унд. л. 43. ἱεραρχῶν. τὴν θαυμαστὴν ξυνωρίδα. Въ словарѣ Востокова слова: сщ҃енноначалныи нѣтъ. Въ уставѣ XIII—XIV в. № 328. Синод. Библ. ст҃льскую дивную версту, въ больш. часословѣ XIV—XV в. № 1. Сев. собр. и въ старопечатн. минеяхъ какъ въ минеи 1577 г. и въ минеи 1711 года сщ҃енноначальникъ чюднꙋю двоицꙋ, въ слѣд. Сербск. псалт. 1561 г. ст҃лємь чѫдноужѫ двоицѫ.

Сщ҃еноученикъ, ἱερομύστης, кто посвящаетъ въ Богослуженіе, священноначальникъ, въ таинства религіи посвященный ученикъ. Пауле сщ҃еноучениче. Икос. 6 нояб. св. Павлу исповѣднику изъ Конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. Въ словарѣ

Востокова сего слова нѣтъ. Παῦλε ἱερομύστα. Въ Конд. 24 авг. св. Апост. Евтихію въ минеи XV в. № 85. Библ. Унд. слово: ἱερομύστης переведено: свщеннотаинникъ.

Свщенноѧвленнъ, ἱεροφάντωρ, кто учитъ Богослуженію, главный пастырь церкви, архіерей, первосвятитель. Свщенноѧвленне. Ик. 23 окт. св. Ап. Іакову. Изъ минеи № 76. XV в. Библ. Унд. ἱεροφάντωρ. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Такъ переведено въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1710 г.

Семо свѣщнїй, ἑπτάφωτος, съ седьмью свѣтильниками. Семосвѣшнїи маккавеи. Конд. 1 авг. св. Маккавеямъ изъ служ. минеи XV в. № 85. Библ. Унд. л. 5. Въ словарѣ Востокова слова: семосвѣщнїи нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1711 г. также, какъ въ минеи XV в. Библ. Ундол. № 85.

Семочислънїи, ἑπτάριθμος, числомъ семь, семичисленный Стълпи семочислънїи, Конд. 1 авг. св. мучен. Маккавеямъ изъ служ. минеи XV в. № 85. Библ. Унд. л. 5. οἱ στύλοι οἱ ἑπτάριθμοι. Въ словарѣ Востокова слова: семочислънїи, нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1711 г. также, какъ въ минеи XV в. Библ. Унд.

Славословествити, δοξολογεῖν, славословить. Аггли съ пастыри славословестветь. Конд. 25 дек. Рождеству Христову. Изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. ἄγγελοι μετὰ ποιμένων δοξολογοῦσι. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ больш. часосл. XIV—XV в. № 1. Сев. собр..... пастырми... славословять. Такъ и въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1710 г.

Совоставити, ἐξαναστῆσαι, приказать встать, поднять. Расслабленаго словомъ бжтвенъімъ совоставилъ еси. Икос. въ недѣлю расслабленнаго изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. τὸν παράλυτον. λόγω θεϊκῶ σὺ ἐξανέστησας. Въ словарѣ Востокова слова: совоставити, нѣтъ. Въ Краковской и Іоси-

фовской и теперешней тріодяхъ также, какъ въ кондакарѣ XI в.

Страстолюбьць, φιλομάρτυς, любящій мучениковъ. Похвалимъ... вси стртолюбци. Конд. 12 авг. св. муч. Фотію и Аникитѣ, изъ устава XIII—XIV в. № 328. Син. Библ. л. 278. μακαρίσωμεν... πάντες φιλομάρτυρες. Въ словарѣ Востокова слова: стртолюбьць, нѣтъ. Въ больш. часословѣ Библіотеки Хлудова и въ старопечатныхъ минеяхъ слова: стртолюбци пропущено. Въ печатной греч. минеи вм. φιλομάρτυς напечатано: φιλαθλος.

Стртоносица, ἡ ἀθλοφόρος, награду получающая, страданія, подвиги переносящая, подвигоположница. Тя жена стртоносицѣ первострадалнꙋ ꙗви. Изъ служ. минеи Библ. Ундол. № 87. 1561 г. Икос. 24 сент. св. первомуч. Θеклѣ. γυναικῶν ἀθλοφόρων σε πρώταθλον ἔδειξεν. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ.

Страстоположникъ, ἀθλοθέτης, кто назначаетъ награду за подвигъ, за страданія, или мученія. Молитва [1]) ми содѣлаи ха страстоположника твоего. подати ми слово блгти. Ик. св. Каллистрату 27 сент. изъ служ. минеи 1561 г. № 87. Библ. Унд. л. 418. ἐξιλέωσαι κἀμοὶ χῦ τὸν ἀθλοθέτην σου. τοῦ παρασχεῖν μοι λόγον ἐν χάριτι. Въ словарѣ Востокова нѣтъ. Такъ оно напечатано: въ минеяхъ старопечатныхъ и 1710 года. Въ минеи XV в. № 8. Син. тип. Библ. написано въ кондакѣ 7 числа: страдоположника.

Соужитель, συμπολίτης, согражданинъ; сожитель, вмѣстѣ живущій съ кѣмъ. ꙗвися соужитель ангеломъ. Ик. 11 генв. св. Θеодосію. Изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. ὤφθης συμπολίτης ἀγγέλων. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ Сербской 6-ти мѣсячной минеи XIV в. № 75. Библ. Унд.... соужитникь... Въ старопечатн. минеяхъ... согражданинъ... въ минеи 1710 г. ꙗвился еси согражданинъ.

---

[1]) Надо читать млтва.

Съселникъ, σύσκηνος, кто вмѣстѣ живетъ въ одной палаткѣ, сотоварищь. Апл̃мъ съселника. 22 окт. Конд. преп. Аверкію Изъ служ. минеи XV в. № 8. Син. тип. Библ. л. 163 об. ἀποστόλων σύσκηνον. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ часословѣ XIV—XV в. № 1. Сев. собр. XIII—XIV в. и въ Уставѣ съѡбещника, въ минеи XIV в. № 75. Библ. Унд. собыцьника. Въ старопечатныхъ минеяхъ:... сожителника, въ минеи 1710 г. совселника.

Състрадальникъ, σύναθλος, сподвижникъ споспѣшникъ. Мч̃никомъ състрадальникъ ıвльсѧ. Конд. 20 маія св. муч. Θалалею. Изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. τῶν μαρτύρων σύναθλος. ἀναδειχθῆς (—θείς). Въ словарѣ Востокова слова: състрадальникъ нѣтъ. Въ старопеч. минеяхъ, какъ и въ конд. XI в. въ минеи 1711 г. сострадалець.

Таиисловьць, μυστολέκτης, тайновѣщатель. Велика таиисловьца Ик. 6 окт. св. Апост. Θомѣ изъ конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. л. 33. μέγαν μυστολέκτην. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ служ. минеи № 76. XV в. Библ. Унд.... таиноповѣдателѣ. Въ старопечатныхъ... таинопсповѣдателѧ; 1710 г. таинопсповѣдателю. Въ минеи 1558 г. № 276. Рум. муз. 17 окт. въ конд. св. Андрею Критскому сіе слово замѣнено: таиног л̃никъ.

Терподш̃ныи, καρτερόψυχος, крѣпкодушный, съ терпѣливою душою. Терподш̃не. Конд. 27 ноябр. св. Іакову Персскому Изъ служ. минеи XV в. № 48. Син. тип. Библ. καρτερόψυχε. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ часословѣ XIV—XV в. № 1. Сев. собр. л. 77. написано: многотрьпьливе дш̃ем. Въ старопечатныхъ и минеяхъ и минеи 1710 г. терпѣливодꙋшне.

Толпа, φάλαγξ, ряды боеваго строя, пѣхота, армія; множество. Всѧ толпа дѣмоньскаꙗ погыбе. Икос. 17 іюня св. муч. Мануилу, Савелію и Исмаилу. Изъ служ. минеи Син. тип. Библ. XV в. л. 137 об. Въ словарѣ Востокова слова: толпа, нѣтъ. Въ большомъ часословѣ Библ. Хлуд. XV в. въ кондакѣ 19

іюня прен. Дію, на л. 262 об. Греческое слово: φάλαγγας переведено: воиньства.

Трисвѣтьныи, τρίλαμπής, очень блистающій. Свѣтъ трисвѣтьный. Конд. 21 генв. прен. Максиму исповѣднику. Изъ служ. минеи 1441 г. № 273. Рум. муз. φῶς τὸ τρίλαμπές. Въ словарѣ Востокова нѣтъ слова: трисвѣтьныи. Въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1710 г. также.

Троудолюбьно, φιλοπόνως, трудолюбиво, рачительно. Даныи тебѣ талантъ. троудолюбьно. съдѣлаи вьсьгда. Конд. въ св. Великій Вторникъ. Изъ Кондакарія XI в. № 1. Син. тип. Библ. τὸ δοθὲν σου ταλαντον. φιλοπόνως ἔργασαι πάντοτε. Въ словарѣ Востокова слова: троудолюбьно, нѣтъ.

Тъчьнообразьнъ, ὁμότροπος, сходный нравомъ, образомъ жизни. Тъчьнообразьнъ и соужитель. Икос. 6 нояб. св. Павлу исповѣднику. Изъ Конд. XI в. Син. тип. Библ. Въ словарѣ Востокова нѣтъ. Въ минеи 1097 г. № 44. Синод. тип. Библ. ..... и слоужитель. ὁμότροπός τε καὶ σύναθλος. σύναθλος значитъ сподвижникъ, споборникъ.

Тьзьнъ, ἐπώνυμος, соименный, имѣющій тоже имя. Тьзьноумоу и нынѣ градоу твоемоу. Конд. XI в. л. 27. τῇ ἐπονύμῳ σου καὶ νῦν πολιτεια. Конд. 14 сент. на Воздвиж. креста Господня. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ и новопечатныхъ слово: тьзьноумоу замѣнено другимъ: тезоименитому.

Тьмьнообразьныи, σκοτεινόμορφος, темновидный, темнообразный. Бѣсовьскоую тьмьнообразьноую силоу ѿгналъ есть всу. Икос. 22 генв. св. Апост. Тимоѳею и Анастасіи. Изъ служ. минеи XI—XII в. № 66. Син. тип. Библ. τὴν τῶν δαιμόνων σκοτεινόμορφον δύναμιν ἀπεδίωξεν ἅπασαν. Въ словарѣ Востокова нѣтъ. Въ минеи 1441 г. № 273. Рум. муз. Бѣсомъ темнозрачноую..... ѿгна. Такъ и въ старопечатн. минеяхъ, а въ минеи 1710 г. демонскѹю тмоѡбразнѹю...

Оудобренье, ἐγκαλλώπισμα, украшеніе, уборъ, нарядъ. Двамъ бжтвное оудобренье. Изъ Устава XIII—XIV в. № 328.

Сиюд. Библ. л. 59. 24 сент. Конд. св. первомучен. Өеклѣ παρθένον (—ων) τὸ θεῖον ἐγκαλλώπισμα. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ.

Оукраситель, κοσμήτωρ, кто убираетъ, украшаетъ, украситель. Всѣхъ оукраситель. Конд. начин. греч. буквою σ. на Благовѣщеніе Богород. изъ Конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. ὁ τῶν ὅλων κοσμήτωρ. Въ словарѣ Востокова слова: оукраситель нѣтъ. Въ старопечатныхъ тріодяхъ и новопечатныхъ тріодяхъ: иже.....

Оумно, νοητῶς, вразумительно, ясно; разумно. Оумно вънїѧщи. Икос. 12 маія свв. Епифанію и Герману изъ минеи 1577 г. № 82. Библ. Унд. νοητῶς βοῶσα. Въ словарѣ Востокова слова: оумно нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1711 г. какъ въ минеи 1577 г.

Оуноуждати, ἐκβιάζεσθαι, вынуждать, вытѣснять. Любъвию оуноужденъ бывъ. Икос. 24 февр. на обрѣтеніе честн. главы св. Іоанна Предтечи, изъ Конд. XI в. № 1. Син. тип., Библ. πόθῳ ἐκβιασθεὶς. Въ словарѣ Востокова слова: оуноуждати нѣтъ. Въ Филаретовской минеи... понꙋдився, въ Іосифовской: желаніемъ... Въ минеи 1710 г. понꙋжденъ. Въ минеи XVI—XVII в. № 168. Большак. ошибкою писца написано: принудився вм. понꙋдився.

Оуправлено, εὐρύθμως, благозвучно, стройно, согласно. ꙗко да оуправлено похвалю. Конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. Ик. 20 сент. св. мучен. Евстаѳію ὅπως εὐρύθμος ἐγκωμιασω. У Востокова нѣтъ. Въ служ. минеи № 32 моего собр. въ Рум. муз. и въ старопечатныхъ минеяхъ и 1710 г. это слово замѣнено: бл҃госъчетанно.

Оучичьствовати, μαθητεύειν, быть ученикомъ, μαθητέυεσθαι, учить, обучаться. Оучичьствовавъ. Конд. 3-го окт. св. Діон. Ареопаг. Изъ устава № 328. XIII—XIV в. Син. Библ. μαθητευθεὶς. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ конд. XI в. переведено: оучивъсѧ. Въ большомъ часословѣ XIV—XV в. Сев. собр. № 1. наоучилъсѧ еси, въ старопе-

чатныхъ наоучився — 1710 г. ıако оученикъ, согласно тому, какъ напечатано въ часословѣ 1509 г. ὡς μαθητής.

Хврастныи, φρυγανώδης, имѣющій видъ хвороста, похожій на него. Хврастная страстей..... сѣклъ еси. Конд. 12 ноября преп. Нилу. Изъ печатн. минеи 1710 г. τὰς φρυγανώδεις τῶν παθῶν... συνέκοψας. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ.

Хѷлюбьць, φιλόχριστος, любящій Христа, Христолюбивый. Блгочьстнѣ въспоимъ хѷлюбьци. Икос. 27 іюля св. муч. Пантелеймону, изъ Конд. XI в. № 1. Сун. тип. Библ. εὐσεβῶς ὑμνήσωμεν φιλόχριστοι. Въ словарѣ Востокова сего слова: хѷлюбьць нѣтъ. Въ старопечатн. минеяхъ и минеи 1711 г. блгочестнѡ воспоемъ.....

Цвѣтомъ творити, περιανθίζειν, кругомъ увѣнчивать, украшать цвѣтами, убирать, оцвѣчивать. Цвѣтѡ твора изращеніе. Икос. 9 іюня св. Кирилу изъ служ. минеи XV в. № 83. Библ. Унд. л. 50. περὶ ἀνθίζων τὴν ἔφιν. Въ словарѣ Востокова слова: цвѣтѡ творити нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1711 г. также, какъ въ минеи XV в. № 83.

Цѣломоудрьникъ, σώφρων, цѣломудренный. Иосифа прѣнѣтаго цѣломоудрьника, Икос. въ Великій Понедѣльникъ изъ Конд. XI в. № 1. Сун. тип. Библ. Ἰωσὴφ τὸν ἀοίδιμον σώφρονα. Въ словарѣ Востокова слова: цѣломоудрьникъ нѣтъ. Въ тріоди цвѣтной Краковской 1491 г... прѝснопамѧтнаго и цѣломѫдрьнаго.

Чюдодѣтель, θαυματουργός, чюдотворецъ. Чюдодѣтель же именуешися. Конд. 17-го ноября св. Григорію Чудотв. изъ служ. минеи XV в. Сун. тип. Библ. θαυματουργὸς γὰρ ὀνομάζεται. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ 6-ти мѣсячной минеи XIV в. № 75. Библ. Унд. чюдотворць бо зовешисе. Въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1710 г. чюдотворецъ же имоноуешися.

Чюдодѣıание, θαυματουργία, чудотвореніе, чудодѣяніе. ıаже сътвори чюдодѣıаниıа. Икос. 30 сент. св. Григорію Еписк.

великія Арменіи. Изъ Конд. XI в. № 1. Син. тип. Библ. л. 31 об. ἅπερ εἰργάσω θαυματουργίας. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ 6-ти мѣсячной сербск. минеи Библ. Унд. № 75. л. 54 об. такъ написано: иже сьдѣи чюдотворил. Слова: чюдотворил въ словарѣ Востокова также нѣтъ.

Чюдоносець, θαυματοφόρος, имѣющій даръ творить чюдеса. Чюдоносче Антоние. Конд. 17 генв. преп. Антонію. Изъ служ. минеи № 11. XV в. Син. тип. Библ. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ.

Шествованїе, πορεία, ходьба, путь, путешествіе. Чю͠дными ѡ͠святил твоими шествованїи. Икос. 25 авг. св. Апост. Вареоломею изъ служ. минеи XV в. № 85. Библ. Унд. ταῖς θαυμασταῖς ἡγίασας σου πορίαις. Въ словарѣ Востокова слова: шествованїе нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1711 г. также, такъ въ минеи XV в. № 85. Библ. Унд.

Ѡбрѫчитель, μνηστήρ, сговоренный, женихъ. ѡбрѫчителѧ врѣменнаго презрѣла еси. Изъ больш. часослова Библ. Хлуд. 25 сент. преп. Евфросиніи Конд. μνηστῆρος προσκαίρου καταφρόνησας. Сего слова у Востокова нѣтъ. Въ часословѣ № 1. Сев. собр. XIV—XV в. ѡбрѫчника... не брѣгла еси. Въ служ. минеи Син. тип. Библ. № 8. XV в. ѡ҆брꙋченика... пресобидѣла еси.

Ѡбоузданиe, φίμωτρον, намордникъ, узда. Злоглаивымъ чл҃комъ ѡ҆боузданиe. Икос. 17 окт. св. Андрею Крит. изъ минеи 1558 г. № 276. Рум. муз. βλασφημούντων ἀνῶν φίμωτρον. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Такъ оно напечатано въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1710 г.

Ѡнебесити, οὐρανῶσαι, переселить на небо, сдѣлать небеснымъ. Моцью неизреченною твою ѡ҆нбсилъ еси црк҃вь. Икос. 18 Генв. преп. Аеанасію и Кириллу, изъ служ. минеи XV в. № 11. Син. тип. Библ. σθενεία ἀπορρήτω. τὴν σὴν οὐρανώσας ἐκκλησίαν. Въ словарѣ Востокова нѣтъ слова: ѡнебесити.

Ѩвѣсказателныи, ἀρίδηλος, очень ясный, весьма извѣстный; отличный. Моужьствоу ѩвѣсказателное познаніе Икос. 5 іюля св. Аѳанасію Аѳонскому, изъ служ. минеи XV—XVI в. № 98. Библ. Унд. τῆς ἀνδρείας ἀρίδηλον γνώρισμα. Въ словарѣ Востокова слова: ѩвѣсказателныи, нѣтъ. Въ старопечатныхъ минеяхъ и минеи 1711 г. такъ же, какъ и въ XV—XVI в. № 98.

Ѩремница, ἡ σύζυγος, супруга. Оувѣщенъ добротою съ ѩремницею. Конд. 27 нояб. св. Іакову Персскому. Изъ служ. минеи XV в. № 48. Син. тип. Библ. πεισθεὶς τῇ καλῇ συζύγῳ. Въ словарѣ Востокова сего слова нѣтъ. Въ минеи 1558 г. № 276. Рум. муз. вѣровавъ добрѣй соупроужницѣ. Въ старопечатныхъ минеяхъ также, а въ минеи 1710 г. оувѣрився доброю сѹпрѹжницею.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,
ЧИТАННЫХЪ
ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ VII, № 8.

ИТАЛЬЯНСКІЕ АРХИВЫ

И

ХРАНЯЩІЕСЯ ВЪ НИХЪ МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ СЛАВЯНСКОЙ ИСТОРІИ.

ФЛОРЕНТИНСКІЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВЪ.

В. МАКУШЕВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1870.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Февраль 1870 г.
Непремѣнный Секретарь *К. С. Веселовскій.*

ФЛОРЕНТИНСКІЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВЪ

И ХРАНЯЩІЕСЯ ВЪ НЕМЪ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ СЛАВЯНСКОЙ ИСТОРІИ.

В. Макушева.

Центральный Флорентійскій архивъ учрежденъ въ 1852 году по указу Великаго Герцога Тосканскаго Леопольда II. При его учрежденіи имѣлись въ виду двѣ цѣли—административная и ученая: соединить и привести въ порядокъ различные архивы Флоренціи и облегчить ученымъ пользованіе хранящимися въ нихъ актами изданіемъ *Указателей* и *Описаній (Inventarii e Regesti)*. Новая организація Флорентинскаго архива была возложена на извѣстнаго Итальянскаго ученаго, профессора *Франциска Бонаини*, который по совѣтамъ Ив. Фридр. Бёмера привелъ архивъ въ историко-хронологическій порядокъ, руководствуясь слѣдующими соображеніями: «Былъ необходимъ такой порядокъ, при которомъ сохранились бы въ неприкосновенности отдѣльные архивы», говоритъ г. *Бонаини* *). «Нужно было, чтобы каждый архивъ продолжалъ представлять особое учрежденіе, особое правительственное мѣсто (magistratura), а всѣ архивы вмѣстѣ были бы отраженіемъ исторіи Флоренціи и Тосканы: а такъ нужно

*) Il *Regio Archivio Centrale di* **Stato in Firenze.** Quarta edizione con l'agiunta degli Archivi riuniti dal 1855 al 1861. P. 4 — 5.

было искать въ самой исторіи разумнаго распредѣленія. Флоренція была сначала общиною (comune), потомъ монархическимъ государствомъ: отсюда дѣленіе Флорентинскихъ архивовъ на *республиканскіе* (Republica) и *монархическіе* (Principato)».

Архивъ помѣщается въ величественномъ зданіи «degli Uffizi», построенномъ Вазари и украшенномъ статуями знаменитыхъ Флорентинцевъ, у площади» della Signoria». Въ первомъ этажѣ, въ 15 залахъ, выходящихъ на улицу, помѣщаются архивы дипломатическій, республиканскій и Медичейскій (Mediceo): первый въ 3-хъ, второй въ 7 слѣдующихъ и послѣдній въ пяти (на Арно, съ южной стороны) залахъ. Въ семи параллельныхъ съ ними залахъ помѣщены (кромѣ архивовъ герцоговъ д'Урбино и князей Піомбино) архивы Лотарингскій и главныхъ правительственныхъ мѣстъ съ 1530 г. до Французскаго господства. Великолѣпная зала бывшаго Медичейскаго театра, украшенная портретами знаменитыхъ Флорентинцевъ, занята архивомъ художествъ и ремеслъ (gli Archivi delle XXI Arti). Въ остальныхъ пяти залахъ перваго этажа и 11 медзанина (mezzanino) помѣщаются архивы разныхъ государственныхъ учрежденій. Первыя семь залъ нижняго этажа заняты архивомъ духовныхъ корпорацій, а остальныя 15 финансовыми и юридическими архивами. Всего въ архивѣ 61 зала.

Въ апрѣлѣ 1868 года считалось всего въ государственномъ Флорентинскомъ архивѣ 126,631 дипломатическій документъ (древнѣйшій 716 г.; до 1000 г.—382, 1000–1300 гг.—31,760; позднѣйшій 1813 г.) и 263267 томовъ (изъ нихъ архиву республиканскому принадлежатъ 18,401 и монархическому, 1530–1808 г., 244,866).

Укажемъ на болѣе важные отдѣлы Флорентинскаго архива:

1. *Архивъ республиканскій.*

a) *Флорентинскіе статуты* съ XIII вѣка.

b) *Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ (I capitoli del comune di Firenze).* Указатель къ нимъ издастъ секретарь архива, *Цезарь Гвасти* (I-й т. въ 1866 г.).

c) *Дипломатическая переписка: α) Signoria Carteggio.* Исхо-

дящія (*della Signoria* Prima Cancelleria) 1302—1532, 90 томовъ, — входящія (*alla Signoria*), 1309—1530, 49 т. — β) *Legazioni e Commissarie*: переписка съ своими и иностранными послами и коммиссарами, 1393—1530, № 37. — γ) *Dieci di Balia e Otto di Pratica*. Въ отд. *Legazioni e Commissarie*—переписка съ послами и коммиссарами: исходящія (*De' X*) 1384—1530, № 162, *degli VIII*,—1480—1527, № 72 и входящія *d' X*, 1395—1530, № 159,—*agli VIII*, — 1480—1527, № 56.

2. *Архивъ монархическій.*

I. *Архивъ Медичей*: a) *Дипломатическая переписка великихъ герцоговъ и ихъ секретарей* (Carteggio de' Granduchi, Cart. de' Segretari granducali); b) *Донесенія Флорентинскихъ посланниковъ при Итальянскихъ дворахъ* (Negozi e Carteggio di Ministri e Residenti alle Signorie e Corti d' Italia); c) *Переписка съ иностранными дворами* (Negozi e Carteggi delle corti e stati esteri).

II. *Архивъ герцоговъ Урбинскихъ* (d'Urbino), перешедшій въ Тоскану по наслѣдству отъ Викторіи della Rovere, послѣдней представительницы этого дома и супруги Фердинанда II.

III. Собраніе сенатора Карла Строцци *(Miscellanea Strozziana)*, пріобрѣтенное Великимъ Герцогомъ Петромъ Леопольдомъ въ 1786 г., заключаетъ кромѣ разныхъ реляцій и историческихъ сочиненій, много драгоцѣнныхъ подлинныхъ документовъ; всего 381 томъ (filza).

Государственнымъ Флорентинскимъ архивомъ управляетъ почтенный Итальянскій ученый, проф. *Ф. Бонаини*, съ титуломъ Главноуправляющаго Тосканскими архивами (Sopraintendente generale d. Archivi Toscani); имъ организованы подвластные ему архивы Пизы, Сіены и Луки, описанія коихъ составлены имъ-же. Ревностный сотрудникъ «Итальянскаго историческаго архива» (Archivio storico Italiano), онъ извѣстенъ, какъ издатель и комментаторъ Пизанскихъ статутовъ. Его сотрудникъ, первый секретарь Архива, *Цезарь Гвасти*, исполняетъ ученыя работы по изданію Указателей и Описаній актовъ. Къ нимъ должно присоединить еще третьяго—молодого ученаго, чиновника-же архива,

ученика дипломатической школы, учрежденной при Архивѣ въ 1856 г. подъ руководствомъ проф. Карла Меманези, — г. *Сальтини*, заявившаго о себѣ своими статьями въ изданіи Архива, «Giornale storico degli Archivi Toscani», выходившемъ въ свѣтъ въ 1857—1863 г.

Кромѣ «Историческаго журнала Тосканскихъ архивовъ», Указателей и Описаній архивныхъ актовъ, Флорентинскій архивъ издалъ «*Арабскія грамоты*», собранныя и объясненныя извѣстнымъ Итальянскимъ оріенталистомъ, проф. *Асссари*, авторомъ «Исторіи Арабовъ въ Сициліи»: «*I diplomi Arabi del R. Archivio Fiorentino*». Firenze, Le Monnier, 1863, in 4°. Онъ же содѣйствовалъ къ изданію актовъ, касающихся сношеній Италіи съ Византіею, предпринятому профессорами Миклошичемъ и Миллеромъ: «*Acta et diplomata res graecas italasque illustrantia e tabulariis Anconitano, Florentino, Melitensi, Neapolitano, Veneto, Vindobonensi*».

Этого мало: просвѣщенное начальство Флорентинскаго архива, памятуя завѣщаніе Леопольда II, радушно принимаетъ всякаго ученаго и своими совѣтами и указаніями содѣйствуетъ его трудамъ: достаточно упомянуть *Фикера* *) *Дежардена* **) и *Тсйнера* ***).

Переходя отъ общаго къ частному, познакомлю читателей съ матерьялами для Славянской исторіи, хранящимися во Флорентинскомъ государственномъ архивѣ. Начнемъ съ нашего отечества.

I. Россія.

1. Въ двухъ донесеніяхъ Флорентинскаго посланника въ Миланѣ отъ 18 и 23 ноября 1493 г. (*Lettere missive e responsive*

---

*) *Ficker*: Die Ueberreste des Deutschen Reichs-Archives zu Pisa (Aus d. Sitzungsber. 1854 der K. K. Akad. d. Wiss.). Wien 1855, in 8°.—Urkunden zur Geschichte des Römerzuges Kaiser Ludvig des Baiern und der italischen Verhältnisse seiner Zeit. Innsbruck, 1865, in 8°.

**) Négociations diplomatiques de la France avec la Toscane, documents recueillis par G. Canestrini (нынѣ директоръ библіотеки Малья-Беккіяны) et publiés par Abel Desjardins. Paris. 1859. in 4°.

***) Vetera monumenta, Slavorum meridionalium historiam illustrantia. Romae 1867. in f°. Vetera monumenta, Hibernorum et Scotorum historiam illustrantia, ex Vaticani, Neapolis ac Florentiae tabulariis deprompta etc. Romae. 1864. in f°.

degli Otto di Pratica, filza 147) говорится о посольствѣ, отправленномъ Иваномъ Васильевичемъ къ Миланскому герцогу Ивану Галеацъ-Маріи и другимъ Итальянскимъ владѣтелямъ. Въ кредитивной грамотѣ, данной въ апрѣлѣ 1493 г. (7001), читаемъ: «Nos mittimus ad partes Italiae praecipue ad Excellentiam vestram Domesticos nostros Manuelem Doxam et Danielem Mamarevo propter quaedam negocia nostra». 17 ноября послы прибыли въ Миланъ; на встрѣчу имъ былъ посланъ Антоній Марія де Сансеверино. На слѣдующее утро они были приняты герцогомъ, которому вручили кредитивную грамоту, предложили отъ имени царя дружбу Россіи и поднесли дары, состоявшіе изъ мѣховъ, оружія и «зуба рыбы длиною въ локоть похожаго на слоновую кость» (uno girifalco bianco, cinque mazzi di zibellini di XL per mazo, una scimitarra et uno arco fornito, et uno dente di pesce che è lungo circa uno bracio, che pare d'avorio). Они отказались присутствовать на придворномъ празднествѣ вслѣдствіе несогласій въ церемоніалѣ: «они требовали предпочтенія передъ королевскимъ посломъ, говоря, что ихъ государь не только благороднѣе, но и сильнѣе вмѣстѣ взятыхъ королей Венгріи, Богеміи и Польши (volévano precedere allo orator Regio, che dicono il Signor loro oltre allo essere nobilissimo havere piu potentia, chel rè di Ungheria, Boemia e Polonia insieme)».

2. Въ XII-мъ картонѣ «Подлинныхъ áктовъ» (*Documenti originali*) Медичейскаго архива находятся бумаги, касающіяся трехъ Русскихъ посольствъ во Флоренцію: первыя два (1656 и 1659—1660) были отправлены Алексѣемъ Михайловичемъ, а послѣднее (1687 г.) Иваномъ и Петромъ Алексѣевичами. Весьма характеристичны донесенія изъ Ливорно о пребываніи тамъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца Ив. Ив. Чемоданова съ большою свитою, въ которой находился и священникъ (1656 г.): въ нихъ описывается, какъ проводило время Русское посольство, представляется характеристика главныхъ лицъ, говорится объ ихъ одеждѣ, о нравахъ и обычаяхъ, о предубѣжденіяхъ и суевѣріяхъ. При одномъ изъ донесеній приложенъ портретъ Русскаго посла. Какъ первое, такъ

и второе посольство (Вас. Тим. Постникова) были отправлены по дѣламъ торговымъ (Тосканцы особенно хлопотали о вывозѣ изъ Россіи икры): третье же (1687 г. того же Постникова) имѣло цѣлью склонить великаго герцога Тосканскаго къ союзу противъ Турокъ. При бумагахъ находятся двѣ подлинныя грамоты Ивана и Петра Алексѣевичей. Тутъ же рекомендація іезуиту Ивану Грималъди, отправлявшемуся въ Китай (1689).

3. Въ 25 картонѣ собранія Строцци (*Carte Strozziane*, filza 25, № 11: Scritture attinenti al Gran Duca di Toscana, Firenze e suo Stato) я нашелъ письмо великаго герцога Фердинанда II къ царю Алексѣю Михайловичу, котораго титулуетъ Императоромъ (Imperator. Caesarea Maiestas), отъ 6-го мая 1663 г.; отпуская Ив. Аоан. Желябужскаго, онъ обѣщаетъ въ непродолжительномъ времени отправить въ Россію своихъ пословъ.

4. Въ 313 картонѣ того же собранія находятся подлинныя письма Флорентинца, весьма близкаго къ Польскому двору, *Филиппа Талдуччи* къ кавалеру *Ивану Баптисту Кончини графу делла Пенна* во Флоренціи изъ Польши и Литвы 1578—1583,— новый источникъ для исторіи Ивана Грознаго. Содержаніе этихъ писемъ на столько любопытно, что я считаю небезполезнымъ познакомить съ нимъ читателей.

Въ первомъ письмѣ отъ 12 іюня 1578 г., изъ Кракова, упоминается о казни Подковы, «который владѣлъ уже всею Валахіею»,—казни, опозорившей Польскій народъ и причинившей королю нѣкоторыя замѣшательства (cosa, che passa' con poco honore di questa natione et con qualche carico del Re);—говорится о приготовленіяхъ къ отраженію Крымскихъ Татаръ, объ ожидаемомъ прибытіи въ Люблинъ Московскаго посольства и о возобновленіи торговыхъ сношеній съ Данцигомъ.

Талдуччи препровождаетъ письмо, полученное имъ отъ достовѣрнаго лица (persona degna di fede), заключающее любопытныя подробности о казни Подковы. Уѣзжая изъ Варшавы въ Рову въ Мазовіи, — говорится въ этомъ письмѣ, — король приказалъ привести туда Подкову, бывшаго князя Валахіи, и содержать

его тамъ подъ стражею; отсюда его привели во Львовъ, куда прибыли чаушъ (Турецкій посолъ) и посланникъ Валашскій, поднесшій королю 50 быковъ, нѣсколько бочекъ вина и превосходную лошадь. Оба посла требовали головы Подковы. Въ понедѣльникъ, 16 іюня, рано утромъ король выѣхалъ изъ города, отправляясь, будто бы, на охоту. Передъ отъѣздомъ онъ отпустилъ изъ предосторожности чауша и приказалъ вооружить горожанъ и затворить городскія ворота; ибо ему внушалъ подозрѣніе необыкновенный наплывъ вооруженнаго народа, пришедшаго видѣть Подкову. По отъѣздѣ короля и по принятіи всѣхъ мѣръ предосторожности, около 14-го часа былъ приведенъ на площадь несчастный князь (il misero Princepe), но не съ связанными руками: по особой милости, дарованной ему по прочтеніи смертнаго приговора. Барабанный бой и неописанный шумъ народа раздавался на площади. Прошедшись дважды по мѣсту казни, поглаживая бороду, посматривая на народъ, безъ боязни смерти, Подкова просилъ народъ утихнуть, и, когда водворилось спокойствіе, обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: «Господа Поляки, я приведенъ на казнь, и не знаю за что, ибо не вѣдаю за собою никакой вины, заслуживающей такого наказанія. Знаю одно только, что я всегда сражался храбро и почтенно противъ враговъ христіанскаго имени и всегда старался о выгодахъ и пользѣ этого отечества нашего; быть оплотомъ противъ невѣрныхъ было постоянною моею мыслью, удержать ихъ въ границахъ ихъ и не дозволить имъ переправляться черезъ Дунай; но я не могъ привести въ исполненіе своей задушевной мысли, Богъ вѣдаетъ по какой причинѣ, преимущественно же по винѣ того, довѣрившись кому, я пришелъ сюда *); но надѣюсь на Бога, что онъ казнитъ измѣнника за невинную мою кровь. Знаю одно только, что я долженъ умереть отъ руки палача, ибо такъ приказалъ поганый песъ Турокъ вашему королю, своему слугѣ, а король вашъ—палачу. Смерть

*) По замѣчанію анонимнаго корреспондента, здѣсь подразумѣвается одинъ Русскій воевода (uno General de Russia), поручившійся, что Подковѣ не будетъ сдѣлано никакого зла въ Польшѣ.

мнѣ ни по чемъ. Но намятуйте, что не пройдетъ много времени, и вы не избѣжите моей участи, и по волѣ этого поганаго пса будутъ отправлены въ Констатинополь ваши имущества, ваши головы и головы вашихъ королей». Помолчавъ, онъ сталъ просить, чтобы не причиняли никакого зла восьми его слугамъ и товарищамъ, всегда храбро сражавшимся за республику, и дозволили имъ похоронить его тѣло. Въ народѣ былъ слышанъ плачъ и ропотъ; но не было возможности подать ему помощь. Онъ выпилъ за здоровье земляковъ чашу вина, поднесенную ему однимъ изъ его товарищей, еще два раза прошелся и подошелъ къ плахѣ. Замѣтивъ солому, посланную ему подъ ноги, онъ воскликнулъ: «Боже мой, неужели я недостоенъ преклонить колѣна на что-либо болѣе благородное», и съ этими словами приказалъ слугамъ принести изъ дому коверъ. Съ молитвою на устахъ, безъ боязни, онъ ждалъ смертнаго удара. Отрубленную голову его трижды показали народу. Народъ рыдалъ и роталъ; но долженъ былъ смолкнуть передъ направленными противъ него дулами ружей. Слуги Подковы пришили къ тѣлу его голову, положили трупъ въ изготовленный имъ самимъ зеленый гробъ и отнесли въ ближнюю православную церковь. Казнь Подковы, прибавляетъ разскащикъ, произвела всеобщее неудовольствіе и много повредила королю въ глазахъ народа.

Во второмъ письмѣ изъ Кракова же отъ 5 ноября 1578 г. Талдуччи сообщаетъ содержаніе письма изъ Вильны отъ 28 сентября: въ немъ говорится о *пораженіи Московскаго войска* (22,000 чел. съ 20 пушками большаго калибра) *подъ замкомъ Киссонъ* (Kisson) въ Ливоніи соединенными силами Поляковъ (подъ начальствомъ Виленскаго палатина) и Шведовъ. По Польскому извѣстію, пораженіе было столь рѣшительно, что никто не избѣжалъ (non ne sia campato testa) смерти или плѣна, исключая главнокомандующаго, спасшагося бѣгствомъ: 8 князей пало въ битвѣ, и 4 вмѣстѣ съ пользовавшимся большимъ уваженіемъ полковымъ писаремъ (lo scrivano del campo persona di grande stima) и 4 боярами (baroni di conto) взяты въ плѣнъ.

Въ третьемъ письмѣ оттуда же отъ 10 декабря того же года говорится *о прибытіи въ Польшу Московскаго посольства.* Оно на столько любопытно, что заслуживаетъ дословнаго перевода.

«Въ прошедшую середу прибыли сюда Московскіе послы, числомъ двое, ибо третій, главный изъ нихъ (capo d'essi) умеръ на границѣ королевства. Говорятъ, что причиною его смерти было жестокое наказаніе палочными ударами, которому подвергъ его Московскій государь передъ самымъ его отъѣздомъ за то (fattolo bastonare asprissimamente), что изъ страху или по недостатку памяти онъ не съумѣлъ изложить передъ нимъ цѣль своего посольства къ Польскому королю. Послы прибыли сюда съ обычною пышностью, на двухъ стахъ лошадяхъ; главные изъ нихъ одѣты въ національныя, весьма богатыя, одежды, но ихъ видъ не внушаетъ почтенія; можно бы было принять ихъ за переодѣтыхъ мужиковъ (villani rivestiti). Они были по принятому обычаю встрѣчены Поляками, и Северинъ Конарскій произнесъ отъ имени короля обычное привѣтствіе, сидя на конѣ; но прежде, чѣмъ онъ сталъ говорить, спорили долго о томъ, кто долженъ первый снять шапку, порѣшили сдѣлать это всѣ одновременно. Послѣ этого привѣтствія, ихъ отвели на квартиру, которая была столь дурна, что они стали жаловаться, но ихъ жалобы не были услышаны. Въ четвергъ разсуждали въ сенатѣ о томъ, какъ принять ихъ, а въ пятницу они были позваны на аудіенцію, на которую они отправились съ небольшою свитою и съ обычными подарками, состоявшими изъ нѣсколькихъ штукъ недорогихъ соболей, нѣсколькихъ посредственныхъ лошадей и Московской шапки, убранной жемчугомъ, которую держалъ въ рукѣ старшій посолъ. Была приготовлена публичная аудіенція, но король былъ въ ежедневномъ платьѣ. Вошедши въ залу, они сняли шапки, поклонились королю и тотчасъ же вновь покрыли головы. Послѣ чего главный посолъ снова снялъ шапку и произнесъ обычное привѣтствіе отъ имени своего государя, вычисливъ всѣ его титулы. Выслушавъ это привѣтствіе, король приказалъ кастелляну Трокъ узнать о здоровьѣ государя; но посолъ вмѣсто отвѣта спросилъ,

почему король самъ не освѣдомляется объ этомъ и почему онъ при имени государя не всталъ и не отдалъ почтенія. Ему было отвѣчено великимъ маршаломъ: потому что князь (Duca) такъ же поступилъ съ Польскими послами; но Москвитяне увѣряли, что это неправда, и не хотѣли уступать, ни говорить о дѣлахъ, пока король не исполнитъ ихъ требованія, а потому были отпущены имъ безъ дальнѣйшихъ объясненій. Ихъ отвели на квартиру и приставили къ нимъ добрую стражу. Такъ какъ они не хотятъ и, какъ говорятъ, не могутъ перемѣнить мнѣнія (mutarsi d'opinione), ихъ отправятъ въ Гродно, гдѣ будутъ содержать подъ доброю стражею, пока не выяснится, чему быть—войнѣ или миру»...

Послы дѣйствительно были отведены въ Гродно, и король не хотѣлъ имѣть съ ними никакихъ объясненій.

При письмѣ отъ 12 ноября 1580 г. Талдуччи препровождаетъ переводъ *письма кастеляна Виленскаго къ вицеканцлеру изъ Невеля* отъ 15 октября того же года. По извѣстіямъ, имъ сообщаемымъ, Поляки, взявъ Великіе Луки, Невель и Озеричи (Ozeriski), осадили Заволочу. Московскій Царь отказывается уступить Ливонію. Его послы предлагаютъ нѣсколько незначительныхъ Ливонскихъ замковъ въ замѣнъ взятыхъ Поляками Великихъ Лукъ, Велицы, Усвятъ, Невеля и друг.

Въ длинномъ письмѣ изъ Вильны отъ 17 іюня 1582 Талдуччи сообщаетъ разныя новости. Прежде всего онъ говоритъ о прибытіи въ Польскій лагерь 22 мая Бѣльскаго, отправленнаго царемъ въ Смоленскъ, и сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія объ этомъ перебѣщикѣ: «Ему всего только 22 года; умѣетъ хорошо говорить; онъ двоюродный братъ того самаго Бѣльскаго, который пользуется большою милостію великаго князя Московскаго, и съ 12-ти лѣтъ служилъ при дворѣ. О причинѣ его бѣгства не говорятъ, но предполагаютъ—дурное обращеніе царя съ приближенными. Его Вел. принялъ его ласково; на секретной аудіенціи онъ сообщилъ слѣдующее: великій князь Московскій, котораго они называютъ «Великимъ Государемъ (Veliki Hospodar), находится въ весьма тревожномъ состояніи и горячо желаетъ мира; онъ по-

ручилъ посламъ своимъ уступить всю Ливонію; но если Польскій король не согласится на эти условія, то онъ пошлетъ три корпуса: одинъ въ Смоленскъ, другой въ Новгородъ и третій въ Псковъ съ приказаніемъ однако держаться въ крѣпостяхъ; государь выжидаетъ движеній Польскаго Короля, намѣреваясь вторгнуться въ его владѣнія; за всѣми потерями, у него остаюсь не болѣе 10,000 солдатъ; казна его богата, особенно золотомъ и серебромъ, и онъ до крайности скупъ; говорятъ, что въ случаѣ пораженія, онъ намѣренъ бѣжать къ Бѣлому морю; старшаго своего сына онъ не любитъ и часто бьетъ палкою, младшій же, можно сказать, полоумный. «Совѣтуя Польскому Королю не медлить движеніями, Бѣльскій увѣрялъ, что въ Московскомъ Государствѣ много боярскихъ дѣтей искренно преданы Его Величеству и съ нетерпѣніемъ ждутъ его появленія въ ихъ странѣ, и при этомъ онъ переименовалъ тѣхъ, которые намѣрены бѣжать въ Польшу. Тотъ же Бѣльскій сообщилъ, что Татары, подданные Государя, начали возмущаться, но что онъ успокоилъ ихъ дарами; при всемъ томъ можно мало надѣяться на ихъ вѣрность.

За тѣмъ Талдуччи разсказываетъ о переговорахъ съ Московскими послами, которые послѣ долгихъ преній согласились на уступку Ливоніи, о прибытіи новыхъ войскъ изъ Польши и Венгріи вмѣстѣ съ королевскимъ племянникомъ, безбородымъ скромнымъ юношею, любимцемъ короля, и о взятіи въ плѣнъ двухъ Московскихъ лазутчиковъ, голова одного изъ коихъ была немедленно отправлена къ посламъ и т. п.

Отъ 31 января 1583 г. (изъ Вильны) Талдуччи извѣщалъ о заключеніи перемирія на 10 лѣтъ, по которому Польша пріобрѣла Ливонію, а Россіи возвращены Великіе Луки, Заволоча и Невель; Себежъ долженъ быть разрушенъ, а Нарва будетъ принадлежать тому, кто первый ее займетъ (она была въ рукахъ Шведовъ).

Въ письмѣ отъ 12 мая 1583 г. Талдуччи увѣдомлялъ о возвращеніи на родину іезуита Посевина въ сопровожденіи Московскаго посла, отправляемаго къ Папѣ, и о намѣреніи ихъ посѣтить

на пути великаго герцога Тосканскаго. Судя по разсказамъ Посевина, Талдуччи надѣется на обращеніе Россіи въ католицизмъ.

Въ сохранившихся письмахъ Талдуччи находимъ указанія на затерянныя. Видно, что онъ велъ съ Франціею постоянную переписку въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; нельзя не пожалѣть, что она не дошла до насъ вполнѣ.

5. Въ томъ же картонѣ того-же собранія находится *реляція Тартальини, секретаря в. г. Тосканскаго, о заключеніи мира между Польскимъ королемъ и великимъ княземъ Московскимъ въ 1635 г.* (Relazione del Sig^r Tartaglin i Segretario di S. A. S^ma della pace fatta fra il Ré di Polonia e il gran Duca di Moscovia l'anno 1635).

Тартальини доносилъ отъ 7-го мая 1635 г. о прибытіи въ Варшаву 4-го марта Московскаго посольства для скрѣпленія условій мира, заключеннаго «послѣ послѣднихъ побѣдъ, одержанныхъ королемъ подъ Смоленскомъ».

Пословъ было четверо, считая въ ихъ числѣ секретаря, принимавшаго участіе въ переговорахъ. Ихъ свита состояла изъ 50 дворянъ (nobili) и 400 слугъ; за ними слѣдовали болѣе тысячи людей, шедшихъ въ Польшу по собственнымъ дѣламъ. На разстояніи мили за Вислою они были встрѣчены Оссолинскимъ (братомъ Герцога) съ 200 шляхтичами. Послы были пышно одѣты. На лошадяхъ, покрытыхъ бархатомъ и персидскою парчею сѣдла были украшены жемчугомъ и другими драгоцѣнными камнями, а возжи изъ серебра. Шествовали послы по двое въ рядъ среди польскихъ дворянъ. За ними слѣдовали 100 кибитокъ, изъ коихъ посольскія были покрыты краснымъ бархатомъ и внутри обиты соболями, и багажъ на 200 телѣгахъ. Посламъ были отведены покои въ уяздовскомъ замкѣ, на ихъ содержаніе отпускалось 3000 флориновъ въ день. Черезъ четыре дня по прибытіи, они были приглашены на аудіенцію къ королю, на которой присутствовали сенаторы. За послами были отправлены кареты шестернею; ихъ сопровождалъ значительный отрядъ войска. На послахъ были парчевыя одежды, блиставшія золотомъ и жемчугомъ. Ихъ чер-

ныя собольи шапки были также украшены жемчугомъ. Послы по очереди подходили къ трону, произносили привѣтствіе по Русски (in lingua Rutena), вручали вѣрительныя грамоты и подносили по парѣ соболей. По приказанію короля, имъ отвѣчалъ по Русски (in Ruteno) великій канцлеръ. За тѣмъ они были отпущены.

Черезъ четыре дня начались переговоры съ сенаторами. Послы требовали возвращенія акта объ избраніи Польскаго королевича на Русскій престолъ (della scrittura per l'elezione giá fatta, quando era Principe di questo Ré a quel Gran Ducato). Получивъ отвѣтъ, что этотъ актъ затерянъ, они прервали переговоры и объявили, что возвращаются на родину. На слѣдующее утро посѣтилъ ихъ «Mons-re Gran Referendario di Lituania» и предложилъ имъ вмѣсто затеряннаго акта всѣ возможныя гарантіи, убѣждая ихъ отправить нарочнаго въ Москву. Его предложеніе было принято. 25 апрѣля возвратился нарочный, а 27-го, въ субботу, на королевской аудіенціи дѣло о затерянномъ актѣ уладилось. Въ слѣдующій четвергъ король и государственные чины клялись въ соборѣ св. Іоанна свято соблюдать условія мира и возвратить вышепомянутый актъ, буде онъ найдется.

Тартальини говоритъ, что, когда архіепископъ Гнѣзненскій прибылъ уже въ храмъ и ожидали только короля и пословъ для начатія церемоніи, послы представили новыя затрудненія, требуя совершеннаго измѣненія клятвенной грамоты. Никакія убѣжденія не могли на нихъ подѣйствовать, а между тѣмъ уходило время, и Поляки теряли терпѣніе. Тогда призвалъ ихъ къ себѣ король и сказалъ имъ: «Въ случаѣ дальнѣйшаго упрямства, можете возвратиться во свояси, и я послѣдую за вами съ войскомъ до границы и тамъ дамъ клятву по своему.» Послы должны были уступить. Было уже два часа по полудни, когда началась церемонія.

Въ тотъ же день былъ пышный банкетъ у короля, продолжавшійся цѣлыхъ семь часовъ. Король, провозгласивъ тостъ за здоровье великаго князя, пригласилъ къ своему столу пословъ и подарилъ каждому изъ нихъ по золотому кубку, цѣною всѣ четыре

въ 400 Венгерскихъ червонцевъ. Блистательный фейерверкъ и иллюминація закончили этотъ торжественный день.

На слѣдующій день послы были приглашены на представленіе итальянской оперы (*Tragedia Italiana, recitata in musica*, con cambiamento di scene), Юдиоь и Олоферпъ. Въ субботу на прощальной аудіенціи король подарилъ посламъ цѣпи въ 700 Венгерскихъ червонцевъ, а дворянамъ по 100, и двѣ кареты, обитыя краснымъ и чернымъ бархатомъ, съ двумя перемѣнами лошадей. Сто придворныхъ повозокъ провожали ихъ до границы. «Кромѣ того, король дозволилъ имъ взять съ собою три трупа: великаго князя Московскаго и двухъ братьевъ, плѣненныхъ королемъ Сигизмундомъ, его отцемъ, подъ самою Москвою въ 1614 г., умершихъ естественною смертью въ Польшѣ и погребенныхъ въ часовнѣ, на этотъ конецъ построенной въ предмѣстьи Варшавы».

Въ слѣдующее воскресенье послы выѣхали изъ Варшавы, переправившись черезъ Вислу у Праги. За ними слѣдовали три коляски (calessi): въ первой, подъ парчевымъ балдахиномъ, украшеннымъ короною, былъ гробъ великаго князя, въ другихъ двухъ гробы братьевъ, покрытые золотою парчею. 30 православныхъ священниковъ верхами окружали гробы и пѣли псалмы Давидовы на ихъ языкѣ. Въ заключеніе тянулся длинный караванъ изъ 300 телѣгъ.

II. Польша.

Флорентинскій архивъ, подобно другимъ Итальянскимъ, переполненъ реляціями, письмами, записками и т. п. матерьялами о Польшѣ. «*Carteggio di Polonia*» (1541 — 1742) въ 4-хъ большихъ картонахъ Медичейскаго архива содержитъ, кромѣ Флорентинскихъ донесеній, копіи Венеціанскихъ, письма Польскихъ королей и государственныхъ людей, разнаго рода извѣстія (avisi), переводы Польскихъ бумагъ и сочиненій. Попадаются въ нихъ любопытныя извѣстія изъ Россіи временъ Ивана Грознаго и Дмитрія Самозванца; но большею частію это хламъ, достойный истребленія. Среди этого хлама вниманіе мое обратила на себя одна записка анонимная, обнаруживающая виды Медичей на

Польшу: это — *Avis aux Estats de Pologne sur l'eslection et designation d'un futur successeur au Ser-me Jean Casimir Roy de Pologne et de Suede* (Arch. Medic. filza 241). Послѣ длиннаго риторскаго предисловія авторъ обращается къ Полякамъ съ слѣдующею вкрадчивою рѣчью: «Je ne veux point pecher icy par la presomption d'aucune capacité que je m'attribue, mais l'affection et l'inclination que j'ay tousjours eux pour la prospérité et grandeur du Roiaume de Pologne, l'un des principaux boulevards de la Chrestienté contre les Barbares et infidèles, me donnent le courage et la hardiesse de Vous suivre et de tascher a faire les mesmes reflexions que Vous ferez, et de...partout, ou se porteront les vostres, pour contempler avec Vous celuy dont vous pourrez faire les choix, *pour succéder au très généreux Roy Jean Casimir, lors qu'il aura pleu a Dieu d'en disposer après un règne de longues années que je luy souhaite.* Et comme je ne doute pas que Vous ne fassiez une curieuse recherche dans toutes les provinces de l'Europe Chretienne afin de trouver un Prince qui Vous semble capable de soutenir la dignité roiale de Vostre Estat, et qui puisse lui estre utile, *je me persuade que Vous considererez exactement sous les Princes d'Italie, et qu'entre eux Vous regarderez avec une trés serieuse attention ceux de la maison de Medicis qui règnent présentement à Florence.*»

Авторъ начинаетъ съ Россіи. «Quand vous passez en *Moscovie*», говоритъ онъ, «Vous ne voyez point que ce grand et vaste Empire puisse Vous donner un Roy; *la nation est trop brutale, mal civilisée et sans politesse*, et pour comprendre toutes les qualités en une seule, je diray avec Vous qu'elle est *barbare.* Vous sçavez qu' *il faudroit plus de quatre générations pour civiliser et rendre humaine la postérité d'un Moscovite transplanté;* encore restoit-il toujours quelque vestige de ferocité et des marques de la rudesse de la nation, qui outre les impressions et les vices dont ses moeurs sont entachées, est *non seulement scismatique*, mais encore *heretique* en plusieurs poincts jusques à improuver et rejeter le baptesme qui se confere dans l'eglise Romaine poussée par une superstition deplorable et par une opiniastreté invincible: et

ainsi vous ne pourriez pas avoir l'espérance non pas mesme la pensée qu'en eslisant un des jeunes princes enfans du Czar aujourd'huy regnant, vous luy peussiez faire prendre la veritable teinture de la Religion Catolique, et de la civilité et politesse de vos moeurs. Vous ne croirez pas non plus que eslection d'un jeune Prince qui à peine est hors de l'enfance, qui a encore besoin de tuteurs et curateurs soit utile 'a votre Republique, qui demande un Roy qui en soit le chef et qui la gouverne, et non pas un enfant. Vous ne jugez pas aussi, et je le reconnois dans vos visages, que l'honneur que vous feriez au Czar et à son fils, peust convertir l'antipatie et la jalousie entre les Polonois et les Roux (sic!) en une amitié et bienveillance mutuelle. Vos interests et les leurs ne peuvent compatir ensemble, ni la forme de votre gouvernement Royal temperé pas l'aristocratie ne peut se conserver sous un Prince nay d'un père qui exerce *un empire despotique* sur les sujets qu'il traite come des esclaves, qui aporteroit avec luy cet *esprit altier et hautain*, que Vous sçavez tres bien estre la peste et la ruine des aristocraties. Vous vous souvenez des succes de l'eslection que firent les Moscovites du feu Roy d'heureuse et glorieuse memoire Vladislas VI pour estre leur Czar ou Empereur, lorsqu'il n'estoit encor que Prince de Pologne; elle n'establit en aucune maniére la confiance entre vous et eux non plus que l'amitié; vous continuates en suite contre ces barbares, et vous suivistes les uns et les autres la naturelle aversion qui est entre vous, et vous agistes suivant la contrarieté de vos inclinations et de vos interests; et quand mesme l'execution eust suivi, et que le Prince Vladislas eut esté mis sur le trosne de l'empire des Roux (sic!) dans la ville de *Moskow*, vous ne pouriez vous prometre une paix asseurée, ni l'amitié des Moscovites.

«Je ne puis aussi me persuader que vous eussies de l'amour et de la veneration pour un Prince qui viendroit d'une nation, que vous ne pouvez pas seulement nommer sans indignation et horreur, lors que vous avez encor presentes devant les yeux les *cruautés et barbaries qu'elle a exercées contre vous* en ces guerres, qui

durent encore, et lors qu'en repassant par vostre memoire le siecle précédent, vous vous représentez avec tremblement et fraicur, qui fait glacer le sang dans vos veines, les *inhumanités execrables que le Czar Jean Basilidés commit contre la Livonie* ou il reste encore des marques de son esprit barbare, furieux et impitoiable, qui par le fer et le feu reduisit cete province en desert».

Описавъ такимъ образомъ Россію, авторъ переходитъ къ Швеціи, Даніи, Австріи, Франціи, Испаніи и наконецъ говоритъ объ Италіи, останавливаясь преимущественно на домѣ Медичей, который одинъ во всей Европѣ могъ дать Польшѣ короля, какой ей былъ нуженъ.

Но кто былъ авторъ этой записки, и имѣетъ-ли она какую-либо связь съ видами Медичей на Польшу? Отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ въ рукописи *библіотеки Мальябекіаны* (Cl. XXIV. Cod. LIII, № 8): *Paolo Manucci, lettere al Principe Matias di Toscana in ragguaglio del negotiato fatto da esso nella corte di Polonia, in proposito della successione a quella corona che si trattava per il medesimo Principe*, 1649 и 1658 г.г.

Я не сомнѣваюсь, что авторомъ анонимной записки былъ этотъ самый *Павелъ Мануччи*, агентъ Матвѣя Медичи въ Польшѣ, мечтавшаго о наслѣдіи Ивана Казиміра еще при его жизни.

Сношенія Польши съ Флоренціею уже въ началѣ XV вѣка были прочно установлены, какъ видно изъ документовъ, находящихся въ «*Lettere della*» и «*alla Signoria*». Письмо короля Сигизмунда отъ 3-го января 1510 г. къ Флорентинской общинѣ, находящееся въ собраніи «*Atti Publici del Comun di Firenze*», свидѣтельствуетъ, что въ то время въ Польшѣ пребывало много Флорентинцевъ, занимавшихся торговлею и разнаго рода промыслами и что нѣкоторые изъ нихъ находились на королевской службѣ. Въ числѣ бумагъ «*della Segreteria Vecchia*» Медичейскаго архива (filze 241, 244) я нашелъ нѣсколько реляцій, записокъ, путешествій и дипломатическихъ документовъ, касающихся Польши, 1587 — 1714. Изъ нихъ упомянемъ о *письмѣ Молдаванскаго посланника о состояніи Польши въ 1587 г.* (Lettera sopra lo stato della Polo-

nia e del consiglio degli Ottomani di muovergli guerra, scritta dall' Ambasciatore di Moldavia 1587, filza 241), — *О путешествіи Маркиза Бевилаквы въ Польшу въ 1609 г.* (Lettere, Viaggio e Relazione del Marchese Bevilaqua nella sua spedizione in Polonia 1609 ibid.), объ *«Историческомъ разсказѣ» о Польскомъ посольствѣ къ Алексѣю Михайловичу 1668 г.* (Narratio historica solemnem tum ingressum Jllustrissimorum et Excellentissimorum dominorum Slanislai Casimiri Bienievis etc. Cypriani Brostovii etc. et Nicolai Schmellingii etc. a Serenissimo Johanne Casimiro Rege Poloniae etc. ad sere-mum Alexium Michaylovicium etc. missorum Legatorum Extr. in Metropolin Moscoviae etc. etc. continens. *Ex lingua Polonica in Latinam versa; Ser-mo Principi Cosmo Mediceo III Magno Hetruriae Duci Hamburgum ingredienti humillime oblato per Stanislaum de Lubieniecz Lubieniecium Rolitsium Equitem Polonum 1668.*), и о *реляціи Лудовика Фантони отъ 12 января 1714* (Relazione di Polonia del Lodovico Fantoni 12 gennaro 1714), содержащей исторію Паткуля. И въ собраніи сенатора Строцци (*Carte Strozziane*) находимъ реляціи, рѣчи и разныя свѣдѣнія (Notizie varie) о Польшѣ XVI — XVII в.; напр. *Discorso di Orazio Spannocchi sopra l'interregno nel 1587* (filza 316, carta 106), *Relazio anonima 1624*, (filza 303, c. 1), *Polonia — Relazione del suo stato politico e militare del Cefali nel 1665* (filza 319, c. 125), и т. д. и т. д.

III. Чехи.

По Чешской исторіи во Флорентинскомъ архивѣ мало матерьяловъ. Наиболѣе любопытные находятся въ «*Atti Publici del commun di Firenze*:» это 19 писемъ Чешскихъ королей къ Флорентинскому правительству, 1331 — 1526 г. 10 изъ нихъ, 1331 — 1333 г., относятся къ Итальянской кампаніи короля Ивана, а остальныя — Чешско-Венгерскихъ королей конца XV и начала XVI вѣка — касаются войнъ съ Турками. Въ *Строцціановскомъ собраніи* находятся: *Giovanni Huss*, Tre conclusioni erronee al consilio di Costanza (filza 236, c. 219), *реляція о состояніи католицизма въ Моравіи и Силезіи въ XVI в.* (filza 283, ch. 41), *пись-*

ма Ивана Франциска Гвида къ в. герц. Фердинанду I и секретарю Велизарію Винтъ изъ Праги 1607—1608 г. (filza 90), и *реляція о взятіи Праги императоромъ Рудольфомъ II* 1611 (filza 283, ch. 100). Въ брошюрѣ «*della segretaria Vecchia*» въ числѣ «*Notizie varie*» есть «*Notizie e documenti relativi all'elezione fatta dai Boemi ribelli di Federigo Palatino in loro re l'anno 1619*, (filza 51).» Кромѣ того, въ перепискѣ «Синьоріи» есть указанія на торговлю Флорентинцевъ въ Чехіи въ XV вѣкѣ.

IV. Сербы и Хорваты.

Немногочисленны, но важны хранящіеся во Флорентинскомъ архивѣ матерьялы для исторіи *собственно Сербіи* (Рашкой, Rassia), *Босны, Герцеговины, Далмаціи*, и *Ускоковъ*; по *Дубровницкой же* исторіи мы имѣемъ непрерывный рядъ документовъ, — весьма важныхъ,—съ начала XIV до конца XVII вѣка.

Въ 1434 году отправился въ Сербію (Rascia) Флорентинецъ Яковъ де-Сан-Миньято за полученіемъ наслѣдства, оставшагося по смерти его двоюроднаго брата магистра Іеронима, бывшаго долгое время на службѣ Сербской въ качествѣ медика. По этому случаю Флорентинское правительство писало отъ 27 апрѣля 1434 г. Сербскому деспоту (Despoto Rascie): «Hinc est, quod nos Vestre Celsitudini scribendum duximus in favorem prudentis viri *ser Jacobi Magistri Johannis de Sancto Miniate*. Fidem igitur indubiam Celsitudini vestre facimus per presentes, quod *ser Jacobus antedictus fuit frater Germanus magistri Hieronymi medici, qui in vestro dominio atque terris diutius vixit atque mortuus est*. Atque ea de causa nunc idem ser Jacobus lator presentium ad presentiam vestre Celsitudinis accedit, *ut bona hereditaria ejusdem magistri Hieronymi fratris suis consequatur*». (*Signori. Carteggio. Missive. I Cancelleria Registro XXXIII, fol. 87*). Едвали можно допустить, что медикъ Іеронимъ де Сан-Миньято, послѣ долговременнаго пребыванія умершій въ Сербіи, составлялъ исключеніе изъ своихъ соотечественниковъ и въ качествѣ авантюриста зашелъ въ далекую (по средствамъ сообщенія того времени), невѣдомую страну, искать счастія. Онъ прожилъ въ Сербіи весьма долго (*diutius*), нажилъ

состояніе и не помышлялъ о возвращеніи на родину, ибо умеръ на чужбинѣ; слѣд. ему было тамъ хорошо. А если по смерти его отправляется туда за полученіемъ наслѣдства его двоюродный братъ, значитъ стоило зачѣмъ пускаться въ такой дальній путь. Самый тонъ рекомендательнаго письма Флорентинскаго правительства къ Сербскому деспоту показываетъ, что Сербія не была для Флорентинцевъ «невѣдомою» страною; а зная, что Флорентинская община была по преимуществу торговая и что, по несомнѣннымъ документамъ, она вела съ начала XIV вѣка торговлю съ Славянскимъ востокомъ черезъ Дубровникъ, нельзя не допустить, что промышленные люди Флорентинскіе бывали въ Сербіи и до, и послѣ Іеронима де-Сан-Миньято, а особенно при немъ, безъ сомнѣнія, бывшемъ въ перепискѣ съ родственниками и знакомыми. Итакъ, не въ правѣ-ли мы заключать, что Флорентинцы въ началѣ XV вѣка (если не ранѣе) находились въ сношеніяхъ (если не иныхъ, то торговыхъ) съ собственною Сербіею?

Rinaldo degli Albizi, отправленный въ 1425 году посломъ къ императору Сигизмунду, въ Венецію, Феррару и Болонью, въ своемъ дневникѣ (*Riccordi di sue commissioni e lettere: Legazioni e Commissarie, Missive e Responsive, vol. 5*), разсказывая о путешествіи по Венгріи, пишетъ подъ 10 мая 1426 г. (л. 47): и «кромѣ того былъ тамъ на аудіенціи у короля Сербскій деспотъ, сильно возбуждавшій короля противъ Венеціанцевъ (et piu vi era il despoto di Rascia, che assai stimolava il Rè, che guerra si rompessi a Venetiani)».

Знаменитая Косовская битва, порѣшившая судьбу Сербскаго царства, не прошла не замѣченною въ Италіи: вѣсть о ней дошла и до Флоренціи. Въ отвѣтъ на письма Боснійскаго короля, извѣщавшаго о ней Флорентинское правительство, писало оно ему отъ 20 октября XIII индикт. 1389 г. (*Signori. Carteggio. Missive. Cancell. I Registro 21, f. 137*): «Хотя уже давно эта побѣда, свыше ниспосланная Вашему Величеству, была намъ хорошо извѣстна (notissimum foret) частью по молвѣ, частью изъ многочисленныхъ писемъ,—побѣда, одержанная 15-го прошлаго іюня надъ безум-

нымъ гордецомъ Амуратомъ, который, насильно овладѣвъ Турецкимъ царствомъ, помышлялъ стереть съ лица земли христіанство и имя нашего Спасителя... и который безразсудно вторгся въ предѣлы нашихъ царствъ, и палъ, послѣ кровопролитнаго боя, на полѣ называемомъ Косовымъ, куда привелъ несмѣтныя тысячи воиновъ и двухъ своихъ сыновей,—тѣмъ не менѣе было для насъ славно и весьма пріятно узнать объ этомъ изъ царскаго вашего письма. Ибо намъ, правымъ христіанамъ, что̀ могло быть пріятнѣе и славнѣе вѣсти объ этой приснопамятной битвѣ (pugna illa cunctis memoranda temporibus), въ которой пали толикія тысячи невѣрныхъ Троянцевъ съ самимъ страшнымъ вождемъ? Счастливо облитое кровью и костями усыпанное поле, на многіе вѣка сохранившее вѣчную память побѣды! Счастливо царство Боснійское, на долю коего выпало столь славное сраженіе и столь великая побѣда во имя Христа! Счастливъ и тотъ день — славной памяти священномученика Вита, въ который одержана побѣда надъ этимъ злѣйшимъ врагомъ. Счастливы и трижды — четырежды счастливы тѣ двѣнадцать бояръ воиновъ, которые, прорвавшись черезъ толпища враговъ и обозъ верблюдовъ, мечемъ прокладывая дорогу, стремительно достигли до шатра Амурата! Но болѣе всѣхъ счастливъ тотъ, кто мечемъ поразилъ вождя столь могущественнаго! и блаженны всѣ тѣ, которые славнымъ мученическимъ образомъ, жертва мести за убитаго вождя, надъ его бездыханнымъ трупомъ, пролили свою кровь! Но всѣхъ счастливѣе Ваше величество, одержавшее столь славную приснопамятную побѣду», и т. д.

Это письмо, замѣчательное по сообщаемому въ немъ извѣстію о Косовской битвѣ, произведшей, какъ видно изъ него, сильное впечатлѣніе въ Италіи, свидѣтельствуетъ между прочимъ о томъ, что въ концѣ XIV вѣка уже существовали дружественныя сношенія Босны съ Флоренціею, поддерживавшіяся перепиской между обоими правительствами.

Послѣ Косовской битвы Сербскія области одна за другою были покорены Турками. Очередь дошла и до Босны. Отъ 14 іюня

1463 г. Венеціанскій дожъ Христофоръ Моро писалъ Флорентинцамъ о паденіи Боснійскаго царства (*Registro delle lettere esterne alla Republica 1452—1468*. X, f. 114—115): «Жесточайшій и страшнѣйшій христіанскаго имени врагъ, Турецкій султанъ, побуждаемый жадностью и неумолимою ненавистью къ вѣрѣ католической, дошелъ до такой дерзости, что почти ни одинъ изъ христіанскихъ государей не хочетъ или не смѣетъ противустать его предпріятіямъ. Собравъ одиннадцать полковъ (copiis), съ столь многочисленнымъ войскомъ, онъ напалъ на само Боснійское царство и опустошилъ его въ конецъ: одни изъ жителей погибли въ страшныхъ мученіяхъ, другіе уведены въ полонъ, а остальные изъ страху разбѣжались; главныя и самыя сильныя крѣпости и города царства или завоевалъ силою или принудилъ къ сдачѣ. Огнемъ и мечемъ онъ занялъ почти все царство, оставивъ по себѣ развалины и потоки крови. Самого царя (не можемъ говорить объ этомъ безъ горести и безъ слезъ) онъ захватилъ въ плѣнъ и позорно съ нимъ обращается. Недовольствуясь такою побѣдою, онъ замышляетъ еще бо́льшія и еще больше надѣется на свои силы: упоенный славою онъ не побоялся простереть свои опустошительные набѣги до самой Сѣни, порта и вратъ Италіи».

Въ депешѣ отъ 1-го сентября 1490 г. *Павелъ Антоній Содерини*, Флорентинскій посланникъ въ Неаполѣ, извѣщалъ свое правительство, что по письмамъ изъ Сѣни, Венгерская королева подтвердила за *Иваномъ Корвиномъ* всѣ владѣнія, данныя ему покойнымъ его отцемъ, *и снова уступила ему царство Боснійское* (et di nuvo concessoli il regno di Bossina), *приносящее 12,000 дукатовъ доходу* (che vale 12,000 ducati), и назначила его баномъ Кроаціи, такъ что всѣ его доходы простираются до 40,000. (*Legazioni e Commiss. Miss. e Resp.* vol. 19, f. 136).

Въ 1457 году прибылъ во Флоренцію посланникъ *Степана Герцога Св. Саввы, князь Пубиславичъ* (Pubislavus comes et miles), и въ длинной и краснорѣчивой рѣчи (copiose et eleganter et cum maxima vehementia exposuit) изложилъ отеческія чувства (paterni affectus) «своего Государя къ Флорентинцамъ.» И мы

почитаемъ Вашу Свѣтлость,» пишутъ они Герцогу Степану отъ 27-го апрѣля 1457 г. (*Signori. Carteggio. Missive*. I. *Cancell.* Reg XL., f. 23) *за покровителя и почти отца нашего государства и купцевъ нашихъ*..... къ чему побуждаемся *толикими благодѣяніями и милостями, оказанными купцамъ нашимъ*. (Et nos profecto Celsitudinem Vestram tanquam columen et fautorem et quasi parentem civitatis ac mercatorum nostrorum, in honore habemus atque etiam colimus. Nam propter se ipsum hoc meretur, et nos vi cumulum beneficiorum a benignitate vestra in nostros mercatores collatorum sic facere debemus)» Но, при всемъ желаніи угодить такому «благодѣтелю (benefactor)», Флорентинцы не дозволили его послу вывезти изъ Флоренціи безпошлинно желаемые имъ товары, опираясь на законы республики, и только уменьшили пошлины.

И этотъ документъ не столько важенъ по частному случаю, о которомъ въ немъ говорится, сколько по заключающемуся въ немъ свидѣтельству о Флорентинской торговлѣ въ Герцеговинѣ и о покровительствѣ ей Герцога Степана.

По миру, заключенному между Венеціею и Лудовикомъ королемъ Венгерскимъ 25 февраля 1358 г., Венгрія пріобрѣла *Далмацію*. Съ извѣстіемъ о такомъ важномъ пріобрѣтеніи Венгерскій король отправлялъ во Флоренцію посла съ письмомъ изъ Задра отъ 20 февраля (по всей вѣроятности, слѣдуетъ читать *марта*). Препровождая при немъ копію договора, заключеннаго съ Венеціею, король проситъ друзей своихъ Флорентинцевъ (amici karissimi) «quatenus literas ipsas in terris et locis vestris legi et publicari permittatis. (*Sign. Carteg. Missive* I. *Cancell Reg.* XIII, ff. 22—23). Этотъ важный договоръ, находящійся и въ извѣстныхъ книгахъ «Pactorum» Венеціанскаго архива доселѣ не изданъ: такого слона не замѣтилъ г. Шафарикъ! Этотъ договоръ рѣшаетъ между прочимъ (помимо другихъ документовъ) самымъ положительнымъ образомъ доселѣ спорный вопросъ объ отношеніяхъ Дубровника къ Венеціи: въ немъ ясно различаются города и острова, коими *владѣли* Венеціанцы въ Далмаціи, и тѣ,

которыми они только *управляли*. Касательно послѣднихъ читаемъ въ немъ слѣдующее постановленіе:« De terris autem et locis, *que in nostra potestate non essent, sed regerentur per Rectores nostros*, revocare et retrahere quos libet Rectores et officiales et gentes quaslibet nostro nomine ibidem existentes seu residentes». Къ нимъ принадлежала упоминаемая въ договорѣ Дубровницкая община съ ея городами и островами, управлявшаяся добровольно призванными Венеціанскими графами. И такъ вотъ различіе въ отношеніяхъ общинъ Далматинскихъ и Дубровницкой къ Венеціи: первыя были *подвластны* Венеціи, послѣдняя была *управляема* ея нобилями съ титуломъ графовъ. Это различіе весьма точно и подтверждается какъ Венеціанскими, такъ и Дубровницкими документами.

Есть указанія, что торговыя сношенія Флоренціи съ Далматинскими общинами и Хорватскимъ приморьемъ (Рѣкою и Сѣнью) существовали уже въ XIII, если не въ XII вѣкѣ; *) но во Флорентинскомъ архивѣ не сохранились акты раньше начала XIV-го.

Въ перепискѣ Синьоріи я нашелъ нѣсколько документовъ XIV—XVI вв., касающихся торговли Флоренціи съ Рѣкою, Франчипанами и Задромъ. Черезъ Рѣку шли Флорентинскіе товары въ Венгрію, гдѣ Флорентинцы издавна пользовались особымъ покровительствомъ. Въ Рѣкѣ были Флорентинскіе торговые дома ведшіе большія дѣла. Позднѣе они вели прибыльную торговлю съ ускоками. Товары, предназначенные въ Венгрію и Далмацію, отправлялись караванами изъ Флоренціи въ Анкону, а оттуда моремъ на корабляхъ. О торговлѣ съ Дубровникомъ скажемъ ниже.

Въ 8-мъ картонѣ входящихъ бумагъ Синьоріи (*Signori, Carteggio. Responsive. Originali.* filza 8, №№ 32, 34 и 84) находятся

---

*) По свидѣтельству Дубровницкаго историка, Ю. Растичи, пользовавшагося весьма добросовѣстно актами архива, Дубровничане въ 1168 г. заключили торговый договоръ съ Пизою, а въ Пизанскомъ архивѣ хранится досел̂ѣ договоръ Задра съ Пизою отъ 28 марта 1188 г., сообщенный мнѣ главноуправляющимъ Тосканскими архивами, г. Бонаини. Трудно предположить, чтобы Дубровничане и Далматинцы, торговавшіе съ Пизою, не заходили въ сосѣднюю Флоренцію.

три любопытнѣйшихъ письма изъ Задра отъ 1403 г., два — секретаря Венгерскаго Короля *Матвѣя de San Miniato* отъ 11 и 30 іюля и одно *Галеота* (іюль) — о коронаціи короля Владислава въ Задрѣ и о содѣйствіи Воеводы Хервои къ возведенію его на Венгерскій престолъ: письма эти, на сколько мнѣ помнится, изданы въ первой серіи «Историческаго Итальянскаго архива (Archivio Storico Italiano).»

Упомянемъ еще объ одномъ любопытномъ документѣ, находящемся въ 31 томѣ переписки «*X di Balia. Carteggio. Responsive* (f. 256)»: это «*Copia del obligo facto per li oratori de la Sanctissima Lega al conte di Segna, acciochc habbi causa di rompere alla Signoria di Vinetia, et in questa sententia ha facto il breve Nostro Signore.*» Roma 30 Giugno 1484. Франчинанъ, графъ Сѣни, дабы возвратить отнятую у него Венеціанцами Велью, отправилъ къ Папѣ посла съ просьбою принять его въ лигу и содѣйствовать ему къ возвращенію этого острова. Его желаніе было охотно исполнено, и послы лиги увѣщевали его, «ut nunc totis viribus Venetos invadat: conveniṭque ipsos non modo a Vegla proprio patrimonio rejicere, verum etiam et alias eorum res hoc justo bello acquirere. Nam nunquam Domini nostri vobis deerunt...» Объ этомъ посольствѣ Сѣньскаго графа сохранились свѣдѣнія въ депешахъ Флорентинскаго посланника при Папѣ, *Гвидантонія Веспуччи*.

Должно сказать вообще, что въ депешахъ Флорентинскихъ посланниковъ въ Римѣ, Неаполѣ, Венеціи, Венгріи, Миланѣ и Генуѣ разбросаны любопытнѣйшія свѣдѣнія о Сербахъ и Хорватахъ въ XV вѣкѣ. Особенно же важны эти депеши для характеристики политики Итальянскихъ государствъ на Востокѣ въ эпоху завоеванія Славянскихъ и Греческихъ областей Турками. Но нужно имѣть много времени, чтобы собрать эти свѣдѣнія, ибо депеши одного и того же посланника изъ одного и того же города и одного и того же времени разбросаны по картонамъ «*Lettere alla Signoria*», «*X di Balia*» «*Otto di Prattica*» и «*Legazioni.*»

Въ 27 картонѣ бумагъ сенатора Строцци (*Carte Strozziane*

filza 271) находится неизданная «*Исторія ускоковъ*» неизвѣстнаго автора.

Авторъ зналъ труды Задарскаго архіепископа *Минуччіо Минуччи* и *Павла Сарпи*; но онъ былъ ими недоволенъ, находя въ нихъ много преднамѣренной лжи, вставленной Венеціанскою цензурою. «Я видѣлъ автографъ архіепископа», говоритъ авторъ (л. 56), «сообщенный мнѣ кавалеромъ Андреемъ, его братомъ; но *не нашелъ въ немъ того, что приписываютъ ему въ отношеніи ускоковъ*; напротивъ онъ говоритъ умѣреннымъ тономъ, но, *будучи Венеціанскимъ подданнымъ, онъ умалчиваетъ о томъ, что служитъ въ ихъ похвалу, вопреки долгу историка*... авторы этого сочиненія *въ печати* (li autori di detta opera in stampa т. е. венеціанскіе цензоры) *вычеркнули все, что было хорошаго и лучшаго и прибавили, по собственному усмотрѣнію, все, что могли въ посрамленіе ускоковъ* (hanno castrato il buono et meglio et hanno aggiunto quello é passo loro tutto a vituperio di Scochi).» Того же мнѣнія онъ и о продолжателѣ Минуччи, *Фра Павлѣ Сарпи*. Читая и слушая самыя превратныя понятія объ ускокахъ, которыхъ изображали разбойниками, морскими корсарами, и зная, что *все это неправда* (cosa certo molto lontana dal vero), авторъ счелъ обязанностью *честнаго и справедливаго человѣка* (cosa molto honesta et alla guisticia congiunta) принять на себя защиту ускоковъ и изложить ихъ исторію, *между коими онъ провелъ много времени и обладалъ необходимыми свѣдѣніями объ ихъ нравахъ, образѣ жизни и религіи* (havendo io molto tempo in quelle parte conversato, et havendo de costumi, della vita e della loro religione quella intelligenza, che a tal fatto si richiede. «Пусть никто не думаетъ, продолжаетъ авторъ въ своемъ предисловіи,» что мною движетъ корысть (interesse); *единственный двигатель мой—правда* (verità), которую я счелъ долгомъ высказать, *какъ человѣкъ близко знакомый съ дѣломъ и имѣвшій неоднократный случай получать вѣрныя свѣдѣнія* (come homo bene informato, che sono io, et ho havuto più occasione di cavarne qualche fidata notitia).»

Но кто былъ этотъ неизвѣстный защитникъ ускоковъ, и на сколько можно вѣрить ему? — Отвѣтъ на этотъ вопросъ помѣщенъ въ самой «Исторіи ускоковъ (*Historia degli Uscocchi*).»

Она изложена въ формѣ діалога между Иваномъ (авторомъ) и Антоніемъ и начинается такъ:

«Зная, что *вы долгое время жили въ Рѣкѣ* (Fiume), *Сени и Далмаціи*, я желалъ бы узнать отъ васъ нѣкоторыя подробности» и т. д.

Говоря о торговлѣ Флорентинцевъ въ Сени, авторъ прибавляетъ (л. 7); «*я видѣлъ* на домахъ и на гробницахъ гербы многихъ дворянскихъ фамилій, какъ то: Строцци, Сальвіати, Пасквини, Джакомини, Альтонити, дель-Бене и др.»

Приступая къ описанію обычаевъ ускоковъ, авторъ говоритъ «*я имѣлъ дѣло* (ho praticato) *съ этимъ народомъ съ 1574 по 1621 г. и частью лично, частью изъ писемъ вѣрныхъ друзей знаю о томъ, что случалось* (л. 9).»

Авторъ былъ *знакомъ съ* извѣстнымъ ускоцкимъ воеводою, *Юріемъ Даничичемъ*, съ его тремя сыновьями и дочерью (л 11).

На л. 15 читаемъ слѣдующее любопытное извѣстіе:

«*Въ августѣ 1580 года я возвратился въ Рѣку съ острововъ Раба, Пага и Вельи*, на которыхъ провелъ 19 дней. *Я шелъ съ кораблемъ, нагруженнымъ хлѣбомъ изъ порта Фермо, гдѣ жилъ мой дядя. Онъ уже болѣе сорока лѣтъ содержалъ въ Рѣкѣ торговый домъ, при которомъ находился мой братъ болѣе 20 и я болѣе 10 лѣтъ.* Во все это время *мы снабжали городъ Сень* зерновымъ хлѣбомъ, виномъ и оливковымъ масломъ, большею частью въ долгъ, такъ что постоянно были кредиторами 6 — 8 — 10 тысячъ дукатовъ... Въ 1580 г. мой дядя въ Фермо купилъ 60,000 старъ зерноваго хлѣба, который весь я продалъ въ австрійскія и эрцгерцогскія владѣнія. По прошествіи двухъ мѣсяцевъ пришло приказаніе Его Святѣйшества объ уплатѣ нами ускокамъ субсидій (2,400 скудовъ въ годъ), и такъ какъ братъ мой возвратился въ сентябрѣ мѣсяцѣ изъ Марки, то *мнѣ пришлось отпра-*

вится въ Сѣнь для выдачи субсидій за первое полугодіе. За мною пришелъ Юрій Даничичь съ двумя братьями и многими капитанами и солдатами, числомъ 300, и въ ночь, предшествовавшую рождественскому кануну, мы отправились изъ Рѣки... и ночью прибыли въ Новый въ Винодолѣ, гдѣ ужинали въ одной церкви... Съ заходомъ луны мы снова сѣли на барку и отправились въ Сѣнь, куда прибыли на зарѣ. Насъ встрѣтило все дворянство и воины съ большою почестью, при многочисленныхъ выстрѣлахъ... Я остановился у Сѣньскаго епископа и, призвавъ приходскихъ священниковъ, потребовалъ отъ нихъ, согласно желанію Его Святѣйшества, списка бѣдныхъ для раздачи имъ милостыни. Въ день «Невинныхъ (Nocenti)» я выдалъ субсидіи ускокамъ въ количествѣ, назначенномъ въ Римѣ, а именно: Юрію Даничичу 72 скуда въ годъ, другимъ менѣе—до 50... Я прожилъ тамъ (въ Сѣни) восемь дней среди веселья, празднествъ и пировъ, и хотя *мнѣ было только 22 года*, мнѣ не нравилась жизнь по образцу *Нѣмцевъ* (vita alla Tedesca), *которые по 8 и 10 часовъ сидятъ за столомъ*, и я рѣшился возвратиться въ Рѣку... куда меня проводили тѣже Даничичь и воины.

«Въ 1583 году я возвратился на родину,» говоритъ авторъ (л. 27), «а черезъ годъ мой братъ вернулся въ Рѣку.»

Въ 1592 году Асан-баша боснійскій, ренегатъ родомъ изъ Павіи, съ сорокатысячнымъ войскомъ напалъ на Рѣку, намѣреваясь также разорить Винодолъ и покорить ускоковъ; но былъ ими разбитъ и обращенъ въ бѣгство.

Въ это время авторъ, *находясь по собственнымъ дѣламъ во Флоренціи*, получилъ отъ одного изъ своихъ пріятелей *письмо, содержавшее подробности этого дѣла*. «Письмо это я показалъ сенатору Лаврентію Гвиччіардини, который просилъ меня дать ему копію и, получивъ ее, *тотчасъ отнесъ къ Великому Герцогу*. Его Свѣтлость послалъ за мною своего камергера съ тѣмъ, чтобы я принесъ ему самое письмо. Оставшись имъ доволенъ, онъ сказалъ мнѣ: «*вы получили болѣе обстоятельныя извѣстія, чѣмъ я*», и *просилъ меня сообщать ему замѣчательныя извѣстія*, пока

я буду въ этомъ городѣ. Я обѣщалъ и исполнилъ обѣщаніе, *сообщая ему письма, полученныя мною отъ вѣрныхъ друзей* (л. 28 — 29).»

Въ 1604 году, *находясь въ Задрѣ*, авторъ присутствовалъ при свиданіи Венеціанскаго генерала Ивана Габріелли съ санджакомъ Лакки по пограничнымъ дѣламъ (л. 17).

На л. 69 читаемъ: «*Въ Сѣни, Рѣкѣ, и на Вельи я знавалъ дворянскія флорентинскія фамиліи*, Кастелли, дель-Бене, Стради, Спильяти ди Фаликая, Джакомини, переселившіяся сюда по изгнаніи Гибеллиновъ изъ Флоренціи.»

Вотъ все, что мы знаемъ о неизвѣстномъ авторѣ изъ его «Исторіи ускоковъ». Изъ его сообщеній слѣдуетъ, что онъ родился въ 1558 году, что 1574 —1621 г. онъ провелъ въ Далмаціи и Кроаціи, совершая отъ времени до времени путешествія въ Фермо и Флоренцію по собственной надобности и по дѣламъ своего дяди, имѣвшаго съ 1540 года торговый домъ въ Рѣкѣ и ведшаго значительныя дѣла съ Австрійскими и эрцгерцогскими владѣніями и съ ускоками, которымъ по приказанію Папы выдавалъ назначенныя Его Святѣйшествомъ субсидіи. Постоянныя сношенія съ ускоками, между которыми онъ имѣлъ друзей и знакомыхъ доставляли ему возможность имѣть вѣрныя свѣдѣнія обо всемъ, что происходило у нихъ.

Самъ авторъ различаетъ два *источника*, изъ которыхъ онъ черпалъ свѣдѣнія для своей «Исторіи»: собственные опытъ и наблюденія и разсказы и письма вѣрныхъ друзей и достовѣрныхъ лицъ. Изъ такихъ источниковъ могла проистекать только правда и истина.

Отзывъ великаго герцога Тосканскаго объ извѣстіяхъ, сообщенныхъ ему нашимъ авторомъ, имѣетъ великую цѣну въ нашихъ глазахъ.

Но, имѣя возможность получать вѣрныя свѣдѣнія, оставался ли онъ въ своей «Исторіи ускоковъ» вѣренъ имъ, — иначе былъ ли онъ безпристрастенъ? На вопросъ отвѣчаемъ вопросомъ: была-ли нужда итальянскому купцу изъ Фермо, принадлежавшему къ боль-

ному торговому дому, пользовавшемуся довѣріемъ Папы, кривить душею и склонять вѣсы правосудія въ ту или другую сторону? Онъ не принадлежалъ къ людямъ политическимъ своего времени, и родина его не имѣла никакого дѣла до ускоковъ. Просто и искренно, безъ всякихъ притязаній, онъ разсказываетъ то, что̀ видѣлъ или слышалъ объ ускокахъ.

Познакомимъ теперь читателей съ планомъ и содержаніемъ «Исторіи ускоковъ». Авторъ не придерживался строгой системы въ изложеніи, что̀ ему позволяла избранная имъ форма діалога: описаніе и исторія у него перемѣшаны. Начинаетъ онъ съ описанія Сѣни и ея округа (л. 2—3); затѣмъ разсказываетъ ея исторію съ 1481 г. (л. 4) и говоритъ, что папы Левъ X, Климентъ VII и Левъ VI старались объ укрѣпленіи Сѣни, этого «propugnaculo al Turco, antimurale all' Italia (л. 4 — 5). На л. 6 переходитъ къ описанію Клиссы и завоеванія ея Турками въ 1537 году. Потомъ опять возвращается къ Сѣни и говоритъ о торговлѣ въ ней Флорентинцевъ: Сѣнь, по его словамъ, была тѣмъ же для нихъ въ отношеніи Венгріи, чѣмъ Неретва (Arente читай: Narente) въ отношеніи Босны (л. 7). Вслѣдъ за тѣмъ замѣчаетъ, что Венеція грабежи своихъ подданныхъ сваливала на ускоковъ, и говоритъ о службѣ ускоковъ у Фуентеса и въ Италіи, гдѣ ускоцкіе всадники были извѣстны подъ именемъ cappelletti (л. 7—8).

Папа Григорій XIII давалъ ускоцкимъ главарямъ ежегодныя субсидіи въ 2000 скудовъ и милостыню бѣднымъ селянамъ въ 400 (л. 11). Въ то время ускоцкимъ воеводою былъ *Юрій Даничичь*, пользовавшійся большимъ вліяніемъ между своими и внушившій Туркамъ такой страхъ, что вошелъ у нихъ въ поговорку, подобно Скандербегу. Слово его было свято, а слава столь велика, что императоръ даровалъ ему и его главнымъ сподвижникамъ дворянство. Уроженецъ Босны, молодымъ человѣкомъ онъ переселился въ Сѣнь, участвовалъ въ походахъ ускоковъ на Турокъ, и здѣсь женился на одной дворянкѣ: отъ нея имѣлъ трехъ сыновей и одну дочь. Избранный ускоками въ воеводы и утвержденный въ этомъ званіи императоромъ Фердинандомъ, онъ безпрестанно тре-

вожилъ Турокъ, особенно на Неретвѣ, куда приходили богатые караваны изъ Босны. Турки обвиняли Дубровничанъ въ подстрекательствѣ ускоковъ и грозили разрушить ихъ городъ. Желая отдѣлаться разомъ и отъ Турокъ и отъ ускоковъ, Дубровничане пригласили къ себѣ на свиданіе для переговоровъ будто о важныхъ дѣлахъ и убили Даничича вмѣстѣ съ семью товарищами. Сынъ его Юрій, признанный воеводою, въ отмщеніе за смерть отца отправился съ нѣсколькими вооруженными судами противъ Дубровничанъ и захватилъ въ морѣ ихъ суда, предалъ мученической смерти весь экипажъ, а суда потопилъ. Съ тѣхъ поръ въ теченіи 25 лѣтъ не было пощады Дубровничанамъ, искавшимъ откупиться цѣною 20 тыс. дукатовъ, и только папѣ Григорію XIII удалось ихъ примирить (л. 12—15).

Великую услугу оказали ускоки Имперіи, Венеціи и всей Италіи, охраняя ихъ отъ вторженіи Турокъ (1478 — 1479, 1481, 1499 г.г.). «Можно сказать», прибавляетъ авторъ, «что Сѣнь и Карловцы суть два ключа къ Италіи (л. 16).» Графы Зрини и Франчипани—главные покровители ускоковъ.

Отъ Сѣньскихъ ускоковъ авторъ отличаетъ ускоковъ Венеціанскихъ острововъ, Вельи, Раба, Пага и Задарскихъ и Шебеницкихъ острововъ: это настоящіе пираты (л. 17).

Ускоки славились въ Италіи большимъ ростомъ, силою и скороходствомъ. Жена великаго герцога Фердинанда, Христина, выписала четырехъ ускоковъ, которыхъ поселила во Флоренціи и женила (л. 18—19).

На л. 19 авторъ описываетъ одежду ускоковъ.

Ускоки мстятъ Венеціанцамъ набѣгами на ихъ острова за безпокойства, причиняемыя имъ галерами. Эрцгерцогъ платитъ ускокамъ жалованье, но его чиновники выдаютъ имъ только треть наличными деньгами, а двѣ трети натурою. Ускоки могутъ выставить 1200 воиновъ; въ случаѣ надобности къ нимъ присоединяются жители Оточца (Otociaz), Винодола, Бриньи, Постои и Берлега—Сѣньскаго графства, и даже Карлштадта: такимъ образомъ число ихъ превышаетъ 2000.

Въ 1575 году ускоки (числомъ 250) взяли самый большой корабль Венеціанскій Контарини, нагруженный дорогими товарами, съ 300 солдатами, возвращавшимися съ Кандіи: конфисковавъ товары Турокъ, Жидовъ и Дубровничанъ и лишивъ сихъ послѣднихъ жизни, они возвратили Венеціанцамъ корабль съ остальнымъ грузомъ и экипажемъ, исключая Турокъ и Жидовъ, которыхъ увели въ рабство (л. 20—21). Нѣсколько лѣтъ спустя, они взяли 80.000 цекиновъ съ другаго корабля, шедшаго на Востокъ (л. 22).

Въ 1580 г., по предложенію ренегата Мишича, босційскій Паша пытался овладѣть Сѣнью; но безуспѣшно. Въ то время губернаторомъ Сѣни былъ нѣмецъ Гаспаръ Робъ (л. 22—25).

Въ 1581 году ускоки взяли большой корабль, шедшій съ Востока. Въ числѣ пассажировъ были Турки, Жиды и Дубровничане. Эти послѣдніе сказались Жидами (они были одѣты по восточному). Плѣнныхъ отдали барону Валтасару Ламбергеру — въ то время губернатору Сѣни, и онъ отправилъ ихъ въ Германію. Дубровничане признались въ обманѣ, когда были внѣ опасности (л. 25).

Разсказъ о походахъ ускоковъ продолжается до 27 л. об.

Въ 1583 г. ускоки съ помощью францисканца Ангела, жившаго въ домѣ автора въ Рѣкѣ, пытались овладѣть Клисою; но ихъ планъ былъ открытъ, и до 800 семействъ, принимавшихъ участіе въ заговорѣ, принуждены были переселиться въ Рѣку (л. 27).

Въ 1593 г. Асанъ-баша босційскій задумалъ покореніе ускоковъ; но его сорокотысячная армія была обращена въ бѣгство 800 ускоками (л. 28—29).

Въ 1595 году ускоки взяли Клису; но Венеціанцы (Бенедетто Моро) помогли Туркамъ возвратить ее (л. 29—30).

Разсказъ о походахъ ускоковъ на Турокъ и Венеціанцевъ (до 1605 г.) продолжается до 46 л.

Листы 46 об.—48 занимаетъ разсказъ о разграниченіи Далмаціи отъ Босны, затѣмъ авторъ говоритъ о достопримѣчательностяхъ Далмаціи (le maraviglie della Dalmatia) и сначала описы-

ваетъ Задаръ (л.л. 48—50), а потомъ (52—54) Шибеникъ. Въ концѣ 55 л. об. возобновляется исторія ускоковъ, которую доводитъ до 1612 г.

На листахъ 56—58 вставленъ эпизодъ о распрѣ между Венеціанцами и Дубровничанами изъ за Ластова.

Послѣ этого отступленія, возвращаясь опять къ ускокамъ, авторъ говоритъ, что Венеція ежегодно издерживаетъ 300.000 дукатовъ на вооруженія противъ ускоковъ и что нѣкоторые сенаторы предлагали платить имъ субсидіи въ 50—60,000 дукатовъ въ годъ, лишь бы только они оставили въ покоѣ Венецію (л. 60).

Съ 61 л. начинается описаніе Сѣньскаго графства (его естественныхъ богатствъ, состоящихъ изъ минераловъ, кораловъ и т. п.) и нравовъ ускоковъ. Хваля набожность ускоковъ, авторъ говоритъ, что, возвращаясь съ похода, ускоки прежде всего служатъ молебенъ и часть добычи раздаютъ священникамъ, которые вообще очень бѣдны (64, 70). По словамъ его, чистота нравовъ была доведена до того, что прелюбодѣяніе наказывалось смертью (65). Любопытенъ разсказъ объ обычаѣ христосоваться въ Рождество при пожеланіи: «Боже дай вамъ добаръ Божичь», и объ обычаѣ при выкупѣ плѣнныхъ у Турокъ (non mandono il ricatto subito in contanti, ma mandono uno ostaggio, et il prigione torna a casa sua, si riposa 2 o 3 mesi, poi piglia la taglia e la porta al Turco, л. 66). Въ какомъ почетѣ была у ускоковъ честность видно изъ наказанія, придуманнаго для неисправныхъ должниковъ: имъ повязывали головы платкомъ, какъ женщинамъ, и въ такомъ видѣ выставляли на посмѣшище (л. 69).

Авторъ опровергаетъ, что ускоки дѣлились съ эрцгерцогами добычею: они давали только небольшіе подарки губернаторамъ Сѣни, если были ими довольны, и коммиссарамъ, приносившимъ имъ жалованье (70—71).

Лл. 71 — 78 занимаетъ разсказъ о Фріульской кампаніи и о сношеніяхъ д'Оссуны съ ускоками. На слѣд. листѣ читаемъ біографію попа Ангела Джустиніани изъ Шибеника, а на остальныхъ

семи листахъ (86 послѣдній) повѣствуется объ Испанско-Венеціанской войнѣ (д'Оссуна).

Я познакомилъ читателей только съ третьею частію собранныхъ мною во Флорентинскомъ архивѣ матерьяловъ по Славянской исторіи: остальныя двѣ трети (болѣе 250 документовъ) относятся къ исторіи *Дубровника*. Ихъ непрерывный рядъ, съ начала XIV по конецъ XVII вѣка, обнимаетъ почти всѣ разсмотрѣнныя нами серіи документовъ, а именно: *Capitoli del comun di Firenze*, *Lettere responsive e missive della Signoria*, *Legazione*, *Atti publici*, *Lettere ai e dei Granduchi*, *Lettere ai Duchi d'Urbino* и *Lettere della Republica di Ragusa dell' Archivio Medicco* (filza 2863). Здѣсь было бы неумѣстно говорить о каждомъ изъ этихъ документовъ въ отдѣльности, на что потребовалось бы много времени и мѣста; но какъ они живо рисуютъ сношенія, доселѣ вовсе неизвѣстныя,— Дубровника съ Флоренціею и Тосканою, — то позволю себѣ познакомить читателей съ наиболѣе важными и любопытными фактами, ими сообщаемыми. Все, что мы знали до сихъ поръ о сношеніяхъ Дубровника съ Флоренціею, ограничивается голословнымъ показаніемъ *Филиппа де-Диверзиса* о важности ихъ взаимной торговли и указаніями іезуита *Іосифа Рики* (Notizie Istoriche delle chiese Fiorentine, Firenze 1755, t° 3, p. 166) на существованіе «въ минувшие вѣка (ne'secoli passati)» Дубровницкой ложи (la loggia detta dei Ragusei): «на площади Св. Троицы, въ церкви коей онъ нашелъ надгробныя написи Дубровницкихъ властелей, торговавшихъ въ Флоренціи (Марина Джорджича, Луки Николаевича Бунича и Луки Юніевича Бунича) въ XVI вѣкѣ. Кромѣ того, *Аппендини* увѣряетъ, что еще въ его время существовала во Флоренціи «strada de'Ragusei.» Фактовъ же мы не имѣли никакихъ.

Древнѣйшій документъ о сношеніяхъ Дубровника съ Флоренціею относится къ 1327 году (*Registrum licterarum et ambaxatarum 1327—1328*, *Missive vol. 3*); въ немъ весьма лаконически говорится о постановленіи Синьоріи 20-го января этого года написать вторично, *какъ было прежде писано* (sicut olim scriptum

fuit) «графу, судьѣ, совѣтникамъ и общинѣ города Дубровника (Comiti, Judici, Consiliariis, consilio et comuni civitatis Raugii). Не знаемъ, о чемъ и какъ было *прежде* писано Дубровнику: важно и то, что сношенія существовали *прежде*. Когда же они начались? Едва-ли много позже того времени, когда Дубровничане заключили торговый договоръ съ сосѣднею Пизою т. е. въ концѣ XII вѣка. Документовъ этого времени въ архивѣ не имѣется.

18 января 1365 года Венгерскій король Лудовикъ, подъ покровительствомъ котораго въ то время находились Дубровничане, горячо (studio, quo possumus, ampliori) препоручалъ Флорентинцамъ Марина Гучетича (de Goize de Ragusio), «которому ихъ сограждане (concives) были должны знатную сумму денегъ (sibi satis in magna pecunie quantitate forent debitores).» *Capit vol. XIV, f. 140* t°. А три года спустя (13 іюля 1368 г.), онъ просилъ Флорентинскую общину, дабы она понудила Ивана Рамбіо (de Florentia), уплатить тому же Гучетичу должную ему сумму денегъ, вырученную изъ продажи въ Фамогостѣ судна, которымъ они владѣли съобща (тамъ же, XVI, 134).

Въ письмѣ отъ 11 іюня 1377 г. Флорентинская община, жалуясь на повышеніе пошлинъ съ товаровъ, привозимыхъ въ Дубровникъ, шедшихъ черезъ него транзитомъ и изъ него вывозимыхъ (6%), проситъ Дубровницкаго графа и правительство (Comes regimenque Raguse) уравнять (adequare) ихъ пошлины съ Флорентинскими (для чего и препровождаетъ записку о нихъ) или же уменьшить (imminuere), обѣщая въ этомъ послѣднемъ случаѣ взаимность (*Signoria. Missive. I Cancell. Reg° 17, f°. 115*). А мѣсяцемъ позже (19 іюля, XV Индикта), Флорентинская община, изъявляя удивленіе, что, вслѣдствіе наложеннаго на нее папою отлученія, Дубровничане «auctoritate publica» воспретили Флорентинскимъ купцамъ посѣщать ихъ города, — просила ихъ, «какъ братьевъ (fraternitatem vestram)», дозволить Флорентинцамъ оставаться свободно въ Дубровникѣ (in civitate vestra libere permanere) или же, если они рѣшились изгнать ихъ, обождать, пока они покончутъ свои дѣла (тамъ же, 123 об.).

Въ этихъ документахъ Флорентинцы называютъ Дубровничанъ «nobiles amici karissimi» и «fratres karissimi», что показываетъ ихъ тѣсныя связи. Уже въ это время торговля между ними имѣла значительные размѣры, ибо значительныя суммы находились въ обращеніи. Торговля съ Дубровникомъ была весьма прибыльна для Флорентинцевъ, если они такъ хлопочутъ о своихъ купцахъ, прося то объ уменьшеніи пошлинъ, то о дозволеніи имъ *жить* въ Дубровникѣ. Мѣры же, принимавшіяся Дубровницкою общиною противъ Флорентинскихъ купцовъ, свидѣтельствуютъ, что она не дорожила торговлею съ Флоренціею.

Въ то время Флоренція не имѣла еще своего порта, и караваны товаровъ отправлялись въ Анкону, гдѣ были нагружаемы на Дубровницкіе корабли. Въ 1406 году Дубровницкій караванъ, шедшій изъ Анконы съ серебромъ для Флорентинскаго правительства, былъ захваченъ Ламбертомъ и Галеоттомъ Бранкалеонами, владѣтелями Кастельдуранте. Флоренція немедля отправила къ нимъ посла, которому было поручено «*препоручить особенно Дубровницкихъ купцевъ, которыхъ, по многимъ, полученнымъ отъ нихъ выгодамъ, мы почитаемъ болье, чьмъ нашихъ собственныхъ подданныхъ* (di raccomandarli insingulariter questi mercatanti di Raugia, i quali per molti benefici ricevuti dalloro riputiamo piùche nostri singulari cittadini). И пусть онъ такъ распорядится чтобы товары ихъ и нашихъ купцевъ были пропускаемы безопасно и свободно, безъ всякаго затрудненія, черезъ его владѣнія, ибо *всякое удовольствіе и любезность, оказанныя имъ* (т. е. Дубровничанамъ), *мы будемъ считать нашими собственными* (ognia piacere et cortesia si farà loro lo riputaremo alla Signoria nostra).» *Registro d'Jstruzioni ad Ambasciatori della Republica 1406—1410 vol. XIV, f. 4.* Бранкалеоны отвѣчали послу, *Леонарду Доминиковичу Арриги*. (Leonardo di Domenico Arrighi), что они готовы предоставить это дѣло на благоусмотрѣніе Флорентинцевъ, надѣясь на ихъ справедливость, и въ тоже время сообщали причины, по которымъ Дубровницкій грузъ былъ конфискованъ. Въ отвѣтъ на депешу Арриги Флорентинское правительство пишетъ: «Ты воз-

вратишься снова къ дѣлу о секвестрѣ серебра и каравана Дубровничанъ и скажешь, что мы не отрицаемъ существованія писемъ, отправленныхъ изъ Дубровника и Анконы къ Дубровницкимъ купцамъ, здѣсь пребывающимъ, о посылкѣ имъ помянутаго серебра,— о коихъ упоминаютъ Бранкалеоны; но Дубровницкіе и Анконскіе купцы не знаютъ о контрактѣ, заключенномъ компаніею Сколара и Доффо Спини и Ивана ди Равьери Перуцци, нашихъ гражданъ, которые приняли на себя поставку серебра по просьбѣ нашихъ монетныхъ чиновниковъ съ уговоромъ, что помянутые наши купцы принимаютъ на свой рискъ доставку серебра изъ Анконы во Флоренціи». Синьорія, прибавляя что обманъ (frode), если дѣйствительно случился, былъ совершенно противъ ея воли,—предписывала своему послу сначала ласкою (con ogni dolcezza), а потомъ угрозами побудить Бранкалеоновъ немедленно возвратить захваченный грузъ серебра (тамъ же стр. 6 — 7). Но Бранкалеоны упорствовали, и Синьорія принуждена была обратиться къ посредничеству Римскаго сенатора Петра Франциска Бранкалеона, отца Ламберта и дяди Галеотта. 13 февраля 1407 она предписывала посламъ, отправленнымъ къ Папѣ, Якову епископу Фезуланскому, Райнальду Джанфильяцци, Мазію Альбицци, Христофору Спини и Христофору Валле Строцци: «Мы полагаемъ вамъ извѣстно, *на сколько Дубровницкіе купцы, пребывающіе въ нашемъ городѣ, были полезны всѣмъ нашимъ гражданамъ, и что они наполнили нашу казну серебромъ такъ, что мы пріобрѣли городъ Пизу преимущественно на серебро* (quanto e mercatanti da Ragugia, che sono nella nostra città, anno facto utile e sono stati cari e buoni a tutti la nostra cittadinanza, e come essi anno ripieno tutto il nostro comune d'ariento, che quasi in gran parte abiamo facto l'acquisto della città di Pisa col dicto ariento), привезенное ими; по этому, желая показать имъ нашу благодарность, мы не можемъ отказать имъ, какъ нашимъ хорошимъ гражданамъ, въ покровительствѣ и помощи въ ихъ нуждахъ, преимущественно же въ настоящемъ случаѣ, ибо, если мы не употребимъ всѣхъ возможныхъ для насъ средствъ, они могутъ *удалиться изъ нашего города и*

направиться въ другія страны, что причинило бы большой ущербъ каждому изъ нашихъ гражданъ, такъ какъ ихъ торговлѣ слѣдуетъ приписать процвѣтаніе въ нашей общинѣ шерстяныхъ мануфактуръ (sarebbe cagione di diviargli dalla nostra città et andare in altre parti, la quale cosa se avenisse, sarebbe di troppo danno a ciaschedunо nostro cittadino, considerato quanto l'arte della lana relavora di meglio nella comunità nostra per lo loro trafico). Теперь переходимъ къ случившемуся. *Помянутые Дубровницкіе купцы недавно везли въ нашъ городъ около 470 фунтовъ* (libbre) *серебра, подобно тому, какъ они дѣлали весь годъ.* (Idetti mercatanti di Ragugia facevano conducere pocho passato al'a città nostra libbre 470 o circa d'ariento, come hanno facto tutto questo anno). Проходя черезъ владѣнія Петра Франциска изъ Кастельдуранте, вожатаи уплатили пошлины за иные товары, кромѣ серебра, считая его изъятымъ изъ таможенныхъ правилъ: но таможенные чиновники, узнавъ о томъ, что они везли серебро, конфисковали его, какъ контрабанду, вмѣстѣ со всѣмъ караваномъ». Далѣе разсказывается о переговорахъ съ Бранкалеонами, отвѣчавшими сначала обѣщаніями, а потомъ насмѣшками (beffe), чѣмъ была оскорблена Синьорія, приказывавшая своимъ посламъ въ Римѣ отправиться къ Петру Франциску и «сказать ему, что Синьорія наша крайне удивляется отвѣту, данному нашимъ посламъ его сыномъ и племянникомъ.... Такъ не обращаются съ друзьями... и мы не потерпимъ, чтобъ надъ нами издѣвались (essere beffati et scerniti)».... Синьорія надѣется, что онъ прикажетъ возвратить ей захваченный грузъ серебра). *Registro di lettere interne ed esterne e ad ambasciatori 1406—1409, vol. XIII f. 5—6*). Но ея надежды не оправдались, и она должна была прибѣгнуть къ репресаліямъ: Въ отвѣтъ на жалобы Бранкалеоновъ, она повѣщала ихъ (отъ 28 марта), что ею дано разрѣшеніе монетнымъ чиновникомъ продать товары подданныхъ Кастельдуранте, на этотъ конецъ конфискованные, если къ 8 апрѣля они, Бранкалеоны, не возвратятъ захваченнаго ими серебра (*тамъ же л. 17*). Этимъ и покончилась переписка съ Бранкалеонами.

Съ пріобрѣтеніемъ Пизы Флорентинцы рѣшились измѣнить путь, которому слѣдовали товары, шедшіе въ Дубровникъ и изъ него, и посылать туда свои собственные корабли. Въ 1429 году была представлена Синьоріи просьба *Доменика Дольфини о дозволеніи ему отправиться въ Дубровникъ для заключенія контрактовъ о поставкѣ во Флоренцію золота, серебра, кожъ, воску и другихъ товаровъ* (che Domenico di Bartolomeo di ser Johanni Dolfini vada a Raugia et ordini con chi vorra conducere alla citta di Firenze oro, argenti, pellami, cera et altre mercatantie a tutte loro spese). Онъ просилъ кромѣ того, чтобы ему *была дана большая галера, вооруженная и снабженная всѣмъ необходимымъ насчетъ Флорентинской общины, обязываясь въ каждое путешествіе нагружать на нее по крайности тысячу кусковъ купленныхъ имъ Флорентинскихъ шерстяныхъ матерій*, не считая иныхъ мѣстныхъ товаровъ, и чтобы *онъ былъ освобожденъ отъ всякихъ издержекъ по путешествію* какъ въ Дубровникъ, такъ изъ него въ Пизу. Просьба эта была разсмотрѣна особою коммиссіею, постановившею по ней рѣшеніе, утвержденное народнымъ собраніемъ (in consilio populi) 15 октября VIII Инд. 1429 г., и съ Д. Дольфини былъ заключенъ контрактъ на пять лѣтъ (1430 — 1435 г.), которымъ онъ обязывался въ первый годъ совершить по крайности два путешествія и въ каждое путешествіе нагружать по меньшей мѣрѣ тысячу кусковъ Флорентинскихъ шерстяныхъ мануфактуръ, а консулы обѣщали не заключать въ теченіе этого времени контракта ни съ кѣмъ другимъ. Въ этотъ контрактъ были включены Дубровничане, товары коихъ пользовались тѣми же изъятіями. Но контрактъ этотъ теряетъ силу въ случаѣ, если Венеціанцами будетъ воспрещено плаваніе въ Дубровникъ *Ordini del consolato della nazione fiorentina. Cl. XI. distinz. 4. 27 ff. 31—32.*

Въ 1495 году было учреждено въ *Дубровникѣ Флорентинское консульство*, и первымъ консуломъ былъ Яковъ ди Джуліано. Ему предоставлялось право взимать со всякаго тюка товаровъ, шедшихъ изъ Италіи, по 3 аспры, а съ отправляемыхъ изъ Дубровника въ Италію по 5. (Тамъ же, л. 253). Въ 1570 году былъ

составленъ подробный тарифъ для консульства въ Дубровникѣ *Ordini* etc. № 78, f. 16). Консулы сначала назначались пожизненно, потомъ (въ первой половинѣ XVI вѣка) мѣнялись каждые три года, а съ 1570 г. оставались «ad beneplacitum» великаго герцога Тосканскаго.

Не знаемъ, когда было учреждено *Дубровницкое консульство во Флоренціи и Пизѣ*; упоминанія о немъ встрѣчаемъ въ актахъ архива съ начала XVI по конецъ XVII вѣка. Дубровницкими консулами были большею частію Тосканскіе нобили, иногда рекомендуемые самимъ великимъ герцогомъ.

Торговля Дубровника съ Флоренціею, процвѣтавшая въ XIV — XVI вв., начинаетъ упадать съ первыхъ годовъ XVII, а съ конца его (послѣ великаго землетрясенія 1667 г.) прекращаются всякія о ней свѣдѣнія. Дубровницкіе купцы постоянно пользовались особымъ покровительствомъ Флорентинской общины, а потомъ великихъ герцоговъ Тосканскихъ: «Meminimus, cum vestri cives in civitate Florentie gratia mercantie habitarent», писали Флорентинцы Дубровничанамъ въ 1436 г., *«continuo benevolentiam, caritatem et justiciam apud nostros homines privatim et publice reppcrisse* (*Signoria. Missive* vol. XXXIII, ff. 116—117):» «Conosceranno in questa mia successione», пишетъ великій герцогъ Тосканскій Дубровничанамъ въ 1587 г., «haver acquistato uno, che *in tutte le occorrentie loro si mostrerà sempre propitio et favorevole ne si vedrà mai satio di far loro servitio* (*Lettere gran Ducali Registro 274*, f. 47 t.) и т. д. и т. д. Взаимная дружба влекла за собою взаимныя уступки и изъятія: такъ напр. Дубровницкая община въ 1488 году, вслѣдствіе просьбъ Флорентинскихъ купцевъ, постановляетъ взимать съ каждаго тюка ихъ суконъ (panni) по два дуката, тогда какъ другія націи платили пошлины 9%, и эта привилегія была въ силѣ еще въ 1542 году (*Lettere ai Gran Duchi: Republica di Ragusa 1541—1648.* Archivio Mediceo filza 2863): такъ напр. мы видѣли уже, что Дубровницкіе товары, привозимые на общественной галерѣ, освобождались отъ nolo, и т. д. и т. д.

Въ трудныхъ обстоятельствахъ Дубровничане обращались къ великимъ герцогамъ Тосканскимъ за совѣтомъ и помощью, и тѣ были ихъ ходатаями передъ папою и королемъ Испанскимъ (въ 1579 и 1566 г.г.), успокоивали на счетъ притязаній Венеціи (1631 г.), оказывали помощь противъ Турокъ (1646 г.) и посылали субсидіи послѣ землетрясенія, разрушившаго въ 1667 году почти весь городъ. Упомянемъ о двухъ наиболѣе любопытныхъ случаяхъ; 17 іюня 1631 г. Дубровничане, извѣщая великаго герцога Тосканскаго о покушеніи Венеціанцевъ овладѣть островкомъ Кромою, находящимся въ полумили отъ города и важномъ въ стратегическомъ отношеніи, просили его помощи и защиты: «на дняхъ», писали они, «капитанъ моря съ тремя галерами и вооруженными барками напалъ на него (островъ Крому), обнаруживая враждебныя намѣренія противъ самаго города» (*Lettere ai granduchi f-za 2863*). Великій герцогъ отвѣчалъ имъ отъ 8 августа того же года: «я стараюсь въ отношеніи къ вашей Республикѣ поддерживать тѣ самыя добрыя сношенія, основанныя на истинной дружбѣ, которыя всегда существовали между вами и моими августѣйшими предками (io sono per conservare verso cotesta Republica quell'istessa buona corrispondenza di vera amicitia, che é sempre passata fra lei et i miei serenissimi antecessori), какъ вы могли видѣть во всѣхъ случаяхъ нужды (di interesse). Услышавъ съ большимъ неудовольствіемъ о неожиданно случившемся относительно островка Кромы, не могу вѣрить, чтобы Венеціанская республика въ настоящія времена имѣла подобные планы; тѣмъ не менѣе, гдѣ только мои услуги (offitii) могутъ быть вамъ полезны, будьте увѣрены, употреблю ихъ охотно, желая оправдать ваше довѣріе къ моей привязанности (affetto) къ вашей Республикѣ (*Minute delle lettere granducali* filza 153, c. 383).» Въ 1646 году Дубровникъ, опасаясь нападеній Турокъ, выписывалъ изъ Флоренціи военные снаряды для защиты города (*Lettere ai gr. d. f-za 2863*).

Случались неизбѣжно и недоразумѣнія между Дубровникомъ и Флоренціею. Такъ напр. въ 1562 г. великій герцогъ жало-

вался, что Дубровницкое правительство не дозволило Филиппу Сальвіати вывезти съ Востока хлѣбъ на Дубровницкихъ корабляхъ, и Дубровникъ объяснялъ ему, что иначе не могъ поступить, ибо султанъ, подъ страхомъ потери груза и плѣненія воспретилъ Дубровничанамъ вывозъ изъ его владѣній хлѣба (*тамъ же*). Такъ позже, въ февралѣ 1640 года, Тосканскій капитанъ Валентинъ Валентини, комендантъ бертона «Santo Rocco» захватилъ въ портѣ Милоса, въ Архипелагѣ, Дубровницкій корабль съ Турецкимъ грузомъ: Дубровничане, ссылаясь на буллу Папы Пія V отъ 16 декабря 1566 г., дозволявшую имъ торговлю съ Турками даже въ военное время, и оправдываясь своими отношеніями къ султану, требовали возвращенія груза и наказанія Валентини за оскорбленія и убытки, нанесенные Дубровницкому экипажу. Переписка объ этомъ дѣлѣ хранится въ Медичейскомъ архивѣ (filza 2863).

Въ 1654 году Дубровницкій консулъ во Флоренціи, маркизъ Сципіонъ Каппони, получилъ приказаніе отъ своего правительства вступить въ *тайные* переговоры по какому-то важному дѣлу съ самимъ великимъ герцогомъ, которому отъ 15 декабря того же года писали Дубровничане: «Августѣйшій домъ Вашей Свѣтлости оказывалъ всегда великодушное покровительство нашей республикѣ и пр., а потому В. Св. соизволите дать (консулу нашему, маркизу Каппони) благосклонную и *секретную* аудіенцію (grata e secreta udienza) и вѣрить ему, какъ намъ самимъ, ибо *подобная милость послужитъ не только къ спасенію нашей республики, но и къ славѣ благословеннаго Бога* (dovendo ruiscire simil favore e gratia non solo a perservatione di questa Republica, ma a gloria di Dio benedetto).» Каппони получилъ искомую секретную аудіенцію, за каковую Дубровничане благодарили великаго герцога письмомъ отъ 7-го мая 1655 г. (*тамъ же*); но въ чемъ заключалось данное ему тайное порученіе, остается для насъ загадкою ибо въ бумагахъ Архива не сохранилось объ этомъ никакихъ свѣдѣній.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,
ЧИТАННЫХЪ
ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ VII, № 9.

ОТЧЕТЪ

ПО

ОТДѢЛЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ЗА 1869 ГОДЪ.

СОСТАВЛЕННЫЙ
АКАДЕМИКОМЪ А. В. НИКИТЕНКО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Ост., 9 лин. № 12.)
1870.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, апрѣль 1870 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ОТЧЕТЪ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
ПО ОТДѢЛЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ
за 1869 годъ,

составленный орд. академикомъ А. В. Никитенко.

Удовлетворяя требованіямъ науки и своему назначенію, II Отдѣленіе Академіи наукъ продолжало приведеніемъ въ извѣстность и научнымъ критическимъ разъясненіемъ различныхъ памятниковъ нашего языка и словесности, пролагать путь къ правильному уразумѣнію какъ ихъ самихъ, такъ и обстоятельствъ времени и обществъ, съ которыми они находились въ связи. Кромѣ постояннаго участія въ совѣщаніяхъ по вопросамъ, возникавшимъ изъ этой потребности, каждый изъ членовъ трудился надъ разработкою какой нибудь части общаго дѣла. Такъ Академикъ И. И. Срезневскій печатаетъ приготовленную въ прошедшемъ году къ изданію переписку покойнаго Востокова съ разными лицами, бывшими съ нимъ въ сношеніи по предметамъ, относящимся къ древностямъ и исторіи отечественной. Переписка эта, о чемъ мы уже имѣли случай замѣтить въ нашемъ прошлогоднемъ отчетѣ, заключаетъ въ себѣ любопытныя данныя, служащія къ поясненію какъ свойства лицъ, участвовавшихъ въ умственномъ движеніи эпохи, такъ и ея состоянія. Особенно характеръ нашего знаменитаго филолога выказывается здѣсь въ самомъ прекрасномъ свѣтѣ. Тутъ видны и его живое сочувствіе

къ наукѣ, глубокая преданность ея интересамъ, и готовность помогать богатствомъ своихъ свѣдѣній и своею проницательностію ея дѣятелямъ, а также то уваженіе, съ какимъ относились къ нему замѣчательные люди изъ его современниковъ. Книга, издаваемая г. Срезневскимъ, есть важный матеріялъ не только для біографіи Востокова, но и для историческаго изученія его времени.

Онъ же, г. Срезневскій, занимался сличеніемъ текста Туровскаго Евангелія, Савиной книги, Воскресенскаго Евангелія и нѣкоторыхъ другихъ. Изслѣдованія его привели къ выводу, что ни въ одномъ изъ сохранившихся списковъ не уцѣлѣлъ безъ измѣненій древній переводъ священной книги и что въ Туровскомъ Евангеліи въ большей части мѣстъ текстъ древнѣе, чѣмъ въ Евангеліи Остроміровомъ и Глаголитскихъ спискахъ, хотя не вездѣ исключительно.

14 февраля совершилось тысячелѣтіе со дня кончины Славянскаго первоучителя, преподобнаго Кирилла (Константина философа). II Отдѣленіе опредѣлило почтить этотъ день особымъ засѣданіемъ, къ которому были приглашены всѣ дѣйствительные члены Академіи, также члены-корреспонденты и почетные члены Отдѣленія. По поводу этого И. И. Срезневскій приготовилъ для чтенія въ засѣданіи свое изслѣдованіе о заслугахъ великаго основателя нашей письменности, гдѣ между прочимъ выразилъ мысль, что языкъ, употребленный въ Богослуженіи и въ переводѣ Библіи, составляетъ, безъ сомнѣнія, одно изъ древнихъ народныхъ нарѣчій Славянскихъ; однако на основаніи филологическихъ соображеній нѣтъ возможности заключить, чтобы языкомъ этимъ было одно изъ нынѣсуществующихъ Славянскихъ нарѣчій въ его древнемъ видѣ. При этомъ Академикъ привелъ доказательства точности, съ какою переданы въ переводѣ нѣкоторыхъ богослужебныхъ нашихъ книгъ отвлеченныя понятія Греческаго текста, или равносильными словами, или оборотами Славянскими, что служитъ очевиднымъ свидѣтельствомъ зрѣло обдуманнаго переводчикомъ плана и его глубокаго знанія языковъ греческаго и славянскаго.

Въ заключеніе г. Срезневскій, на основаніи историческихъ и филологическихъ понятій, выразилъ убѣжденіе, что Константинъ философъ, равно какъ и братъ его Меѳодій были не греки, а природные славяне.

Занимаясь постоянно приведеніемъ въ извѣстность и объясненіемъ древнихъ памятниковъ нашей словесности, г. Срезневскій приготовилъ къ изданію «Собраніе древнихъ записей, грамотъ, грамотокъ и т. п.» Изучающіе нашу народность найдутъ въ этомъ изданіи не только любопытныя историческія указанія для изученія нашего языка, но и многія новыя свѣдѣнія относительно быта и нравовъ нашихъ предковъ.

Въ архивѣ Финляндскаго Сената были найдены пергаментные рукописные отрывки на древнемъ русскомъ языкѣ; отрывки эти, состоящіе частію изъ цѣльныхъ листовъ, частію изъ полулистовъ и узенькихъ полосъ, числомъ 161, профессоръ русской словесности въ Гельсингфорскомъ Александровскомъ университетѣ Нордквистъ препроводилъ во II Отдѣленіе, которое передало ихъ на разсмотрѣніе и заключеніе И. И. Срезневскому. Академику не малыхъ усилій стоило распредѣлить и привести въ нѣкоторый порядокъ эти разрозненные остатки древней письменности; ему удалось наконецъ отдѣлить въ нихъ до сорока особенныхъ рукописей; изъ нихъ отъ нѣкоторыхъ уцѣлѣли только отдѣльные листы, отъ другихъ же сохранились довольно значительныя части. Судя по характеру письма, большая часть этихъ остатковъ относится къ XIV, многіе къ XV и XVI вѣкамъ, два къ XII, остальные къ XIII вѣку. На одной рукописи оказалась глаголическая приписка.

По случаю Археологическаго съѣзда въ Москвѣ, И. И. Срезневскій былъ командированъ въ качествѣ депутата отъ Академіи для присутствованія на немъ. Въ засѣданіяхъ Отдѣленія онъ изложилъ нѣсколько своихъ соображеній и замѣчаній по вопросамъ, имѣвшимъ въ сужденіяхъ съѣзда отношеніе къ памятникамъ языка и словесности. За тѣмъ онъ постоянно посвящалъ бо̀льшую часть своего времени и силъ главному и важнѣйшему труду

своему — приведенію къ окончанію составляемаго имъ *словаря русскаго народнаго и письменнаго языка по древнимъ памятникамъ.*

Главный трудъ Академика Я. К. Грота состоялъ въ приготовленіи къ изданію пятаго тома сочиненій Державина. Томъ этотъ уже вышелъ въ свѣтъ. Онъ заключаетъ въ себѣ переписку Державина съ разными лицами, которая была весьма обширна. Содержаніе ея между прочимъ касается многихъ сторонъ тогдашней общественной и административной жизни, гдѣ Державинъ былъ дѣйствующимъ лицомъ и имѣлъ поэтому сношенія не съ одними частными лицами, но и съ разными значительными дѣятелями того времени. Участіе его въ усмиреніи Пугачевскаго бунта извѣстно; но многія любопытныя подробности этой бѣдственной и кровавой эпохи, важныя для исторіи ея и характеристики, были неизвѣстны, и теперь мы находимъ ихъ въ перепискѣ Державина; самъ онъ, несмотря на свой незначительный тогда служебный постъ и зависимое положеніе, обнаруживалъ много энергіи и разсудительности. Бибиковъ, Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, князь Голицынъ, князь Щербатовъ, Суворовъ высоко цѣнили въ немъ эти способности. Вообще нынѣ изданная переписка выказываетъ характеръ Державина весьма въ благопріятномъ свѣтѣ. Нѣкоторыя рѣзкія черты этого характера, увлеченіе своимъ образомъ мыслей и идеями, вмѣстѣ съ недостатками, какими онъ платилъ дань своему времени, съ избыткомъ вознаграждаются благородствомъ его стремленій, живымъ патріотическимъ чувствомъ, преданностію общественнымъ интересамъ, правдивостію и безкорыстіемъ. Замѣчательна особенно въ немъ одна нравственная черта, весьма рѣдкая въ то время: онъ былъ врагомъ всякихъ высокомѣрныхъ и насильственныхъ поступковъ съ низшими и поведеніе его съ подчиненными всегда отличалось уваженіемъ къ ихъ человѣческому достоинству; онъ не давалъ имъ чувствовать своего превосходства ни въ какомъ отношеніи. Рѣзкія черты, о которыхъ мы сейчасъ упомянули, проявлялись исключительно въ столкновеніяхъ его съ лицами равнаго съ нимъ

или высшаго положенія, по вопросамъ служебнымъ и дѣловымъ. Къ сожалѣнію у нѣкоторыхъ изъ нашихъ литературныхъ критиковъ вошло въ обычай относиться неблагосклонно къ дѣятелямъ прошлаго времени за то, что они не раздѣляли стремленій и идей настоящаго времени. Тутъ забыто одно обстоятельство — что дѣятели эти и не могли раздѣлять того, чего они не знали и что не входило въ кругъ жизненныхъ вопросовъ ихъ вѣка. На основаніи предвзятыхъ понятій при случайномъ и конечно не вполнѣ внимательномъ изученіи предмета, о Державинѣ тоже возникло невыгодное мнѣніе какъ въ отношеніи къ его поэтическому таланту, такъ и къ характеру. Мы надѣемся однако, что обнародуемыя нынѣ его сочиненія и свѣдѣнія, которыми они сопровождаются, покажутъ и въ немъ человѣка весьма почтеннаго, гражданина честнаго и поэта съ высокимъ дарованіемъ, несмотря на его недостатки, еще болѣе принадлежащіе его времени, нежели ему, и на несовмѣстимость его направленія съ нынѣшними прогрессивными воззрѣніями, въ чемъ уже совершенно не повинны ни онъ, ни его время. Такимъ слѣдуетъ его признать по всей исторической справедливости, не стараясь почерпать краски для его изображенія изъ однихъ слабыхъ сторонъ его и оставляя въ забвеніи достоинства.

Кромѣ особенностей, лично относящихся къ Державину, переписка его богата многими любопытными данными для изученія современныхъ ему нравовъ и состоянія общества. Важность книги въ этомъ отношеніи въ высокой степени увеличивается примѣчаніями и дополненіями, какими обогатилъ ее ученый издатель. Ни одно сколько нибудь замѣчательное обстоятельство, въ ней упоминаемое, также какъ и ни одно лице, выходившее на сцену тогдашнихъ событій, не оставлено имъ безъ удовлетворительныхъ, достовѣрныхъ объясненій, и въ довершеніе научнаго достоинства изданія, къ нему присоединенъ подробный указатель. Онъ же, г. Гротъ, издалъ второй томъ общедоступнаго изданія сочиненій Державина и продолжалъ печатаніе 3-го, уже приближающагося къ концу.

Независимо отъ главнаго труда, занимавшаго Я. К. Грота, онъ написалъ разборъ 2-й части Исторіи Русской Словесности г. Галахова; но особенно замѣчательна составленная имъ записка о словарѣ г. Даля, представленномъ на соисканіе Ломоносовской преміи. Записка эта, кромѣ вѣрной оцѣнки превосходнаго труда г. Даля, предоставляющей лексикографу полное право на установленную награду, содержитъ въ себѣ поучительныя изысканія рецензента объ историческомъ развитіи и образованіи литературнаго языка въ Россіи, объ отношеніяхъ его къ языку общенародному, установляетъ правильную точку зрѣнія на тотъ и другой; въ заключеніе же авторъ записки приходитъ къ выводу, что литературный языкъ не можетъ и не долженъ утратить своихъ особенностей отъ сближенія и совпаденія съ языкомъ общенароднымъ посредствомъ насильственной замѣны его словъ и оборотовъ словами и оборотами послѣдняго, какъ полагаетъ г. Даль, но что съ другой стороны общенародный языкъ всегда останется источникомъ обновленія и усовершенствованія языка литературнаго подъ условіемъ искуснаго художественнаго и одному дарованію доступнаго употребленія и примѣненія его въ литературѣ. Извлеченіе изъ своего разбора г. Гротъ предназначилъ для чтенія въ торжественномъ собраніи Академіи 29 декабря, а цѣлый разборъ напечатанъ особою брошюрою.

Дѣятельность П. П. Пекарскаго и въ этомъ году, къ сожалѣнію, на нѣкоторое время была пріостановлена не удовлетворительнымъ состояніемъ его здоровья. Несмотря на это, онъ продолжалъ свой постоянный обширный трудъ — разработку матеріаловъ для сочиняемой имъ исторіи нашей Академіи, и въ нынѣшнемъ году онъ представилъ въ Отдѣленіе первый томъ своего произведенія, совсѣмъ готовый къ печати. Онъ содержитъ въ себѣ жизнеописанія президентовъ и членовъ Академіи; сюда вошли біографіи первыхъ четырехъ президентовъ и сорока шести лицъ, состоявшихъ членами ея съ 1725 по 1742 годъ. Матеріалы для слѣдующаго тома, куда, между прочимъ, должны войти подробныя жизнеописанія Тредьяковскаго и Ломоносова, также

представлены уже г-мъ Пекарскимъ, и въ будущемъ году онъ намѣренъ заняться ихъ обработкою, если позволитъ ему здоровье.

Въ 1868-мъ году, въ отчетѣ объ одиннадцатомъ присужденіи Уваровскихъ наградъ помѣщены написанные г-мъ Пекарскимъ два разбора сочиненій, представленныхъ къ соисканію этихъ наградъ — г. Лонгинова: «Новиковъ и Московскіе Мартинисты», и г. Смирнова: «Исторія Троицко-Сергіевской Лавры». Для перваго изъ своихъ разборовъ Академикъ нашъ пользовался, съ разрѣшенія Министерства Иностранныхъ дѣлъ, хранящимися въ архивѣ его бумагами Елагина, бывшаго однимъ изъ главныхъ дѣятелей масонства въ Россіи прошедшаго столѣтія. Имѣя въ виду еще далеко не полныя историческія свѣдѣнія о русскомъ масонствѣ и важность ихъ для общей нашей внутренней исторіи, г. Пекарскій извлекъ при этомъ случаѣ изъ архивныхъ источниковъ новыя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, и составилъ весьма любопытныя дополненія къ исторіи его, которыя и напечатаны въ академическихъ изданіяхъ. Ему также принадлежитъ назначенный для изданій Академіи историческій очеркъ ея типографіи, дѣятельность которой въ прошедшемъ столѣтіи тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что она долгое время одна снабжала русскую публику книгами, печатанными гражданскимъ шрифтомъ. Наконецъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ П. П. Пекарскаго печатался и вышелъ въ свѣтъ шестой годъ (1860) «Русской исторической библіографіи».

А. Ѳ. Бычковъ продолжалъ и окончилъ печатаніе «Словаря Бѣлорусскаго нарѣчія», котораго редакція была на него возложена нашимъ Отдѣленіемъ. Этотъ важный и обширный трудъ, предпринятый по предложенію Отдѣленія И. И. Носовичемъ, употребившимъ много лѣтъ на собраніе для него матеріаловъ и ревностно старавшимся о его возможной полнотѣ, будетъ богатымъ вкладомъ въ сокровищницу славянскаго языковѣдѣнія и докажетъ очевиднымъ образомъ ошибочность мнѣнія тѣхъ, которые полагаютъ, что въ бѣлорусскомъ нарѣчіи господствуетъ стихія языка

польскаго, подъ сильнымъ вліяніемъ котораго оно будто бы образовалось. Вмѣстѣ съ тѣмъ Академикъ Бычковъ занимался приготовленіемъ къ изданію такъ называемаго «Сборника Святослава 1072 года». Этотъ трудъ онъ полагаетъ внести въ Отдѣленіе въ 1870 году. Изданіе древнихъ памятниковъ славянской письменности составляетъ насущную потребность для изучающихъ Славянскій языкъ. Исходя изъ этого пункта и имѣя въ виду, что обнародованіе Остромірова Евангелія, Супрасльской рукописи и другихъ памятниковъ несомнѣнно содѣйствовало успѣхамъ славянской филологіи, г. Бычковъ рѣшился посвятить трудъ свой изданію Сборника Святослава, который, какъ по своей древности, такъ и по языку, давно уже обращалъ на себя вниманіе ученыхъ.

Въ отчетѣ Императорской Публичной библіотеки за 1868 годъ напечатано составленное г. Бычковымъ описаніе Славянскихъ рукописей, принесенныхъ въ даръ отечественному книгохранилищу А. Ѳ. Гильфердингомъ. Это собраніе — плодъ путешествія нашего извѣстнаго ученаго по Босніи, Герцоговинѣ и Сербіи въ 1868 году, заключаетъ въ себѣ богатый историческій матеріалъ, значеніе и достоинство котораго можно уже видѣть изъ самаго ихъ описанія. Онъ же, г. Бычковъ напечаталъ второй выпускъ составленнаго имъ указателя личныхъ именъ къ первымъ восьми томамъ «Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей» на буквы: *Вас — Есиъ.* Всѣ изучающіе отечественную исторію по ея главнымъ источникамъ — лѣтописямъ, безъ сомнѣнія, съ живѣйшею благодарностію примутъ этотъ трудъ и оцѣнятъ его важность.

Высокопреосвященный Архіепископъ Литовскій и Виленскій Макарій среди своихъ многотрудныхъ и многостороннихъ заботъ по управленію Православною недавно ввѣренною ему церковію въ Сѣверо-Западномъ краѣ имперіи, постоянно назидалъ свою новую паству тѣмъ живительнымъ изящнымъ словомъ, которое привлекало къ нему сердца и воодушевляло ихъ чувствомъ высокаго христіанскаго благочестія въ прежней епархіи. Въ продолженіе своего пятимѣсячнаго пребыванія въ Вильнѣ, онъ произ-

несъ болѣе двадцати словъ и рѣчей, изъ которыхъ девять напечатаны въ Виленскомъ Вѣстникѣ и Литовскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Всѣмъ друзьямъ христіанскаго просвѣщенія и всѣмъ, кто сочувствуетъ нашему нравственному и духовному преуспѣянію въ Сѣверо-Западномъ краѣ, конечно памятны будутъ такія напр. изъ словъ, какъ слово архипастыря при вступленіи его на каѳедру Литовской епархіи, рѣчь при открытіи Совѣта общества ревнителей православія въ томъ краѣ, рѣчь при открытіи военно-окружнаго суда. Въ теченіе истекающаго года высокопреосвященный Макарій издалъ собраніе своихъ словъ и рѣчей въ одномъ большомъ томѣ. Въ составъ этого собранія, обнимающаго всѣ его проповѣдническіе труды до назначенія его въ Литовскую епархію, вошли оба прежнія изданія, 1859 и 1864 годовъ, и кромѣ того тридцать четыре новыя рѣчи, не находившіяся въ прежнихъ изданіяхъ. Въ нынѣшнемъ году пятьдесятъ его словъ переведено на французскій языкъ пасторомъ Боассаромъ и напечатано въ Парижѣ.

Академикъ М. П. Погодинъ оканчивалъ печатаніе своей древней Русской исторіи съ атласомъ, напечаталъ письмо къ Ширрену «объ остзейскомъ вопросѣ» и произнесъ «рѣчь о судьбахъ археологіи въ Россіи» на Археологическомъ Московскомъ съѣздѣ.

Академикъ Ѳ. И. Буслаевъ прислалъ въ Отдѣленіе обширную написанную имъ рецензію на сочиненіе г. Стасова: «происхожденіе Русскихъ былинъ», представленное на соисканіе Уваровской преміи. Рецензентъ, отдавая должное трудолюбію и начитанности автора, въ тоже время съ обыкновенною своею проницательностію и знаніемъ указалъ и на слабую сторону его труда, состоящую преимущественно въ томъ, что онъ слишкомъ преувеличилъ вліяніе восточныхъ сказаній на нашъ эпосъ и лишилъ сей послѣдній всякаго своеобразія и народности. Въ доказательство г. Буслаевъ привелъ многія мѣста изъ нашихъ былинъ, очевидно свидѣтельствующія о туземномъ и самобытномъ ихъ происхожденіи, и прямо указалъ на тѣсную ихъ связь съ нашею народностію. Тотъ же Академикъ напечаталъ еще двѣ статьи — одну «о

новѣйшихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ» и другую «о задачахъ современной эстетической критики». Сверхъ того г. Буслаевъ напечаталъ третьимъ изданіемъ свою «Историческую грамматику Русскаго языка».

Въ нынѣшнемъ году Академія лишилась одного изъ достойнѣйшихъ своихъ членовъ по Отдѣленію Русскаго Языка и Словесности, бывшаго Министромъ Народнаго Просвѣщенія, Члена Государственнаго Совѣта А. С. Норова, скончавшагося въ январѣ мѣсяцѣ. Заслуги его предъ отечествомъ и отечественною наукою изложены въ особомъ біографическомъ очеркѣ, написанномъ Академикомъ А. В. Никитенко и приготовленномъ имъ къ чтенію въ торжественномъ собраніи Академіи 29 декабря.

АВРААМЪ СЕРГѢЕВИЧЪ НОРОВЪ. *)

Біографическій очеркъ, читанный въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1869 г. ординарнымъ академикомъ

А. В. Никитенко.

А. С. Норовъ принадлежалъ къ старинной дворянской фамиліи, бывшей въ свойствѣ съ нѣсколькими первостепенными домами. Знаменитая княгиня Дашкова находилась въ числѣ родственныхъ ей лицъ. Мать Авраама Сергѣевича была урожденная Кошелева. Отецъ его служилъ сперва въ военной службѣ, потомъ перешелъ въ бывшую коллегію иностранныхъ дѣлъ, гдѣ оставался не долго, а остальное время своей жизни провелъ въ Москвѣ, посвятивъ его семейству. Онъ былъ человѣкъ умный и съ благороднымъ сердцемъ. Отъ него дѣти его получили первые уроки во всемъ, что̀ касалось требованій чести и добра. Авраамъ Сергѣевичъ родился 22-го октября 1795 года въ отцовской деревнѣ Ключи, Саратовской губерніи. Извѣстно, что лучшая школа нравовъ есть благоустроенное и просвѣщенное семейство, гдѣ всѣхъ членовъ соединяетъ духъ міра, взаимнаго уваженія и любви. Изъ этой естественной среды Авраамъ Сергѣевичъ вынесъ

*) Источниками для этого очерка служили: бумаги А. С. Норова, сообщенныя автору племянникомъ покойнаго В. П. Поливановымъ, также нѣкоторыя замѣтки и указанія П. И. Савантова; относительно же археографической коммиссіи—любопытная записка, составленная членомъ ея А. Ѳ. Бычковымъ. Наконецъ болѣе чѣмъ двадцатипятилѣтнее близкое знакомство автора съ покойнымъ дало ему возможность узнать многое о его дѣятельности и характерѣ.

зачатки всего нравственно-прекраснаго, которые развились впослѣдствіи и выразились съ такой ясностью и въ жизни, и въ характерѣ его. Послѣ приготовительнаго домашняго ученья, онъ поступилъ въ благородный университетскій пансіонъ въ Москвѣ, гдѣ, однакожъ, не кончилъ курса. Мы не знаемъ, какія причины побудили его родителей поспѣшить опредѣленіемъ его въ службу; но нельзя не пожалѣть, что въ юности ему не дано было полнаго, методически-научнаго образованія, которое одно въ состояніи для дѣятельности счастливыхъ природныхъ способностей установлять твердыя опоры вездѣ, гдѣ бы имъ ни приходилось жить и трудиться. По счастью природа иногда является въ помощь тамъ, гдѣ люди чего-нибудь не досмотрѣли. Въ самой натурѣ высшихъ умственныхъ силъ заключается непреодолимое побужденіе къ ихъ развитію и усовершенствованію. Кому неизвѣстно, что всѣ даровитыя личности, вопреки даже всевозможнымъ препятствіямъ, успѣваютъ трудомъ, конечно усиленнымъ, поставить себя, наконецъ, въ уровень съ требованіями времени и науки. Авраамъ Сергѣевичъ учился непрерывно, ревностно и въ юности, и въ послѣдующіе періоды своей жизни, не смотря на соблазнъ обстоятельствъ, которыя могли бы его отъ того и уволить безъ вреда его внѣшнему положенію. Такимъ образомъ самъ собою, въ союзѣ съ людьми мысли и науки, которыхъ дружбы всегда искалъ и былъ ея достоинъ, онъ успѣлъ если не во всемъ, то во многомъ пополнить недостатки своего прежняго образованія. Единственно своей неутомимой серьозной любознательности онъ обязанъ былъ богатствомъ научныхъ свѣдѣній, какія мы видѣли въ немъ впослѣдствіи, и основательнымъ знаніемъ литературъ англійской, итальянской, французской, нѣмецкой и, отчасти, испанской, кромѣ языка и литературы отечественныхъ. Это, однако, его не удовлетворяло: онъ захотѣлъ ознакомиться не по однимъ слухамъ, а по источникамъ съ міромъ классическимъ и для этого изучилъ языки латинскій и греческій. Уваженіе къ библейской святынѣ побудило его гораздо позже заняться и изученіемъ еврейскаго языка, который ему сдѣлался, наконецъ, на столько извѣстнымъ, что онъ

могъ, при пособіи глоссъ и справокъ съ нѣкоторыми переводами, читать библію въ подлинникѣ. Онъ не щадилъ своихъ довольно скромныхъ доходовъ для снабженія себя главнѣйшими научными пособіями. Дома и за границею онъ не упускалъ случая пріобрѣсти полезную книгу, сдѣлавшуюся весьма рѣдкою, или многотомное важное твореніе иногда за цѣну, далеко выходившую изъ предѣловъ его бюджета. Такимъ образомъ въ теченіе времени у него составилась та знаменитая норовская библіотека, которой по справедливости удивлялись всѣ друзья науки и библіографы— знаменитая и числомъ томовъ, и качествомъ драгоцѣннѣйшихъ сочиненій, или рѣдкостію изданій по части филологіи и преимущественно исторіи, на древнихъ и почти на всѣхъ главныхъ новѣйшихъ языкахъ Европы. Одно собраніе сочиненій, относящихся къ Востоку и въ особенности къ Египту и Палестинѣ, составляетъ отдѣльную библіотеку, единственную въ своемъ родѣ по полнотѣ своей и рѣдкости изданій, съ которою, по свидѣтельству спеціалистовъ, едва ли можетъ равняться какая-либо изъ публичныхъ европейскихъ библіотекъ.

1810 года, выдержавъ предварительно экзаменъ въ военныхъ наукахъ, Авраамъ Сергѣевичъ вступилъ въ службу юнкеромъ въ гвардейскую артиллерію. Едва онъ успѣлъ ознакомиться съ технической стороной военнаго дѣла, какъ потребовалось настоящее дѣло. Грозныя тучи стали отвсюду надвигаться на Россію; ей предстояло выдержать борьбу съ большею частію Европы. Первый военный чинъ прапорщика Норовъ получилъ, такъ сказать, у колыбели кроваваго XII года, именно въ концѣ декабря 1811, а затѣмъ мы вскорѣ видимъ его уже въ дѣйствующей арміи. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, извѣщая, между прочимъ, родителей своихъ въ письмѣ изъ Смоленска о соединеніи обѣихъ нашихъ армій Барклая де Толли и Багратіона, онъ выражаетъ свое сѣтованіе, что ему досталось на этотъ разъ съ отрядомъ своимъ быть свидѣтелемъ, а не участникомъ битвъ, сопровождавшихъ это знаменитое движеніе. Патріотическому его желанію скоро суждено было исполниться. Насталъ день 26-го августа, и съ нимъ вмѣстѣ нача-

лось то гигантское побоище, въ которомъ геній и слава величайшаго изъ полководцевъ впервые преткнулись о простое непреклонно-честное сознаніе святаго долга предъ родиной, какъ бы во свидѣтельство, что, кромѣ силы утонченнаго искусства и блестящихъ талантовъ, есть другія нравственные силы, способныя и достойныя рѣшать судьбы народовъ. Но день бородинскій дорого стоилъ нашему юному воителю. Командуя двумя пушками на одной изъ батарей, онъ былъ пораженъ непріятельскою картечью, раздробившею ему, по его выраженію, ногу въ дребезги. Съ перевязанною въ суматохѣ кое-какъ страшною раной, страдающій и изнеможенный отъ боли и потери крови, онъ былъ, послѣ сраженія, отвезенъ въ Москву, гдѣ очутился вскорѣ въ плѣну у французовъ. Здѣсь, съ другими русскими и французами, также ранеными, онъ былъ помѣщенъ въ непріятельскомъ, хорошо устроенномъ, госпиталѣ. Авраамъ Сергѣевичъ всегда отдавалъ справедливость заботливости и искусству, съ какими французскіе врачи, особенно знаменитый лейбъ-медикъ Наполеона, Ларей, старались о его изцѣленіи. Ноги онъ лишился, но общее здоровье его было сохранено. Ему, однако, нечего было уже думать объ участіи въ достославныхъ подвигахъ нашихъ войскъ 1813 и 1814 годовъ. Время это онъ долженъ былъ провести у себя въ деревнѣ до полнаго возстановленія силъ.

Въ тиши уединенія и вдали отъ всякихъ внѣшнихъ развлеченій, онъ вполнѣ предался занятіямъ, къ которымъ влекли его природныя наклонности,—занятіямъ литературою и наукою. Къ этому времени и ближайшимъ за нимъ годамъ относятся и первые его авторскіе опыты. Нѣкогда почти всѣ выступавшіе у насъ на литературное поприще начинали съ поэзіи; это, конечно, доказывало не то, чтобъ у насъ было много поэтовъ, а только то, что многими, по правиламъ сложенные, риомованные стихи принимались за поэзію. Но были и исключенія—его составляли дѣйствительные таланты, уже первыми опытами своими возбуждавшіе лучшія ожиданія. Къ числу ихъ принадлежалъ и нашъ молодой писатель. Правда, онъ не обладалъ тѣмъ, что называется поэти-

ческимъ творчествомъ; но онъ въ высокой степени былъ одаренъ тонкимъ и нѣжнымъ чувствомъ прекраснаго, которое выражалъ съ простотою и искренностію, доказывавшими, что оно было въ его натурѣ, а не въ одномъ желаніи показаться поэтомъ. Общій тонъ его стихотвореній служилъ проявленіемъ всей его личности. Есть счастливыя, избранныя натуры, одаренныя способностію видѣть преимущественно свѣтлую сторону вещей. Все грозное, мрачное, безотрадное въ природѣ, исторіи и общественности находится какъ бы внѣ сферы ихъ воззрѣній, а передъ ними выступаютъ одни образы, соотношенія и дѣятельности, возбуждающіе довѣріе къ судьбамъ жизни и примирительное чувство къ ея противорѣчіямъ и превратностямъ. Авраамъ Сергѣевичъ во всю свою жизнь сохранялъ это нравственное настроеніе. И хотя не разъ его любящее, доброе сердце было поражаемо зрѣлищемъ великихъ бѣдствій человѣческихъ, великихъ заблужденій и преступленій — эти суровые уроки и опыты, однако, не измѣняли его міросозерцанія, внушеннаго глубокою и твердою вѣрой въ Провидѣніе. Изъ его поэтическихъ опытовъ прежде другихъ появились въ свѣтъ отрывки изъ дидактической поэмы *объ Астрономіи*, напечатанные 1818 года въ журналѣ: *Благонамѣренный*, издаваемомъ Измайловымъ. Потомъ мы находимъ его стихотворенія въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ двадцатыхъ годовъ — въ «Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія», въ «Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду», въ «Вѣстникѣ Европы» и «Сынѣ Отечества». Замѣчательны отрывки изъ его переводовъ Дантовой *Divina Comedia*, изъ *Петрарки*, нѣсколько подражаній древнимъ, особенно Горацію. Авраама Сергѣевича, изъ новѣйшихъ литературъ, преимущественно занимала итальянская. Мы помнимъ, съ какимъ теплымъ участіемъ, уже бывши министромъ народнаго просвѣщенія, онъ встрѣтилъ Данта въ русскомъ переводѣ Мина, какъ старался ободрить переводчика въ этомъ трудѣ исходатайствованіемъ ему монаршаго вниманія и оказаніемъ покровительства въ цензурномъ отношеніи. Позднѣе, когда онъ ознакомился достаточно съ греческимъ языкомъ, онъ перевелъ почти всего

«Анакреона». Переводъ этотъ, однако, не былъ напечатанъ и находится въ рукописи.

Когда здоровье его укрѣпилось на столько, что онъ могъ явиться снова среди уцѣлѣвшихъ сподвижниковъ своей боевой жизни, онъ рѣшился продолжать военную службу. Увѣчье, однако, не могло не затруднять его въ отправленіи обычныхъ обязанностей этого званія. Произведенный въ полковники, онъ, наконецъ, въ 1823 году принужденъ былъ оставить военную службу и перейти къ статскимъ дѣламъ, куда и былъ принятъ съ чиномъ статскаго совѣтника. Тутъ, однакожъ, случился промежутокъ свободнаго времени; имъ рѣшился онъ воспользоваться, чтобъ посѣтить нѣкоторыя страны Европы. Ему хотѣлось къ кабинетному изученію предметовъ исторіи, искусства, древностей и нравовъ человѣческихъ присоединить ничѣмъ незамѣнимое изученіе посредствомъ личнаго наблюденія. Такимъ образомъ, обозрѣвъ въ 1821 г. часть Германіи и Франціи, онъ посвятилъ значительную часть времени Италіи, привлекавшей его къ себѣ прелестію своей природы, богатствомъ художественныхъ созданій, памятниками и судьбами своей исторіи. Въ Римѣ, между прочимъ, онъ познакомился случайно съ живою достопримѣчательностію времени,—съ матерью Наполеона, Летиціей. Подробности своего свиданія съ ней, также какъ и съ извѣстнымъ кардиналомъ Фешемъ описаны имъ въ письмѣ изъ Рима, напечатанномъ впослѣдствіи въ одномъ изъ нашихъ литературныхъ сборниковъ. Изъ Италіи онъ направился въ Сицилію. Она очаровала его чудными красотами своей природы, которая какъ бы по какой-то неизъяснимой прихоти соединяетъ въ себѣ все, что есть въ силахъ естественныхъ разрушительнаго и гибельнаго для человѣка, и все, что обѣщаетъ ему безмятежное счастіе золотаго вѣка. При этомъ, по выраженію поэта, развалины и прахъ краснорѣчивый нѣкогда богатой и образованной гражданственности, навлекавшей на себя завистъ Кароагена и властительные замыслы Рима,—развалины и прахъ Сиракузъ, Агригента, Сегесты — все это составляло драгоцѣнные предметы для наблюдателя съ такимъ воспріимчивымъ чувствомъ,

съ такимъ образованнымъ, мыслящимъ умомъ, какимъ одаренъ былъ нашъ путешественникъ! И онъ не только осматривалъ, но изучалъ все достопримѣчательное въ этой любопытной странѣ. Онъ не побоялся взойти на самую вершину Этны и съ ея окраины заглянуть въ самую глубину ея вѣчно дымящейся бездны. Съ его одною ногой это восхожденіе представляло большія трудности, которыя, однако, онъ преодолѣлъ мужественно, точно также, какъ впослѣдствіи, борясь съ неменьшими неудобствами, онъ достигъ вершины одной изъ наибольшихъ египетскихъ пирамидъ. Плодомъ его путешествія по Сициліи было сочиненіе о ней, изданное въ двухъ томахъ 1822 года, гдѣ изящныя изображенія природы смѣняются историческими воспоминаніями, основанными на свидѣтельствахъ древнихъ и новѣйшихъ писателей.

По возвращеніи изъ-за границы служебная дѣятельность его установилась и получила надолго опредѣленное направленіе. Въ 1827 году онъ былъ опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и вскорѣ для исполненія такихъ же порученій былъ прикомандированъ къ адмиралу Сенявину, начальствовавшему тогда эскадрою въ Балтійскомъ морѣ. Такъ какъ Сенявинъ съ ввѣренною ему частью флота доходилъ до береговъ Англіи и долженъ былъ вступать въ сношенія съ разными оффиціальными лицами страны, то на Авраама Сергѣевича было возложено веденіе переписки на англійскомъ языкѣ. Въ 1830 году онъ возвратился къ прежней своей службѣ по министерству внутреннихъ дѣлъ. Здѣсь неоднократно былъ онъ призываемъ къ участію во временныхъ коммиссіяхъ, открывавшихся по разнымъ вопросамъ управленія. Но важнѣйшимъ трудомъ его было составленіе исторической *записки о составѣ и занятіяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ съ самаго его учрежденія* (1802 г.). Трудъ этотъ, согласно волѣ правительства, предпринятъ былъ по весьма обширному плану и требовалъ не только многихъ справокъ съ подлинными документами и дѣлами архива, но и разъясненія причинъ и обстоятельствъ, по которымъ принимались тѣ, или другія административныя мѣры. Записка, доведен-

ная до 1820 года, была принята тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Закревскимъ, съ изъявленіемъ составителю особеннаго лестнаго одобренія и благодарности. Изъ разныхъ документовъ видно, что Авраамъ Сергѣевичъ вообще находился на самомъ лучшемъ счету у своего начальства.

Между тѣмъ, какъ внѣшняя дѣятельность его замыкалась, повидимому, въ извѣстный опредѣленный кругъ, его внутреннія стремленія не могли имъ ограничиться. Онъ былъ изъ числа людей, которыхъ вопросы жизни разрѣшаются въ чувствѣ, а чувство руководится высшими идеалами человѣческаго назначенія. Истины знанія, столь привлекательныя для души его, не могли удовлетворить его вполнѣ. Знанію положены предѣлы, а духъ человѣческій переносится за нихъ и не можетъ уже ввѣрить одному знанію всѣхъ судебъ своихъ. То, что̀ хорошо и необходимо на своемъ мѣстѣ, оказывается несостоятельнымъ, когда дѣло идетъ о всецѣлости и законченности человѣческаго существованія. Неудивительно, что умы свѣтлые, признавая все великое, чѣмъ человѣчество обязано развитію и успѣхамъ своей мысли, тамъ, гдѣ она угрожаетъ порваться и запутаться въ собственныхъ переплетеніяхъ, спѣшатъ укрѣпить ее въ началахъ, столь же неотразимо присущихъ намъ, какъ и знаніе — въ началахъ вѣрованія. Къ нимъ естественно долженъ былъ придти человѣкъ съ такою потребностью незыблемыхъ и успокоительныхъ убѣжденій, какою проникнутъ былъ Авраамъ Сергѣевичъ. Твердо затѣмъ установившееся въ немъ религіозное настроеніе выразилось, наконецъ, въ горячемъ желаніи посѣтить тѣ святыя мѣста, гдѣ впервые были признаны и возвѣщены человѣку права, свобода и высшій жребій его духа и поставлены подъ назиданіе и охраненіе всеобъемлющей, безконечной премудрости и благости. Авраамъ Сергѣевичъ предпринялъ свое новое путешествіе въ 1834 году. Оно продолжалось два года. Описаніе его было напечатано первымъ изданіемъ въ 1838 году въ 2-хъ томахъ; второе изданіе вышло въ 1844, третье—въ 1854. «Пройдя половину жизни», говоритъ онъ въ предисловіи къ первому изданію, «я узналъ, что̀ значитъ

быть больнымъ душою. Волнуемый какимъ-то внутреннимъ безпокойствомъ, я искалъ душевнаго пріюта, жаждалъ утѣшеній, нигдѣ ихъ не находилъ и былъ въ положеніи человѣка, потерявшаго путь и бродящаго ощупью въ темнотѣ лѣса. Мысль о путешествіи въ святую землю давно таилась во мнѣ; я не чуждъ былъ любопытства видѣть блестящій Востокъ, но Іерусалимъ утвердилъ мою рѣшимость: утѣшеніе лобызать слѣды Спасителя міра въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ совершилъ тайну искупленія человѣчества, заставило меня превозмочь многія препятствія». Авраамъ Сергѣевичъ не оставилъ, не посѣтивъ, ни одного мѣста въ Палестинѣ, ознаменованнаго какимъ-нибудь событіемъ священной исторіи. Но, конечно, и взоры, и всѣ помышленія его преимущественно устремлены были къ главной и величайшей святынѣ христіанства, къ мѣсту, гдѣ училъ, и ученіе свое запечатлѣлъ кровію Своею Тотъ, Кому міръ обязанъ своимъ возрожденіемъ. Авраамъ Сергѣевичъ посвятилъ Іерусалиму значительнѣйшую часть своего пребыванія въ святой землѣ. Книга, заключающая въ себѣ изображеніе всего, что̀ видѣлъ, чувствовалъ и изучалъ онъ въ этой избранной странѣ чудесъ, составляетъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе для нашей литературы и общества. Она представляетъ рѣдкое соединеніе чистѣйшей христіанской назидательности съ достоинствомъ научнымъ. Есть что̀-то особенно умилительное въ простотѣ и искренности религіознаго чувства, которымъ одушевлены и согрѣты каждая мысль, каждое слово автора при встрѣчѣ съ памятниками библейскихъ событій. Надобно при этомъ вспомнить, что авторъ вездѣ сохраняетъ лучшія воззрѣнія и убѣжденія той высокой образованной среды людей, къ которой онъ принадлежалъ. Вы видите здѣсь образецъ того, какъ естественна и неизбѣжна въ человѣкѣ потребность высшихъ вѣрованій при самомъ просвѣщенномъ умѣ, богатомъ знаніемъ и идеями вѣка. Восторгъ, внушаемый автору всѣмъ видѣннымъ имъ, понятенъ. Остатки и слѣды чуднаго минувшаго, это зрѣлище, которое въ самомъ запустѣніи своемъ такъ выразительно говоритъ о великихъ преданіяхъ и великихъ чаяніяхъ человѣче-

ства, не должно ли оно тронуть сердце всякаго, даже обыкновеннаго мыслящаго человѣка гораздо сильнѣе, чѣмъ развалины какого-нибудь Колизея или Пароенона, передъ которыми расточается столько восторженныхъ думъ и воспоминаній? Іорданъ, Виолеемъ — мѣста, гдѣ раздавалось благовѣствующее слово Божественнаго Учителя, Голгоѳа — какія имена, какіе предметы для изучающаго исторію и судьбы человѣчества въ ихъ глубокомъ смыслѣ! Не менѣе важно произведеніе Авраама Сергѣевича и въ научномъ отношеніи. Главная задача, которой посвящены его изслѣдованія, состояла въ томъ, чтобъ разъяснить съ точностью и утвердить на прочныхъ основаніяхъ историческую и топографическую истину понятій, соединяемыхъ нами съ священными достопримѣчательностями Палестины. Мы приведемъ здѣсь отзывъ ученаго оріенталиста хорошо знакомаго съ предметами этихъ изслѣдованій бывшаго профессора С.-Петербургскаго университета Сенковскаго. Вотъ что говорилъ онъ въ своемъ подробномъ критическомъ разборѣ, написанномъ по поводу втораго изданія «Путешествія по святымъ мѣстамъ»: «Уваженіе къ мѣстнымъ топографическимъ преданіямъ и точный смыслъ священнаго текста — вотъ два превосходныя руководства, доставившія русскому изслѣдователю тѣ прекрасные выводы, которые наука и благочестіе находятъ въ его сочиненіи. Внутренность и окрестности Іерусалима, Галилея, Іорданская долина, Тиверіада, берега Мертваго моря и другія части святой земли объяснены во всей полнотѣ и совершенствѣ. Географіей исхода израильтянъ изъ Египта ученый русскій путешественникъ истинно обогатилъ археологію и пріобрѣлъ право на авторитетъ въ наукѣ». Книга его, переведенная на нѣмецкій языкъ, заслужила и въ классической странѣ науки — въ Германіи — подобные одобрительные отзывы, особенно со стороны знатоковъ Востока, каковы, напримѣръ, Зеппе, Бругшъ и другіе.

Сочиненіе *о семи церквахъ* есть продолженіе описанія Палестины. Съ тѣми же благочестивыми чувствованіями и ученою наблюдательностію нашъ путешественникъ посѣтилъ мѣстности

древнихъ мало-азіятскихъ церквей, упоминаемыхъ въ дѣяніяхъ апостоловъ, ихъ посланіяхъ и апокалипсисѣ, и приводилъ на память историческія судьбы этихъ первоначальныхъ святыхъ установленій христіанства.

Цѣлью путешествія по святымъ мѣстамъ было удовлетвореніе религіозной потребности; самыя научныя изслѣдованія проистекали изъ этого источника. Путешествіе въ Египетъ и Нубію имѣло другой характеръ. Послѣ извѣстной экспедиціи Наполеона, Египетъ въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, съ его загадочными памятниками, сдѣлался предметомъ усиленныхъ ученыхъ изысканій, озарившихъ новымъ свѣтомъ бытъ достопримѣчательнѣйшаго изъ народовъ древности. Съ другой стороны, въ тридцатыхъ годахъ туда привлекалъ взоры всей Европы одинъ изъ тѣхъ необыкновенныхъ людей, которые силою своего ума и воли изъ элементовъ, по видимому, ни на какое общественное зданіе непригодныхъ, стремятся воздвигнуть новый порядокъ вещей, съ признаками усовершенствованной цивилизаціи. Мы говоримъ о знаменитомъ Мегеметъ-Али. Авраамъ Сергѣевичъ пожелалъ личнымъ наблюденіемъ усвоить себѣ новыя замѣчательныя открытія науки и взглянуть на обновляемый современный Египетъ. Желаніе это было усилено также связью исторіи Египта съ библейскими сказаніями и съ исторіей первыхъ вѣковъ христіанства. Знакомство съ Мегеметомъ-Али, оказавшимъ ему самое дружелюбное расположеніе, дало ему возможность какъ вникнуть въ тогдашнее состояніе Египта, такъ и совершить путешествіе вверхъ по Нилу до большихъ его пороговъ. Онъ останавливался на замѣчательнѣйшихъ мѣстахъ его прибрежья; осмотрѣлъ пирамиды, всходилъ, какъ мы уже сказали, на вершину громаднѣйшей изъ нихъ и проникъ внутрь ея, на сколько позволили силы его, изнемогавшія отъ удушливаго воздуха и трудныхъ углубленій и извилинъ подземнаго пути, спускался въ катакомбы мумій — въ это мрачное царство смерти, гдѣ человѣкъ думалъ въ своемъ трупѣ оспаривать у всепожирающаго тлѣнія его законную добычу. Колоссальные остатки Ѳивъ, Карнака и Луксора были тща-

тельно осмотрѣны имъ съ сочиненіями въ рукахъ древнихъ писателей, о нихъ упоминавшихъ, и новѣйшихъ изслѣдователей. Любопытные результаты его обозрѣній и изученія изложены въ двухъ томахъ, изданныхъ въ 1840 году подъ названіемъ: «Путешествіе по Египту и Нубіи». Въ этомъ же сочиненіи онъ, между прочимъ, изложилъ свои соображенія о времени и способахъ построенія пирамидъ, возбудившія живой интересъ въ ученомъ свѣтѣ. Статистическія данныя и замѣчанія о Египтѣ эпохи Магметъ-Али теперь, конечно, устарѣли; но во время ихъ появленія въ свѣтъ они обратили на себя общее вниманіе вѣрностью и новостью многихъ любопытныхъ свѣдѣній.

Возвратясь въ отечество, Авраамъ Сергѣевичъ до 1839 года продолжалъ службу въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а въ этомъ году онъ занялъ мѣсто правителя дѣлъ въ коммиссіи принятія прошеній на высочайшее имя и затѣмъ вскорѣ поступилъ въ число членовъ ея. Здѣсь, за отсутствіемъ статсъ-секретаря, предсѣдательствовавшаго въ коммиссіи, онъ неоднократно исправлялъ его должность. Потомъ въ 1849 г. онъ былъ назначенъ членомъ Императорскаго человѣколюбиваго Общества и помощникомъ попечителя его, и въ томъ же году ему высочайше повелѣно присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ. 1851 года Императорская Академія Наукъ, въ засвидѣтельствованіе своего уваженія къ ученымъ заслугамъ его, избрала его въ дѣйствительные свои члены по Отдѣленію Русскаго языка и словесности. До этого за годъ онъ былъ назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, а въ 1854 году занялъ и постъ министра.

Общественная дѣятельность лицъ, завѣдывающихъ обширною частью управленія и снабженныхъ значительными полномочіями, сопряжена съ тяжкою отвѣтственностью. Если ихъ славятъ за добро, которое они сдѣлали, то еще болѣе охуждаютъ за добро, котораго не сдѣлали, и котораго общество считаетъ себя вправѣ ожидать отъ власти. Такова судьба всякаго высокаго общественнаго положенія — и счастливы тѣ изъ достигшихъ его, кого нельзя обвинять въ страстяхъ, мѣшающихъ самому желанію добра.

Авраамъ Сергѣевичъ понималъ отвѣтственность, упадавшую на него съ новымъ званіемъ. Оцѣнка его государственной дѣятельности не составляетъ предмета настоящаго нашего слова. Мы однако не можемъ, для нѣкоторой полноты его характеристики, не коснуться хотя нѣсколькихъ фактовъ изъ этого круга его жизни. Съ важною частью управленія ему ввѣренною онъ былъ связанъ не одними узами административныхъ требованій и условій, но лучшими своими чувствованіями и помышленіями Наука, просвѣщеніе были жизнью этой прекрасной, благородной натуры; онѣ же составляли и составляютъ одну изъ главныхъ потребностей отечества, которое онъ любилъ съ истинно сыновнею нѣжностью. Теперь ему открылось поприще, гдѣ онъ могъ удовлетворить въ одно и то же время и своему внутреннему влеченію, и долгу. Проистекая изъ общей направительной точки зрѣнія, виды его были обширны, и нѣкоторыя изъ его предположеній и мѣръ прямо соотвѣтствовали этимъ видамъ. Первою своею обязанностью онъ счелъ ободрить духъ людей, на которыхъ непосредственно падалъ трудъ народнаго воспитанія и образованія, исходатайствованіемъ имъ прежнихъ пенсіоновъ. Мѣра эта произвела и не могла не произвести самаго благотворнаго вліянія на умы, памятнаго людямъ того времени, еще и нынѣ существующимъ. Одновременно съ этимъ онъ испросилъ высочайшее соизволеніе на увеличеніе комплекта студентовъ въ университетахъ. Въ видахъ пополненія послѣднихъ свѣжими учеными силами было рѣшено имъ отправить за границу, по выбору самыхъ университетовъ, лучшихъ молодыхъ людей для приготовленія къ профессорскимъ каѳедрамъ съ тѣмъ, чтобъ они, въ удостовѣреніе своихъ способностей, предварительно выдерживали экзаменъ на степень магистра. Онъ обратилъ высочайшее вниманіе Государя Императора на неудобства, сопрягавшіяся съ существованіемъ комитета 2-го апрѣля, учрежденнаго для наблюденія надъ книгопечатаніемъ, что потомъ содѣйствовало и его закрытію. Ему принадлежитъ мысль, выраженная во всеподданнѣйшемъ докладѣ Государю Императору о необходимости поднять преподаваніе древнихъ язы-

ковъ, начавшее приходить въ упадокъ послѣ графа Уварова, считавшаго по всей справедливости изученіе этихъ языковъ плодотворнымъ вспомогательнымъ элементомъ въ общей системѣ народнаго образованія. Дѣятельность Авраама Сергѣевича по вопросамъ цензуры, находившейся тогда въ вѣдѣніи ввѣреннаго ему министерства, отличалась воззрѣніями и убѣжденіями истинно просвѣщеннаго государственнаго человѣка. Въ расширеніи разумной свободы печати, при устраненіи вредныхъ крайностей, онъ усматривалъ не только средство къ усиленію самостоятельнаго научнаго движенія въ отечествѣ, къ возбужденію талантовъ, но и необходимое условіе, для того, чтобъ общество, помощію обмѣна мыслей, ихъ взаимнодѣйствія и непрерывнаго, такъ сказать, тока заключающейся въ нихъ жизни, могло успѣшно совершать процессы своего историческаго развитія. Мысль объ облегченіи цензурныхъ тягостей ему казалась особенно вѣрной въ виду тѣхъ великихъ реформъ, которыя назнаменовывались уже въ самомъ началѣ нынѣшняго достославнаго царствованія,—реформъ, внесшихъ столько совершенно новыхъ животворныхъ идей въ наши учрежденія и въ самую жизнь народа и естественно открывавшихъ себѣ путь въ печать. Представляемыя имъ по этому поводу мнѣнія впослѣдствіи нашли полное себѣ оправданіе въ самомъ ходѣ дѣлъ и правительственныхъ мѣрахъ. Какимъ ревностнымъ предстателемъ у трона былъ онъ за интересы умственные, между прочимъ, доказывается испрошеннымъ имъ у Государя Императора соизволеніемъ представлять въ извѣстные промежутки времени на высочайшее усмотрѣніе о всѣхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ по части наукъ и литературы, причемъ отличнѣйшіе изъ нихъ удостоиваемы были знаковъ монаршаго вниманія. Блистательнымъ событіемъ въ управленіе министерствомъ Авраама Сергѣевича было празднованіе столѣтняго юбилея московскаго университета, ознаменованное изъявленіемъ особеннаго благоволенія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Николая Павловича къ этому почтенному первенцу Русскихъ университетовъ. Его Величеству благоугодно было, между прочимъ, выразить ему

свое теплое сочувствіе въ Высочайше данномъ черезъ посредство министра рескриптѣ, прочитанномъ симъ послѣднимъ въ день торжества и возбудившемъ неописанный восторгъ въ ученомъ сословіи, въ учащемся юношествѣ и во всей Московской публикѣ. Мы были самовидцами и скромными участниками этого небывалаго дотолѣ въ Россіи торжества и помнимъ, какое прекрасное дѣйствіе произвело на всѣхъ царское слово, исполненное уваженія къ наукѣ и ободрявшее ея дѣятелей. Для Авраама Сергѣевича этотъ день былъ также, по его собственнымъ словамъ, однимъ изъ лучшихъ дней въ его жизни. Его честному любящему сердцу было отрадно явиться вѣстникомъ и представителемъ монаршаго вниманія къ просвѣщенію и въ то же время быть предметомъ той всеобщей признательности и любви, которыя обращены были собственно къ его лицу. Онъ не могъ безъ сердечнаго волненія вспоминать о радости и ликованіи той самой дорогой ему Москвы, гдѣ задолго до того, среди ея пылавшихъ развалинъ, онъ одинокій и самъ полуразрушенный, сѣтовалъ о ея плѣнѣ.

Заботы и значеніе министра не затмѣвали въ Авраамѣ Сергѣевичѣ любезныхъ и привлекательныхъ качествъ человѣка. На высотѣ его общественнаго положенія обращеніе его со всѣми было столько же просто, безъискуственно, полно доброжелательства и добродушія, какъ и во всѣхъ другихъ обстоятельствахъ его жизни. Общительность его обращалась, безъ сомнѣнія, въ пользу и его служебной дѣятельности. Сближеніе съ людьми образованными, небывшими съ нимъ въ непосредственныхъ отношеніяхъ по должности и отъ него независѣвшими, наводило его на разныя новыя соображенія и давало ему средство узнавать много такого, что̀ не могло доходить до него офиціальнымъ путемъ, и что̀ однако вовсе не было излишнимъ имѣть въ виду. Еженедѣльно въ опредѣленный день у него собиралось многочисленное общество, въ которомъ, между высшими сановниками, почетное мѣсто занимали люди, извѣстные своими дарованіями, люди мысли и науки. Члены нашей Академіи, конечно, никогда не забудутъ того, съ какимъ дружелюбіемъ они были встрѣчае-

мы здѣсь и сколько пріятнаго находили они въ его умной оживленной бесѣдѣ. Вопросы научные всегда преимущественно его занимали, и послѣ, когда онъ сошелъ съ министерскаго поприща, любимыми его собесѣдниками были люди, отличавшіеся ученою опытностію и знаніями.

Оставляя дальнѣйшія подробности о служебной дѣятельности Авраама Сергѣевича до болѣе полной его біографіи, мы обращаемся къ другимъ событіямъ его жизни и трудамъ литературнымъ. Въ 1858 году онъ былъ всемилостивѣйше уволенъ отъ должности министра, съ назначеніемъ его въ члены Государственнаго Совѣта. Между тѣмъ съ 1851 года онъ состоялъ предсѣдателемъ археографической коммиссіи. Званіе это было за нимъ сохранено и теперь. Археографическая коммиссія обязана своимъ существованіемъ просвѣщенному ходатайству передъ покойнымъ Государемъ Императоромъ бывшаго министра графа Уварова. Надъ дверьми Дельфійскаго храма въ Греціи было написано: «Познай самого себя». Слова эти, какъ правило высшей человѣческой мудрости, относились къ каждому человѣку въ отдѣльности. Но они съ неменьшей справедливостью должны быть примѣняемы и къ цѣлому народу. Самопознаніе есть величайшая потребность народнаго духа и опора его самобытности, а оно невозможно безъ познанія своего прошедшаго. Отсюда сама собой вытекаетъ мысль о необходимости изученія историческихъ документовъ и памятниковъ, безъ котораго, въ свою очередь, невозможно и знаніе прошедшаго. Археографическая коммиссія была основана съ цѣлью открывать, изучать и доводить до всеобщаго свѣдѣнія эти источники нашей исторіи, и всѣмъ извѣстно, какія огромныя услуги она оказала нашему образованію въ этой сферѣ. Судьба и ея дѣятельность занимала Авраама Сергѣевича и въ то время, когда онъ былъ обремененъ дѣлами по управленію министерствомъ; но, съ увольненіемъ его отъ званія министра, онъ уже все время, остававшееся ему отъ участія въ дѣлахъ Государственнаго Совѣта, посвящалъ преимущественно ей. Въ 1860 году его постигло горе, могшее всякаго другаго, менѣе его проникнутаго ре-

лигіозными чувствованіями, повергнуть въ то томительное состояніе, гдѣ угасаетъ всякая бодрость и всякая дѣятельная сила души слабѣетъ: онъ лишился своего достойнаго, преданнѣйшаго друга, нѣжно любимой имъ супруги, скончавшейся послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни. Трое дѣтей его въ раннемъ возрастѣ также были похищены смертію—и теперь, на закатѣ дней своихъ, онъ остался совершенно одинокимъ, безъ тѣхъ утѣшеній и радостей семейныхъ, которыя смягчаютъ скорби старости и облегчаютъ неизбѣжный переходъ, говоря словами Гете, отъ сладостной привычки—чувствовать и дѣйствовать, къ таинственному, угрюмому сну смерти. Авраамъ Сергѣевичъ поникъ убѣленною отъ лѣтъ головой передъ великостію постигшаго его злополучія, но не духомъ. Онъ вполнѣ довѣрился волѣ міродержавнаго Промысла и въ благочестивыхъ упованіяхъ христіанина нашелъ помощь, которой не могла ему оказать жизнь и міръ. Но съ нимъ еще остался неразлучнымъ, какъ старый неизмѣнный другъ-утѣшитель—трудъ науки, живительный для людей, жаждущихъ истины. Уединенныя научныя занятія въ кабинетѣ слились у него съ трудами по археографической коммиссіи, которая теперь сдѣлалась для него главнымъ предметомъ заботъ и убѣжищемъ въ служеніи его наукѣ. Непосредственные участники его дѣятельности въ коммиссіи и сотрудники знаютъ, сколь многимъ она ему обязана. Прежде всего онъ употребилъ свои усилія для увеличенія ея матеріальныхъ средствъ, которыя были очень скудны. При вступленіи въ должность предсѣдателя Авраама Сергѣевича, она получала на свое содержаніе 1,572 р. 17 к., ходатайствомъ его сумма эта доведена была, наконецъ, до 10,572 р.

Но не въ этомъ одномъ заключалось благотворное вліяніе его на коммиссію. Никакія внѣшнія усилія не въ состояніи возвысить какое бы то ни было коллективное учрежденіе, если оно будетъ лишено той внутренней возбужденности, истекающей изъ сознанія своего долга, того духа жизни, гармоніи и сосредоточенности единичныхъ силъ, какими вообще совершаются всѣ важныя и общеполезныя предначертанія. И въ поддержаніи-то, въ сохране-

нія и возвышеніи этихъ прекрасныхъ качествъ, составляющихъ истинное превосходство всякой благоустроенной ассоціаціи—вотъ въ чемъ заключается существеннѣйшая и наибольшая часть заслугъ Авраама Сергѣевича въ отношеніи къ одному изъ полезнѣйшихъ ученыхъ установленій въ нашемъ отечествѣ. Не многіе могли равняться съ нимъ въ умѣньѣ соединять, направлять умы къ одной цѣли, одушевлять ихъ и примѣромъ своимъ, и сочувствіемъ — и между тѣмъ это умѣнье почти и нельзя было назвать умѣньемъ, если разумѣть подъ нимъ искусство—все оно заключалось просто въ его благородномъ сердцѣ, въ отсутствіи всякихъ личныхъ своекорыстныхъ побужденій, въ просвѣщенномъ уваженіи къ труду и всякому честно и свободно выраженному убѣжденію своихъ сотрудниковъ. Поэтому неудивительно, что коммиссія впродолженіе его предсѣдательства издала не менѣе тридцати пяти томовъ важныхъ историческихъ актовъ. Одинъ перечень ихъ уже достаточно говоритъ, какую важную цѣну они имѣютъ для нашей исторіи. Это были: 5 томовъ продолженія полнаго собранія русскихъ лѣтописей, съ указателемъ по всѣмъ томамъ этого собранія, 5 томовъ дополненій къ историческимъ актамъ; 5-й томъ актовъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи; 5 томовъ такихъ же актовъ по части исторіи Южной и Западной Россіи; 2 тома, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи; собраніе грамотъ, объясняющихъ сношенія Сѣверо-Западной Россіи съ Ригою и ганзейскими городами; три тома новгородскихъ писцовыхъ книгъ; первый томъ писцовыхъ книгъ ижорской земли; 2-е изданіе Котошихина; русско-ливонскіе акты, собранные Напьерскимъ; документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края и его отношеній къ Россіи и Польшѣ; четыре выпуска лѣтописи занятій археографической коммиссіи и два тома иностранныхъ о Россіи писателей. Въ приготовленіяхъ къ изданію этихъ многочисленныхъ историческихъ матеріаловъ Авраамъ Сергѣевичъ принималъ постоянно самое дѣятельное личное участіе, работая вмѣстѣ со своими сотрудниками членами коммиссіи по нѣсколько разъ въ недѣлю, очень часто до глубокой ночи, между тѣмъ какъ

занятія его по званію члена Государственнаго Совѣта шли своимъ чередомъ безостановочно.

Въ послѣднее время усилія его были посвящены новому громадному труду коммиссіи, по его указанію предпринятому: изданію великихъ макарьевскихъ миней, коего треть сентября мѣсяца и отпечатана была незадолго до его кончины. Съ обычнымъ своимъ рвеніемъ, любовью и знаніемъ дѣла онъ слѣдилъ за всѣми подробностями въ приготовленіи этого монументальнаго изданія, за которое преимущественно ему и будетъ обязана отечественная наука, если оно, какъ надобно надѣяться, будетъ довершено.

Одно изъ замѣчательныхъ произведеній нашей древней литературы, безъ сомнѣнія, есть XII вѣка описаніе путешествія въ Палестину Даніила игумена. По этому драгоцѣнному памятнику недоставало еще у насъ основательнаго изученія и научной обработки. Авраамъ Сергѣевичъ во время своего путешествія подвергъ тщательной повѣркѣ сказанія нашего паломника о разныхъ мѣстностяхъ святой земли и предметахъ доселѣ неизмѣнившихся и нашелъ эти простодушныя сказанія столь достовѣрными и любопытными въ научномъ отношеніи, что Даніила онъ могъ смѣло поставить въ число немногихъ и лучшихъ источниковъ для познанія топографіи страны и разныхъ историческихъ данныхъ ея. Это возбудило въ немъ рѣшимость представить ученому свѣту сочиненіе Даніила въ такомъ видѣ, какой былъ бы вполнѣ его достоинъ. Дѣло однако состояло не въ изданіи одного простаго очищеннаго текста, что само по себѣ требовало не малыхъ трудовъ, но въ коментаріяхъ, которые бы каждое слово или выраженіе текста представляли въ ясномъ свѣтѣ — словомъ, требовался трудъ, сопряженный съ обширными историческими и филологическими изысканіями. И Авраамъ Сергѣевичъ совершилъ его съ такимъ достоинствомъ и успѣхомъ, какихъ только можно ожидать отъ строгого ученаго спеціалиста. Переведенное на французскій языкъ изданіе Даніила игумена было за границей принято съ лестнымъ для издателя и коментатора одобреніемъ.

Идея единства православной церкви всегда была близка сердцу

Авраама Сергѣевича. Она соединялась въ умѣ его съ значеніемъ нравственной силы и вліянія Россіи на Востокѣ, — и такъ какъ греческій элементъ вообще въ церковномъ отношеніи представляется весьма важнымъ, то онъ думалъ оказать значительную услугу восточному и русскому православію изданіемъ текста новаго завѣта на греческомъ и русскомъ языкахъ вмѣстѣ. Подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ, при дѣятельномъ участіи П. И. Савантова новый завѣтъ на этихъ двухъ языкахъ вышелъ въ свѣтъ въ 1861 году. Въ числѣ прочихъ научныхъ трудовъ его нельзя такъ же не привести изданнаго имъ на греческомъ и русскомъ языкахъ извѣстнаго въ церковной исторіи окружнаго посланія Марка, епископа ефесскаго. Оно содержитъ въ себѣ красноречивый и смѣлый протестъ противъ покушеній флорентинскаго собора на соединеніе православной церкви съ латинскою, или лучше сказать, на подчиненіе православія владычеству послѣдней. Сочиненіе Марка ефесскаго вмѣстѣ съ надгробнымъ ему словомъ Георгія Схоларія, бывшаго впослѣдствіи патріархомъ константинопольскимъ, имѣетъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ для насъ важное значеніе не только въ церковномъ, но и въ политическомъ отношеніи. Авраамъ Сергѣевичъ извлекъ его изъ рукописей императорской парижской библіотеки, перевелъ съ греческаго языка на русскій и напечаталъ, какъ сказано выше, вмѣстѣ со своимъ предисловіемъ въ Парижѣ 1859 года.

Вскорѣ послѣ смерти супруги Авраама Сергѣевича, имъ овладѣла мысль посѣтить вторично святыя мѣста, и въ 1861 году, не смотря на свои преклонныя лѣта и недуги, начавшіе его удручать, послѣ понесенной имъ утраты и усиленныхъ кабинетныхъ трудовъ, онъ снова отправился въ далекое странствованіе. То же благочестивое чувство, какое направляло шаги его въ первый разъ, одушевляло его и теперь. Но къ нему присоединилась новая потребность — искать утѣшенія тамъ, гдѣ всякое личное горе и тревога должны умолкать въ живомъ воспоминаніи величайшаго изъ всемірныхъ событій. Передъ нимъ открылся прежній путь; но тогда онъ совершалъ его съ бодрымъ духомъ, въ

цвѣтѣ мужескаго возраста; нынѣ по тѣмъ же мѣстамъ шелъ онъ грустно, согбенный старостію, неся на себѣ бремя скорбей, чтобъ сложить его у гроба Господня. Но такъ велико было его стремленіе къ наукѣ и научнымъ наблюденіямъ, что при обстоятельствахъ, столь различныхъ отъ прежнихъ, и въ этотъ разъ онъ не переставалъ трудиться надъ изысканіями, относящимися къ древностямъ, топографіи и исторіи Палестины. Въ монастырѣ св. Саввы, между прочимъ, время отдохновенія своего онъ посвятилъ осмотру богатаго собранія старинныхъ пергаментныхъ рукописей. Въ 1835 году ему удалось пріобрѣсти для русскихъ книгохранилищъ нѣсколько изъ этихъ рукописей; онъ хотѣлъ теперь присоединить къ нимъ новыя наиболѣе любопытныя, но, къ сожалѣнію, встрѣтилъ затрудненія со стороны мѣстной, духовной власти. Въ первое свое путешествіе, онъ не успѣлъ совершить поѣздку на Синай, хотя этого сильно желалъ; теперь онъ это исполнилъ, преодолѣвъ большія трудности горнаго пути. Значительная часть его замѣчаній относится къ этой священной ветхозавѣтной достопримѣчательности. Всѣ новыя изысканія, приведенныя имъ въ порядокъ и переписанныя его рукою, приготовляются къ изданію членомъ археографической коммиссіи П. И. Савантовымъ, принявшимъ на себя этотъ трудъ изъ уваженія къ памяти покойнаго и научнымъ достоинствамъ самаго произведенія.

Однимъ изъ результатовъ послѣдняго пребыванія Авраама Сергѣевича въ святыхъ мѣстахъ были установившіяся постоянныя сношенія его съ главными духовными властями Палестины, съ патріархомъ іерусалимскимъ Кирилломъ, его намѣстникомъ въ Іерусалимѣ Мелетіемъ и другими. Его много занимала судьба тамошней православной церкви и христіанъ, къ ней принадлежащихъ, и его вліяніе не осталось безплоднымъ, какъ относительно улучшеній внѣшняго положенія церкви, такъ и относительно возникавшихъ нѣкоторыхъ затрудненій между лицами. Кромѣ религіозныхъ побужденій, имъ руководило здѣсь еще другое чувство: онъ никогда не забывалъ о возвышеніи значенія русскаго имени на Востокѣ.

Между тѣмъ, какъ лѣта напечатлѣвали слѣды свои на его физическомъ составѣ, онъ продолжалъ трудиться и какъ будто не замѣчалъ ихъ холоднаго, разрушительнаго къ себѣ прикосновенія. Душа его была полна однихъ и тѣхъ же благородныхъ человѣчественныхъ и общественныхъ стремленій; онъ жилъ не одними воспоминаніями, какъ человѣкъ, которому будущность земная указываетъ уже одну цѣль — могилу; напротивъ, участію его не были чужды всѣ современныя движенія ума человѣческаго, особенно ума русскаго. Мы видѣли, какъ дороги всегда были ему интересы науки; но, какъ человѣкъ, вполнѣ понимавшій отношенія науки къ жизни, къ живой мысли и живому человѣческому слову, онъ въ тоже время глубоко уважалъ и интересы изящной словесности. Независимо отъ извѣстной спеціальной наклонности, высокое образованіе его ума также, какъ и природное эстетическое чувство, дѣлали его способнымъ разумѣть и цѣнить красоты литературныхъ произведеній, ознаменованныхъ печатью истиннаго таланта. Онъ зналъ притомъ, какое могущественное вліяніе оказываютъ они на образованіе общества, и какъ здраво воспитываемый и руководимый ими народный вкусъ можетъ содѣйствовать успѣхамъ всѣхъ возвышенныхъ истинъ, слѣдовательно и истинъ самой науки. Поэтому понятно, что онъ до послѣднихъ дней своихъ питалъ теплое сочувствіе къ успѣхамъ изящной отечественной словесности. Всякое замѣчательное произведеніе въ этомъ родѣ обращало на себя его вниманіе и радовало, если оно приносило честь русскому уму, вкусу и языку. Такъ, между прочимъ, онъ прочиталъ съ особеннымъ любопытствомъ сочиненіе графа Толстаго: «Война и миръ». Онъ отдавалъ полную справедливость художественному достоинству произведенія—разнообразію, пластической представительности, блеску, движенію, игрѣ жизни выведенныхъ авторомъ на сцену образовъ и во многихъ мѣстахъ мастерскому изложенію. Но отъ вѣрнаго взгляда его не скрылись и существенные недостатки пьесы; такова, между прочимъ, принятая авторомъ взамѣнъ недостающей въ цѣломъ основной идеи, философія, поучающая, что въ исторіи человѣчества

человѣкъ не играетъ никакой роли, что самая исторія какими-то невѣдомыми силами сплетается изъ событій и совсѣмъ готовая, какъ сѣть, откуда-то накидывается на людей для уловленія ихъ и принесенія въ жертву всепоглощающему року, безъ признанія и ихъ заслугъ, и ихъ заблужденій. Всѣмъ извѣстны замѣчанія Авраама Сергѣевича по поводу сочиненія графа Толстаго. Но не эта недодуманная тощая философія побудила нашего академика выступить со своими возраженіями. Ее могъ онъ и пропустить, какъ одну изъ ошибокъ, которымъ люди даровитые нерѣдко подвергаются, когда захотятъ превзойти самихъ себя. Но его патріотическое сердце не могло снести равнодушно тѣхъ неправдъ и легкости, съ какими авторъ «Войны и мира» отнесся къ нѣкоторымъ эпизодамъ достославной эпохи 1812 года. Авторъ «Замѣчаній», вопреки ему возстановлявшихъ историческую истину, имѣлъ утѣшеніе видѣть полное сочувствіе къ нимъ со стороны людей просвѣщенныхъ и хорошо знающихъ событія того времени. Многія, полученныя имъ отъ знакомыхъ и незнакомыхъ лицъ, письма, съ засвидѣтельствованіемъ этого сочувствія, вполнѣ вознаградили его за несвойственный ему полемическій трудъ.

Страницы, написанныя по поводу «Войны и мира», были послѣднимъ печатнымъ выраженіемъ его мыслей. Но въ самое близкое къ кончинѣ время его видѣли постоянно погруженнымъ въ обычныя его занятія служебныя и научныя. Болѣзнь, по-видимому неопасная, не могла отвлечь его отъ нихъ. Скоро, однако, обнаружились зловѣщіе признаки, встревожившіе приближенныхъ къ нему. Надлежало уступить роковой необходимости; не много дней провелъ онъ въ ожиданіи послѣдняго часа, который началъ быстро къ нему подвигаться. 23-го января онъ встрѣтилъ этотъ часъ съ полнымъ сознаніемъ и невозмутимымъ спокойствіемъ духа, обращая угасающіе взоры свои ко кресту Спасителя, гдѣ сосредоточивались лучшія помышленія его прошедшаго и чаянія будущаго. Послѣднія изъ словъ, слышанныхъ изъ устъ его окружавшими его смертный одръ не задолго до кончины, были выраженіемъ благоговѣйныхъ чувствованій благодарности къ обожае-

мому имъ Государю, желавшему черезъ посланнаго освѣдомиться о состояніи его здоровья.

Извѣстно изреченіе, что объ умершихъ не слѣдуетъ говорить ничего, кромѣ хорошаго. Правило это невѣрно, если дѣло идетъ объ исторической истинѣ, гдѣ требуется сказать не то, что́ хотѣли бы, а только то, что́ должно. Но тѣмъ отраднѣе бываетъ для повѣствователя, обязаннаго отвѣтственностью передъ этой истиной, то, когда въ изображаемой имъ личности онъ можетъ дѣйствительно найти опору для укрѣпленія нашей вѣры въ лучшія и благороднѣйшія силы человѣческой природы. Одинъ изъ мудрецовъ древности сказалъ, что нѣтъ зрѣлища величественнѣе, какъ видѣть человѣка праводушнаго, мужественно борющагося съ враждебнымъ рокомъ. Мы можемъ къ этому присоединить, что нѣтъ зрѣлища привлекательнѣе и утѣшительнѣе, какъ цѣлая жизнь, изъ всѣхъ достоинствъ, отличающихъ человѣческую природу, усвоившая себѣ преимущественно достоинство нравственное. Такова, по истинѣ, была жизнь лица, слабое изображеніе котораго теперь было предложено вашему, мм. гг., благосклонному вниманію. И это не былъ человѣкъ, жившій только въ самомъ себѣ — это былъ дѣятель общественный. Многіе могли превосходить его въ техникѣ и практикѣ текущихъ дѣлъ; но трудно представить себѣ благородную и высоко развитую личность, которой бы уступилъ онъ въ честномъ исполненіи всего, что разумъ, совѣсть и благо общества требовали отъ него, какъ долга. Главнѣйшею заслугой его было то, что, поставленный на одной изъ высшихъ ступеней общественныхъ, онъ чувствовалъ, мыслилъ, жилъ и трудился какъ гражданинъ, достойный своего великаго отечества.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,
читанныхъ
ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ VII, № 10.

ОТЧЕТЪ
о
ЧЕТВЕРТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ ЛОМОНОСОВСКОЙ ПРЕМІИ,

читанный

въ торжественномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ

29-го декабря 1869 г.

Акад. Я. К. Гротомъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 л., № 12.)
1870.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, августъ 1870 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Веселовскій*.

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ
ЖИВАГО ВЕЛИКОРУСКАГО ЯЗЫКА, В. И. ДАЛЯ.

Четыре части въ большую четвертку; LIV и 2388 стр. (не считая прибавленій). Москва. 1863—1866.

ЗАПИСКА АКАДЕМИКА Я. К. ГРОТА.

Чтобы лучше выяснить идею и цѣль Словаря г. Даля, нужнымъ считаю напередъ взглянуть на ходъ развитія русскаго письменнаго и вообще образованнаго языка.

Русскій языкъ не избѣгъ судьбы большей части языковъ: въ различныхъ соприкосновеніяхъ съ другими націями народъ русскій, особливо же грамотная часть его, заимствовалъ у нихъ множество словъ, которыя болѣе или менѣе тѣсно и прочно сроднились съ его языкомъ. Такія заимствованія происходятъ во всякое время, по мѣрѣ потребности, вслѣдствіе усвоенія извнѣ новыхъ понятій и знакомства съ новыми предметами; но бываютъ эпохи, когда заимствуются цѣлыя сферы новыхъ идей, а оттого и цѣлые разряды словъ. Подобныхъ эпохъ въ жизни русскаго народа было нѣсколько. Оставляю въ сторонѣ заимствованія, сдѣланныя издревле, во время вѣковаго сожительства или сосѣдства съ племенами германскими, чудскими и татарскими, которое влекло за собою обмѣнъ предметовъ вседневнаго быта и ихъ названій: разумѣю только такіе событія или перевороты, которые, пробуждая неизвѣстныя прежде духовныя потребности, заставляли брать и готовыя слова для означенія соотвѣтственныхъ понятій. Главны-

ми событіями этого рода были для Россіи: введеніе христіанской вѣры, учрежденіе школъ по польскому образцу, сперва въ Кіевѣ, а потомъ въ Москвѣ, и наконецъ преобразованія Петра Великаго со всѣми ихъ, еще и понынѣ продолжающимися, послѣдствіями. Естественно, что при заимствованіи извнѣ понятій, обычаевъ, обрядовъ, изобрѣтеній и учрежденій, языку трудно поспѣвать за развитіемъ идей, и онъ пользуется самымъ легкимъ способомъ обогащенія, т. е. беретъ нужныя слова изъ другихъ языковъ. При этомъ, однакожъ, онъ слѣдуетъ троякому пути: либо усвоиваетъ себѣ чужія слова безъ всякаго измѣненія (кромѣ окончанія, по законамъ языка), напр. библія, икона, генералъ, солдатъ, протестъ, прогрессъ; либо передѣлываетъ ихъ по-своему, напр. церковь, налой, кадило, просвира, исполать, футляръ, тарелка; либо наконецъ переводитъ слова и употребляетъ словосоставленія по чужеязычному образцу, напр.: благословлять, провидѣніе, побѣдоносный, землеописаніе, любомудріе, вліяніе, трогательный, послѣдовательность, цѣлесообразный.

Удобство подобныхъ заимствованій, особенно перваго изъ показанныхъ трехъ способовъ, допускающаго введеніе любаго иностраннаго слова съ придачею ему только своенароднаго окончанія, во всѣ времена легко порождало злоупотребленія, которыя въ свою очередь нерѣдко вызывали противодѣйствіе. Полнѣйшую свободу въ этомъ отношеніи позволялъ себѣ самъ Петръ Великій, безпрестанно употреблявшій (иногда съ обозначеніемъ русскаго перевода) иностранныя слова, какъ-то: баталія, викторія, фортеція, ассамблея, амбиція, имперіумъ, и составлявшій въ томъ же духѣ собственныя имена: Петербургъ, Кронштадтъ, Ораніенбаумъ, Катерингофъ. Такъ-же точно обращались съ языкомъ современные Петру писатели и переводчики. Во время господства иноплеменниковъ, наставшаго послѣ смерти Петра, дѣло не могло измѣниться къ лучшему. При Елизаветѣ же Петровнѣ произошло патріотическое движеніе, которое въ литературѣ отразилось дѣятельностью Ломоносова. Главный протестъ противъ искаженія языка заявилъ онъ въ своемъ знаменитомъ разсужденіи

«О пользѣ книгъ церковныхъ», указывая на чтеніе ихъ какъ на вѣрнѣйшее средство уберечься отъ излишняго пристрастія къ иноземнымъ языкамъ. «Старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго Словенскаго языка съ Россійскимъ», говоритъ онъ, «отвратятся дикія и странныя слóва нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ..... Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ и къ упадку преклоняютъ. Сіе все показаннымъ способомъ пресѣчется» [1]... Но Ломоносовъ, очищая лексическій составъ письменнаго языка, вмѣстѣ съ тѣмъ надолго утвердилъ введенную еще до него духовными писателями совершенно-несвойственную русской рѣчи латинскую конструкцію. Послѣдователи Ломоносова, проникнувшись его уваженіемъ къ церковно-славянскимъ книгамъ, но не обладая его сдержанностью въ обращеніи съ языкомъ, обезобразили письменную рѣчь злоупотребленіемъ славянизмовъ. Это вызвало другую крайность: тѣ, которыхъ не удовлетворялъ такой слогъ, обратились къ новѣйшимъ иностраннымъ языкамъ и стали особенно искать себѣ образцовъ во французскомъ. Такъ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, рядомъ съ языкомъ славяномановъ образовался, въ противоположность ему, «французскій штиль», и явились двѣ враждебныя школы, которыя не могли долго существовать одна возлѣ другой. Побѣдить должна была та изъ нихъ, на сторонѣ которой окажется болѣе здраваго смысла, вкуса и таланта. Эти преимущества соединилъ въ себѣ Карамзинъ: чуждаясь крайностей того и другаго направленія, но склоняясь ко второму, болѣе современному, онъ удержалъ изъ него все то, что было согласно съ духомъ роднаго слова, сталъ писать очищеннымъ разговорнымъ языкомъ, усвоилъ себѣ естественный складъ рѣчи и вмѣстѣ то изящество выраженія, которому научился у лучшихъ европейскихъ писателей. Понятно,

[1] *Соч. Ломоносова*, изд. Смирд. Спб. 1847, т. I, стр. 533.

что приверженцы славянщины не хотѣли безъ отчаянной борьбы уступить непріятелю спорное поле, и вотъ изъ рядовъ ихъ вышелъ рьяный борецъ за сохраненіе стараго слога. Шишковъ не хотѣлъ видѣть, что Карамзинъ и лучшіе изъ его послѣдователей, не изгоняя вполнѣ иностранныхъ словъ, вводя даже вновь такія, которыя казались имъ необходимыми, старались однакожъ избѣгать варваризмовъ и по возможности замѣнять русскими тѣ иноязычныя слова, для которыхъ можно было на родномъ языкѣ удачно пріискать соотвѣтствующія. Хотя въ сущности всѣ нововведенія карамзинской школы были равно ненавистны Шишкову, но онъ напалъ на нее особенно съ той стороны, съ которой она казалась ему всего болѣе уязвимою, именно со стороны заимствованій изъ другихъ новѣйшихъ языковъ. Осмѣивая встрѣчавшіяся въ *новомъ слогѣ* французскія слова, Шишковъ преслѣдовалъ и вообще всякіе неологизмы, напр. слова, составленныя по образцу иностранныхъ (*вліяніе*, *трогательный*), а также употребленіе прежнихъ словъ въ новомъ обширнѣйшемъ значеніи (*развитіе*, *потребность*, *переворотъ*) и вмѣсто того предлагалъ древнія слова, непонятныя современному русскому человѣку и дикія для его слуха, а потому самому противныя даже ломоносовской теоріи письменнаго языка, какъ напр. непщевать, гобзованіе, углѣбать, присnотекущій, умодѣліе и т. п. Извѣстно, что нападенія Шишкова на новый слогъ имѣли только отрицательное дѣйствіе: ни одно изъ предложенныхъ имъ старинныхъ или имъ самимъ скованныхъ словъ и реченій не было принято, никто не сталъ выражаться такъ, какъ онъ совѣтовалъ; но его обвиненія заставили Карамзина и другихъ тогдашнихъ писателей обращать болѣе вниманія на свой письменный языкъ, быть осмотрительнѣе въ употребленіи иностранныхъ словъ и оборотовъ. Мало того: Карамзинъ, трудясь надъ своей *Исторіей*, сталъ глубже всматриваться въ языкъ лѣтописей и изъ него почерпать архаизмы, конечно не похожіе на тѣ, которые предлагалъ Шишковъ, но болѣе сообразные съ духомъ современнаго языка.

Однимъ только источникомъ литературной рѣчи мало вос-

пользовался Карамзинъ — языкомъ народнымъ. Вслѣдствіе своего воспитанія и подъ вліяніемъ господствовавшаго издавна взгляда онъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ смотрѣлъ на эту область языка и считалъ простонародныя слова низкими или, какъ до него говорили, *подлыми*. Впрочемъ, сочиненія Карамзина большею частью относились къ такому роду литературы, который легко можетъ или, по крайней мѣрѣ, по тогдашнимъ понятіямъ могъ обходиться безъ помощи языка народнаго. Притомъ онъ еще не имѣлъ въ рукахъ памятниковъ этого языка, открытыхъ только въ позднѣйшее время. Какъ бы ни было, однакожъ и этотъ элементъ рѣчи никогда не былъ вполнѣ исключенъ изъ нашей письменности. Еще въ древности нѣкоторые писатели, напр. Кириллъ Туровскій, Даніилъ Заточникъ, брали оттуда краски для своихъ произведеній. Послѣ Петра Великаго особенно Кантемиръ зналъ цѣну народной рѣчи и умѣлъ ею пользоваться. Ломоносовъ, раздѣливъ слогъ на три разряда, установилъ, что *низкій штиль* употребляетъ только чисто-русскія слова, какихъ нѣтъ въ церковныхъ книгахъ; по его теоріи, такъ пишутся: комедіи, эпиграммы, пѣсни; въ прозѣ дружескія письма и описанія обыкновенныхъ дѣлъ; «простонародныя слова», замѣчаетъ онъ, «могутъ имѣть въ нихъ мѣсто по разсмотрѣнію»[1]). Впрочемъ Ломоносовъ допускаетъ «низкія слова» уже и въ среднемъ слогѣ. Самъ же онъ изрѣдка позволяетъ себѣ даже и въ одѣ употреблять простонародныя выраженія; такъ въ одѣ на взятіе Хотина послѣ вопроса:

«Кто съ нимъ толь грозно зритъ на югъ,
Одѣянъ страшнымъ громомъ вкругъ?»

слѣдуетъ стихъ въ тонѣ народнаго языка:

«*Никакъ* смиритель странъ Казанскихъ!»[2])

Послѣ Ломоносова народный языкъ разработывали, по мысли его, въ комедіи, сатирѣ, шуточной сказкѣ и баснѣ. Въ такихъ

---

[1]) Соч. Лом., т. I, стр. 531.
[2]) Тамъ же, стр. 38 (строфа 11).

сочиненіяхъ къ нему прибѣгали Сумароковъ, В. Майковъ, Богдановичъ, Фонъ-Визинъ, Аблесимовъ, Княжнинъ и др. Изъ лирическихъ поэтовъ Державинъ, выросшій вблизи къ народу, сталъ вводить народный языкъ даже въ такой родъ стихотворства, который до него считалъ «высокій слогъ» своею необходимою принадлежностью; эта новость была въ связи съ тѣмъ, что онъ внесъ въ оду элементъ сатиры и шутки. Позднѣе, еще болѣе простора народному языку въ письменной рѣчи сталъ давать Крыловъ. О его раннемъ знакомствѣ съ этой сферой языка разительно свидѣтельствуетъ юношеское его произведеніе, недавно въ первый разъ изданное нашимъ Отдѣленіемъ, — комическая опера *Кофейница*, богатая выраженіями и поговорками, взятыми изъ народнаго быта[1]). Во всѣхъ дальнѣйшихъ трудахъ своихъ Крыловъ оставался вѣренъ этому направленію, и потому неудивительно, что онъ, издавая журналъ въ одно время съ Карамзинымъ, сдѣлался противникомъ его. Замѣчательно, какъ оба эти писателя впали въ противорѣчіе съ самими собою: Крыловъ, отличаясь безыскусственною простотою языка, былъ усерднымъ защитникомъ ложно-классической французской драмы; а Карамзинъ, считая простонародное низкимъ, былъ смолоду горячимъ почитателемъ Шекспира и Лессинга. Но Крыловъ долго не могъ попасть на вкусъ современниковъ и, прежде нежели понялъ настоящее свое призваніе, на многіе годы оставилъ литературу.

Между тѣмъ проза Карамзина стала для всѣхъ образцомъ письменнаго языка. На ней построена была грамматика Греча, получившая на цѣлыя десятилѣтія законодательную силу. Авторитетъ этой, во многомъ произвольной и условной грамматики имѣлъ свою вредную сторону, задержавъ развитіе литературной рѣчи, скованной ея стѣснительными правилами. Въ 1820-хъ и 30-хъ годахъ надъ нашимъ языкомъ тяготѣло что-то похожее на пуризмъ Французской Академіи. Свободное его творчество было подавлено. Немногіе только писатели отваживались идти

---

[1]) См. т. VI *Сборника Отдѣл. Русск. языка и Словесн.*

пользовался Карамзинъ — языкомъ народнымъ. Вслѣдствіе своего воспитанія и подъ вліяніемъ господствовавшаго издавна взгляда онъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ смотрѣлъ на эту область языка и считалъ простонародныя слова низкими или, какъ до него говорили, *подлыми*. Впрочемъ, сочиненія Карамзина большею частью относились къ такому роду литературы, который легко можетъ или, по крайней мѣрѣ, по тогдашнимъ понятіямъ могъ обходиться безъ помощи языка народнаго. Притомъ онъ еще не имѣлъ въ рукахъ памятниковъ этого языка, открытыхъ только въ позднѣйшее время. Какъ бы ни было, однакожъ и этотъ элементъ рѣчи никогда не былъ вполнѣ исключенъ изъ нашей письменности. Еще въ древности нѣкоторые писатели, напр. Кириллъ Туровскій, Даніилъ Заточникъ, брали оттуда краски для своихъ произведеній. Послѣ Петра Великаго особенно Кантемиръ зналъ цѣну народной рѣчи и умѣлъ ею пользоваться. Ломоносовъ, раздѣливъ слогъ на три разряда, установилъ, что *низкій штиль* употребляетъ только чисто-русскія слова, какихъ нѣтъ въ церковныхъ книгахъ; по его теоріи, такъ пишутся: комедіи, эпиграммы, пѣсни; въ прозѣ дружескія письма и описанія обыкновенныхъ дѣлъ; «простонародныя слова», замѣчаетъ онъ, «могутъ имѣть въ нихъ мѣсто по разсмотрѣнію»[1]). Впрочемъ Ломоносовъ допускаетъ «низкія слова» уже и въ среднемъ слогѣ. Самъ же онъ изрѣдка позволяетъ себѣ даже и въ одѣ употреблять простонародныя выраженія; такъ въ одѣ на взятіе Хотина послѣ вопроса:

«Кто съ нимъ толь грозно зритъ на югъ,
Одѣянъ страшнымъ громомъ вкругъ?»

слѣдуетъ стихъ въ тонѣ народнаго языка:

«*Никакъ* смиритель странъ Казанскихъ!»[2])

Послѣ Ломоносова народный языкъ разработывали, по мысли его, въ комедіи, сатирѣ, шуточной сказкѣ и баснѣ. Въ такихъ

[1]) *Соч. Лом.*, т. I, стр. 531.
[2]) Тамъ же, стр. 38 (строфа 11).

сочиненіяхъ къ нему прибѣгали Сумароковъ, В. Майковъ, Богдановичъ, Фонъ-Визинъ, Аблесимовъ, Княжнинъ и др. Изъ лирическихъ поэтовъ Державинъ, выросшій вблизи къ народу, сталъ вводить народный языкъ даже въ такой родъ стихотворства, который до него считалъ «высокій слогъ» своею необходимою принадлежностью; эта новость была въ связи съ тѣмъ, что онъ внесъ въ оду элементъ сатиры и шутки. Позднѣе, еще болѣе простора народному языку въ письменной рѣчи сталъ давать Крыловъ. О его раннемъ знакомствѣ съ этой сферой языка разительно свидѣтельствуетъ юношеское его произведеніе, недавно въ первый разъ изданное нашимъ Отдѣленіемъ, — комическая опера *Кофейница*, богатая выраженіями и поговорками, взятыми изъ народнаго быта [1]). Во всѣхъ дальнѣйшихъ трудахъ своихъ Крыловъ оставался вѣренъ этому направленію, и потому неудивительно, что онъ, издавая журналъ въ одно время съ Карамзинымъ, сдѣлался противникомъ его. Замѣчательно, какъ оба эти писателя впали въ противорѣчіе съ самими собою: Крыловъ, отличаясь безыскусственною простотою языка, былъ усерднымъ защитникомъ ложно-классической французской драмы; а Карамзинъ, считая простонародное низкимъ, былъ смолоду горячимъ почитателемъ Шекспира и Лессинга. Но Крыловъ долго не могъ попасть на вкусъ современниковъ и, прежде нежели понялъ настоящее свое призваніе, на многіе годы оставилъ литературу.

Между тѣмъ проза Карамзина стала для всѣхъ образцомъ письменнаго языка. На ней построена была грамматика Греча, получившая на цѣлыя десятилѣтія законодательную силу. Авторитетъ этой, во многомъ произвольной и условной грамматики имѣлъ свою вредную сторону, задержавъ развитіе литературной рѣчи, скованной ея стѣснительными правилами. Въ 1820-хъ и 30-хъ годахъ надъ нашимъ языкомъ тяготѣло что-то похожее на пуризмъ Французской Академіи. Свободное его творчество было подавлено. Немногіе только писатели отваживались идти

---

[1]) См. т. VI *Сборника Отдѣл. Русск. языка и Словесн.*

своимъ путемъ. Первое между ними мѣсто занималъ возвратившійся на литературное поприще въ началѣ столѣтія Крыловъ; но онъ писалъ только басни, а эта тѣсная область поэзіи считалась состоящею на особыхъ правахъ. Одновременно въ другой сферѣ умственной дѣятельности подготовлялось движеніе, которое не могло остаться безъ вліянія на успѣхи народнаго языка въ художественной литературѣ. То, что во всѣхъ странахъ являлось предвѣстьемъ самостоятельнаго творчества, стало обнаруживаться и у насъ, — уваженіе къ народности, вкусъ къ произведеніямъ народной словесности, охота къ собиранію и записыванію ихъ. Въ 1804 г. изданы были въ первый разъ «древнія русскія стихотворенія»; Мерзляковъ, а за нимъ Дельвигъ и Цыгановъ сочиняли пѣсни въ духѣ народныхъ; Востоковъ переводилъ пѣсни Сербовъ и разбиралъ составъ русскаго народнаго стиха; собранія пословицъ выходили уже давно; Снегиревъ задумывалъ ученую разработку ихъ и пролагалъ путь Сахарову. Общество любителей Россійской словесности, въ Москвѣ, собирало и печатало областныя слова. Возникавшая любовь къ народности, которая вызывала всѣ эти начинанія и труды, не могла не отразиться и на изящной литературѣ. Рядомъ съ Крыловымъ, и конечно не совсѣмъ независимо отъ его вліянія, пошелъ Грибоѣдовъ въ своей оригинальной комедіи. Въ то же время Пушкинъ уже заявлялъ, что «разговорный языкъ простаго народа достоинъ глубочайшихъ изслѣдованій» и доказывалъ на дѣлѣ, что самъ «прислушивался къ московскимъ просвирнямъ», которыя, по его замѣчанію «говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ[1])». А вскорѣ и своеправный Гоголь сталъ писать прозою, хотя и небрежной, но замѣчательно оригинальной и рѣзко запечатлѣнной особенностями рѣчи народной. Около того же времени услышали въ первый разъ имя еще довольно молодаго человѣка, избравшаго область литературы, которая до тѣхъ поръ не имѣла у насъ особаго представителя, — разсказы изъ быта народнаго и солдатскаго.

[1]) *Соч. Пушкина*, томъ V, Спб. 1855 г., стр. 43.

Это былъ тотъ самый писатель, который нынѣ трудомъ совершенно другаго рода подаетъ намъ поводъ говорить о судьбахъ русскаго языка.

Стараясь быть вѣрнымъ пересказчикомъ народныхъ вымысловъ, онъ въ то же время хотѣлъ доказать, что вся пишущая братья выражается совсѣмъ не по-русски, что надобно перестроить весь литературный языкъ по образцу народнаго. Въ оцѣнкѣ послѣдняго никто еще не шелъ такъ далеко. До г. Даля были конечно писатели, считавшіе полезнымъ и нужнымъ знакомство съ народнымъ языкомъ для извѣстныхъ литературныхъ цѣлей: г. Даль первый сталъ утверждать, что безъ народнаго языка нельзя ступить ни одного правильнаго шагу въ авторскомъ дѣлѣ. Естественно, что онъ, отстаивая эту идею, не избѣгъ нѣкоторыхъ крайностей. Какъ нѣкогда Шишковъ провозглашалъ церковно-славянское нарѣчіе исключительнымъ источникомъ обогащенія русскаго языка, такъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ г. Даль выставлялъ такимъ единственнымъ источникомъ языкъ народный. «Если», говорилъ онъ, «въ книгахъ и высшемъ обществѣ не найдемъ чего ищемъ, то остается одна только кладь или кладъ — родникъ или рудникъ — но онъ за то неисчерпаемъ. Это живой языкъ русскій, какъ онъ живетъ понынѣ въ народѣ. *Источникъ одинъ* — языкъ простонародный, а важныя вспомогательныя средства: старинныя рукописи и всѣ живыя и мертвыя славянскія нарѣчія [1])». Подобно Шишкову, г. Даль составлялъ новыя слова, предлагая ихъ для замѣны или дополненія прежнихъ, и въ этомъ не всегда былъ счастливѣе Шишкова. Но, показавъ точку сближенія между обоими писателями, спѣшу однакожъ оговориться: путь, избранный г. Далемъ, былъ прямѣе и безукоризненнѣе: г. Даль не велъ пристрастной полемики, не ставилъ того или другаго писателя цѣлью своихъ нападеній, никого не винилъ въ безвѣріи и недостаткѣ патріотизма за употребленіе иностранныхъ словъ и наконецъ

---

[1]) «Полтора слова о нынѣшнемъ русскомъ языкѣ», *Москвит.* 1842, ч. I, стр. 540.

старался доказать свою теорію болѣе дѣломъ, нежели разсужденіями: онъ писалъ народнымъ языкомъ повѣсти и разсказы, заимствованные у народа. Эти произведенія, по собственному его свидѣтельству, составляли для него не цѣль, а средство. «Не сказки по себѣ», говоритъ онъ, «были ему важны, а русское слово, которое у насъ въ такомъ загонѣ, что ему нельзя было показаться въ люди безъ особаго предлога и повода — и сказка послужила предлогомъ. Писатель задалъ себѣ задачу познакомить земляковъ своихъ сколько-нибудь съ народнымъ языкомъ и говоромъ, которому открывался такой вольный разгулъ и широкій просторъ въ народной сказкѣ» [1]). Предупреждая мысль, будто онъ ставитъ свои сказки въ примѣръ слога и языка, г. Даль далѣе прибавляетъ: «онъ *(сказочникъ)* хотѣлъ только на первый случай показать небольшой образчикъ — и право не съ хазоваго конца — образчикъ *запасовъ*, о которыхъ мы мало или вовсе не заботились, между тѣмъ какъ, рано или поздно, безъ нихъ не обойтись».

Такимъ образомъ мы видимъ, что словарь г. Даля тѣсно примыкаетъ къ прочимъ трудамъ его и есть плодъ той же идеи, изъ которой проистекло все его авторство; на прежнія произведенія его должно смотрѣть только какъ на приготовительныя работы къ дѣлу, которымъ онъ завершилъ свою дѣятельность на пользу языка. Если мы вспомнимъ, что г. Даль началъ свои наблюденія надъ нимъ еще до 1820 года, когда ему было не болѣе 18-ти лѣтъ отъ роду, то нельзя будетъ не подивиться, какъ счастливая мысль отмѣчать простонародныя выраженія могла зародиться въ головѣ столь молодаго человѣка въ такое время, когда у насъ, вообще говоря, еще мало обращали вниманія на народную словесность. Желая дать возможность полнѣе и вѣрнѣе судить о разсматриваемомъ трудѣ, предложу нѣсколько собранныхъ мною и до сихъ поръ нигдѣ не напечатанныхъ біографическихъ извѣстій объ авторѣ. Это кажется мнѣ тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что

---

[1]) Тамъ же, стр. 549 и 550.

рѣчь идетъ не о начинающемъ литераторѣ, а о писателѣ, давно пользующемся у насъ почетною извѣстностью.

Вл. Ив. Даль родился 10-го ноября 1801 года въ Луганѣ (Екатериносл. губ.), гдѣ отецъ его, родомъ датчанинъ, занималъ мѣсто врача по горному вѣдомству. Этотъ ученый иностранецъ, принявъ въ 1797 г. русское подданство, горячо полюбилъ новое свое отечество, изучилъ русскій языкъ какъ родной и воспитывалъ дѣтей своихъ въ патріотическомъ духѣ, при всякомъ случаѣ напоминая имъ, что они Русскіе: въ 12-мъ году онъ жалѣлъ, что они еще слишкомъ молоды и негодны для службы. Самъ онъ въ молодости кончилъ курсъ въ германскомъ университетѣ по двумъ или тремъ факультетамъ и зналъ нѣсколько языковъ; онъ былъ вызванъ въ Россію въ концѣ царствованія Екатерины II на службу при Публичной библіотекѣ. Замѣтивъ въ Петербургѣ, что у насъ слишкомъ мало врачей, онъ отправился опять за-границу, изучилъ медицинскія науки и, воротясь въ Россію, женился на дочери той г-жи Фрейтахъ, которая переводила на русскій языкъ Геснера и Ифланда[1]). Въ качествѣ врача онъ сперва состоялъ при войскѣ, расположенномъ въ Гатчинѣ, потомъ перешелъ въ Петрозаводскъ, а оттуда въ названный уже городъ, по имени котораго, какъ своей родины, Владиміръ Ивановичъ принялъ впослѣдствіи столь памятный псевдонимъ *Казака Луганскаго*. Изъ Лугани отецъ его былъ переведенъ главнымъ докторомъ и инспекторомъ Черноморскаго флота въ Николаевъ. Отсюда, въ 1814 г., отправилъ онъ двухъ сыновей своихъ въ Морской корпусъ. Пробывъ тамъ пять лѣтъ, Вл. Ив. поѣхалъ мичманомъ обратно въ Николаевъ. Къ морской службѣ онъ не чувствовалъ никакого призванія, тѣмъ болѣе, что не переносилъ качки въ морѣ; но, получивъ воспитаніе на казенный счетъ, онъ долженъ былъ поневолѣ оставаться морякомъ: попытки его перейти въ инженеры, въ артиллерію или хоть въ армію были безуспѣшны. По кончинѣ отца, переведенный въ Кронштадтъ (1823), онъ въ отчаяніи не зналъ, что дѣлать. Между

[1]) См. Смирдинскую *Роспись*, №№ 7207 и 7268.

тѣмъ мать его съ младшимъ сыномъ уѣхала въ Дерптъ для воспитанія его и, по ея вызову, Вл. Ив., выйдя въ отставку, отправился туда же. Тамъ онъ снова принялся за ученіе и въ 1825 г. поступилъ въ казеннокоштные студенты по медицинскому факультету. Но прежде нежели онъ успѣлъ кончить курсъ, вспыхнула война 1829 г., и всѣхъ студентовъ, годныхъ къ военной службѣ, велѣно было выслать въ армію. Г. Даль попалъ въ число троихъ, которымъ позволили тутъ же держать экзаменъ на доктора. До 1832 г. онъ находился въ Турціи и Польшѣ и много занимался операціями; потомъ поѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ и здѣсь былъ назначенъ ординаторомъ военнаго госпиталя. Вступленіе его на литературное поприще въ 1833 г. съ книжкою сказокъ ознаменовалось прискорбнымъ обстоятельствомъ, которое однакожъ много способствовало къ быстрому распространенію извѣстности новаго автора. За одно превратно растолкованное мѣсто этой книги онъ подвергся аресту, и хотя вскорѣ былъ вполнѣ оправданъ, но долго не могъ являться въ литературѣ подъ своимъ именемъ. Черезъ нѣсколько времени Вас. Ал. Перовскій пригласилъ его въ Оренбургъ чиновникомъ для особыхъ порученій; въ 1841 г., отходивъ хивинскій походъ, г. Даль переѣхалъ въ Петербургъ на службу по министерству удѣловъ, а потомъ и внутреннихъ дѣлъ. Послѣднія десять лѣтъ своего служебнаго поприща, съ 1849 г., онъ провелъ въ Нижнемъ управляющимъ удѣльной конторы. Въ 1859, вышедъ въ отставку и поселившись въ Москвѣ, онъ рѣшился посвятить все свое время составленію и изданію давно-подготовляемаго имъ словаря. Во всю свою жизнь В. И. не пропускалъ случаевъ поѣздить по Россіи и знакомиться съ бытомъ народа: смѣсь французскаго съ нижегородскимъ была ему ненавистна почти съ самаго дѣтства. Обстоятельства особенно благопріятствовали удовлетворенію его любознательности: служа во флотѣ, а потомъ завѣдывая больницей, онъ имѣлъ возможность обращаться съ людьми изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Россіи и разспрашивать ихъ объ особенностяхъ языка въ каждой. Этимъ способомъ онъ могъ значительно дополнить и

расширить свѣдѣнія, добытыя имъ пребываніемъ въ разныхъ краяхъ отечества. Разнородность службы, которую онъ проходилъ, а сверхъ того любимыя занятія по естественнымъ наукамъ и нѣкоторымъ ремесламъ позволили ему охватить обширный и многообразный кругъ человѣческихъ знаній и нагляднаго знакомства съ бытомъ разныхъ состояній и сословій.

Въ 1819 г., проѣзжая по Новгородской губ. на пути въ Николаевъ, Даль услышалъ въ первый разъ слово *замолаживаетъ* (говорится о небѣ, въ смыслѣ *заволакиваетъ*, по сравненію съ начинающимъ бродить тѣстомъ). Записавъ это слово, онъ положилъ чуть ли не первый камень будущаго словеснаго зданія, и уже не пропускалъ дня, чтобы не вносить въ свои замѣтки новаго слова, оборота, поговорки. Ко времени турецкой кампаніи 1829 г. эти матеріалы достигли уже обширныхъ размѣровъ; находясь при арміи полковымъ врачемъ, г. Даль въ ожиданіи обильной жатвы для своихъ записокъ взялъ всѣ прежнія тетради ихъ съ собою; вдругъ, навьюченный ими верблюдъ, перехода за два до Адріанополя, пропадаетъ. Что долженъ былъ чувствовать страстный собиратель, внезапно лишавшійся плодовъ 10-ти лѣтняго труда! Къ счастію, казаки гдѣ-то перехватили верблюда и черезъ недѣлю привели его въ Адріанополь [1]). Драгоцѣнныя замѣтки были спасены и продолжали нарастать еще цѣлыхъ 30 лѣтъ. «Жадно хватая на лету родныя речи [2]), слова и обороты, когда они срывались съ языка въ простой беседѣ, гдѣ никто не чаялъ соглядатая или лазутчика, этотъ записывалъ ихъ... Сколько разъ случалось ему, среди жаркой бесѣды, выхвативъ записную книжку, записать въ въ ней оборотъ речи или слово, которое у кого-нибудь сорвалось съ языка, — а его никто и не слышалъ! Всѣ спрашивали, никто не могъ припомнить чѣмъ-либо замѣчательное слово — а сло̀ва этого не было ни въ одномъ словарѣ, и оно было чисто ру-

---

[1]) *Толковый Словарь*, т. I, «Напутное слово», стр. III.

[2]) Предупреждаю разъ навсегда, что во всѣхъ выпискахъ изъ напечатанныхъ при словарѣ статей сохраняю правописаніе автора.

ское [1]).» Вотъ какъ самъ составитель «Толковаго Словаря» описываетъ намъ часть процесса своихъ приготовительныхъ работъ. Тутъ же онъ отдаетъ отчетъ въ главной мысли, руководившей имъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ себя помнитъ: «его тревожила и смущала несообразность писменаго языка нашего съ устною речью простаго рускаго человѣка, не сбитаго съ толку грамотѣйствомъ, а слѣдовательно и съ самимъ духомъ рускаго слова. Не разсудокъ, а какое то темное чувство строптиво упиралось, отказываясь признать этотъ нестройный лепетъ, съ отголоскомъ чужбины, за рускую речь. Для меня сдѣлалось задачей выводить на справку и повѣрку: какъ говоритъ книжникъ, и какъ выскажетъ въ бесѣдѣ ту же, доступную ему мысль человѣкъ умный, но простой, неученый — и нечего и говорить о томъ, что перевѣсъ, по всѣмъ прилагаемымъ къ сему дѣлу мѣриламъ, всегда оставался на сторонѣ послѣдняго. Не будучи вcплахъ уклониться ни на волосъ отъ духа языка, онъ поневолѣ выражается ясно, прямо, коротко и изящно» [2]).

Въ этихъ словахъ лежитъ ключъ ко всей литературной дѣятельности г. Даля. Чѣмъ болѣе онъ подмѣчалъ и записывалъ, тѣмъ болѣе крѣпло его убѣжденіе въ негодности нашей письменной рѣчи. Стараясь, въ своихъ разсказахъ, употреблять языкъ близкій къ народному, иногда нанизывая въ нихъ цѣлыми страницами пословицы и поговорки, онъ сверхъ того, по временамъ, излагалъ теоретически свои взгляды на русскую народную литературу и языкъ. Любопытно, что первая его статья по этому предмету написана по-нѣмецки и напечатана въ Dorpater Jahrbücher 1835 г. (№ 1). Давъ ей заглавіе «Über die Schriftstellerei des russischen Volks» (объ авторствѣ русскаго народа), онъ начинаетъ осужденіемъ подражательной нашей литературы, возстаетъ противъ искаженія языка на чужеземный ладъ и, переходя къ народной литературѣ, останавливается особенно на содержаніи нѣ-

[1]) Сл., ч. I, стр. III.
[2]) Тамъ же.

которыхъ лубочныхъ картинъ. Позднѣе онъ помѣстилъ въ *Москвитянинъ* 1842 (ч. I, № 2, и ч. V, № 9): «Полтора слова о нынѣшнемъ рускомъ языкѣ» и «Недовѣсокъ къ статьѣ: *Полтора слова*». Далѣе, въ началѣ разсматриваемаго словаря мы находимъ еще три статьи г. Даля по тѣмъ же вопросамъ: 1) *О нарѣчіяхъ рускаго языка*, написанную въ 1852 году по поводу изданія академическаго областнаго словаря; 2) *О рускомъ словарѣ*, читанную 1860 г. въ Обществѣ любителей Россійской словесности, и 3) *Напутное слово*, читанное тамъ же въ 1862 г. и составляющее собственно предисловіе къ «Толковому словарю». Наконецъ нѣсколько замѣтокъ подобнаго содержанія помѣщено г. Далемъ въ газетѣ г. Погодина *Русскій* (1868 г. №№ 25 и 31).

Въ этихъ разновременныхъ статьяхъ вполнѣ высказались понятія автора о языкѣ, и потому онѣ очень важны для сужденія о словарномъ трудѣ его. Всѣ онѣ развиваютъ извѣстное уже намъ убѣжденіе г. Даля, что нашъ литературный языкъ, ко вреду своему, слишкомъ удалился отъ народнаго и, принявъ чуждый ему складъ вслѣдствіе множества заимствованій, совершенно утратилъ первоначальный характеръ силы, выразительности и сжатости. Впрочемъ г. Даль допускаетъ исключеніе въ пользу нѣкоторыхъ писателей: уже и въ первой статьѣ своей онъ указываетъ на Крылова и Грибоѣдова; въ *Напутномъ* же *словѣ* говоритъ: «Взгляните на Державина, на Карамзина, Крылова, на Жуковскаго, Пушкина и на нѣкоторыхъ извѣстныхъ даровитыхъ писателей; не ясно ли, что они избѣгали чужеречій, что старались, каждый по своему, писать чистымъ рускимъ языкомъ» [1]? Что касается до языка, которымъ самъ онъ писалъ, то г. Даль не только не

---

[1]) Сл., ч. I. стр. I. Впрочемъ г. Даль въ другомъ мѣстѣ не вполнѣ освобождаетъ и Пушкина отъ повальнаго упрека, утверждая, что «нѣтъ писателя, который бы не грѣшилъ — и много, тяжко — противъ роднаго языка. Самъ Пушкинъ» прибавляетъ онъ, «говоритъ въ прозѣ иногда такъ: *обѣ онѣ должны были выдти въ садъ, черезъ заднее крыльцо, за садомъ найдти готовыя сани, садиться въ нихъ и ѣхать — онъ помнилъ разстояніе, существующее между нимъ и бѣдной крестьянкой* и проч. «Все это», замѣчаетъ г. Даль, «не по-русски». (*Москвит.* 1842, ч. I, № 2, стр. 545 и 546).

выдаетъ его за образецъ, но сознаетъ и ошибки, въ которыя онъ впадалъ: онъ въ позднѣйшее время убѣдился, что для народности въ литературѣ недостаточно одного подбора словъ и выраженій изъ языка простонародья. При всемъ томъ, исходная точка г. Даля въ воззрѣніи на нашъ литературный языкъ остается прежняя. Онъ и теперь находитъ, «что живой народный языкъ, сберегшій въ жизненой свѣжести духъ, который придаетъ языку стойкость, силу, ясность, цѣлость и красоту, долженъ послужить источникомъ и сокровищницей для развитія образованой, разумной руской речи *взамѣнъ* нынѣшняго языка нашего, каженика»[1]).

Въ чемъ же, по мнѣнію г. Даля, заключается несостоятельность нынѣшняго нашего письменнаго языка? Изъ приводимыхъ имъ примѣровъ видно, что онъ сюда относитъ: 1) ошибочное употребленіе одного слова вмѣсто другаго по незнанію настоящаго значенія ихъ (*обознатся* вм. *опознаться*, *обыденный* вм. *обиходный*) [2]); 2) употребленіе словъ и реченій растянутыхъ, описательныхъ, составленныхъ по иностранному, вм. болѣе краткихъ и мѣткихъ, имѣющихся въ народномъ языкѣ (*путеводитель въ пустынѣ* вм. *степной вожакъ*, *собственный* вм. *свой*, *могущество* вм. *мочь*, *могута*; *усовершенствованіе*, *семейственный* вм. *усоверщеніе*, *семейный* и проч.), и 3) заимствованіе множества чужеязычныхъ словъ съ передѣланными только на русскій ладъ окончаніями, употребленіе цѣлыхъ нерусскихъ оборотовъ, сочетаніе словъ и построеніе рѣчи по нерусскимъ формамъ мышленія. Слѣдующій примѣръ можетъ дать болѣе ясное понятіе о томъ, чего желаетъ г. Даль. Когда Жуковскій, въ свитѣ нынѣ царствующаго Государя Императора, въ 1837 г. проѣзжалъ черезъ Уральскъ, то

---

[1]) *Словарь*, ч. I, стр. II.

[2]) *Обознаться* значитъ ошибиться; а *опознаться* — оріентироваться; *обыденный*, какъ ясно показываетъ его происхожденіе, можетъ значить только однодневный (*обыденка* = эфемера). Прибавлю отъ себя, что такимъ же образомъ въ нашу новѣйшую литературу вкралось неправильное пониманіе слова *витать*, которому обыкновенно придаютъ смыслъ какого-то движенія въ вышинѣ (*носиться*, planer), тогда какъ оно просто значитъ *жить*, *пребывать*: ср. лат. vita и предложн. глаголъ об(в)итать.

г. Даль, въ то время тамъ находившійся, завелъ съ нашимъ знаменитымъ поэтомъ разговоръ о любимой своей темѣ и между прочимъ представилъ ему такой образчикъ двоякаго способа выраженія: 1) на общепринятомъ языкѣ: «Казакъ осѣдлалъ лошадь какъ можно поспѣшнѣе, взялъ товарища своего, у котораго не было верховой лошади, къ себѣ на крупъ и слѣдовалъ за непріятелемъ, имѣя его всегда въ виду, чтобы при благопріятныхъ обстоятельствахъ на него напасть»; и 2) на языкѣ народномъ: «Казакъ сѣдлалъ у́торопь, посадилъ безконнаго товарища на за́бедры и слѣдилъ непріятеля въ на́зерку, чтобы при спопутности на него ударить» [1]). Жуковскій, мало сочувствуя послѣднему способу выраженія, замѣтилъ, что такъ можно говорить только съ казаками и притомъ о близкихъ имъ предметахъ.

Нельзя отрицать справедливости той мысли, что языкъ народный во многихъ случаяхъ выражается своеобразнѣе и удачнѣе литературнаго; но замѣтивъ это, г. Даль упустилъ изъ виду, что несходство между тѣмъ и другимъ есть явленіе общее всѣмъ языкамъ, а не исключительная принадлежность русскаго. Вездѣ языкъ, по мѣрѣ своего развитія въ образованной рѣчи, болѣе и болѣе даетъ перевѣсъ отвлеченному мышленію надъ наглядной изобразительностью [2]); вездѣ общіе всему человѣчеству логическіе законы въ большей или меньшей степени вытѣсняютъ изъ письменнаго языка непосредственную своеобразность народныхъ представленій, выражающуюся въ идіотизмахъ, и потому-то вездѣ литературная рѣчь мало по малу усвоиваетъ себѣ множество синтаксическихъ оборотовъ, общепринятыхъ въ образованнѣйшихъ языкахъ. Этотъ какъ бы космополитическій языкъ похожъ, по остроумному сравненію одного писателя, на бумажныя деньги, повсюду легко замѣняющія золотую и серебряную монету. Такое явленіе въ языкахъ есть необходимое слѣдствіе постояннаго обмѣна идей, происходящаго путемъ литературы, и слишкомъ жа-

---

[1]) *Москвит.* 1842, № 2, «Полтора слова» и проч., стр. 552, 553.
[2]) *Историч. грамматика* Буслаева, М. 1863, ч. II, стр. 21 и 77.

лѣть объ этомъ результатѣ нельзя безъ умаленія цѣны самаго факта, изъ котораго онъ проистекаетъ.

Но свобода заимствованій должна имѣть свои разумные предѣлы, особенно должна она ограничиваться уваженіемъ къ духу роднаго языка. Г. Даль не безъ основанія упрекаетъ нашу книжную рѣчь въ злоупотребленіи этою свободой. Въ послѣднія десятилѣтія, начиная съ 40-хъ годовъ, — по мѣрѣ того какъ русское общество научалось придавать *вещамъ* болѣе цѣны, чѣмъ *именамъ*, — у насъ стали слишкомъ пренебрегать чистотою языка и слишкомъ мало стѣсняться въ употребленіи иностранныхъ словъ и оборотовъ. Такимъ образомъ въ печати появилось множество выраженій, искусственно привитыхъ къ русскому языку, напр. *разсчитывать на кого* или *на что*, *дѣлать кого несчастнымъ*, *имѣть жестокость*, *предшествовать кому*, *предпослать что чему*, *пройти молчаніемъ*, *раздѣлять чи-либо мысли* или *чувства*, *прежде нежели сказать*, *слишкомъ уменъ чтобы не понять*, *имѣть что возразить*, *имѣть что-нибудь противъ* [1]). Въ разговорѣ и на письмѣ сдѣлались ходячими слова: *фактъ*, *результатъ*, *интересный*, *серьезный*, *компетентный*, *лояльный*, *солидный*, *солидарный*; не избѣгли мы даже *шансовъ*, не говоря уже о цѣломъ легіонѣ глаголовъ подобныхъ слѣдующимъ: *импонировать*, *импровизировать*, *изолировать*, *игнорировать*, *бравировать*, *формулировать*, *вотировать*, *конкурировать*, *резюмировать*, *третировать*. Послѣдній разрядъ словъ особенно неудаченъ, такъ какъ тутъ мы видимъ иногда двойное искаженіе: французское слово видоизмѣнено сперва нѣмецкою формою его окончанія (iren).

[1]) Въ ближайшее къ намъ время къ этимъ оборотамъ присоединилось еще много другихъ, напр. *считаться съ чѣмъ* (tenir compte de quelquechose), *человѣкъ такого закала* (un homme de cette trempe), *разъ онъ взялся — непремѣнно сдѣлаетъ* (une fois qu'il s'en est chargé...) и проч., или слова: *вліять*, *вліятельный*, *немыслимый* (undenkbar). Прежде слово *вліять* имѣло только собственное значеніе, напр. у М. Н. Муравьева: «Многія дамы, украшенія пола своего, *вліяли* природныя и неподражаемыя пріятности ихъ разума въ сочиненія, по видимому легкія и нетщательныя». — Французское слово *sâle* въ переносномъ смыслѣ стали переводить *сальный*, изъ котораго въ томъ же значеніи образовалось существительное *сальность* (!).

Чтобы уменьшить безобразіе нѣкоторые стали отбрасывать слогъ *ир* и говорить напр. *формуловать*, *цитовать*, по образцу болѣе старыхъ глаголовъ: *атаковать*, *арестовать*, *командовать*, *пробовать*. Къ сожалѣнію, это лишь въ рѣдкихъ случаяхъ возможно, да и отъ такой передѣлки мало прибыли, когда слово всетаки остается иностраннымъ.

Замѣтимъ однакожъ, что одновременно съ вторженіемъ иностранныхъ словъ и оборотовъ, русскій литературный языкъ не переставалъ развиваться и изъ собственныхъ своихъ источниковъ, чего г. Даль вовсе не принялъ въ соображеніе, хотя однажды и вырвалось у него замѣчанье: «Сколько введено русскихъ словъ на нашей памяти, начиная съ Карамзина!» [1]). Чтобы убѣдиться въ этомъ, стóитъ сравнить любую нынѣшнюю книгу или газету съ тѣмъ, что писалось лѣтъ 30 — 40 тому назадъ, даже и лучшими изъ тогдашнихъ литераторовъ: въ каждомъ современномъ намъ сочиненіи найдется множество русскихъ словъ и оборотовъ, которыхъ не знали ни Карамзинъ, ни слѣдовавшіе за нимъ писатели. Все это пріобрѣтенія, усвоенныя языку путемъ, по большей части правильнымъ и законнымъ. Изъ какихъ же источниковъ, сверхъ иностранныхъ языковъ, наша письменная рѣчь обогащается? Частью изъ старинныхъ памятниковъ, по примѣру пользующихся ими хорошихъ писателей (такъ еще Карамзинъ возстановилъ слово *сторонникъ*, нынѣ часто употребляемое; такъ же введены недавно: *рознь* въ смыслѣ несогласія, *строй*, *людъ* и т. п.), частью изъ самого живаго языка, пользуясь существующими уже словами или корнями для новыхъ словообразованій и сочетаній; такъ возникли слова: *научный*, *проявленіе*, *дѣятель*, *даровитый*, *отчетливый*, *настроеніе*, *творчество*, *сопоставленіе*, *сдержанность*, *голосованіе*, *плоскогорье* и проч. Нѣкоторыя старыя слова стали употребляться въ новомъ значеніи, напр. *разборъ* вм. *рецензія*, *сложиться* вм. *устроиться* (напр. объ обстоятельствахъ), *печать* вм. *пресса*, *пробѣлъ*, *насущный* (въ переносномъ смыслѣ). Изъ преж-

---

[1]) *Москвит*. 1842, № 9, «Недовѣсокъ» и пр., стр. 91.

нихъ словъ иныя вовсе оставлены, напр. *свѣдать* (которое любилъ Карамзинъ), *содѣлывать*, *прилежность*, *сорадованіе*, *примѣчанія достойный*, *въ разсужденіи чего*; другія урѣзаны, напр. вмѣсто *надобно*, *чувствованіе* стали не только говорить, но и писать *надо*, *чувство*. Г. Даль не одобряетъ появившихся въ 40-хъ годахъ словъ: *возникновеніе*, *исчезновеніе* и т. п. Они однакожъ ничѣмъ не хуже болѣе старыхъ образцовъ своихъ: *отдохновеніе*, *прикосновеніе*, *дуновеніе* и пр.; они вызваны потребностью въ логическомъ отвлеченіи и могутъ быть терпимы, если только образованы правильно, а не такъ, какъ напр. слово *упоминовеніе*, не оправдываемое законами этимологіи [1]). Еще безобразнѣе и неправильнѣе не старое слово *вдохновлять* [2]). Но за исключеніемъ немногихъ случаевъ этого рода, современный литературный языкъ вообще стремится къ упрощенію, къ большему и большему сближенію съ языкомъ разговорнымъ, отбрасывая постепенно слова тяжелыя, напыщенныя, слишкомъ искусственныя въ своемъ образованіи, каковы напр. отживающія свой вѣкъ слова: *преуспѣяніе*, *споспѣшествовать*, *преткновеніе*, и имъ подобныя. Нельзя даже сказать, чтобы литературный языкъ и до сихъ поръ вовсе не заимствовался изъ народнаго, откуда, напр., введены слова *починъ* (или *зачинъ*), *быть*, *суть* (сущность), *проходимецъ* и др. Нѣкоторыя изъ лучшихъ нашихъ писателей уже показали опыты глубокаго знанія народнаго языка, которое, отражаясь въ ихъ сочиненіяхъ, не остается безъ дѣйствія на всю литературу. Не упоминая о живыхъ, укажу только на покойнаго С. Т. Аксакова; его проза — образецъ чисто-русскаго языка, богатаго народными, кстати употребленными, идіотизмами.

Итакъ положеніе нашего литературнаго языка по видимому да-

---

[1]) Отъ *упомянуть* существительное было бы *упомяновеніе*; отъ *упоминать* — *упоминаніе*.

[2]) Отъ гл. *вдохнуть* произошло причастіе *вдохновенный* (какъ отъ *обыкнуть* — *обыкновенный*), а отъ причастія, уже совершенно наперекоръ грамматикѣ и логикѣ, образовано *вдохновить*, *вдохновлять*, какъ будто это то же, что *благословить* — *благословенный*!

леко не такъ отчаянно, какъ оно кажется г. Далю. Въ подтвержденіе того можетъ служить и собственная его проза: въ ней можно бы ожидать усильнаго приближенія къ тому идеалу слога, который авторъ себѣ составилъ; но на самомъ дѣлѣ она не многимъ отличается отъ того, что вообще пишется у насъ людьми, не совсѣмъ равнодушными къ чистотѣ языка. Правда, у него попадаются слова и реченія, которыхъ мы не встрѣтимъ у другихъ писателей; но это однѣ частности, мало замѣтныя въ цѣломъ, представляющемъ общій характеръ современной намъ письменной рѣчи. Нѣтъ сомнѣнія, что она можетъ почерпнуть еще много живыхъ силъ изъ языка народнаго; тѣмъ не менѣе однакожъ требованія и ожиданія г. Даля въ этомъ отношеніи преувеличены. Это становится яснымъ изъ слѣдующихъ словъ его: «Народныя слова *прямо могутъ* переноситься въ письменый языкъ, *никогда* не оскорбляя его грубою противу самого себя ошибкою, а напротивъ *всегда* направляя его въ природную свою колею, изъ которой онъ у насъ соскочилъ» (не вѣрнѣе ли было бы: *выскочилъ*?) «какъ паровозъ съ рельсовъ: онѣ оскорбятъ развѣ только изрусѣвшее ухо чопорнаго слушателя» [1]). Здѣсь авторъ упускаетъ изъ виду, что у каждой сферы языка есть свой характеръ, свой тонъ, который поддерживается не только цѣлымъ составомъ рѣчи, оборотами, но и отдѣльными словами. Поэтому переносить слова изъ одной сферы въ другую не всегда удобно: слово должно быть всегда сообразно съ настроеніемъ духа и ума говорящаго, съ тѣмъ оттѣнкомъ, какой онъ хочетъ придать выражаемому понятію. Вотъ почему нѣкоторыя всѣмъ извѣстныя и даже общеупотребительныя слова народнаго языка не всегда пригодны въ рѣчи образованнаго класса. Такъ глагола *плясать* мы не можемъ во всѣхъ случаяхъ употреблять вмѣсто иноязычнаго синонима его *танцовать*, и еслибъ обычная фраза «дама, съ которою я танцовалъ», приняла въ разговорѣ форму: «женщина, съ которой я плясалъ», то едва ли кто изъ слушателей могъ бы удержаться

[1]) Сл., ч. I, стр. XVI.

отъ невольной улыбки. Другой примѣръ: многіе еще помнятъ, какъ при началѣ построенія московской желѣзной дороги, народъ прозвалъ ее *чугункою* и какъ это слово всѣмъ показалось удачнымъ. Почему же оно, не смотря на то, не вошло въ общее употребленіе? Потому что съ нимъ, для образованнаго человѣка, связывается понятіе чего-то наивнаго, несовмѣстнаго съ общимъ характеромъ его рѣчи.

Еще труднѣе дать ходъ областному слову, непонятному и новому для насъ по своему звуковому составу: таковы, напр., *ўповодъ* и *выть*, на которыя г. Даль указываетъ какъ на весьма полезныя, объясняя: «*Уповодъ*, это срокъ или продолжительность отъ *выти* до *выти*, т. е. отъ ѣды до ѣды. Во днѣ, смотря по числу *вытей*, коихъ лѣтомъ бываетъ одною болѣе, чѣмъ зимою, три или четыре *ўповода*, каждый часа въ четыре» [1]). Какъ ни нужно было бы намъ въ самомъ дѣлѣ слово, соотвѣтствующее французскому repas, мало надежды, чтобы сѣверно-русское *выть* когда-нибудь сдѣлалось общеупотребительнымъ, хотя оно нѣкогда въ другомъ значеніи (доля, участокъ) и было знакомо всему народу, какъ показываетъ образованное отъ него старинное сущ. *повытчикъ*. Такъ же мало будущности можно предсказать и нѣкоторымъ другимъ предлагаемымъ г. Далемъ словамъ: правда, они заключаютъ въ себѣ корень уже извѣстный, но образованіе ихъ не отвѣчаетъ условію общепонятности. Вмѣсто горизонтъ рекомендуетъ онъ напр.: *завѣсь*, *закрой*, *озоръ*, *овидь;* вм. резонансъ — *отбой*, *голкъ*, *наголосокъ;* вм. адресовать, адресъ — *насылать насылъ*, *насылка;* вм. кокетка — *миловидница*, *красовитка*, *жеманница*, *хорошуха*, *казотка;* вм. атмосфера — *колоземица*, *міроколица;* вм. пуристъ — *чистякъ;* вм. эгоизмъ — *самотство*, *самотность*. Замѣтимъ впрочемъ, что нѣкоторыя изъ этихъ словъ не народныя, а придуманныя самимъ г. Далемъ. Но чтобы какое-нибудь новое слово, — будетъ ли оно заимствовано у народа, или составлено писателемъ, — пошло въ ходъ, для

---

[1]) Сл., ч. I, стр. XXIV.

этого оно должно быть, по своему составу, совершенно просто, естественно, непринужденно: новизна его не должна бросаться въ глаза. Такъ на нашей памяти принялись слова: *даровитый*, *дѣятель*, *представитель*, *научный*, *паровозъ*, *обусловливать*, *сдержанность*, *заподозрѣть*, *починъ*, *вліятельный* [1]). Однакожъ и они до сихъ поръ не всѣ еще пріобрѣли несомнѣнное право гражданства.

Что касается до словъ иностранныхъ въ русскомъ языкѣ, то присутствіе ихъ неразрывно связано съ самымъ ходомъ нашего образованія, которое постоянно питалось плодами западной жизни. Слѣдствіемъ быстрыхъ нововведеній было то, что не мало пришлыхъ словъ проникло даже въ языкъ народный; такъ по всей Россіи простолюдины употребляютъ слова: *манера*, *фасонъ*, *мастеръ*, *матерія*, *матерьялъ*, *капиталъ*, *музыка*, *оказія*, *коммисія*, *азартъ*, которыхъ народъ и не думаетъ замѣнять своими и изъ коихъ нѣкоторыя—и именно три послѣднія—получили на русскомъ языкѣ новое, самостоятельное значеніе. Въ городахъ необразованный и полуграмотный классъ особенно любитъ, безъ всякой надобности, щеголять иностранными словами и вмѣсто всѣмъ извѣстныхъ русскихъ словъ употребляетъ напр. *фрыштыкъ*, *фартукъ*, *персона*, *куверть*, *пратикулярный* и т. д. Если отсюда поднимемся въ высшіе слои, то найдемъ, что не только въ свѣтскомъ обществѣ, но и въ литературѣ употребленіе чужеземныхъ словъ

---

[1]) Ходъ введенія подобныхъ словъ бываетъ обыкновенно такой: вначалѣ слово допускается очень немногими; другіе его дичатся, смотрятъ на него недовѣрчиво, какъ на незнакомца; но чѣмъ оно удачнѣе, тѣмъ чаще оно начинаетъ являться; мало по малу къ нему привыкаютъ, и новизна его забывается: слѣдующее поколѣніе уже застаетъ его въ ходу и вполнѣ усвоиваетъ себѣ. Такъ было напр. съ словомъ *дѣятель*: нынѣшнее молодое поколѣніе, можетъ быть, и не подозрѣваетъ, какъ это слово, при появленіи своемъ въ 30-хъ годахъ, было встрѣчено враждебно большею частью пишущихъ. Теперь оно слышится безпрестанно, входитъ уже и въ правительственные акты. Не многіе даже изъ людей пожилыхъ еще предпочитаютъ ему *дѣлатель*, которое сначала многимъ казалось лучше. Иногда случается однакожъ, что и совсѣмъ новое слово тотчасъ полюбится и войдетъ въ моду. Это значитъ, что оно попало на современный вкусъ. Такъ было въ самое недавнее время съ словами: *вліять* (и *повліять*), *вліятельный*.

было издавна и до сихъ поръ остается отчасти дѣломъ моды, отчасти же происходитъ отъ привычки нашей думать на иностранныхъ языкахъ и искать на своемъ выраженія для чужнародныхъ мыслей. Мѣняются слова, но сущность все та же. Петровскія *фортеціи* и *викторіи* позднѣе уступили мѣсто *сложамъ*, *резонамъ*, *эстимъ*, а еще позднѣе пошли въ ходъ *эксплуатаціи*, *инсинуаціи*, *пертурбаціи*, *шансы* и *принципы*, которыя вѣроятно въ свою очередь исчезнутъ и очистятъ путь новымъ пришельцамъ изъ романскихъ языковъ. Число иноземныхъ словъ, вторгшихся и еще вторгающихся къ намъ вмѣстѣ съ новыми понятіями, изобрѣтеніями и учрежденіями, заимствуемыми съ запада, такъ велико, что совершенное изгнаніе ихъ, даже и въ отдаленномъ будущемъ, немыслимо. Между ними есть и такія, которымъ легко найти вполнѣ соотвѣтственныя русскія слова и которыя, несмотря на то, всѣми употребляются предпочтительно, только потому, что мы къ нимъ уже привыкли и что они по своей общеизвѣстности кажутся намъ удобнѣе; такъ вм. дуэль мы не говоримъ *поединокъ*[1]), и оставляемъ въ сторонѣ слова: *врачъ*, *станъ*, *преобразованіе*, употребляя намѣсто ихъ: медикъ или докторъ, лагерь, реформа. Иными же русскими словами, напр. *купецъ*, *гостиница*, мы рѣдко пользуемся потому, что съ ними соединяются такіе оттѣнки значенія или бытовыхъ особенностей, которыхъ чужды соотвѣтствующія иностранныя слова *негоціантъ*, *отель* и проч. Употребленіе въ такихъ случаяхъ русскихъ словъ показалось бы неумѣстнымъ пуризмомъ. Изъ приведенныхъ сейчасъ примѣровъ, какъ и изъ многихъ общеизвѣстныхъ, но мало употребительныхъ народныхъ реченій, видно, что слабое вліяніе языка народнаго на образованный происходитъ не столько отъ незнанія туземныхъ словъ или отъ трудности пріискивать ихъ, сколько отъ

[1]) Въ оправданіе этого можно, конечно, сказать, что древній *поединокъ* обставленъ такими особенностями, которыя не подходятъ къ слову *дуэль*; но отчего же мы въ другихъ случаяхъ допускаемъ еще болѣе рѣзкіе анахронизмы, употребляя напр. *стрѣлять*, *выстрѣлъ* (отъ *стрѣла*) въ примѣненіи къ огнестрѣльному оружію?

совершенно другихъ, болѣе глубокихъ причинъ. Вотъ и еще примѣръ тому: всѣмъ извѣстно, какъ нашъ народный языкъ богатъ названіями родства; ознакомиться съ ними всякому было бы не трудно; однакожъ мы видимъ, что напротивъ того ихъ избѣгаютъ, и въ такъ называемомъ хорошемъ обществѣ *боферы* и *бельсёры* еще не скоро уступятъ первенство *шурьямъ* и *зятьямъ*, *невѣсткамъ* и *золовкамъ*, которыхъ названія переносятъ насъ въ слишкомъ чуждую намъ и темную область русской жизни. Отсюда мы прямо приходимъ къ тому важному выводу, что народному языку болѣе значенія и вліянія можетъ дать только народное образованіе. Пусть бездна, отдѣляющая у насъ одну часть націи отъ другой, будетъ постепенно исчезать передъ успѣхами просвѣщенія въ массахъ: однимъ изъ благотворныхъ послѣдствій этого будетъ конечно и бо́льшее единство въ языкѣ цѣлой націи, и высшіе слои ея научатся лучше цѣнить сокровища народной рѣчи.

Нельзя не согласиться съ г. Далемъ, что нашъ образованный языкъ слишкомъ злоупотребляетъ легкостью заимствованія иностранныхъ словъ: на писателяхъ лежитъ прямой долгъ стараться о замѣнѣ ихъ по возможности русскими. Это всегда и сознавали лучшіе представители слова. Несправедливо слагать съ себя въ этомъ дѣлѣ отвѣтственность, ссылаясь на исторію. Естественно, что при быстро совершающейся внутри общества работѣ некогда, для каждаго новаго понятія, тотчасъ же придумывать и своенародное слово; но это не значитъ, чтобы мы навсегда уже были освобождены отъ заботы о томъ. Патріотическое стремленіе писателей къ очищенію своего языка отъ пестрой иноземной примѣси можетъ также составить фактъ въ движеніи общественнаго сознанія, и притомъ фактъ, достойный полнаго вниманія исторіи. Былъ же этотъ фактъ въ умственной жизни нѣкоторыхъ другихъ народовъ. У Нѣмцевъ еще въ 17-мъ столѣтіи образовались ученолитературныя общества, главною цѣлію которыхъ было изгнаніе чуждыхъ стихій изъ языка; Чехи, вслѣдствіе особенныхъ политическихъ обстоятельствъ, замѣнили большую часть вошедшихъ къ нимъ нѣмецкихъ словъ своими, и во многихъ случаяхъ очень

удачно; но при этомъ оказалось также, какъ опасно обращаться съ языкомъ самовольно, безъ надлежащаго пониманія дѣла и осторожности: людьми непризванными введено въ чешскій языкъ съ другой стороны множество крайне неловко составленныхъ словъ, не отвѣчающихъ ни духу, ни законамъ языка. Тѣмъ не менѣе примѣръ Чеховъ долженъ быть принимаемъ въ соображеніе; вообще славянскіе языки, какъ сознаетъ и г. Даль, могутъ служить немаловажнымъ пособіемъ для обогащенія русскаго. Изученіе народнаго языка полезно какъ въ научномъ, такъ и въ практическомъ отношеніи; но заимствованія изъ него въ языкъ образованный должны дѣлаться сами собой, естественно и незамѣтно. Насильственное же введеніе народныхъ словъ и оборотовъ едва ли можетъ быть успѣшно, и писатель, который будетъ употреблять ихъ неосмотрительно, подвергнется опасности остаться непонятнымъ большинству читателей.

Итакъ, не вполнѣ соглашаясь съ нашимъ авторомъ въ его взглядѣ на современную литературную рѣчь и на легкость исправленія ея посредствомъ языка народнаго, нельзя однакожъ не отдать полной справедливости его заботѣ объ очищеніи нашего письменнаго языка и не признать всей важности какъ обширнаго словаря его, такъ и положенной въ основаніе этого труда идеи.

Приступая къ разсмотрѣнію «Толковаго словаря» со стороны научныхъ требованій, мы не должны упускать изъ виду взгляда самого автора на свою задачу и на средства свои къ ея выполненію. Онъ прямо говоритъ [1]), что предпринимая работу словаря, считалъ ее для себя непосильной и что, обсудивъ безпристрастно свои познанія, нашелъ ихъ недостаточными для глубокаго ученаго труда: «и именно», поясняетъ онъ, «недоставало общихъ познаній языковѣденія и основательнаго знанія прочихъ славянскихъ языковъ и нарѣчій; недоставало даже и того, что у насъ называютъ основательнымъ знаньемъ своего языка, то есть, научнаго знанія граматики». Послѣ такой добросовѣстной исповѣди автора мы не

[1]) Словарь, ч. I, стр. IV.

имѣли бы и права подвергать его словарь строгой ученой критикѣ, еслибъ на насъ не лежала обязанность, для полноты нашего разбора, прежде всего рѣшить, въ какой мѣрѣ трудъ г. Даля удовлетворяетъ требованіямъ науки. Предпринимаемъ эту оцѣнку тѣмъ охотнѣе, что знаемъ, какъ почтенный авторъ дорожитъ серьезнымъ судомъ и правдой, высказанной безъ лицепріятія, для пользы одного дѣла.

Словарю своему онъ далъ заглавіе: *Толковый словарь живаго Великорускаго языка.* Такимъ образомъ мы не видимъ здѣсь слова *народный*, хотя понятіе его и составляетъ господствующее начало всего труда. Причина этого умолчанія заключается въ томъ, что планъ словаря обширнѣе: онъ долженъ былъ обнять весь запасъ великорусскаго языка, какъ онъ является въ устной рѣчи, въ литературныхъ произведеніяхъ и отчасти даже въ памятникахъ древней письменности; но *живой* языкъ вообще составлялъ главную задачу нашего лексикографа. Изъ этой области русскаго языка онъ вносилъ «слова, речи и обороты всѣхъ концевъ Великой Руси», впрочемъ, какъ самъ онъ оговаривается, «не для безусловнаго включенія ихъ въ писменую рѣчь, а для изученья, для знанія и обсужденія ихъ, для обсужденія самаго духа языка и усвоенія его себѣ, для выработки изъ него постепенно своего, образованаго языка. Читатель, а тѣмъ паче писатель, сами разберутъ, что и въ какомъ случаѣ можно включить и принять въ образованый языкъ» [1]). Прислушиваясь къ говору простонародья изъ самыхъ разнообразныхъ и отдаленныхъ другъ отъ друга краевъ Россіи, г. Даль убѣдился, что за исключеніемъ не слишкомъ большаго числа мѣстныхъ словъ, на всемъ обширномъ пространствѣ, гдѣ обитаетъ великорусское племя, господствуетъ собственно, не смотря на частныя видоизмѣненія, одинъ и тотъ же народный языкъ. Извѣстно, что еще Ломоносовъ замѣтилъ: «Народъ Россійскій, по великому пространству обитающій, не смотря на дальное разстояніе говоритъ повсюду вразумительнымъ другъ

---

[1]) Словарь, ч. I, стр. V.

другу языкомъ въ городахъ и въ селахъ. Напротивъ того, въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, напримѣръ въ Германіи, Баварской крестьянинъ мало разумѣетъ Мекленбургскаго, или Бранденбургской Швабскаго, хотя всѣ тогожъ Нѣмецкаго народа [1])». Единство русскаго народнаго языка даетъ ему еще болѣе права на наше вниманіе. Но кромѣ того неоспоримо, что и мѣстныя слова, удачно выражающія такія понятія, для которыхъ недостаетъ словъ въ языкѣ письменномъ, могутъ быть пригодны для всеобщаго употребленія. Поэтому г. Даль не пренебрегалъ и мѣстными словами, когда они казались ему заслуживающими извѣстности: дѣйствуя такъ, онъ былъ тѣмъ болѣе правъ, что вообще нелегко опредѣлить границы распространенія слова. Въ этомъ отношеніи, для г. Даля было чрезвычайно важно изданіе нашимъ Отдѣленіемъ, въ 1852 году, *Опыта областнаго великорусскаго словаря*. Пользу его для своихъ работъ самъ онъ сознаетъ безпристрастно: хотя онъ и не упускаетъ случаевъ, при самомъ текстѣ своего словаря, строго и рѣзко выставлять недостатки какъ областнаго, такъ и другихъ академическихъ словарей, однакожъ въ своемъ *Напутномъ словѣ*, уступая чувству справедливости, онъ говоритъ: «Первое признательное слово мое по сему дѣлу должно быть обращено къ словарямъ Академіи, общему, на коемъ весь трудъ основанъ, и областнымъ, коими запасы мои пополнены» [2]). *Опытъ областнаго словаря*, представившій г. Далю первый шагъ къ осуществленію его давнишней и любимой мысли, помогъ, кажется, и окончательному ея развитію. По поводу его изданія г. Даль написалъ въ 1852 г. обширную статью о *нарѣчіяхъ русскаго языка*; не касаясь здѣсь изложенныхъ въ ней частныхъ воззрѣній автора на этотъ предметъ, которыя потребовали бы особаго разсмотрѣнія, приведу оттуда только одну общую, замѣчательно вѣрную мысль: «Мы вобще большею частью ошибаемся, отмѣчая слово курскимъ, нижегородскимъ, потому только, что

---

[1]) *Соч. Ломоносова*, т. I, «О пользѣ книгъ церковныхъ», стр. 532.
[2]) Словарь, ч. I, стр. XIII.

въ первый разъ его тамъ слышали... Въ общемъ Академическомъ словарѣ отмѣчены областными такія слова, которыя донынѣ входу почти повсемѣстно.... Также точно въ словарѣ областномъ приписаны одной губерніи слова довольно общія.... Изъ этого слѣдуетъ, что намъ еще едва ли можно отдѣлить словарь нарѣчій отъ словаря народнаго языка, и что именно трудъ нашъ тогда только достигнетъ цѣли своей, когда ознакомитъ насъ сколь можно ближе съ языкомъ народнымъ и со всѣми мѣстными особенностями его»... [1]). Вотъ эту-то плодотворную мысль г. Даль и положилъ въ основу своего словаря.

Мы уже знаемъ, какой матеріалъ онъ предпринялъ разработать; посмотримъ теперь, какіе предѣлы онъ себѣ намѣтилъ и какъ соблюлъ ихъ. Полнота словаря живаго языка можетъ быть только относительная; слѣдовательно, если смотрѣть съ высшей, не просто практической точки зрѣнія, такая полнота тогда только можетъ имѣть научную цѣну, когда въ стремленіи къ ней видно какое-нибудь теоретическое начало. Нѣтъ сомнѣнія, что г. Даль, переливъ въ свой трудъ все, что для его цѣли было годно изъ напечатанныхъ до него русскихъ словарей, и прибавивъ къ этому массу словъ, имъ самимъ собранныхъ, далъ намъ самый полный русскій словарь изъ всѣхъ, какіе мы до сихъ поръ имѣемъ: по собственному его показанію, число прибавленныхъ имъ словъ (считая, разумѣется, не одни новыя, малоизвѣстныя, но и весьма обыкновенныя второобразныя, только прежде не отмѣченныя) можетъ простираться отъ 70 до 80-ти тысячъ. Но если мы спросимъ, какимъ собственно правиломъ руководствовался г. Даль, принимая изъ народныхъ или мѣстныхъ словъ одни и отбрасывая другія, то едва ли найдемъ такое правило. Иногда онъ вноситъ мѣстныя слова не великорусскія, напр. *вовкулака* (очевидно имѣющее малороссійскую форму), или даже и вовсе не-русскія, а инородческія, т. е. финскія, татарскія и т. п., каковы, напр., архангельскія слова: *конда* и *мянда* (особые виды сосны) или кавказское

[1]) Словарь, ч I, стр. LI.

аба (толстое и рѣдкое бѣлое сукно). Кажется, что и вообще исключительно мѣстныя, хотя бы и русскія, названія предметовъ, которыя не могутъ имѣть примѣненія въ общеупотребительномъ языкѣ и потому не отвѣчаютъ главной идеѣ г. Даля, должны бы оставаться достояніемъ областныхъ словарей. Иначе словарь народнаго языка подвергается опасности вмѣстить въ себѣ случайное извлеченіе изъ областныхъ словарей разныхъ мѣстностей. Впрочемъ такихъ мѣстныхъ названій у г. Даля, сравнительно, немного; за то какое безчисленное множество собралъ онъ дѣйствительно общенародныхъ словъ, которыхъ образованный языкъ до сихъ поръ не зналъ: между ними особеннаго вниманія заслуживаетъ большое количество словъ, относящихся до естествовѣдѣнія, медицины, ремеслъ и промысловъ, названій, отчасти только въ народѣ обращающихся, напр. *гусачи́ха*, *гуса́ковая перепонка*, предлагаемое г. Далемъ, вмѣсто употребляемаго нынѣ искусственнаго слова грюдобрюшная преграда. Рядомъ съ словами народнаго языка помѣщены имъ также слова иноязычныя, и притомъ не только пользующіяся правомъ давности, но и вновь вводимыя (разумѣется, не всѣ, а только болѣе употребительныя). За это авторъ, какъ намъ кажется, не заслуживаетъ упрека, ибо, каковы бы ни были эти слова, никто не можетъ отрицать, что они находятъ себѣ мѣсто въ современномъ живомъ языкѣ, хотя и нельзя поручиться за долговѣчность многихъ изъ нихъ.

Далѣе г. Даль заимствовалъ изъ словаря академическаго также многія церковно-славянскія и старинныя русскія слова, занесенныя туда изъ письменныхъ памятниковъ, и притомъ не только тогда, когда они въ другомъ значеніи донынѣ употребительны, но и тогда, когда они принадлежатъ исключительно древнему языку. При тѣсной и неразрывной связи, существующей у насъ между языкомъ настоящаго и давнопрошедшаго времени, понятно, что лексикографу *живаго языка* трудно и даже совершенно невозможно быть послѣдовательнымъ и ограничиваться однимъ современнымъ языкомъ. Какъ напр. поступать ему съ словами: *длань*, *здать*, *ристать*, *осклабляться*, *стогнъ*, *паволока*,

стольникъ, *кравчій*, съ формами: *младой*, *драгой*, *златой*, *гладъ*, *стражъ*? Г. Даль рѣшился сохранять не только такія слова, но и другія менѣе нужныя, напр. *скирбь*, *скипа*, *гобзовать*, *угобжать*, *вуй*, *стрый*, *середовѣкъ*, *спона*, отмѣчая ихъ иногда приппскою *црк.* или *стар.* и присоединяя къ нимъ тѣ же примѣры, какіе приведены въ академическомъ словарѣ изъ древнихъ памятниковъ. Нельзя не признать этого справедливымъ въ отношеніи къ старинымъ словамъ, еще употребляемымъ въ новомъ письменномъ языкѣ или имѣющимъ значеніе корней; но что касается до такихъ словъ, которыя рѣдко встрѣчаются и въ памятникахъ, какъ напр. *скирбь* (связка), то кажется, не было основанія давать имъ мѣсто въ словарѣ живаго языка, ибо большинства подобныхъ словъ мы у г. Даля все таки не найдемъ напр. *непщевать*, *склабиться*. Такимъ образомъ, отдавая всю справедливость лексическому богатству словаря г. Даля, мы должны однакожъ замѣтить, что у него трудно отыскать какое-либо строго опредѣленное, однообразное теоретическое начало, подъ которое подходили бы всѣ принятыя имъ слова. Относительно задачи автора, обозначенной въ самомъ заглавіи словаря названіемъ «живаго великорускаго языка», можно упрекнуть его въ излишествѣ, такъ что многія слова попадаются тамъ совершенно неожиданно для пользующагося имъ; конечно, всякая такая случайная находка можетъ быть тому или другому читателю очень пріятна; но надобно, чтобы всякій, обращаясь къ словарю, заранѣе зналъ, что́ онъ можетъ найти въ немъ и чего искать не долженъ.

Г. Даля не разъ упрекали еще въ томъ, что въ словарѣ его встрѣчаются слова сомнительныя и такія, которыя составлены имъ самимъ, однакоже занесены безъ всякихъ оговорокъ. Упрекъ этотъ такъ важенъ, что мы не можемъ оставить его безъ разсмотрѣнія.

Возражая на такое обвиненіе, самъ г. Даль сознается, что «при *толкованіяхъ*, а иногда и *въ числѣ производныхъ словъ* могли попадаться и такія, кои доселѣ не писались, а можетъ быть даже и не говорились»: — «въ переводахъ чужихъ словъ», говоритъ

онъ въ другомъ мѣстѣ, «могутъ попадаться въ словарѣ изрѣдка вновь сочиненныя слова, отдаваемыя на общій судъ; но въ красной строкѣ или въ числѣ объясняемыхъ словъ *сочиненныхъ мною словъ нѣтъ:* въ красную строку, въ число реченій, набираемыхъ крупнымъ наборомъ, отъ строки, собиратель ставилъ только слова читаныя или слышаныя имъ». Къ числу словъ, составленныхъ самимъ авторомъ, разумѣется изъ соединенія уже извѣстныхъ словъ, относятся, напр., имена сущ.: ловкосиліе (при словѣ гимнастика), мироколица (при сл. атмосфера), глазоемъ (при сл. горизонтъ), насылъ, насылка (при сл. адресъ). Г. Даль и прежде уже, въ статьяхъ своихъ, предлагалъ подобныя новосоставленныя слова; теперь онъ считалъ долгомъ *словарника* (употребляю его слово) «перевести каждое изъ принятыхъ словъ на свой языкъ и выставить тутъ же всѣ равносильныя, отвѣчающія или близкія ему выраженія рускаго языка, чтобы показать, есть ли у насъ слово это, или его нѣтъ... «Если» говоритъ онъ, «предлагаемыя слова не сыщутъ одобренія и пріема у писателей, то, можетъ быть, дадутъ поводъ къ толкамъ и къ отысканію другихъ и лучшихъ словъ, и тогда цѣль наша очевидно будетъ достигнута» [1]). Попытка замѣнять чужія слова своими, стараніе изгонять варваризмы конечно заслуживаетъ всякаго уваженія, какъ и все то, что г. Даль говоритъ объ этомъ въ своемъ предисловіи (ч. I, стр. XI—XII); однакожъ мы не можемъ не согласиться съ мнѣніемъ, которое уже было выражаемо другими, что всѣ вновь придуманныя самимъ авторомъ слова должны бы быть отмѣчены особенными знаками. Г. Даль совершенно справедливо разсуждаетъ о трудности указывать всякій разъ лицо, отъ котораго то или другое слово было слышано; но что́ бы онъ ни возражалъ противъ приведеннаго требованія, мы находимъ, что никакое новое слово (какъ напр. мироколица) не могло быть составлено имъ безсознательно, и потому не понимаемъ, что́ мѣшало ему отмѣчать такія слова. Отъ несоблюденія этого пользующійся словаремъ поставленъ въ большое

---

[1]) Сл., ч. I, стр. X и XII, и ч. IV: «Отвѣтъ на приговоръ», стр. 1—4.

затрудненіе. Чтобы убѣдиться, ходитъ ли въ народѣ такое-то слово, употребленное г. Далемъ въ толкованіяхъ и кажущееся по чему-либо сомнительнымъ, необходимо каждый разъ справиться, стоитъ ли это слово въ красной строкѣ. Но въ красной строкѣ помѣщены только слова относительно первообразныя; а затѣмъ между производными отъ нихъ, напечатанными также крупнымъ шрифтомъ, иногда встрѣчаются опять-таки сомнительныя слова (напр. *насылъ*, *насылка* въ смыслѣ «адресъ»), ничѣмъ не отличенныя отъ словъ вполнѣ достовѣрныхъ.

Для большей ясности разсмотримъ слѣдующій примѣръ. Въ толкованіи слова *горизонтъ* помѣщены у г. Даля между прочимъ слова: небоземъ, глазоемъ, зрѣимо, завѣсь, закрой *касп.*, озоръ, овидь *арх.* Ищемъ этихъ объяснительныхъ словъ, каждаго въ своемъ мѣстѣ, и находимъ: слово *зрѣимо* съ отмѣткою *стар.* и съ толкованіемъ: «видо̀къ, видки, разстояніе, на какое видитъ глазъ»; но это уже не то, что горизонтъ; словъ *небоземъ* и *глазоёмъ* не находимъ вовсе; при словѣ *завѣсь*, подъ глаг. *завѣшивать*, не встрѣчаемъ значенія «горизонтъ»; слово же *озоръ* показано въ трехъ значеніяхъ: 1) соглядатай; 2) дозоръ; 3) горизонтъ. Итакъ, по видимому, мы вправѣ заключить, что имена *небоземъ* и *глазоемъ* составлены самимъ г. Далемъ, *завѣсь* предлагается имъ въ новомъ значеніи, *озоръ* же употребляется такъ въ народѣ. Но тутъ новое сомнѣніе: слово *озоръ* отмѣчено рязанскимъ; спрашивается, относится ли эта отмѣтка только къ первому его значенію, или ко всѣмъ тремъ; весьма любопытно было знать, въ какихъ мѣстностяхъ *озоръ* употребляется въ смыслѣ горизонта. Далѣе подъ словомъ «горизонтъ» предлагаются для замѣны его еще два мѣстныя слова: *закрой*, касп., и *овидь*, арх.; но изъ нихъ мы втораго вовсе не находимъ въ азбучномъ порядкѣ, а первое приведено подъ глаголомъ *закрывать*, какъ астрах., между прочимъ въ такомъ значеніи: «разстоянье, на которомъ въ морѣ предметъ скрывается изъ виду; 12-15 верстъ»: это опять не совсѣмъ то же, что горизонтъ и едва ли можетъ соотвѣтствовать выражаемому послѣднимъ понятію. Такимъ образомъ читатель лишенъ положительнаго и вполнѣ надеж-

наго руководства для повѣрки и оцѣнки словъ, предлагаемыхъ авторомъ въ толкованіяхъ. Когда употребленное въ объясненіяхъ слово пропущено въ алфавитной номенклатурѣ, то мы въ недоумѣніи, отъ того ли это, что оно придумано самимъ лексикографомъ, или пропускъ произошелъ случайно. Когда же такое пояснительное слово стоитъ еще и въ настоящемъ своемъ мѣстѣ, но безъ означенія, откуда оно родомъ, то мы опять не можемъ быть вполнѣ увѣрены въ его дѣйствительномъ существованіи. Такъ изъ словъ, предлагаемыхъ г. Далемъ для перевода имени *атмосфера*, мы правда встрѣчаемъ *колоземицу* подъ словомъ *коло*, но, не видя, изъ какой мѣстности оно заимствовано, сомнѣваемся, точно ли это—народное слово, тѣмъ болѣе, что при немъ находимъ только примѣръ изъ области науки: «Дознано, что у луны колоземицы нѣтъ». Другое въ томъ же значеніи предлагаемое слово: *міроколица* не помѣщено въ номенклатурѣ, и мы слѣдовательно вправѣ думать, что оно принадлежитъ самому г. Далю; но опять насъ приводитъ въ сомнѣніе то, что оно встрѣчается подъ словомъ *вода* въ слѣдующей фразѣ: «испаренія водныя наполняютъ міроколицу въ видѣ облаковъ» и проч. Казалось бы, что если это слово—придуманное, то не слѣдовало бы употреблять его иначе, какъ при самомъ словѣ *атмосфера*, къ переводу котораго оно должно служить.

Обратимся теперь къ способу расположенія словъ у г. Даля. Чисто азбучный порядокъ, въ которомъ, по его выраженію, каждое слово объясняется само по себѣ, казался ему «тупымъ и сухимъ»; а корнесловный, «подбирающій слова цѣлыми ватагами подъ одинъ корень», слишкомъ труднымъ и неизбѣжно-ведущимъ къ произволу. Поэтому г. Даль придумалъ средній путь: онъ рѣшился собрать по *семьямъ* или *гнѣздамъ* всѣ очевидно сродственныя слова, устранивъ однакоже предложныя и тѣ производныя, въ коихъ измѣняются начальныя буквы [1]).

Возьмемъ для примѣра слово *садъ*. Мы найдемъ его не въ

---

[1]) Сл., ч. I, стр. VIII.

красной строкѣ; а середи сплошныхъ строкъ, составляющихъ гнѣздо, которое идетъ отъ глагола *сажать*, *садить*. Въ томъ же гнѣздѣ помѣщены слова: *сажанье*, *садка*, *садокъ*, *сажалка* и пр. Совсѣмъ другую отрасль того же корня составляетъ глаголъ *сидѣть* съ своими производными: *сидка*, *сидячій*, *сидень*, *сидѣлецъ* и т. д., а потому вся эта отрасль и отдѣлена въ особое гнѣздо. Предложныя слова *посадка*, *присядка*, *всадникъ*, *осада* и проч., какъ начинающіяся другими буквами, стоятъ опять каждое въ своемъ гнѣздѣ; гнѣзда же по большей части начинаются глаголами, каковы для этихъ словъ: *посадить*, *присѣдать*, *всаживать*, *осаживать*. Такъ же точно въ отдѣльныхъ гнѣздахъ стоятъ наприм. слова *грузъ*, *грязь*, *погружать*, *погрязнуть*, или: *трясти*, *трусъ*, *отряхать*, *растряхивать*.

Нельзя не отдать полной справедливости этой разумной и удобной системѣ. Но правильное примѣненіе ея къ дѣлу не такъ легко, какъ оно кажется, потому что требуетъ глубокаго этимологическаго знанія языка, основательнаго филологическаго образованія. Доказательствомъ трудности этой задачи служитъ то, что и такой рѣдкій практическій знатокъ языка, каковъ г. Даль, часто ошибается какъ въ распредѣленіи гнѣздъ, такъ и въ размѣщеніи словъ въ томъ или въ другомъ гнѣздѣ. Къ одному и тому же гнѣзду онъ относитъ иногда слова различнаго происхожденія, и наоборотъ, слова близкія одно къ другому по корню и составу разноситъ, вопреки своему плану, въ разныя гнѣзда; наконецъ слова́, собранныя въ томъ же гнѣздѣ, часто слѣдуютъ одно за другимъ безъ опредѣленнаго порядка, что̀ неминуемо затрудняетъ отысканіе ихъ, тѣмъ болѣе, что и шрифтъ не всегда употребляется согласно съ заявленными авторомъ правилами.

Все это легко доказать примѣрами:

1. Примѣры невѣрнаго распредѣленія гнѣздъ.

Слова *гудить*, *густи* и *гусли* поставлены каждое въ главѣ особаго гнѣзда, тогда какъ два послѣднія должны бы стоять подъ первымъ въ одномъ гнѣздѣ.

Слово *крица* есть только другая форма слова *кра* и не должно было составить отдѣльнаго гнѣзда.

То же надобно сказать о словахъ: *дикій* и *дичь*, *горнъ* и *горшокъ*, изъ которыхъ каждое ошибочно служитъ у г. Даля началомъ отдѣльнаго гнѣзда (*горшокъ* относится къ *горну* такъ же, какъ *корешокъ*, *гребешокъ*, *плетешокъ*, *черешокъ* къ словамъ: *корень*, *гребень*, *плетень*, *черенъ* [1]); *ворота* и *воротить*; *вязать* и *вясло*; *везти* и *весло* [2]); *мазать* и *масло*. Незначительное измѣненіе согласныхъ въ серединѣ этихъ словъ не должно было служить препятствіемъ къ соединенію ихъ въ одно гнѣздо, такъ какъ въ другихъ случаяхъ г. Даль сближаетъ слова, гораздо болѣе расходящіяся по звуковому составу, а въ совершенно сходномъ случаѣ правильно ставитъ въ одно гнѣздо слова́ *перевязать* и *перевясло*. Соединяетъ же онъ равнымъ образомъ *весна* и *вешній*, *вешня*, *вешнякъ*; *великій* и *величать*, *величіе*, *вельможа*; даже *закладывать* и *залогъ* (между тѣмъ *налагать* и *накладывать*, *прилагать* и *прикладывать*, *отлагать* и *откладывать* и т. д. помѣщены, какъ и слѣдовало, въ разныхъ гнѣздахъ).

2. Примѣры невѣрнаго размѣщенія словъ въ гнѣздѣ.

Глаголъ *здать* поставленъ въ гнѣздѣ, начинающемся съ имени *зданіе*, тогда какъ послѣднее — отглагольное существительное. Въ связи съ этимъ замѣчу, что остальныя слова, произведенныя отъ того же корня, какъ *зиждитель*, *зиждительный* и проч., отнесены къ особому гнѣзду, подъ глаголомъ *зиждить*, котораго вовсе нельзя допустить. Настоящее время *зижду*, *зиждешь* и т. д. есть отрасль глагола *здать*. Но если и допустить въ новомъ языкѣ такую неправильно образованную форму какъ

---

[1]) Въ одномъ изъ своихъ *Прибавленій* (ч. I) г. Даль, правда, сближаетъ *горшокъ* съ *горномъ*; но думаетъ, что *горшокъ* есть сокращеніе изъ *горнешекъ*. На самомъ же дѣлѣ буква *н* тутъ просто превращается въ *ш*, какъ въ словахъ: *головня*, *головешка*, *дровни*, *дровешки*, *полъно*, *полъшко*.

[2]) Производство слова *весло* отъ *везти* не ново: оно указано еще Добровскимъ въ его Etymologikou (стр. 7 и 59), и принято Рейфомъ.

зиждить (по примѣру *жаждать* вм. *жадать*), то все же она должна бы помѣщена быть, разумѣется съ оговоркою, подъ глаголомъ *здать*. Въ алфавитномъ же порядкѣ, въ красной строкѣ, она могла быть поставлена только со ссылкою: см. *здать*. Такъ же точно слѣдовало поступить съ словомъ *зодчій*, которое равнымъ образомъ происходитъ отъ *здать*, а не ставить его въ новомъ гнѣздѣ подъ словомъ *зодчество*. Изъ этихъ же двухъ существительныхъ послѣднее конечно далѣе отъ корня чѣмъ *зодчій*.

Такая же мнимая глагольная форма какъ *зиждить* есть форма *зыбить*, поставленная г. Далемъ возлѣ истинной: *зыбать*. По мнѣнію его, настоящее: *зыблю*, *зыблешь* относится къ первой формѣ, а *зыбаю*, *зыбаешь* ко второй. Но г. Даль не принялъ въ соображеніе, что есть цѣлый разрядъ глаголовъ, въ которомъ формы настоящаго вр. и неопред. наклоненія находятся между собою въ такомъ точно отношеніи, какъ *зыблю* и *зыбать*; именно глаголы: *колебать*, *дремать*, *сыпать*, *капать*, *вязать*, *мазать*, *плакать*, *чесать*, *пахать* и проч. Во всѣхъ нихъ согласная, стоящая въ неопред. накл. передъ окончаніемъ *ать*, умягчается въ настоящемъ времени (б′ = бл, м′ = мл, п′ = пл, з′ = ж, к′ = ч, с′ = ш, х′ = ш).

Когда гнѣздо начинается предложнымъ глаголомъ, то этотъ глаголъ у г. Даля всегда ставится въ несовершенномъ видѣ, напр. скашивать, скрещивать, умаливать (при умалять и умолять), устаивать, устраивать. Это неудобно, потому что затрудняетъ пріискиваніе словъ, выставляя на первый планъ форму болѣе видоизмѣненную чѣмъ ближайшій къ корню совершенный видъ: скосить, скрестить, устоять, устроить. Лучше было бы предпочесть противоположный порядокъ, такъ какъ гораздо рѣже случается, чтобы наоборотъ корень цѣлѣе оставался въ несовершенномъ видѣ; это бываетъ только въ глаголахъ на *чь*: *сберегать*, *сберечь*; *протекать*, *протечь*. Въ несоверш. же видѣ нѣкоторые предложные глаголы и вовсе не употребительны (напр. отъ постынуть, поблѣднѣть, побѣжать, поздоровилось). Впрочемъ понятно, что какой бы однообразный порядокъ ни выбрать,—а это необходимо,—каждый имѣлъ

бы, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, свою невыгодную сторону; замѣченное же нами неудобство метода г. Даля въ отношеніи къ предложнымъ глаголамъ уменьшается тѣмъ, что и совершенный видъ всегда стоитъ у него отдѣльно со ссылкою на несовершенный.

3. Примѣры словъ, попавшихъ не въ свои гнѣзда.

Дышло, помѣщенное подъ словомъ *дыхать*, должно стоять отдѣльно, какъ слово германское (Deichsel, старонѣм. dihsila англос. disl, голл. dyssel), перешедшее къ намъ вѣроятно черезъ Польшу (dyszel).

Колѣть произведено отъ слова *колъ* и опредѣлено такъ: «цѣпенѣть, коченѣть, замерзать коломъ». Но оно совершенно другаго происхожденія, какъ видно изъ финскаго кореннаго слова kuoli = смерть, и англ. to kill — убивать. Слово же *колъ*, означающее «завостреный шестъ», находится въ очевидной связи съ первообразнымъ глаголомъ *колоть*, подъ которымъ и должно было найти мѣсто, такъ же какъ *ломъ* правильно поставлено подъ *ломать*. Между *колѣть* и *колъ*, въ этимологическомъ смыслѣ, нѣтъ никакого соотношенія.

Цѣпъ пріурочено къ слову *цѣпь*, но имѣетъ совершенно самостоятельный корень (сканд. käpp, палка), какъ и самостоятельное значеніе: Шимкевичъ справедливо раздѣлилъ эти два имени въ своемъ Корнесловѣ.

Потолокъ попалъ въ гнѣздо глагола *поталкивать*, *потолкать*, тогда какъ ближе относится къ семейству глагола *толочить* (топтать), такъ же какъ *притолока*, отнесенное г. Далемъ къ глаголу *приталкивать*. Нѣтъ сомнѣнія, что *толóкъ* есть русская, полногласная форма славянскаго слова *тлакъ*, которое у Хорутанъ значитъ *полъ* (Boden, Estrich; ср. русское *тло* = основаніе). Отвергать это потому, что *потолокъ* по значенію противоположенъ *полу* было бы несправедливо: *потолокъ* въ отношеніи къ пространству, находящемуся надъ нимъ подъ крышей, составляетъ именно *полъ*. Такъ точно у Нѣмцевъ *Boden*, означаю-

щее исподъ, основаніе, полъ, перешло въ значеніе чердака или чердачнаго пола (см. словарь **Гримма**, т. II, стр. 214). Помѣстивъ *потолокъ* въ гнѣздѣ глагола *поталкивать*, г. Даль въ другихъ мѣстахъ выражаетъ догадку, что это существительное, быть можетъ, — искаженное говоромъ *подволокъ*, слово, имѣющее въ Арх. губ. то же значеніе. Но по какому же фонетическому закону было бы возможно такое превращеніе? Для этого нѣтъ ни данныхъ, ни аналогій въ цѣлой области славянскихъ языко́въ.

Названное нами мимоходомъ слово *тло* неправильно отнесено къ глаголу *тлѣть*. Въ эту ошибку впалъ и академическій словарь, по которому *тло* то же, что *тлѣнъ*. *Тло*, какъ выше замѣчено, заключаетъ въ себѣ корень глагола *толочить* и значитъ просто: основаніе, дно. Это видно между прочимъ изъ его народнаго употребленія въ смыслѣ *дно улья* (что̀ означено и г. Далемъ по акад. областному словарю). Еще болѣе убѣждаетъ въ томъ сравненіе съ другими славянскими языками: у Хорутанъ tla, множ. ч., съ предлогомъ do (do tal) значитъ: до основанія (bis auf den Boden, *Murko*); польское tło значитъ полъ, грунтъ, der Fussboden, der Boden (*Linde*); наконецъ и въ церк. слав. *тьла* или *тьлѧ* (множ.)=pavimentum, помостъ (*Востоковъ*). Въ выраженіи: «сгорѣть до тла» нѣтъ никакого соотношенія съ понятіемъ *тлѣнія*: оно равносильно выраженію: «сгорѣть до основанія».

Въ упомянутыхъ выше двухъ родственныхъ гнѣздахъ: *садить* и *сидѣть*, опять не все на своемъ мѣстѣ. Такъ глаголъ *сѣсть* отнесенъ къ первому изъ этихъ гнѣздъ, а не къ послѣднему, что̀ было бы конечно правильнѣе. Сдѣлано это по сходству значенія глаголовъ *садиться* и *сѣсть*, которые потому и поставлены рядомъ, и примѣры на тотъ и другой смѣшаны; но основаніемъ распредѣленія гнѣздъ должно служить сродство не логическое, а корнесловное.

Слово *просторъ* отнесено къ гнѣзду *простой*; а въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ къ одному корню съ гл. *простирать*, который образуетъ у г. Даля гнѣздо, вмѣщающее только существи-

тельныя *простиранie*, *простертie*, *простирало*, *простиратель*. Туда не включено даже слово *пространный*, которое съ сущ. *пространство* опять отдѣлено въ особое гнѣздо. Очевидно, что всѣ эти предложныя слова въ близкомъ родствѣ съ простымъ существительнымъ *страна*, *сторона*.

Впрочемъ, при указанiи подобныхъ промаховъ въ словарѣ г. Даля надобно быть осторожнымъ, потому что многiе изъ нихъ, очевидно, произошли не отъ недостатка познанiй у составителя, а просто по недосмотру, иногда и независимо отъ самого автора, по винѣ типографiи, помѣстившей напримѣръ слово *утопiя* въ гнѣздѣ глагола *утопить*, нелѣпость, которой конечно не допустилъ бы г. Даль, еслибъ во-время ее замѣтилъ. Зная, что онъ отъ начала до конца работалъ одинъ и тѣмъ болѣе спѣшилъ, что силы, потрясенныя болѣзнiю, начинали ему измѣнять, мы не можемъ не смотрѣть съ нѣкоторымъ снисхожденiемъ на подобные недосмотры.

Но вообще словопроизводство, или корнесловiе (этимологiя въ обширномъ смыслѣ) составляетъ самую слабую сторону разбираемаго словаря. Въ предисловiи своемъ г. Даль справедливо говоритъ, что «знанiе корней образуетъ уже по себѣ цѣлую науку и требуетъ изученiя всѣхъ сродныхъ языковъ, не исключая и отжившихъ, и при всемъ томъ корнесловный порядокъ основанъ на началахъ шаткихъ и темныхъ, гдѣ безъ натяжекъ и произволу не обойдешься... Ошибочная натяжка словъ къ чужому корню, по одному созвучiю, много вредитъ изученiю языка, лишая слова природной связи и жизни». При такомъ вѣрномъ пониманiи дѣла г. Даль, не довѣряя своимъ силамъ и знанiямъ (о которыхъ онъ самъ отзывается съ такою скромностью), отказался отъ этимологическаго порядка и заявляетъ, что «онъ старательно избѣгалъ ошибочнаго производства (чему множество примѣровъ у Рейфа) и боялся приговоровъ въ такомъ темномъ дѣлѣ» [1]). Нельзя не пожалѣть, что авторъ «Толковаго словаря», разсуждая такъ здраво о трудностяхъ этимологiи, часто безъ всякой надобности вы-

---

[1]) Сл., ч. I, стр. IV, VI, VIII — IX.

ражаетъ по этому предмету догадки, которыхъ не можетъ одобрить наука. Къ чему напр. при словѣ *казакъ*, начинающемъ гнѣздо, онъ ставитъ въ скобкахъ: «изъ всѣхъ производствъ самое толковое отъ гл. *казать*, — *ся*, гарцевать; но вѣроятно это сл. азіятское». Если послѣднее вѣроятно, какая же надобность въ приведенномъ напередъ предположеніи? Такъ же непонятно, зачѣмъ противъ глаг. *обруснить* сдѣлана выноска: «не отъ этого ли *брусника?*» или зачѣмъ при словѣ *телега* поставлено въ скобкахъ: «отъ *тал*, доля, и *иго*: *тол-ига*, одноконный, оглобельный возъ». Не болѣе основательно при словѣ *вьюнецъ*[1]) подъ *вьять* или *віять* примѣчаніе: «не переиначено ли изъ вѣнецъ?» или при словѣ *истинъ* (подъ истекать): «здѣсь сходится производство отъ течь, тыкать и тнуть». Г. Даль вообще любитъ видѣть въ одномъ словѣ нѣсколько корней, и при существ. *перетонъ* опять замѣчаетъ: «здѣсь три корня: тнуть, тѣнь и тонкій». При словѣ *гуртъ* указано въ скобкахъ для поясненія: *горнуть*; этотъ же глаголъ, ошибочно помѣщенный подъ *горнъ*, зн. загребать, воротить. Но *гуртъ* есть герм. слово (шв. hjord, нѣм. Heerde) и значитъ первоначально стадо рогатаго скота. Ограничимся этими примѣрами.

Подобно корнесловію, и грамматика не всегда можетъ быть довольна обращеніемъ съ нею г. Даля. Свой взглядъ на нее онъ самъ объясняетъ въ предисловіи: по его словамъ, «онъ съ нею искони былъ въ какомъ-то разладѣ, не умѣя примѣнить ее къ нашему языку и чуждаясь ее (*ея*), не столько по разсудку, сколько по какому-то темному чувству опасенія, чтобы она не сбила его съ толку, не ошколярила, не стѣснила свободы пониманья, не обузила бы взгляда. Недовѣрчивость эта», прибавляетъ онъ, «основана была на томъ, что онъ всюду встрѣчалъ въ руской граматикѣ латынскую и нѣмецкую, а руской не находилъ»[2]). Изъ этихъ

---

[1]) Слово *вьюнецъ* (зн. новобрачный) есть не что иное какъ юнецъ съ придыханіемъ въ началѣ: оно должно было стоять отдѣльно со ссылкою на прилаг. *юный*, подъ которымъ мы у г. Даля дѣйствительно находимъ между прочимъ: *юнецъ*, *юница* (новобрачные).

[2]) Сл., ч. I, стр. IV.

словъ становится яснымъ, что подъ грамматикой г. Даль разумѣетъ не вообще науку о законахъ языка, а какой-нибудь или какіе-нибудь частные труды по этой наукѣ. Но что же мѣшало ему понимать законы языка по-своему и основать на нихъ свою особую грамматику? Самъ же онъ называетъ себя *ученикомъ живаго русскаго языка*; а съ помощію такого разумнаго учителя внимательный и способный ученикъ могъ бы разъяснить многія тайны, для другихъ непроницаемыя. Насколько грамматика входитъ въ словарное дѣло, г. Даль въ нѣкоторыхъ случаяхъ и оказалъ ей по крайней мѣрѣ отрицательную услугу, отвергнувъ наприм. обозначеніе при каждомъ глаголѣ залога его, что̀ всѣ прежніе словари наши считали одною изъ своихъ непремѣнныхъ обязанностей. Но еще Востоковъ въ своей грамматикѣ (Спб. 1839, § 57) мимоходомъ замѣтилъ, что залоги «различаются не по окончаніямъ, а *по значенію*, какое глаголъ получаетъ *въ употребленіи* съ другими словами». Отсюда уже ясно, что невозможно при каждомъ глаголѣ a priori означать свойственный ему залогъ. Тѣмъ не менѣе никто до автора «Толковаго Словаря» не воспользовался на дѣлѣ скромною, но многозначительною замѣткою Востокова. Несообразности, вкравшіяся отъ того въ академическій словарь, навели г. Даля на мысль совершенно исключить изъ своего словаря, при глаголахъ, всякое наименованіе залога. Стараясь вообще замѣнять теорію практикой, онъ относительно этого предмета въ *Напутномъ словѣ* оговаривается слѣдующимъ образомъ: «Граматическія указанія въ словарѣ вобще скудны, потому что оказываются то ничтожными и бесполезными, то сбивчивыми и даже ложными; языкъ нашъ нынѣшней граматикѣ своей не поддается. Приложеніе слова къ дѣлу, отношенія его въ строеніи речи, управленіе или зависимость всюду объяснены примѣрами, и въ нихъ должно искать объясненія всѣхъ подобныхъ вопросовъ»... Такъ, между прочимъ, «при каждомъ коренномъ глаголѣ показаны примѣры сочетанія его со всѣми подходящими къ нему предлогами» [1]).

---

[1]) Сл., ч. I, стр. VIII.

Напр. подъ глаголомъ *строить* находимъ фразы: «Выстроить домъ, войска выстроились. Я достраиваюсь. Нельзя застраивать улицы. Настроить клѣтушекъ. Надстроилъ вышку. Онъ хорошо обстроился» и т. д. Хотя все это по-настоящему разные глаголы, однакожъ такое указаніе предложныхъ словъ при простомъ, изъ котораго они составлены, должно быть признано дѣйствительно полезнымъ.

Между грамматическими недоразумѣніями г. Даля нельзя умолчать о слѣдующемъ: слово *пѣши* принимается имъ за нарѣчіе того же значенія, какъ *пѣшкомъ*. Это ясно выражено имъ между прочимъ подъ прилаг. *пѣшій*: «кто не ѣдетъ, идетъ на своихъ ногахъ, идетъ *пѣши*, *пѣшкомъ*». Такое пониманіе формы *пѣши* видно и изъ другихъ мѣстъ словаря. Отъ вниманія г. Даля ускользнуло, что *пѣши* не что иное, какъ прилаг. множ. числа, въ единственномъ же ставится точно такъ же *пѣшь*, *пѣшій*. Такъ Ломоносовъ говоритъ: «Не хотимъ ни *пѣши*, ни на коняхъ идти съ вами» (Соч. его, ч. III, стр. 165). Въ Ипат. спискѣ: «*пѣшь* ходя» (155) [1]). У Державина (*Къ Калліопѣ*, 2 ак. изд., т. III, стр. 75):

. . . . . «пловцомъ пущусь охотно
Въ ярящійся Босфоръ, въ пески ливійски *пѣшь*»,

или у него же (*Жилище богини Фригги*, тамъ же, стр. 81):

«*Пѣши* въ бубны рыцари стучатъ».

Нигдѣ и никогда форма *пѣши* не служила нарѣчіемъ.

Вниманія заслуживаетъ, что между словами, пропущенными въ словарѣ г. Даля, значительное число составляютъ грамматическіе термины; такъ напр. вы здѣсь не найдете грамматическаго объясненія словъ: *приставка*, *подъемъ*, *перебой* (звуковъ), *наращеніе*, *общій* (въ смыслѣ залога), и вовсе не найдете словъ: *суффиксъ*,

---

[1]) Въ *Историч. грамматикѣ* г. Буслаева (изд. 1863, § 228) указаны и нѣкоторыя другія прил., употребляемыя такимъ образомъ какъ бы вм. нарѣчій: *правъ*, *прямъ*, *радъ*, *добръ* и проч.

Г. Даль пишетъ: «За нужду *пѣши* пойдешь», вм. *пѣшій*, см. подъ словомъ *нужда*, Сл. ч. II, стр. 1142. — Подъ словомъ *идти* также приведенъ примѣръ: «*я шелъ пѣши*» (стр. 632).

агглютинація, лексическій, флексія, фонетическій и проч. Самые же общеизвѣстные грамматическіе термины, не пропущенные г. Далемъ, обставляетъ онъ иногда слишкомъ произвольными замѣчаніями; напр. подъ словомъ *наклоненіе* онъ говоритъ, что у насъ принято три наклоненія и прибавляетъ: «*одно личное, другое безличное, третье приказываетъ*». Почему же здѣсь первыя два названы по внѣшнему признаку, а послѣднее по значенію (впрочемъ, также оспариваемому иными)? Притомъ же г. Даль здѣсь забылъ истину, очень хорошо имъ самимъ сознанную и выраженную такъ: «словарникъ не законникъ, не уставщикъ, а сборщикъ» [1]).

Отношеніе г. Даля къ грамматикѣ обнаруживается особенно изъ замѣчаній, которыми онъ объясняетъ принятую имъ своеобразную ороографію. Этого предмета мы также не можемъ оставить безъ вниманія. По приведенному сейчасъ правилу лексикографъ не долженъ бы и въ отношеніи къ правописанію позволять себѣ слишкомъ рѣзкихъ нововведеній; въ противномъ случаѣ при употребленіи словаря будутъ возникать неизбѣжныя затрудненія и недоумѣнія.

Справедливо предположивъ себѣ «охранять такое правописаніе, которое бы всегда напоминало о родѣ и племени слова» [2]), г. Даль относительно иноязычныхъ словъ считаетъ это начало совершенно ненужнымъ и пишетъ ихъ только по слуху, вовсе не заботясь о ихъ первоначальной ороографіи. Согласимся однакожъ, что и иностранное слово будетъ во многихъ случаяхъ понятнѣе, если не потеряетъ на письмѣ всѣхъ признаковъ своего происхожденія. Разумѣется, что мы обязаны сохранять правописаніе чужаго слова лишь на столько, на сколько это позволяютъ средства нашей азбуки. Читатель конечно никогда не будетъ въ проигрышѣ, если онъ по нашему правописанію будетъ въ состояніи хотя отчасти возстановить первоначальную ороографію заимствованнаго слова или имени. Мы напр. пишемъ то *штатъ* (какъ въ

---

[1]) Сл., ч. I, стр. XI.
[2]) Тамъ же, стр. XII и далѣе.

прил. *заштатный*), то *штадтъ* (какъ въ названіи *Кронштадтъ*); ужели же было бы лучше писать во всѣхъ случаяхъ по примѣру г. Даля однообразно *штатъ?*

Далѣе, онъ принялъ за общее правило не сдваивать буквъ, т. е. не писать рядомъ двухъ *с*, двухъ *н*, двухъ *о*: ему показалось, что наше одно *с* не мягче иностраннаго двойнаго *ss*, и что сдваивать *с* противно русскому языку (а какъ же произошли слова: *ссора*, *ссадить*, *ссылка*, *изсохнуть*, *разсьять?*). Поэтому онъ пишетъ: *класъ* (вм. *классъ*), *каса*, *маса*, *шосе*, и даже *Росія; руской*, *французскій*, *бесвязно*, *бестыдно*, *раставлять*. Онъ не сдваиваетъ обыкновенно и буквы *н* въ причастіяхъ страдательныхъ, исключая случаевъ, «гдѣ этого неуступчиво требуетъ произношеніе» [1]); такъ онъ пишетъ: *опредѣленый*, *дѣланый*, *своевременый*, и — *данный*, *бездыханный*, *деревянный*, *совершенный*, *сокращенный*; очевидно, что тутъ между обоими случаями невозможно провести ясной границы. Вмѣсто *выжжешь*, *выжженый*, онъ по тому же соображенію пишетъ *вызжешь* (забывая, что корень слова *жг* и что *г* неминуемо переходитъ въ *ж*); далѣе на томъ же основаніи мы находимъ у него: *вобще*, *воображеніе*, *воружать*, *сотвѣтствовать*, но — не рѣшаясь слѣдовать этому во всѣхъ случаяхъ, онъ въ то же время пишетъ: *сообщать*, *соображеніе*, *соотечественникъ*. Иногда г. Даль предлагаетъ въ пользу выговора ужъ слишкомъ большія уступки: такъ онъ не разъ замѣчаетъ, что для отличія глагола *стоять* и *стóить* можно бы, не стѣсняясь грамматикой, писать какъ говорится: *стóютъ*, *стóющій*, и даже: онъ *стóетъ* [2]).

---

[1]) *Сл.*, ч. I, стр. 2.

[2]) *Сл.*, ч. I, стр. 372, 373, 427.

— Подобныя грамматическія замѣтки г. Даля обыкновенно помѣщаются имъ въ выноскахъ. Въ одной изъ нихъ предлагается вопросъ, на который отвѣчу въ выноскѣ же. Принявъ за правило писать въ предложн. падежѣ: *На безлюдьи, на безмірьи*, а не на безлюдьѣ, на безмірьѣ, и утверждая, что русское ухо требуетъ здѣсь звука *и*, г. Даль замѣчаетъ: «Говоримъ же мы и «пишемъ: *при окончаніи*, если произвольно оканчиваемъ слово въ им. пад. на

Впрочемъ, указывая на непослѣдовательность и неправильности орѳографіи г. Даля, мы должны замѣтить, что противорѣчія, существующія въ нынѣшнемъ нашемъ правописаніи, дѣйствительно ставятъ въ затрудненіе всякаго, кто чувствуетъ потребность твердыхъ началъ въ употребленіи языка. Такъ напр. въ нѣкоторыхъ иноязычныхъ именахъ согласныя давно уже не

«іе; а если то же слово кончаемъ на ье, то требуемъ въ пред. пад. ь; для чего «это?» (Сл., ч. I, стр. 57).

Чтобы основательнѣе рѣшить этотъ вопросъ, надобно вспомнить, что имена на *е* бываютъ двоякія: одни передъ этимъ окончаніемъ имѣютъ согласную (*поле, море*), другія гласную *і*, то полную (*іе*), то сокращенную въ ь (*ье*).

Имена какъ *поле, море* склоняются подобно именамъ на *о* и потому въ предл. падежѣ принимаютъ *ѣ*: въ *полѣ*, въ *морѣ*.

Имена на *ье* склоняются точно такъ же, что всего виднѣе тогда, когда на послѣдній слогъ падаетъ удареніе: *копьё, ружьё, питьё, нитьё, житьё-бытьё*; въ предл. падежѣ мы говоримъ и пишемъ: *на копьѣ, въ ружьѣ, при питьѣ, въ нитьѣ*, о *житьѣ-бытьѣ*. Поэтому слѣдуетъ писать: *въ платьѣ, въ зельѣ*.

Окончаніе *іе* — собственно црк. славянское, и потому въ предл. падежѣ такихъ именъ сохраняется также форма первоначальная (*іи*), которая впрочемъ по закону уподобленія звуковъ не противна и русскому слуху (*при окончаніи, о равновѣсіи, въ сочувствіи*). Какъ скоро предпослѣдняя буква *і* сокращается въ ь, то собственно исчезаетъ и причина измѣненія *ѣ* въ *и*, а потому и можно позволять себѣ писать, какъ напр. Крыловъ въ этомъ стихѣ:

«Миръ курамъ давъ лиса, постится *въ подземельѣ.*» (*Моръ звѣрей*).

Но такъ какъ наше ухо уже привыкло къ окончанію *іи* и сокращеніе *і* въ ь въ другихъ падежахъ остается безъ вліянія на прочія буквы, то мы и въ этомъ случаѣ склонны сохранять въ предл. пад. окончаніе *ьи*. Это окончаніе, какъ менѣе отступающее отъ полнаго, первоначальнаго, многимъ кажется даже правильнѣе и потому вообще предпочитается (напр. пишутъ: *о здоровьи, о самовластьи, на новосельи, на жалованьи*). Форма же *ьѣ* (безъ ударенія) въ предлож. пад. остается принадлежностью только не многихъ чисто-русскихъ именъ существит. (въ *платьѣ, на раздольѣ*), или употребляется въ стихахъ подъ риѳму именительному падежу (такъ у Крылова *въ подземельѣ* поставлено въ созвучіе слову *веселье*). Что языкъ дѣйствительно допускаетъ и ту и другую форму, видно опять изъ такихъ словъ, гдѣ удареніе на послѣднемъ слогѣ: говорятъ одинаково и *въ забытьѣ* и въ *забытьи́*.

Указанное выше правило измѣненія *и* въ *ѣ* послѣ ь подтверждается и именами, кончающимися въ имен. пад. на *ія*. При полномъ окончаніи они принимаютъ въ дат. и предл. пад. *іи*, напр., *въ молніи*, къ *Софіи*, *при Наталіи*; а при сокращеніи *і* въ ь, говорятъ и пишутъ: *въ Софьѣ, при Натальѣ*. Для повѣрки этого стóитъ равнымъ образомъ взять слово съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, напр. *судья, скуфья, семья;* мы говоримъ: къ *судьѣ*, *въ скуфьѣ*, *о семьѣ*, а не къ *судьи́* и т. д.

сдваиваются у насъ; мы пишемъ: *адресъ* (вм. адрессъ), *интересъ* (вм. интерессъ), *офицеръ*, *камергеръ*, *команда*, *комендантъ*, *рекомендовать;* въ другихъ же словахъ того же корня двойныя буквы сохраняются, напр. *оффиціальный*. Такая непослѣдовательность замѣтна иногда и въ русскихъ словахъ: мы пишемъ, напр., вопреки производству *отворить* (вм. *оттворить*) и *раззорить* (хотя тутъ производство не такъ ясно). Поэтому естественно, что г. Даль желалъ выйти изъ этихъ затрудненій; но онъ избралъ для того слишкомъ радикальное средство, отвергнувъ всякое сдваиваніе буквъ: оказалось, что самъ онъ не могъ провести этого слишкомъ общаго правила и по необходимости впалъ въ новую непослѣдовательность. Едва ли не лучше было бы держаться такого правила: по примѣру многихъ уже утвержденныхъ обычаемъ словъ, избѣгать сдваиванія буквъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ это можетъ быть допущено безъ рѣзкаго нарушенія привычки и выговора или безъ смѣшенія словъ разнаго корня и значенія; слѣдовательно писать, напр.: *субота*, *абатъ*, *прогресъ*, *официальный*, и — *классъ* (для отличія отъ *класъ*-колосъ), *колоссъ*, *касса*, *масса*, *сумма* и проч., причастія же писать съ однимъ *н* только тогда, когда на то указываетъ самое произношеніе и когда они, большею частію безъ соединенія съ предлогомъ, теряя всякое понятіе глагола (дѣйствія), употребляются чисто какъ прилагательныя: *ученый*, *раненый*, *вареный*, *сушеный*, *кованый*, *званый*.

Нѣкоторыя изъ принятыхъ г. Далемъ отступленій отъ нынѣшней ороографіи заслуживаютъ подражанія. Сюда относится напр. распространеніе на предлогъ *без-* общаго правила, по которому слитные предлоги, кончащіеся на *з*, измѣняютъ эту букву, передъ извѣстными согласными, въ *с*: такъ онъ пишетъ *беспокойный*, *обеспечить*; отвергать такое правописаніе нѣтъ никакого основанія. Точно такъ же онъ совершенно разумно пишетъ *предыдущій*, *безыменный*, *розыгрышъ* и т. п., по примѣру словъ *взысканіе*, *розыскъ*, *сыграть*, гдѣ это правописаніе давно уже утвердилось (*ы*, какъ показываетъ самое названіе этой буквы, = ъ + и). Справедливо равнымъ образомъ правило г. Даля писать *с* тамъ,

«гдѣ нѣтъ настойчиваго требованія на *ѣ*». Извѣстно, что въ нынѣшнемъ языкѣ давно уже буква *ѣ* во многихъ случаяхъ вытѣснена произвольно (напр. въ словахъ *предъ*, *время*, *песокъ*): нельзя, кажется, жалѣть о томъ, что къ числу этихъ словъ г. Даль присоединилъ и сущ. *речь*, *нарѣчіе*, такъ какъ въ другихъ отрасляхъ того же корня (въ глаголѣ *реку* и въ сущ. *реченіе*) всегда писалось *е*.

Прежде нежели будемъ говорить о толкованіи словъ у г. Даля, обратимся къ весьма существенной и обширной составной части его словаря, къ примѣрамъ. Примѣрами служатъ въ немъ частью фразы, составленныя самимъ лексикографомъ; частью, впрочемъ въ весьма рѣдкихъ только случаяхъ, выписки изъ писателей съ указаніемъ ихъ именъ, или извлеченія изъ старинныхъ памятниковъ; примѣры послѣднихъ двухъ разрядовъ всегда заимствуются г. Далемъ уже готовые изъ академич. словарей. До какой степени онъ не считалъ необходимымъ пользоваться для своей цѣли непосредственно книжною литературою, видно изъ того, что онъ не извлекъ всѣхъ словъ даже изъ такихъ писателей, которые, прибѣгая часто къ народному языку, должны бы имѣть особенное право на его вниманіе. Въ сочиненіяхъ С. Т. Аксакова и даже Крылова есть слова, которыхъ нельзя найти въ словарѣ г. Даля. Не воспользовался онъ также областными словами, собранными въ разныхъ отдѣльныхъ сборникахъ и другихъ изданіяхъ, напр. въ изданіяхъ Географическаго Общества, въ *Морскомъ Сборникѣ*, въ *Изслѣдованіяхъ* Н. Я. Данилевскаго о рыболовствѣ въ Россіи. Нѣкоторые примѣры берутся г. Далемъ изъ слышанныхъ имъ разговоровъ, разсказовъ или анекдотовъ, при чемъ передаются и самые анекдоты, напр. подъ словами: *апропо*, *присланивать*, *пила*, *пристрѣливать*, *стричь*, *книга*.

Безъ всякаго сравненія значительнѣйшую часть примѣровъ въ словарѣ г. Даля составляютъ пословицы и поговорки. Въ этомъ отношеніи трудъ его представляетъ, собственно говоря, двойной словарь: словарь языка и вмѣстѣ словарь пословицъ; слѣдовательно, одною половиной своей онъ повторяетъ сборникъ, уже

прежде изданный г. Далемъ отдѣльно [1]).. Нѣтъ сомнѣнія, что въ пословицахъ выражаются не только умъ и міровоззрѣніе народа, но и языкъ его со всѣми своими особенностями; онѣ служатъ важнымъ средствомъ для точнаго опредѣленія значенія словъ и для историческихъ надъ ними наблюденій, и потому въ словарѣ, гдѣ на первый планъ поставленъ языкъ народный, пословицы и поговорки весьма умѣстны. Но, для объясненія слова, нѣтъ надобности въ собраніи всѣхъ пословицъ, гдѣ оно встрѣчается; нужно было бы только имѣть при каждомъ словѣ выборъ тѣхъ пословицъ, гдѣ оно употреблено съ различнымъ оттѣнкомъ значенія. Впрочемъ, конечно, нельзя отвергать интереса и пользы обзора всѣхъ случаевъ, въ которыхъ обнаружилась игра народнаго ума надъ тѣмъ или другимъ представленіемъ; но это къ изученію языка прямо не относится. Такая полнота собранія пословицъ въ словарѣ имѣетъ только то неудобство, что слишкомъ увеличиваетъ объемъ его, а слѣдовательно уменьшаетъ его доступность, вредитъ его распространенію. Мы не будемъ слишкомъ строго судить г. Даля за то, что нѣкоторыя пословицы у него повторяются въ двухъ разныхъ мѣстахъ словаря, напр. извѣстная пословица: «Не всякое лыко въ строку», помѣщена подъ обоими употребленными въ ней именами. Пословица: «Борода съ возъ, а ума съ накопыльника нѣтъ» попадается и подъ словомъ *борода*, и подъ словомъ *накопыльникъ*. Дважды помѣщены также пословицы: «Кукушка безъ гнѣзда за то, что завила его на благовѣщенье» и «Пей-ка, на днѣ копѣйка: еще попьешь, грошъ найдешь»; при послѣдней каждый разъ повторено и объясненіе: «Отъ свадебнаго обычая класть въ вино за окупъ невѣсты деньги». Къ сожалѣнію, объясненія при пословицахъ слишкомъ рѣдки у г. Даля: ихъ часто не находишь даже и при такихъ пословицахъ, которыя не всѣмъ понятны, напр. не пояснены слѣдующія: «Нужда велитъ калачи ѣсть», или: «На людяхъ и смерть красна». Нѣкоторыя всѣмъ извѣстныя

[1]) *Пословицы русскаго народа*, М. 1862 (б. 4-ка; XL, 1095 и 6 стр.). Но здѣсь порядокъ размѣщенія пословицъ — систематическій, т. е. по предметамъ, къ которымъ онѣ относятся.

поговорки пропущены г. Далемъ, напр. эта: «пьянъ какъ стелька»; а между тѣмъ при словѣ *стелька* мы находимъ толкованіе: «мертвецки пьяный человѣкъ». Тутъ недоразумѣніе: въ этой поговоркѣ *стелька* сохраняетъ именно то значеніе, какое на первомъ мѣстѣ указываетъ г. Даль: «постилка на подошву внутри обуви»; съ нею-то и сравнивается пьяный, потому что онъ пропитанъ влагой такъ, какъ эта настилка, когда промокнетъ обувь [1]). Такія же недомолвки и повторенія представляетъ словарь и въ другихъ случаяхъ: одна и та же поговорка или реченіе повторяются иногда подъ однимъ и тѣмъ же словомъ; по два раза помѣщены, напр. подъ *гнѣздо:* «гнѣздо цѣло, а птицы у(вы)летѣли»; подъ словомъ *охота*: «охота пуще неволи», или подъ *чай:* «чай съ позолотой» (съ ромомъ). Слòва же *позолота* мы не находимъ въ азбучномъ порядкѣ.

Всего страннѣе, что иногда подъ словомъ поставлены такіе примѣры, гдѣ этого слова вовсе нѣтъ, и они относятся къ нему только по смыслу или по переводу слова. Напр. подъ словомъ *трауръ* читаемъ примѣры: «Онъ въ жалевомъ ходитъ. Семья эта въ печали, въ жали, въ жаляхъ» и т. д. Всѣ примѣры приведены тутъ на сущ. *жаль*, которое находится только въ толкованіи слова *трауръ*. Между тѣмъ такое значеніе слова *жаль* объяснено только однимъ примѣромъ на настоящемъ мѣстѣ, въ гнѣздѣ глагола *жалѣть*. Такимъ же образомъ подъ словомъ *май* мы находимъ между прочимъ собраніе примѣровъ на имя *Никола*, потому только, что Николинъ день бываетъ въ маѣ. Такіе примѣры встрѣчаются еще подъ словами: *быза* и *постъ*. Названіе *бызы* означаетъ въ народѣ 13-е іюня, акулинин день, а потому подъ словомъ *бызы* и помѣщены примѣры на имя *Акулина*, и тутъ же находимъ напечатанныя шрифтомъ примѣровъ поясненія: «Мірская каша для нищей братіи. Праздникъ кашъ». Подъ словомъ *постъ* помѣщенъ примѣръ на имя *Предтечи* на томъ

---

[1]) При словѣ *стелька* мы не находимъ еще одного значенія, указаннаго г. Далемъ въ другомъ мѣстѣ, именно подъ словомъ *карьеръ* сказано: «скачка во весь опоръ, стелька».

основаніи, что *Предтечу* иногда называютъ *Иваномъ постнымъ.* И за тѣмъ, шрифтомъ же примѣровъ прибавлено: «Послѣднее солнце на льны. Коли журавли на Кіевъ пошли,—ранняя зима». При этомъ случаѣ насъ еще поражаетъ то, что въ главѣ гнѣзда поставлено не имя *постъ*, какъ бы слѣдовало, а глаголъ *постить*, *постовать*, *поститься*, *постничать*: Слово *постъ* мы тутъ даже не безъ труда отыскиваемъ, потому что оно стоитъ послѣднимъ въ ряду слѣдующихъ за глаголами и примѣрами существительныхъ: «пощенье, постованье, постничанье, постъ». Впрочемъ на подобныхъ отступленіяхъ отъ правильнаго порядка въ размѣщеніи словъ мы не будемъ останавливаться, потому что они встрѣчаются безпрестанно.

Тотъ же недостатокъ системы замѣчается у г. Даля нерѣдко и въ толкованіи словъ. Переходя къ этой важной статьѣ словаря, вспомнимъ, что составитель его говоритъ въ своемъ *Напутномъ словѣ:* «При объясненіи и толкованіи слова вобще избѣгались сухія, безплодныя опредѣленія, порожденія школярства, потѣха зазнавшейся учености, не придающая дѣлу никакого смысла, а напротивъ, отрѣшающая отъ него высокопарною отвлеченностію. Передача и объясненіе одного слова другимъ, а тѣмъ паче десяткомъ другихъ, конечно вразумительнѣе всякаго опредѣленія, а примѣры еще болѣе поясняютъ дѣло. Само собою, что переводъ одного слова другимъ очень рѣдко можетъ быть вполнѣ точенъ и вѣренъ; всегда есть оттѣнокъ значенія, и объяснительное слово содержитъ либо болѣе общее, либо болѣе частное и тѣсное понятіе; но это неизбѣжно, и отчасти исправляется большимъ числомъ тождеслововъ, на выборъ читателя» [1]). Изъ этихъ строкъ видно, что г. Даль при объясненіи словъ особенно заботился 1) о простотѣ и наглядной ясности толкованій, и 2) о подборѣ возможно большаго числа синонимовъ. Такъ, къ прилагательному *бодрый* приставлены слѣдующія слова: «свѣжій собою на видъ, бойкій, живой, не сонный, не вялый, бдительный, смѣлый, мужественный,

[1]) Сл., ч. I, стр. IX.

дюжій, здоровый, сильный, осанистый, видный, молодцоватый». Здѣсь насъ поражаютъ двѣ вещи: во 1-хъ, присутствіе нѣкоторыхъ словъ, по значенію слишкомъ мало подходящихъ къ объясняемому, каковы: дюжій, осанистый, видный; во 2-хъ, ненадлежащій порядокъ словъ: на первомъ мѣстѣ поставлено: *свѣжій на видъ*, слѣд. прежде всего выставлено наружное, второстепенное значеніе, а не внутреннее и первичное, лежащее въ самомъ понятіи прилаг. *бодрый* (отъ бдѣть); между тѣмъ это второстепенное значеніе повторяется въ концѣ словомъ, имѣющимъ гораздо обширнѣйшій смыслъ: *видный*; ясно, что слова «свѣжій на видъ» и «видный» должны бы стоять рядомъ въ объясненіи прилаг. *бодрый*. Посмотримъ, какъ это же слово объяснено въ академическомъ словарѣ. Тамъ мы читаемъ: «1) Бдительный. *Бодрая стража.* 2) Неустрашимый, храбрый, смѣлый. *Бодрый воинъ.* 3) Имѣющій горделивую поступь. *Бодрый конь.* 4) Имѣющій достаточныя силы. *Ему минуло 70 лѣтъ, однако онъ еще бодръ*». Сравнивая съ этимъ толкованія г. Даля, находимъ, что онъ прiискалъ, правда, нѣсколько новыхъ соотвѣтствующихъ слову *бодрый* синонимовъ, но поставилъ ихъ не въ надлежащей постепенности, которая удовлетворительно соблюдена въ академ. словарѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы открываемъ, что примѣры у г. Даля собраны уже не въ томъ порядкѣ, въ какомъ расположены оттѣнки значенія, а размѣщены совершенно случайно, именно: *Бодрый всадникъ на бодромъ конѣ. Сиди бодро, всю ночь не дремли. Иди бодрѣе, не робѣй. Онъ еще бодрый старикъ*, не хилой. *Духъ бодръ, да плоть немощна. Бодрый самъ натечетъ, на смирнаго Богъ нанесетъ. Садился, бодрился, а сѣлъ, свалился.* Здѣсь неумѣстенъ только послѣдній примѣръ, въ которомъ вмѣсто прилаг. *бодрый* мы неожиданно встрѣчаемся съ глаголомъ *бодриться*. Не будемъ винить г. Даля за то, что въ примѣрахъ на прилагательное поставлены здѣсь нарѣчія: *сиди бодро, иди бодрѣе*; положимъ, что это все равно, такъ какъ въ основномъ значеніи обѣихъ частей рѣчи въ настоящемъ случаѣ нѣтъ различія.

Часто г. Даль, при подборѣ синонимовъ, ставитъ и област-

ныя выраженія, полагая, что они «большею частью могутъ войти въ общій расхожій запасъ». Такъ при словѣ *говорить* онъ въ числѣ другихъ «однослововъ» помѣщаетъ: «баять, гуторить, бакулить, голдить, гōлчить, *вл.* говчить». Такое собраніе провинціализмовъ можетъ, пожалуй, представлять для любителя свою занимательную сторону; но общепрактической пользы оно не имѣетъ.

Возьмемъ теперь случай совсѣмъ другаго рода. Какъ объясняетъ г. Даль, напр., глаголъ *ткать*? Развернемъ прежде акад. словарь. Вотъ какъ тамъ объяснено это дѣйствіе: «Дѣлать на ткальномъ стану нераспускаемую связь изъ нитей; производить ткань». Это объясненіе новый «Толковый словарь» поправляетъ слѣдующимъ образомъ: «Работать на ткацкомъ стану, пропускать утóкъ по основѣ, дѣлать изъ нитокъ полотно». Сравнивая толкованія въ обоихъ словаряхъ, мы замѣчаемъ въ нихъ одинъ и тотъ же недостатокъ: они объясняютъ понятіе такими признаками, въ которыхъ встрѣчается либо то же объясняемое слово въ другомъ видѣ, либо такія частности понятія, которыя не могутъ быть извѣстны тому, кто не знакомъ и съ общимъ его содержаніемъ. Оба лексикона забываютъ существенное правило, что неизвѣстное можетъ быть объясняемо только извѣстнымъ, и что въ противномъ случаѣ происходитъ такъ называемый на схоластическомъ языкѣ circulus in definiendo или idem per idem. Что скажетъ *ткальный* или *ткацкій станъ*, *утокъ* и *основа* тому, кто ищетъ значенія слова *ткать*? Такъ какъ слово это имѣетъ на всѣхъ языкахъ совершенно тожественное, вполнѣ опредѣленное значеніе, то посмотримъ, какъ оно объяснено однимъ изъ европейскихъ лексикографовъ. При словѣ Weben Гейзе говоритъ: «Посредствомъ накрестъ переплетенныхъ, протянутыхъ туда и сюда нитей изготовлять матерію, при чемъ въ натянутый строй пропускаются нити въ противоположномъ направленіи (ткать полотно, сукно, кружева)» [1]). Всякій согласится, что такое объяс-

[1]) Durch in einander gefügte, hin und her gezogene Fäden Zeug verfertigen, indem in einen ausgespannten Aufzug Fäden in entgegengesetzter Richtung ein-

ніе правильнѣе, хотя конечно безъ нагляднаго знакомства съ производствомъ толкуемое слово все-таки не будетъ вполнѣ понятно; но такова вообще участь всѣхъ описаній сложныхъ техническихъ производствъ. По крайней мѣрѣ, тутъ нѣтъ той несообразности, которая неизбѣжна, когда послѣ предложенныхъ объясненій слова *ткать*, говорится: «*ткань* — все, что ткано; *ткальный, ткацкій* — ко тканію относящійся» и т. п. Непонятно, почему г. Даль произведеніемъ тканья назвалъ только полотно.

Приведенные примѣры показываютъ, что объясненія г. Даля не всегда достигаютъ той степени точности и опредѣленности, къ которой онъ стремился. Сюда относится и превратный иногда порядокъ толкованія разныхъ значеній слова. Такъ слово *цвѣтъ* начинается объясненіемъ: «краска, родъ или видъ, масть, колеръ», а уже потомъ слѣдуетъ значеніе: «Часть растенія». Очевидно, что послѣднее есть первоначальное понятіе слова, выражающееся и въ коренномъ глаголѣ *цвѣсти;* значеніе *краски* — позднѣйшее, развившееся изъ понятія о наружныхъ признакахъ цвѣтка. Въ акад. словарѣ эти разныя значенія расположены какъ слѣдуетъ.

Но въ словарѣ г. Даля есть родъ объясненій, который сообщаетъ этому труду особенную важность и вполнѣ оправдываетъ данное ему въ заглавіи названіе *толковаго*. Это реальныя, или вещественныя толкованія при такихъ словахъ, которыя относятся къ быту, къ нравамъ, обычаямъ, повѣрьямъ русскаго народа, къ промысламъ, торговлѣ, мореплаванію, наконецъ къ естественнымъ наукамъ. Въ этомъ-то, рядомъ съ богатствомъ запаса собранныхъ Далемъ словъ и примѣровъ, заключается главное, неотъемлемое достоинство его словаря. Доказательства этой заслуги почтеннаго автора такъ многочисленны, что затрудняешься выборомъ словъ, которыя могли бы самымъ убѣдительнымъ образомъ подтвердить такой отзывъ. Приведемъ однакожъ два-три примѣра.

Противъ слова *лапоть* въ академическомъ словарѣ мы находимъ самое коротенькое объясненіе: «Обувь, сплетенная изъ лыкъ,

---

geschossen werden (Leinwand, Tuch, Spitzen). Heyse, «Handwörterbuch der deutchen Sprache», Magdeburg, 1833 — 1849.

бересты или пеньки» и примѣръ: *плести лапти.* Эти полторы строки развиты у г. Даля такимъ образомъ: «Лапоть, лапотóкъ, лаптишка, лаптища. Плетеная, короткая обувь, въ родѣ грубаго башмака, изъ лыкъ, иногда изъ бересты, шелюги, таловой, ивовой, вязовой коры: это *берестяники, шелюжники, бахоры, сту́пни, босовики*; изъ драни молодаго распареннаго дуба *(чрнг.)*; есть и соломеные, *курж.*, и пеньковые, *ку́рпы, крутцы́*, изъ оческовъ или изъ ветхихъ развитыхъ веревокъ, *шептуны*, и *волосяникú*, изъ конскихъ гривъ и хвостовъ. *Лапоть* плетется въ 5—12 лыкъ, на колодкѣ, кочедыкомъ, и состоитъ изъ *плетня* (подошвы), *головы* (переду), *обушника* (боковъ) и *запятника*; обушникъ или кайма сходится концами на запятникѣ, и связываясь, образуетъ *оборникъ*, родъ петли, въ которую продѣваются *оборы*. Поперечныя лыка, загибаемыя на обушникѣ, называются *курцами*; въ *плетнѣ* обычно десять *курцевъ*. Иногда лапоть еще *подковыриваютъ*, проводятъ по плетню лыкомъ же или паклею; а *пи́саные лапти* украшаются узорною подковыркою».

Подъ словомъ *рукобитье* собраны слѣдующія подробности свадебныхъ обычаевъ: «Битье по рукамъ отцевъ жениха и невѣсты, обычно покрывъ руки полами кафтановъ, въ знакъ конечнаго согласія; конецъ сватовства и начало свадебныхъ обрядовъ: помолвка, сговоръ, благословенье, обрученье, заручемье, большой пропой; мѣстами (*ярс.*) рукобитье бываетъ у отца жениха, гдѣ они ломаютъ пирогъ; но болѣе въ домѣ отца невѣсты, и тогда затѣмъ бываетъ еще другой сговоръ; въ такомъ случаѣ на *рукобитіи* опредѣляютъ *кладку* или *столовыя деньги*, отъ отца жениха, и приданое невѣсты, а на сговорѣ благословляютъ со священникомъ и вѣнчальными свѣчами; сама невѣста потчуетъ, раздаетъ дары, дѣвки величаютъ гостей и плачу нѣтъ. Черезъ день пиръ у жениха: *смотрять домъ или дворъ*; черезъ день пирушка у невѣсты, гости идутъ съ гостинцами; затѣмъ *дѣвичникъ*, гдѣ женихъ остается не долго, а уходитъ домой пировать съ товарищами. На *рукобитье* или на сговоръ ѣдутъ поѣздомъ: дьяконъ съ дружкой, священникъ съ женихомъ, тамъ поѣзжане, а послѣд-

нею сваха съ большимъ пряникомъ». Находя столько подробностей свадебныхъ обрядовъ подъ словомъ *рукобитье*, можно только пожалѣть, что онѣ не помѣщены предпочтительно подъ словомъ *сватьба*, гдѣ читатель ничего подобнаго не находитъ. Въ такомъ случаѣ при словѣ *рукобитье* достаточно было бы одной ссылки на слово *сватьбу*, къ которому конечно скорѣе обратится всякій, кто пожелаетъ ознакомиться съ этимъ отдѣломъ народныхъ обычаевъ.

Слово *домовой* объяснено у г. Даля слѣдующимъ образомъ: «Домовой, домовикъ, дѣдушка, постѣнъ, пóстень, нищунъ, доможилъ, хозяинъ, жировикъ, нéжить, другая половина (*олон.*), сусѣдко, батанушка; духъ хранитель и общчикъ дома; стучитъ и водится по ночамъ, проказитъ, душитъ, ради шутки, соннаго; гладитъ мохнатою рукою къ добру и пр. Онъ особенно хозяйничаетъ на конюшнѣ, заплетаетъ любимой лошади гриву въ колтунъ, а нелюбую вгоняетъ въ мыло и иногда *осаживаетъ* ее, разбиваетъ параличемъ, даже протаскиваетъ въ подворотню. Есть домовой *сараешникъ, конюшникъ, баенникъ*, и женск. банный *волосатка*; все это *нежить* ни человѣкъ, ни духъ, жильцы стихійные, куда причисляютъ и полеваго лѣшаго, кикимору, русалокъ. (шутовокъ, лопастъ) и водянаго; но послѣдній всѣхъ злѣе и его нерѣдко зовутъ нечистымъ, сатаной. Домоваго можно увидать въ ночи на Свѣтлое Воскресенье въ хлѣву; онъ косматъ, но болѣе этой примѣты нельзя упомнить ничего; онъ отшибаетъ память». Затѣмъ слѣдуютъ поговорки.

Подобныя вещественныя толкованія въ словарѣ г. Даля относятся къ столь разнороднымъ предметамъ, что мы никакъ не можемъ взять на себя критической ихъ повѣрки: это потребовало бы особенныхъ розысканій, къ нашей задачѣ не относящихся; указываемъ только на тотъ обширный кругъ свѣдѣній о русскомъ народѣ, который охватилъ г. Даль въ своемъ словарѣ, а вмѣстѣ и на разнородность замѣтокъ, которыя онъ собралъ, изучая народный языкъ. Найдутся конечно и между ними многія, требующія поправокъ и дополненій; тѣмъ не менѣе однакоже самая масса ихъ, почерпнутая не изъ

книгъ, а изъ непосредственнаго общенія съ народомъ и изъ наглядпаго знакомства съ предметами, составляетъ уже дѣло чрезвычайно важное какъ въ лингвистическомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ Собраніе такихъ указаній должно быть высоко цѣнимо какъ основаніе для дальнѣйшихъ розысканій и болѣе полныхъ, приведенныхъ въ систему свѣдѣній.

Мы бы могли сдѣлать еще множество выписокъ въ свидѣтельство того, какъ богатъ словарь г. Даля объясненіями разныхъ сторонъ жизни русскаго народа и русской природы; но предѣлы разбора заставляютъ насъ удовольствоваться предложенными примѣрами. Назовемъ лишь нѣсколько словъ, подъ которыми читатель можетъ самъ найти болѣе или менѣе подробныя и интересныя толкованія этого рода: баба (бабка), багренье, береза, бирка, бичева, бурлакъ, гвоздь, гряда, десятина, жало, замокъ, запѣвала, завѣщаніе, закромить, запой, изба, сайка, телега; дерево, бобръ, гора, горло, жало, лягушка, легкія, сыртъ, сусло, увалъ, учугъ; кладъ, кукушка, навье, нежить. Подъ словомъ *вѣтеръ* исчислены всѣ употребительныя въ Россіи названія вѣтровъ. Иногда къ толкованію слова, для большей ясности, присоединены чертежи. Такъ при словѣ *говядина* нарисованъ быкъ, съ означеніемъ названія каждой части его мяса. Такимъ же образомъ представлены въ своемъ мѣстѣ рисунки разныхъ сортовъ *шляпъ* и каждая форма отмѣчена свойственнымъ ей именемъ. Слово *грибъ* сопровождается обширною номенклатурою всѣхъ видовъ этого растенія; при объясненіи *дерева* показаны всѣ разнообразныя части его и употребительныя въ народѣ названія ихъ.

Относительно словъ, принадлежащихъ къ области ботаники и зоологіи, Отдѣленіе сочло нужнымъ просить гг. академиковъ Рупрехта и Шренка высказать свое мнѣніе о достоинствѣ словаря г. Даля по этимъ частямъ. Ф. И. Рупрехтъ отозвался, что, приготовляя самъ къ изданію собранныя имъ русскія народныя названія растеній, онъ часто съ пользою обращался къ разбираемому нами словарю и въ этомъ отношеніи долженъ отдать ему предпочтеніе предъ словаремъ Академіи, который, не имѣя въ

виду этой специальной цѣли, построенъ главнымъ образомъ на языкѣ литературномъ. Л. И. Шренкъ въ подробной запискѣ о зоологическихъ названіяхъ словаря, заявилъ, что несмотря на отысканные въ немъ пропуски и промахи, авторъ однакоже и съ этой стороны вообще заслуживаетъ одобреніе и благодарность.

Разсмотрѣвъ словарь съ разныхъ сторонъ, перейдемъ теперь къ общему о немъ заключенію. Хотя онъ и не отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ строго-ученой критики, однакожъ его богатое содержаніе, лексическое и вещественное, въ значительной мѣрѣ искупаетъ указанные недостатки. Собранныя г. Далемъ сокровища языка и ума народнаго даютъ цѣлую массу новаго матеріала не только для науки русскаго слова, но и для этнографіи. Въ послѣднемъ отношеніи заслуга автора уже публично засвидѣтельствована Географическимъ Обществомъ, присудившимъ ему за словарь Константиновскую медаль. Къ труду этому будутъ обращаться всѣ, кому нужно изучать съ какой бы ни было стороны народную жизнь; онъ долженъ также сдѣлаться настольною книгою всякаго, кто вдумывается въ родной языкъ, кто хочетъ короче узнать его богатства, а тѣмъ болѣе, кто трудится надъ изслѣдованіемъ его законовъ. Но словарь г. Даля—книга не только полезная и нужная, это — книга занимательная: всякій любитель отечественнаго слова можетъ читать ее или хоть перелистывать съ удовольствіемъ. Сколько онъ найдетъ въ ней знакомаго, роднаго, любезнаго, и сколько новаго, любопытнаго, назидательнаго! Сколько вынесетъ изъ каждаго чтенія свѣдѣній драгоцѣнныхъ и для житейскаго обихода, и для литературнаго дѣла. Въ современной русской лексикографіи это безъ всякаго сравненія самый полный и многообъемлющій словарь; притомъ это трудъ, задуманный смѣло и оригинально, выполненный самостоятельно. Совершеніе подобнаго труда, при всѣхъ его недостаткахъ, есть подвигъ важный, рѣдкій въ нашей литературѣ: давно уже у насъ не было такого обширнаго и вѣскаго по русскому языку сочиненія, которое могло бы идти въ сравненіе съ этимъ. Едва ли скоро можно ожидать подобнаго. Составленіе словаря есть во-

обще дѣло особенно трудное, менѣе другихъ видное и благодарное, требующее значительнаго самоотверженія, на которое по тому самому не многіе рѣшаются. Тѣмъ замѣчательнѣе такой трудъ, когда онъ ведется отъ начала до конца однимъ лицомъ, безъ сотрудниковъ и помощниковъ. Книга, которая въ настоящемъ случаѣ подлежитъ нашему суду, не есть, конечно, трудъ ученаго, стоящаго въ уровень съ современнымъ состояніемъ своей науки; но это трудъ мыслящаго писателя, который всего себя посвятилъ практическому изученію русскаго языка съ одной опредѣленной точки зрѣнія, въ виду одной ясно сознанной имъ цѣли; это — плодъ добросовѣстныхъ занятій цѣлой жизни. Автору не удалось обнять своего предмета со всѣхъ сторонъ; онъ не записной филологъ, не проникъ во всѣ тайны законовъ языка; но и то, что онъ сдѣлалъ для роднаго слова, останется почетнымъ памятникомъ его дѣятельности, навсегда сохранитъ значеніе въ исторіи русскаго языка и русской лексикографіи. Его словарь есть первый въ обширныхъ размѣрахъ опытъ построить разработку и употребленіе языка на новыхъ основаніяхъ. Множество поднятыхъ имъ вопросовъ должно быть поставлено г. Далю въ существенную заслугу; конечно, не всѣ они имъ самимъ удовлетворительно рѣшены; но и то уже важно, что онъ ихъ возбудилъ: подвергая ихъ общему обсужденію, онъ вызываетъ къ пересмотру того, что обратилось въ безсознательную привычку. Въ трудѣ г. Даля насъ поражаютъ два личныя достоинства автора, безъ которыхъ онъ не могъ бы и выполнить своей задачи: это прежде всего энергическая настойчивость и упорное постоянство въ преслѣдованіи цѣли, не только при окончательномъ осуществленіи плана, но и при подготовительномъ, многолѣтнемъ собираніи матеріаловъ. Другимъ важнымъ условіемъ для совершенія такого обширнаго труда было скромное сознаніе авторомъ мѣры своихъ силъ и той доли пользы, какую онъ могъ принести русскому слову. «Всего одному не дано», говоритъ онъ въ *Напутномъ словѣ*, «да и не обнять, а дана всякому своя часть, свой талантъ, который онъ и обязанъ пускать въ оборотъ, а не зары-

вать, вмѣстѣ съ собою, въ землю... Найдутся болѣе даровитые и ученые труженики, коимъ уже легче будетъ дополнить то, чего недостаетъ, найдя одну часть дѣла готовою. Можетъ быть, именно тотъ, кто успѣшно введетъ въ руcкій словарь сравненія со всѣми славянскими нарѣчіями, кто вставитъ и нашъ древній языкъ и указанія на начальные корни, можетъ быть онъ-то именно и затруднился бы составленьемъ той части, которая образуетъ основу и сущность моего словаря; во всякомъ же случаѣ дополнять и исправлять полегче, чѣмъ составлять вновь» [1]). Такимъ образомъ самъ г. Даль прямо высказалъ свое убѣжденіе, что главное достоинство его словаря заключается въ богатствѣ представляемаго имъ матеріала. Замѣчая, что собранные имъ издавна запасы давали ему право или, вѣрнѣе, налагали на него обязанность и безъ достаточной учености, предпринять такой трудъ, авторъ прибавляетъ, что рядомъ съ тѣмъ нашлось у него «сильное сочувствіе къ живому рускому языку, какъ ходитъ онъ устно изъ конца въ конецъ по всей нашей родинѣ и нѣкоторое пониманіе его, близкое съ нимъ знакомство, могущее, хотя въ одномъ этомъ направленіи, замѣнить ученость; нашлась наконецъ и любовь къ нему, ручавшаяся за одолѣніе труда, за стойкую, усидчивую работу надъ этимъ дѣломъ, по конецъ жизни [2])». Эту горячую любовь къ русскому языку г. Даль убѣдительно доказалъ своимъ послѣднимъ трудомъ. И самая идея, положенная въ основу его, хотя въ проведеніи ея авторъ не уберегся отъ нѣкоторыхъ увлеченій, заслуживаетъ полнаго нашего сочувствія; къ тому же она и вполнѣ современна: въ такую пору, когда русскій народъ, освобожденный по великодушному слову своего Государя, начинаетъ жить новою жизнью и сознавать свои духовныя потребности, — какъ кстати воздвигается хранилище его словесныхъ богатствъ, какъ во-время собиратель ихъ напоминаетъ намъ, что мы слишкомъ удалились отъ естественныхъ источниковъ рѣчи, и, предостерегая насъ отъ дальнѣйшихъ въ этомъ смыслѣ уклоненій, указываетъ

---

[1]) Сл., ч. I, стр. IV — V.
[2]) Сл., ч. I, стр. IV.

намъ на чистый и здравый родникъ языка народнаго, который, по его словамъ, «силенъ, свѣжъ, богатъ, кратокъ и ясенъ». Такое ученіе совершенно согласно съ желаніемъ Ломоносова возбудить «ревность тѣхъ, которые къ прославленію отечества природнымъ языкомъ усердствуютъ, вѣдая, что съ паденіемъ онаго безъ искусныхъ въ немъ писателей затмится слава всего народа» [1]). Не случайно произносится здѣсь имя перваго законодателя нашей письменности. Мы знаемъ, какъ пламенно онъ любилъ русскій языкъ, съ какимъ восторгомъ говорилъ о немъ: «Повелитель многихъ языковъ, языкъ Россійскій не только обширностью мѣстъ, гдѣ онъ господствуетъ, но купно и собственственнымъ своимъ пространствомъ и довольствіемъ великъ предъ всѣми въ Европѣ... Ежели чего точно изобразить не можемъ, — не языку нашему, но недовольному своему въ немъ искусству приписывать долженствуемъ. Кто отчасу далѣе въ немъ углубляется, употребляя предводителемъ общее философское понятіе о человѣческомъ словѣ, тотъ увидитъ безмѣрно широкое поле или, лучше сказать, едва предѣлы имѣющее море [2])». Въ разсмотрѣнномъ словарѣ мы видимъ смѣлую попытку охватить это безбрежное море русскаго слова. Можно съ увѣренностью сказать, что никакой другой трудъ не былъ бы привѣтствованъ самимъ Ломоносовымъ съ такою задушевною радостью, какъ именно словарь, поставившій себѣ задачей обнять все неисчерпаемое богатство роднаго языка и содѣйствовать къ чистотѣ его. И потому награда, учрежденная въ честь великаго русскаго ученаго для увѣнчанія трудовъ, обогащающихъ науку, по всей справедливости должна выпасть на долю словаря, направленнаго къ обозначенной цѣли. Отдѣленіе русскаго языка и словесности тѣмъ съ бóльшимъ удовольствіемъ присуждаетъ ее нынѣ, что думаетъ принести этимъ новую дань уваженія памяти Ломоносова. Академія Наукъ ничѣмъ инымъ не могла бы лучше выразить своего одобренія заслуженному ветерану нашей литературы, неутомимому подвижнику и собирателю живаго русскаго слова.

---

[1]) *Соч. Лом.*, т. I, стр. 533—4.
[2]) Тамъ же, т. III, стр. 250.

О ЗООЛОГИЧЕСКИХЪ НАЗВАНИЯХЪ ВЪ „ТОЛКОВОМЪ СЛОВАРѢ“ Г. ДАЛЯ.

ЗАПИСКА АКАДЕМИКА Л. И. ШРЕНКА.

Разсматривая словарь относительно показанныхъ въ немъ зоологическихъ названій, я обращалъ преимущественно вниманіе, во-первыхъ, на его полноту и, во-вторыхъ, на вѣрность означенныхъ названій животныхъ, а также предлагаемыхъ иногда авторомъ зоологическихъ поясненій.

Что касается полноты, то словарь Даля и въ зоологическомъ отношеніи отличается большимъ запасомъ словъ, въ особенности названій животныхъ высшихъ разрядовъ — млекопитающихъ, птицъ, пресмыкающихся и рыбъ — и преимущественно тѣхъ изъ нихъ, которыя водятся и въ предѣлахъ Россіи. Притомъ, по большей части показаны не только названія общеупотребительныя или употребляемыя въ разныхъ мѣстахъ Европейской Россіи, но и множество другихъ названій съ самыхъ дальнихъ окраинъ Россіи, какъ, напримѣръ, изъ восточной Сибири, съ побережій Ледовитаго моря, изъ Камчатки, съ Алеутскихъ острововъ и т. д., а для многихъ животныхъ, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣютъ и нѣкоторое значеніе въ мѣстномъ народномъ быту, объяснены также и названія, придаваемыя имъ по возрасту, по цвѣту, росту и т. д. Но какъ ни удовлетворителенъ словарь Даля по своей полнотѣ, а все-таки сколько-нибудь законченнымъ трудомъ мы его и въ этомъ отношеніи назвать не можемъ. Говоря это, мы не имѣемъ въ виду тѣхъ многочисленныхъ названій, ко-

торыя встрѣчаются въ разныхъ спеціальныхъ русскихъ зоологическихъ сочиненіяхъ, — названій или переводныхъ изъ другихъ языковъ, или просто латинскихъ или греческихъ съ русскими окончаніями, или, наконецъ, произвольно, и можетъ быть даже не всегда удачно, составленныхъ самими авторами. Такимъ словамъ, не принятымъ еще ни въ наукѣ, ни въ народѣ, понятнымъ образомъ, нѣтъ мѣста и въ словарѣ. Мы имѣемъ, напротивъ, въ виду не малое число чисто русскихъ названій животныхъ, — названій записанныхъ путешественниками со словъ народа въ разныхъ мѣстахъ Россіи и преимущественно Сибири, и которыхъ, однако, нѣтъ въ словарѣ Даля. Стоитъ, напримѣръ, только прослѣдить русскія названія животныхъ, переданныя намъ Палласомъ въ его и въ настоящее время превосходномъ сочиненіи «Zoographia Rosso-asiatica». Тамъ показано для животныхъ высшихъ разрядовъ — млекопитающихъ, птицъ, рыбъ — множество чисто русскихъ названій, которыхъ въ означенномъ словарѣ нѣтъ. Мы не утверждаемъ, что эти названія всѣ схвачены и переданы Палласомъ совершенно вѣрно: какъ иностранецъ, онъ могъ, напротивъ, весьма легко ошибаться въ звукахъ не роднаго ему языка, и что это въ самомъ дѣлѣ съ нимъ иногда и случалось, тому можно привести доказательства. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ: «россомакъ», вмѣсто россомаха, «летага», вмѣсто летяга, «бугалень», вмѣсто пугалень, «пустольга», вмѣсто пустельга, «нерознять», вмѣсто нерознакъ, нерозень, «сынга», вмѣсто дзынга, или «полевой мышь», «одногорбней верблюдъ», «пѣгтоя галка» и т. д. Но это лишь звуковыя неточности и грамматическія ошибки, которыя не трудно исправить, въ сущности же огромное большинство показанныхъ Палласомъ русскихъ названій оказались совершенно вѣрными. Есть поэтому основаніе полагать, что и тѣ названія, на которыя мы указываемъ здѣсь и которыхъ въ словарѣ Даля нѣтъ, по крайней мѣрѣ по большей части, также окажутся вѣрными. Впрочемъ, за вѣрность нѣкоторыхъ изъ нихъ, я, на основаніи того, что случалось мнѣ слышать въ Сибири и Камчаткѣ, могу и самъ поручиться. Таковы, напримѣръ, слѣдующія:

Красный волкъ, хищный звѣрь песьяго рода, Canis alpinus, похожій на обыкновеннаго волка, но рыжаго цвѣта; водится въ гористыхъ мѣстностяхъ южной и восточной Сибири, отъ Енисея и до Охотскаго и Сѣверо-Японскаго морей.

Текъ, дикій каменный козелъ Алтайскихъ, Саянскихъ, Тяншанскихъ горъ, Capra sibirica.

Старикъ, *старичокъ*, Кмч., морская птица Uria senicula.

Хайко и *кета*, Кмч., Сиб., рыба роду лососей, Salmo lagocephalus; водится въ моряхъ Беринговомъ, Охотскомъ, Сѣверо-Японскомъ, и, для метанія икры, въ огромномъ множествѣ подымается вверхъ по рѣкамъ.

Относительно весьма многихъ другихъ названій, приведенныхъ Палласомъ, но не вошедшихъ въ словарь Даля, замѣчу по крайней мѣрѣ, что въ нихъ, очевидно, нѣтъ никакихъ искаженій, что онѣ слова чисто русскія, а потому, весьма вѣроятно, столь же вѣрны, какъ и выше приведенныя. Таковы, напримѣръ, слѣдующія:

Жеребецъ, Сиб., видъ сокола, то-же, что въ Европ. Россіи балабанъ, Falco lanarius.

Бѣлобровикъ, *Поддроздъ* } родъ дрозда, Turdus iliacus.

Кузнецъ, Сиб., *Дремлюга*, Малорос. } лилокъ, полунощникъ, птица Caprimulgus europaeus.

Крехтунъ, Сиб., слука, вальдшнепъ, Scolopax rusticola.

Нѣмокъ, *нѣмка*, Сиб., Камч., гусь Anser brenta.

Гребенушка, Сиб., утка Anas spectabilis. То-же слово (гребенуха) записано и Миддендорфомъ на сѣверѣ Сибири.

Неводщикъ, Сиб., свирокъ, утка Anas fusca.

И т. д.

Или, напримѣръ, названія сложныя, изъ существительнаго и прилагательнаго:

Пѣгая галка, пестрая галка восточной Сибири, Corvus dauricus.

Каменная галка, Спб., птица вороньяго рода, Corvus graculus.

Каменный дроздъ, Спб., родъ дрозда, Turdus saxatilis.

Каменная ласточка, Спб., горная ласточка восточной Сибири, Hirundo alpestris.

Каменный стрижъ, вост. Спб., косатка, Cypselus apus.

Степная ласточка | *Степной стрижъ* } болотная птица луговица, Glareola pratincola.

Морской урилъ, Спб., родъ баклана, Phalacrocorax pelagicus.

И т. д., и т. д.

Я привелъ здѣсь лишь на выдержку нѣсколько примѣровъ такихъ русскихъ названій животныхъ, которыя показаны Палласомъ, но не вошли въ словарь Даля; вообще же, повторяю, ихъ весьма много. Кромѣ Палласа, записано ихъ не мало и другими нашими путешественниками, въ особенности въ разныхъ мѣстахъ Сибири, и между прочимъ и такими лицами, на показанія которыхъ, и относительно точной передачи звуковъ, можно, кажется, положиться. Такъ, напримѣръ, Миддендорфъ, въ своемъ «Путешествіи», показываетъ русскія названія животныхъ, собранныя имъ преимущественно на сѣверѣ Сибири, въ Туруханскѣ. Но и изъ нихъ, въ словарѣ Даля, за исключеніемъ лишь общеизвѣстныхъ, мы не находимъ ни одного. Таковы, напримѣръ, слѣдующія названія птицъ:

Булыгу́нъ, Турх., родъ совы, Strix brachyotus.

Студена́-пташка, Турх., пташка Alauda alpestris.

Тракило́къ | *Каза́къ* } Турх., пташка Plectrophanes lapponicus.

Тонко́й, Турх., пташка Emberiza pusilla.

Цы́нка, Турх., пташка Anthus cervinus.

Алозо́бикъ, Турх., родъ клеста, Loxia leucoptera.

Цхогуно́къ, Турх., каменка, Saxicola oenanthe.

Нана́локъ, Турх., пташка Sylvia Eversmanni.

Тало́вка, Турх., куропатка, Lagopus albus.

Ольхо́вка, Турх., родъ куропатки, Lagopus alpinus.

Каменный глухáрь, вост. Спб., родъ глухаря, Tetrao urogalloides.

Дикýшка, вост. Спб., родъ тетерева, Tetrao falcipennis.

Тундренная сѣмендýха, Турх., болотная птица Charadrius squatarola.

Лѣсная сѣмендýха, Турх., болотная птица Charadrius pluvialis.

Краснобрюхая сѣмендýха, Турх., болотная птица Charadrius morinellus.

Филúппка, Турх., болотная птица Charadrius hiaticula.

Филúппка писанный, Турх., болотная птица Strepsilas interpres.

Тювить, Турх., болотная птица Totanus fuscus.

Вирильдúкъ, Турх., болотная птица Totanus glareola.

Тавы́тъ, *Тюфя́къ* } Турх., болотная птица Limosa rufa.

Красногрýдка, Турх., болотная птица Tringa subarquata.

Черногрýдка, » » » » cinclus. (Въ словарѣ названіе «черногрудка» отнесено только къ пташкѣ Sylvia erythacus.

Плехúнъ, Турх., гусь Anser albifrons.

Варегýй, » » » leucopsis.

Пискунéцъ, Турх., гусь Anser ruficollis.

Клóкуша, Спб., моклокъ, утка Anas glocitans.

Бѣлоглáзка, Турх., утка Anas marila.

Ѳóмка, Турх., чайка-разбойникъ: Lestris pomarina, L. parasita, L. Buffonii.

Не станемъ приводить названій, записанныхъ еще и другими путешественниками. Приведенныхъ примѣровъ достаточно для оправданія высказаннаго нами выше мнѣнія, что какъ, сравнительно, ни велико число вошедшихъ въ словарь Даля названій животныхъ, а все-таки запасъ ихъ еще далеко не истощенъ. Правда, отъ автора общаго словаря нельзя требовать близкаго знакомства съ литературами всѣхъ наукъ, но, съ другой сторо-

вы, нѣтъ сомнѣнія, что заглянн онъ хоть только въ самые главные труды, относящіеся до нашей фауны, и словарь его вышелъ бы несравненно полнѣе, — да, кромѣ того, въ такомъ случаѣ и объясненія народныхъ названій животныхъ, конечно, могли бы быть гораздо опредѣленнѣе и точнѣе, чѣмъ теперь. Но прежде чѣмъ пояснимъ это подробнѣе, замѣтимъ еще, относительно полноты словаря, что есть въ немъ и названія, упоминаемыя авторомъ лишь при объясненіи другаго, тождественнаго съ нимъ по значенію слова, но не показанныя ни въ алфавитномъ порядкѣ, ни въ какомъ-либо «гнѣздѣ» словъ. Этихъ названій, слѣдовательно, въ словарѣ все равно что и нѣтъ, такъ какъ отыскать ихъ нѣтъ никакой возможности. Таковы, напримѣръ, слѣдующія слова:

Пустора, пусторака, кутора, землеройка, Sorex; упоминается только при словѣ «кутора».

Холзанъ, Сиб., орелъ Aquila chrysaëtos; упоминается только при словѣ «орелъ».

Ржанка, куликъ Charadrius pluvialis; упоминается только при словѣ «сивка, сивчикъ».

Вальдшнепъ, слука, Scolopax rusticola; упоминается только при словѣ «слука», тогда какъ другія, столь же не русскія слова «гаршнепъ» и «кроншнепъ» показаны и въ алфавитномъ порядкѣ.

Свирокъ, утка Anas fusca; упоминается только при словѣ «дзынга». И т. д. —

Переходимъ къ обсужденію предлагаемыхъ въ словарѣ русскихъ названій животныхъ. Само собою разумѣется, что въ подобномъ, общемъ словарѣ зоологическихъ подробностей ожидать нечего, — да за ними въ общій словарь никто и не обратится. Совершенно достаточно, по нашему мнѣнію, если въ словарѣ указано, къ какому животному относится то или другое названіе, да, притомъ, указано такъ, что желающему познакомиться съ подробностями было бы возможно, на основаніи этого указанія, отыскать описаніе означеннаго животнаго въ зоологическихъ курсахъ или сочиненіяхъ. Это и достигается ссылкою на общеупотреби-

тельное латинское названіе животнаго. Авторъ словаря, очевидно, и придерживался этого взгляда. Обыкновенно онъ поясняетъ какое-либо названіе другими, тождественными съ нимъ русскими обозначеніями животнаго, или же ограничивается указаніемъ того отдѣла или разряда, къ которому принадлежитъ означенное животное, и ссылкою на латинское названіе, подъ которымъ оно извѣстно въ наукѣ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ, при болѣе выдающихся животныхъ, сообщены и кое-какія, болѣе или менѣе спеціальныя зоологическія свѣдѣнія, какъ, напримѣръ, объ отличительныхъ признакахъ какого-либо животнаго, о мѣстѣ занимаемомъ имъ въ зоологической системѣ, о его географическомъ распространеніи, пользѣ или вредности и т. д. Почему бы, въ самомъ дѣлѣ, и не сообщить этихъ свѣдѣній, въ особенности не указать вкратцѣ, встрѣчается ли какое-либо болѣе выдающееся животное и у насъ, и въ какой именно части Россіи? Съ общимъ планомъ объясненія зоологическихъ названій въ разбираемомъ нами словарѣ, нельзя, поэтому, не согласиться. Спрашивается только, какъ выполнена авторомъ эта задача?

Начнемъ съ замѣчаній названныхъ мною болѣе или менѣе спеціально-зоологическими. Онѣ, повторяемъ, въ общемъ словарѣ, можетъ быть, и излишни, но если уже авторъ счелъ необходимымъ помѣстить ихъ, то желательно, конечно, чтобы онѣ были основательны. Къ сожалѣнію, однако, этого-то о нихъ и нельзя сказать, а, напротивъ, въ нихъ множество промаховъ. Доказательствомъ тому пусть служатъ слѣдующіе примѣры. Въ словарѣ сказано:

«*Собака*... Завладѣвъ собакою, истребивъ ее въ дикомъ видѣ и пріурочивъ ее ко всѣмъ климатамъ и потребностямъ своимъ, человѣкъ развелъ множество породъ ея». Здѣсь сказано болѣе, чѣмъ извѣстно въ наукѣ: о собакѣ въ дикомъ видѣ мы положительно ничего не знаемъ, а слѣдовательно и объ истребленіи ея въ этомъ видѣ не можетъ быть и рѣчи. Вопреки высказанному авторомъ словаря мнѣнію, зоологи полагаютъ даже, что особаго вида дикой собаки никогда и не было, а что разнообразныя домашнія породы ея могли произойти отъ помѣси разныхъ видовъ песья-

го рода,—волка, шакала и др. Но и это, повторяемъ, лишь предположеніе.

«*Перевощикъ, перевязка*, сибирскій звѣрокъ рода хорьковъ, Mustela sarmatica». Въ Сибири его, напротивъ, вовсе нѣтъ, а водится онъ только на югѣ Европейской Россіи, — отъ Днѣстра до Дона и въ Крыму.

«*Кротъ*... у насъ два вида его: черный и сѣрый». Это никакъ не виды, а лишь видоизмѣненія по цвѣту, какихъ много, — видъ же одинъ: Talpa europaea. Только на Амурѣ найденъ у насъ другой видъ, Talpa wogura, но его авторъ, очевидно, не имѣлъ въ виду.

«*Олень*». Изъ сдѣланнаго авторомъ перечня нашихъ видовъ оленя видно, что по его мнѣнію видъ Cervus capreolus (козуля) встрѣчается лишь въ Сибири, тогда какъ въ другомъ мѣстѣ, при словѣ «козуля», о томъ-же видѣ сказано, что онъ водится въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, въ Крыму и на Кавказѣ. Слѣдовало бы сказать, что онъ встрѣчается и въ означенной части Европейской Россіи и въ Сибири. Въ томъ и другомъ мѣстѣ, впрочемъ, авторъ къ этому же виду — козулѣ или бѣлогузкѣ — относитъ и сибирское названіе «изюбръ», тогда какъ изюбромъ въ Сибири, какъ мы увидимъ ниже, называется совсѣмъ другое животное.

«*Верблюдъ*... одногорбый, или объ одной кочкѣ, азіятскій; двугорбый, африканскій». Прямо на оборотъ: одногорбый верблюдъ, Camelus dromedarius, африканскій; двугорбый, C. bactrianus, азіятскій. Первый занимаетъ всю сѣверную Африку, а въ Азіи только Аравію, Малую Азію и Персію; второй, всю среднюю Азію отъ Чернаго и Каспійскаго морей до Желтаго. На югѣ Россіи, поэтому, а также и у всѣхъ нашихъ южно-сибирскихъ народовъ — отъ калмыковъ до забайкальскихъ бурятъ — употребляется одинъ только двугорбый верблюдъ, который и болѣе одногорбаго способенъ выдерживать суровыя зимы Сибири.

«*Носорогъ*... ихъ два вида: однорогій, азіятскій, и двурогій, африканскій». Это можно было сказать во времена Линнея; нынѣ

же извѣстно, не считая вымершихъ, по крайней мѣрѣ до восьми видовъ носорога, и въ томъ числѣ есть и двурогіе азіятскіе; напримѣръ, Rhinoceros sumatrensis, съ Зондскихъ острововъ. Да и нашъ, нынѣ правда вымершій, сибирскій носорогъ, Rhinoc. tichorhinus, былъ также о двухъ рогахъ.

«*Морская корова*, сосунъ восточнаго океана, капустникъ, манати, Rhytina manati, нынѣ вовсе вымершій». Въ другомъ мѣстѣ о томъ же животномъ сказано:

«*Морская корова*, большой видъ тюленя»; а въ третьемъ, наконецъ:

«*Манатъ*, ламантинъ, морская корова Курильскаго моря; она вымерла поголовно въ началѣ этого вѣка».

Тутъ все не такъ. Авторъ, очевидно, имѣлъ въ виду открытое Стеллеромъ въ Беринговомъ морѣ, а нынѣ вымершее животное Rhytina borealis (или Stelleri). Что онъ приписываетъ ему также и названія «манатъ» или «манати», очевидно основано лишь на томъ, что Палласъ, при описаніи этого животнаго, отнесъ его къ млекопитающимъ извѣстнымъ въ наукѣ подъ родовымъ *латинскимъ* названіемъ Manatus. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, Палласъ приводитъ и русское названіе, данное этому животному нашими промышленниками и моряками, а именно: «морская корова» или «капустникъ». Послѣ этого, называть его по русски еще и не русскимъ словомъ «манатъ» или «манати», нѣтъ, кажется, никакой причины. Но, кромѣ того, если уже вводить въ русскій языкъ это слово, то оно, во всякомъ случаѣ, какъ и латинское «Manatus», должно относиться ко всѣмъ видамъ означеннаго рода, а никакъ не къ одному животному Берингова моря; есть, слѣдовательно, манатъ Бразильскихъ береговъ (Manatus australis), манатъ Антильскаго моря и береговъ Флориды (M. latirostris) и, наконецъ, манатъ тропическаго пояса западно-африканскаго берега (M. senegalensis). Французы даютъ всѣмъ этимъ животнымъ, и преимущественно сенегальскому виду, названіе «Lamantin», которое, однако, авторъ словаря относитъ также къ животному Берингова моря. Наконецъ, надо замѣтить, что въ настоящее время, на основаніи бо-

лѣе подробнаго изслѣдованія нашей вымершей морской коровы, ея болѣе не причисляютъ къ роду Manatus, а къ особому роду Rhytina, какъ показываетъ, впрочемъ, и самъ г. Даль. Поэтому, въ настоящее время это животное не только просто «манатомъ» и «ламантиномъ», какъ то дѣлаетъ авторъ словаря, называть нельзя, но нельзя даже и вообще примѣнять къ нему этихъ названій. — Далѣе, совершенно несправедливо, что морская корова «большой видъ тюленя». Никто никогда къ тюленямъ ея не причислялъ: тюлени ластоногія животныя, по строенію зубовъ и роду пищи близко подходящія къ хищнымъ звѣрямъ суши, а морская корова беззубое, травоядное животное, питавшееся морскою капустою (отсюда и названіе «капустникъ») и отличавшееся, кромѣ того, отъ тюленей еще и совершеннымъ отсутствіемъ заднихъ ногъ, почему ее и причисляютъ къ китообразнымъ животнымъ. Столь же ошибочно показаніе, будто она водилась въ Курильскомъ морѣ. Единственная мѣстность, гдѣ она когда-либо была наблюдаема, это Коммандорскіе острова (Беринговъ и Мѣдный), въ Беринговомъ морѣ. Отсюда и показаніе «сосунъ восточнаго океана» ужъ черезъ-чуръ обще и неопредѣленно. Наконецъ, и время, когда она вымерла, показано также невѣрно: именно, она была истреблена не въ началѣ нынѣшняго, а во второй половинѣ прошедшаго столѣтія. Въ 1768 г. былъ еще убитъ одинъ экземпляръ этого животнаго; послѣ же означеннаго года никакихъ свѣдѣній о немъ болѣе не было.

«*Воронъ*... вороновъ два рода: *лѣсной* (въ Россіи не видать), Corvus corax, и *полевой*, гайворонъ, крукъ, крятунъ, болѣе въ сѣверо-восточной Россіи, Corvus corone, побольше грача». Что значитъ «въ Россіи не видать?» Мы полагаемъ, если не видать, такъ и нѣтъ. Но это положительно невѣрно: лѣсной воронъ, какъ житель обширныхъ дремучихъ лѣсовъ, встрѣчается, конечно, не повсюду; его не увидишь въ городахъ, селахъ, на лугахъ и поляхъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ водится и въ Россіи, въ особенности въ нашихъ лѣсныхъ сѣверныхъ губерніяхъ, а также и по всей Сибири до восточнаго океана. Полевой воронъ, Corvus co-

гопе, напротивъ, въ Европейской Россіи, за исключеніемъ развѣ сѣверо-восточныхъ губерній, почти совсѣмъ не встрѣчается, но за то преобладаетъ по всей Сибири до Камчатки и Японіи, и, за неимѣніемъ тамъ грача, часто и называется грачемъ.

«*Зимородокъ*, птичка Alcedo ispida, стерегущая рыбку надъ прорубями». Зимородокъ дѣйствительно поджидаетъ рыбку, но сидя на кустарникахъ по берегу рѣкъ, а не надъ прорубями, уже по той причинѣ, что на зиму онъ отлетаетъ.

«*Пищуха*, самый маленькій дятелъ, сѣробурый, съ синицу. Certhia». Пташка Certhia familiaris, называемая у насъ пищухой, хотя и лазитъ, на подобіе дятловъ, по деревьямъ, но все-таки къ дятламъ вовсе не принадлежитъ.

«*Ольшанка*, пташка Accentor modularis, схожая съ трясогузкой». Особаго сходства между ними вовсе нѣтъ, а сходство то-же, что и между большимъ множествомъ другихъ мелкихъ пташекъ.

«*Аистъ... Черный аистъ...* у насъ не водится». Напротивъ, онъ-то и водится почти по всей Европейской Россіи, за исключеніемъ лишь западныхъ губерній да крайняго сѣвера, а равно и по всей Сибири, тогда какъ бѣлый аистъ или буссель встрѣчается только на западѣ и югѣ Европейской Россіи, да на Амурѣ, а въ Сибири его нѣтъ. Вслѣдствіе этой ошибки, въ словарѣ и названія перепутаны, а именно: аистомъ, просто говоря, называется обыкновенно не Ciconia alba, для которой есть свое названіе, буссель, а Ciconia nigra. Названіе же «черный аистъ» не народное, а переводное съ латинскаго.

«*Шилохвостъ, шилень*, утка, у коей въ хвостѣ три долгихъ пера, Anas acuta». Не три, а четыре, — по два внутреннихъ съ каждой стороны хвоста.

«*Бакланъ*, морская птица на Черномъ и Каспійскомъ моряхъ, Phalacrocorax». Бакланъ общее названіе нѣсколькихъ, схожихъ между собою видовъ, которые встрѣчаются, однако, не только на Черномъ и Каспійскомъ моряхъ, но и на многихъ другихъ, — у насъ, напримѣръ, и на Балтійскомъ, Охотскомъ, Сѣве-

ро-Японскомъ и т. д. Кромѣ того, это и не исключительно морская, а лишь вообще водяная птица, потому что водится и вдали отъ моря, по берегамъ озеръ и рѣкъ; такъ, напримѣръ, большими стаями встрѣчается она на Байкалѣ и другихъ озерахъ южной Сибири, на верхнемъ Амурѣ и т. д.

«*Гагарка*, утка Alca torda». Если Alca torda утка, то какая же, послѣ того, водяная птица не утка?

«*Змья-мьдянка*, единственная ядовитая змѣя нашихъ странъ». А обыкновенная черная гадюка или козулька, встрѣчающаяся по всей Россіи? Самъ авторъ, при объясненіи слова «гадюка», называетъ двѣ ядовитыя змѣи нашихъ странъ: Vipera Berus (козулька или черная гадюка) и Vip. chersea (мѣдянка). Можно, правда, держаться того мнѣнія, что это лишь видоизмѣненія одного и того же вида, но тогда наша единственная ядовитая змѣя не мѣдянка, а гадюка; мѣдянка же лишь видоизмѣненіе послѣдней. Впрочемъ, въ предѣлахъ Россіи, на Кавказѣ, въ Арало-Каспійскихъ степяхъ, на Амурѣ и пр., кромѣ гадюки и мѣдянки, есть еще до 8 другихъ ядовитыхъ змѣй.

«*Семга*, рыба Salmo salar, похожая на лосося». Не только похожая на лосося, но она-то и есть самый обыкновенный у насъ видъ лосося, котораго и называютъ просто лососемъ. Самъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, при словѣ «лосось», говоритъ: «лосось рыба Salmo salar; вообще родъ Salmo, семга».

«*Чавыга*, Кмч., рыба, родъ лосося». На сколько мнѣ самому приходилось слышать въ Камчаткѣ, не «чавыга», а чавыча, съ чѣмъ согласно и показаніе у Палласа (Salmo orientalis).

«*Скатъ*, рыба Raja clavata, видъ акулы». Означенная рыба никакъ не видъ акулы, а, вмѣстѣ съ другими, схожими съ нею видами, составляетъ особую семью, которой дано названіе скатовъ. Съ акулами же они, главнымъ образомъ, имѣютъ лишь то общее, что скелетъ у нихъ, какъ, впрочемъ, и у многихъ другихъ рыбъ (напримѣръ у осетровъ), хрящевой.

«*Минога*, рыба Petromyzon; переходъ отъ раковъ къ рыбамъ, съ семью жабрами по бокамъ». Откуда авторъ взялъ, что минога

переходъ отъ раковъ къ рыбамъ, мнѣ положительно неизвѣстно. Наука такого перехода не знаетъ. Относительно жабръ слѣдовало бы сказать не «съ семью жабрами по бокамъ», а съ семью отверзтіями по бокамъ, ведущими къ жабрамъ или въ жаберную полость.

«*Юкола*, вяленая, провѣсная и немного квашеная въ ямахъ рыба, и болѣе щука и сигъ». Сколько я знаю, на приготовленіе юколы идутъ преимущественно рыбы рунныя, напримѣръ, разные виды лососей, сигъ, кета, горбуша и т. д., въ извѣстное время года стаями подымающіяся вверхъ по рѣкамъ, и уловъ которыхъ бываетъ, поэтому, особенно великъ. Но щука, хотя и водится въ Россіи повсюду и часто въ большомъ числѣ, а все-таки рыба не рунная. Мнѣ и неизвѣстно, чтобы она гдѣ-либо, обычнымъ порядкомъ, шла на юколу.

«*Оса*, насѣкомое Vespa, изъ разряда мухъ (дурно названныхъ сѣтчатокрылыми) съ жаломъ и съ пережабиной». Мухами, въ общемъ смыслѣ слова, какъ говоритъ и самъ авторъ словаря, называются насѣкомыя двукрылыя съ хоботомъ. Здѣсь же онъ обобщаетъ это слово до того, что называетъ и осу и весь разрядъ сѣтчатокрылыхъ насѣкомыхъ, — не смотря на то, что у нихъ четыре крыла, а хобота нѣтъ,—мухами. Послѣ этого, чуть ли не всѣ насѣкомыя мухи. Впрочемъ, оса принадлежитъ и не къ сѣтчатокрылымъ, а — какъ бы дурно ни было названіе — къ перепончатокрылымъ насѣкомымъ.

«*Прузики*, мелкая саранча, Gryllus italicus, насѣкомое почти безвредное». Этого о прузикахъ сказать нельзя: они, напротивъ, часто размножаются въ такомъ количествѣ, что причиняютъ большой вредъ, опустошая виноградники, поѣдая листья деревьевъ и т. д. Можно только сказать, что прузики менѣе вредны, чѣмъ обыкновенная саранча, Gryllus migratorius.

«*Свѣтлякъ*, насѣкомое, червячекъ, который ночью свѣтится; есть и большой жукъ свѣтлякъ, фонарщикъ, а также морскіе свѣтлячки, едва видимое животное». Всѣ три показанія не вѣрны.
1 Обыкновенный свѣтлякъ хотя и называется иногда Ивано-

вымъ червячкомъ, но все-таки не червякъ, а безкрылая самка небольшаго жучка, который, впрочемъ, и самъ также свѣтится, но менѣе ярко, почему его и рѣже замѣчаютъ. 2) Фонарщикъ (Fulgora laternaria) не жукъ, а полужесткокрылое насѣкомое изъ семьи цикадъ; ему дано названіе фонарщика потому, что у него на лбу большой, внутри пустой отростокъ, о которомъ прежде утверждали, будто онъ столь ярко свѣтится, что его употребляютъ даже вмѣсто фонаря. Въ настоящее время, однако, извѣстно, что онъ вовсе не изливаетъ свѣту, а потому и не свѣтлякъ. 3) Наконецъ, морскіе свѣтлячки не одно какое-либо животное, «едва видимое», а множество разнаго рода животныхъ, въ числѣ которыхъ есть и весьма крупныя, — въ футъ и болѣе длины.

«*Чертовъ палецъ*, ископаемый белемнитъ, окаменѣлый червь». Белемнитами называютъ окаменѣлые остатки животныхъ, принадлежавшихъ къ высшему разряду слизняковъ или молюсковъ, а именно къ головоногимъ животнымъ (Cephalopoda); съ червями же они, кромѣ развѣ продолговатаго вида, рѣшительно ничего общаго не имѣли.

«*Улитка*, животное изъ семьи слизней, Helix». Замѣчу сперва, что слизни или слизняки (молюски) не семья, а цѣлый, да еще весьма обширный, отдѣлъ животныхъ. Улитками же называются не одни только слизни рода Helix, а, въ болѣе общемъ смыслѣ, и всѣ брюхоногіе слизняки (Gastropoda), или нагіе, или съ однокамерною навивною раковиною.

«*Перламутръ*.... въ жемчужницѣ образуется рядъ дырочекъ, кои животныя закладываютъ жемчужинками». Здѣсь въ немногихъ словахъ множество ошибокъ. Начнемъ съ того, что авторъ, въ означенномъ мѣстѣ, подъ жемчужницею очевидно разумѣетъ раковину Haliotis (морское ушко), такъ какъ это единственная раковина съ рядомъ дырочекъ. Но эта раковина не жемчужница. Самъ авторъ и не упоминаетъ о ней при объясненіи послѣдняго слова, гдѣ совершенно вѣрно перечислены имъ и главныя раковины-жемчужницы. Далѣе, дырочки въ морскомъ ушкѣ и не закладываются жемчужинками, а, по мѣрѣ увеличенія раковины

и образованія въ передней части ея новыхъ дырочекъ, онѣ, въ задней, зарастаютъ перломутромъ. Наконецъ, настоящія, цѣнныя жемчужники никогда и не образуются на раковинѣ животнаго, а въ мантіи его, вообще среди мягкихъ частей тѣла, какъ доказываетъ уже и шарообразный видъ ихъ.

«*Ножевка,* морское животное изъ слизняковъ, Ascidia, коего раковина походитъ на ножевый черенъ». У слизняковъ изъ разряда асцидій раковины вовсе нѣтъ. Авторъ, очевидно, имѣлъ въ виду двустворчатую раковину Solen, черенокъ, и въ самомъ дѣлѣ, при этомъ словѣ у него и показана «раковина Solen siliqua, похожая на ножевый черенъ».

«*Морской тюльпанъ*, родъ полипа, Balanus». Морской тюльпанъ, Balanus, съ полипами ничего общаго не имѣетъ; это животное среднее между слизняками и ракообразными, изъ разряда усоногихъ (Cirrhipedia).

Приведенные нами примѣры, взятые по разнымъ отдѣламъ и разрядамъ животныхъ и число которыхъ можно было бы, пожалуй, еще и увеличить, достаточно свидѣтельствуютъ, что зоологическія свѣдѣнія, предлагаемыя въ словарѣ, не отличаются большою основательностію. Но, повторяемъ, въ этихъ свѣдѣніяхъ и не главная задача подобнаго, общаго словаря. Будь лишь вѣрно и точно указано, къ какому животному относится то или другое названіе, и затѣмъ отъ воли каждаго будетъ зависѣть, изъ зоологическихъ сочиненій ближе ознакомиться съ означеннымъ животнымъ. Спрашивается поэтому, какъ удалось автору выполненіе этой, въ зоологическомъ отношеніи, главной задачи словаря? По нашему мнѣнію, словарь и тутъ опять содержитъ много драгоцѣннаго матеріала, но критически разработаннаго, сколько-нибудь законченнаго труда онъ далеко не представляетъ. Впрочемъ, и означенная задача, какъ она съ перваго взгляда ни кажется простою, а на самомъ дѣлѣ очень не легка. Трудности ея состоятъ, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ.

Если не довольствоваться однимъ лишь сопоставленіемъ уже записанныхъ другими названій, разбросанныхъ по разнымъ зооло-

гическимъ сочиненіямъ, описаніямъ путешествій и т. д., а собирать еще и новые матеріалы, то непремѣнно требуется:

1) Чтобы собирающій въ народѣ названія животныхъ самъ былъ въ состояніи вѣрно распознавать разные виды животныхъ, и не смѣшивалъ бы близко подходящихъ другъ къ другу видовъ.

2) Чтобы свѣдѣнія были собираемы у людей, по своему промыслу или роду занятій, близко знакомыхъ съ тѣмъ или другимъ отдѣломъ животныхъ, — у охотниковъ, рыбаковъ и пр., потому что и въ народѣ не всѣ одинаково хорошо знаютъ животныхъ, не встрѣчающихся или, по крайней мѣрѣ, не имѣющихъ особаго значенія въ обиходной жизни.

3) Надо записывать названія не по однѣмъ лишь описаніямъ или догадкамъ съ той или другой стороны, а непремѣнно имѣя предъ собою и самое животное, а то названія нѣсколько схожихъ между собою животныхъ перепутать весьма не трудно.

4) Наконецъ, необходимо означать мѣстность, гдѣ собраны показанія, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что иногда одно и то-же названіе въ разныхъ мѣстностяхъ дается разнымъ животнымъ.

Если не будутъ надлежащимъ образомъ соблюдаемы эти условія, то мы надежныхъ показаній, конечно, не получимъ: онѣ, напротивъ, будутъ сбивчивы, не точны, не вѣрны. И вотъ таковы во многихъ случаяхъ и показанія въ разбираемомъ нами словарѣ. Доказательствомъ тому пусть служатъ слѣдующіе примѣры. Въ словарѣ сказано:

«*Изюбръ*, сибирское и кавказское животное изъ рода оленей, козуля, Cervus capreolus». Также и въ другихъ мѣстахъ, при словахъ «козуля», «олень» и пр., названіе изюбръ приписывается животному Cervus capreolus, тогда какъ изюбромъ въ восточной Сибири называется другой видъ оленя, именно Cervus elaphus (Edelhirsch, по нѣмецки), которому въ западной Сибири и на Алтаѣ даютъ названіе «маралъ».

«*Джигитай*, куланъ, степной дикій конь, Equus hemionus, особый видъ между лошадью и осломъ». Въ другомъ мѣстѣ сказано:

«*Ослякъ*, дикій оселъ, Onager. Кажется, животное названное Палласомъ Onager, то-же, что джигитай или куланъ, дикій конь». Наконецъ, въ третьемъ мѣстѣ, находимъ:

«*Тарпанъ*, дикая степная лошадь; кажется, это тотъ-же куланъ или джигитай, въ восточной степи».

По этому изложенію, всѣ три названія означаютъ одно и тоже. На самомъ же дѣлѣ перепутаны или даже соединены въ одно три разные вида, а именно: тарпанъ, дикая лошадь (Equus caballus, ferus); куланъ, дикій оселъ (Equus asinus, ferus; онъ же и Onager), и джигитай (Equus hemionus). Кстати замѣчу, что у автора, при словѣ «оселъ», сказано: «шпакъ (у Палласа ошибочно шпакъ)», тогда какъ Палласъ, въ своей Zoographia Rosso-asiatica, — а на этотъ трудъ его, какъ на лучшій и окончательный и надо ссылаться, — совершенно вѣрно показываетъ: «ишакъ».

«*Пищуха*, Lepus pusillus, звѣрокъ чекушка, сѣноставецъ; между мышью и зайцемъ; собираетъ на зиму копешки лучшаго сѣна». На то-же животное, Lepus pusillus, авторъ указываетъ и при словѣ «чекушка». Слѣдовало бы поэтому думать, что у насъ лишь одно животное этого рода, среднее между мышью и зайцемъ, называемое въ зоологіи Lepus (или лучше Lagomys) pusillus. На самомъ же дѣлѣ ихъ извѣстно у насъ четыре вида, названія которыхъ авторъ всѣ отнесъ къ одному, да, къ тому же, еще почти самому мелкому и невзрачному изъ всѣхъ. Сѣноставцемъ называютъ въ Сибири видъ Lagomys alpinus, пищухой и L. alpinus и L. ogotona, а чекушкой L. pusillus и, вѣроятно, также и L. hyperboreus.

«*Левъ морской*, видъ тюленя, Phoca leonina; сивучъ? котикъ?» Въ другомъ мѣстѣ сказано:

«*Морской левъ*, сивучъ; *морской котикъ*, самка его». Наконецъ, въ Прибавл. 15, показано:

«*Сивучъ* или *морской котъ*; самецъ старый—*сѣкачъ*; отъ 4—5 лѣтъ—*полусѣкачъ;* двухъ или трехъ лѣтъ—*холостякъ; матки* или *котики* до одного году».

Тутъ смѣшаны два вида, весьма различные другъ отъ дру-

га: сивучъ (по книжному, морской левъ), Phoca (или Otaria) leonina, и морской котъ, Phoca (Otaria) ursina. Только последнему виду, весьма важному по своему мѣху, наши промышленники даютъ вышеприведенныя названія, смотря по возрасту и полу животнаго; да и то, показаніе «матки или котики до одного году» не вѣрно. Матками называютъ самокъ способныхъ рождать, а котиками четырехмѣсячныхъ самцовъ или самокъ, родившихся весною. Котики, слѣдовательно, ни сивучи, ни самки сивучей. Ссылаюсь при этомъ на превосходное описаніе морскихъ котовъ, ихъ образа жизни и пр., а также всѣхъ подробностей котоваго промысла, въ сочиненіи Веніаминова (нынѣ митрополита Иннокентія): «Записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла», ч. II, стр. 352 и слѣд.

«*Карагушъ*, видъ малаго орла, Falco chrysaëtos». Но Aquila (или Falco) chrysaëtos никакъ не малаго роста орелъ, а, напротивъ, одинъ изъ самыхъ большихъ: это беркутъ, а въ Сибири холзанъ. Дѣло въ томъ, что карагушъ не Aquila chrysaëtos, а A. clanga Pall. или naevia Brisson.

Далѣе, чрезвычайно сбивчивы, разногласны и отчасти невѣрны объясненія въ словарѣ названій птицъ: соя, сойка, ронжа, кукша, деряба, кедровка, орѣховка. Въ доказательство сопоставимъ относящіяся до этихъ птицъ показанія въ словарѣ:

«*Деряба*, птица Corvus graculus, соя, сойка».

«*Дроздъ рябинникъ*, деряба, Turdus viscivorus».

«*Соя*, *сойка*, Corvus glandarius».

«*Ронжа*, птица соя, сойка, Corvus glandarius, или сибирская лѣсная воронка, Corvus infaustus, наша *лѣсная воронка*, орѣховка».

«*Кукша*, птица Corvus infaustus (glandarius?), лѣсная воронка».

«*Кедровка*, орѣховка, птица вороньяго рода, Corvus caryocatactes (nucifraga?)».

«*Орѣховка*, лѣсная птица вороньяго рода, соя, сойка».

Спрашиваемъ, послѣ этого, что-же такое деряба? Corvus

graculus ли, или Corvus glandarius, или Turdus viscivorus? Или, что такое соя, сойка, такъ какъ это названіе отнесено то къ Corvus graculus, то къ Corvus glandarius, то къ Corvus infaustus, то къ Corvus caryocatactes? и т. д. Намъ скажутъ, можетъ быть, что въ народѣ иногда близко схожіе между собою виды животныхъ означаются однимъ и тѣмъ же названіемъ, или же какое либо названіе въ одной мѣстности дается одному животному, а въ другой, другому. Съ этимъ мы согласны; но все-таки большею частію это относится лишь до близко схожихъ между собою видовъ, здѣсь же подъ однимъ и тѣмъ-же названіемъ показаны птицы, по нынѣшнему взгляду науки, даже различнаго рода, а именно: Corvus graculus, Garrulus glandarius, Nucifraga caryocatactes и Turdus viscivorus. Къ тому-же, въ такомъ случаѣ, слѣдовало бы, при объясненіи названія, указать на всѣ разумѣемые подъ нимъ виды, или же показать, какое значеніе это названіе имѣетъ въ той мѣстности, какое въ другой. Ничего подобнаго въ словарѣ, въ означенномъ случаѣ, нѣтъ. Тамъ одно названіе объяснено другимъ и вслѣдствіе того всѣ названія перепутаны. Попробуемъ разъяснить приведенныя выше названія. По нашему мнѣнію:

Деряба, то-же, что дроздъ рябинникъ, Turdus viscivorus, а ни Corvus graculus, ни сойка.

Соя, *сойка*, Garrulus glandarius, то-же, что въ Сибири *кукша*.

Ронжа, Garrulus infaustus, то-же, что въ иныхъ мѣстахъ Европ. Россіи (въ сѣв. губерн.) *лѣсная воронка*.

Кедровка и *орѣховка*, Nucifraga caryocatactes.

Подобное же разногласіе въ показаніяхъ встрѣчаемъ въ словарѣ и относительно названія «крахаль». Тутъ, въ разныхъ мѣстахъ словаря, показано слѣдующее:

«*Кархаль*, *крохаль*, утка Anas tadorna».

«*Крахаль*, *крохаль* и *кархаль*, нырокъ между гусемъ и уткой».

«*Крохаль*, *крахаль* и *кархаль*, большой нырокъ, Mergus merganser; *кр. хохлатый*, M. serrator; *лутокъ*, M. albellus». При словѣ же «лутокъ» сказано:

«*Лутокъ*, видъ утки или нырка, Mergus serrator; *луточекъ*, лутокъ малый, M. albellus».

Что же, послѣ этого, крахаль? Утка ли Anas tadorna, или нырокъ, Mergus? И какой видъ нырка называется луткомъ? Mergus serrator ли, или M. albellus? Относительно послѣдняго названія, можно было бы еще подумать, что оно приписывается и тому и другому виду нырка, хотя и это не справедливо: виды эти и по величинѣ и по цвѣту пера слишкомъ различны, и потому, сколько мнѣ по крайней мѣрѣ приходилось слышать, никогда и не смѣшиваются въ народѣ, а называется луткомъ одинъ только Mergus albellus. Что же касается до названія «крахаль», то не можетъ быть и сомнѣнія, что утка Anas tadorna никогда крахалемъ не называется, а называются такъ, въ болѣе общемъ смыслѣ, оба наши, нѣсколько схожіе между собою, большіе нырка, Mergus merganser и M. serrator, въ особенности же первый изъ нихъ, какъ самый большой, тогда какъ втораго называютъ также и хохлатымъ или морскимъ крахалемъ.

Перепутаны въ словарѣ также и названія утокъ, съ чѣмъ, впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ (ч. IV, стр. 406), соглашается и самъ авторъ. Такъ, напримѣръ, «*турпанъ*», по его показанію, означаетъ и «черную (дикую) утку, Anas nigra», и «атайку или пѣгашъ, Anas tadorna»; но, послѣдняго значенія это слово не имѣетъ. Впрочемъ, большое число у насъ разныхъ видовъ дикихъ утокъ и близкое сходство между собою многихъ изъ нихъ, въ особенности самокъ и молодыхъ, дѣлаютъ сбивчивость, неопредѣленность и неточность въ объясненіи ихъ названій, въ общемъ словарѣ, весьма извинительными; тѣмъ болѣе, что тутъ и множество мѣстныхъ названій и, кромѣ того, есть и названія болѣе общія, примѣняемыя обыкновенно къ нѣсколькимъ, ближе схожимъ между собою видамъ; таковы, напримѣръ, названія: чернеть, чирокъ, турпанъ, савка и т. д. Тутъ предстоитъ еще большой трудъ, собрать и провѣрить на самомъ дѣлѣ употребляемыя у насъ въ разныхъ мѣстностяхъ названія.

Далѣе, встрѣчаемъ въ словарѣ показаніе:

«*Топорокъ*, морская птица Alca torda». Мнѣ неизвѣстно, чтобы птицу Alca torda гдѣ-либо называли «топоркомъ», да и самъ авторъ въ другомъ мѣстѣ называетъ ее лишь «гагаркой». Положительно же могу сказать, какъ по тому, что самъ слышалъ, такъ и по свѣдѣніямъ собраннымъ консерваторомъ нашего музея, г. Вознесенскимъ, во время восмилѣтняго пребыванія его въ Камчаткѣ, что тамъ топоркомъ называютъ не Alca torda, а другую морскую птицу, Mormon cirrhatum, исключительно водящуюся въ моряхъ Беринговомъ, Охотскомъ и Сѣверо-Японскомъ, и имѣющую клювъ сплюснутый съ боковъ, на подобіе малаго топорка.

Подобныя же противорѣчія и ошибки въ объясненіи названій, какъ по отдѣлу птицъ, встрѣчаемъ и относительно нѣкоторыхъ рыбъ. Такъ, напримѣръ, сказано:

«*Муксунъ*, сибирскій сигъ, Salmo muxun»; въ другомъ же мѣстѣ словаря показано:

«*Мулунъ, муксунъ*, рыба Cyprinus lavaretus».

Здѣсь одно и то-же названіе отнесено къ двумъ рыбамъ, по-видимому, даже разнаго рода. Но рыбы «Cyprinus lavaretus» нѣтъ, — авторъ очевидно хотѣлъ сказать Salmo lavaretus. Слѣдуя Палласу, эта рыба, однако, не муксунъ, а въ Россіи «сигъ», въ Сибири «шокуръ». При послѣднемъ словѣ и въ словарѣ показано: «Salmo schokur», названіе тождественное съ Salmo lavaretus. Муксунъ же рыба, названная Палласомъ, на основаніи ея мѣстнаго русскаго названія, и по-латыни Salmo muksun. Можно быть того мнѣнія, что виды Salmo muksun и S. lavaretus тождественны, но тогда слѣдовало бы, въ обоихъ вышеприведенныхъ случаяхъ, показать или оба названія, или какое-либо одно изъ нихъ.

«*Калуга*, вост. Сиб., бѣлуха (не бѣлуга), морская свинка». Итакъ, по мнѣнію автора словаря, калугою называютъ млекопитающее животное Delphinapterus leucas. На сколько же мнѣ приходилось слышать, въ восточной Сибири калугою называютъ

не бѣлуху, а рыбу изъ рода осетровъ, Acipenser orientalis, и съ этимъ согласно и показаніе у Палласа. —

Выше было уже замѣчено, что главная задача словаря, при объясненіи народныхъ названій животныхъ, должна состоять въ возможно точномъ указаніи, къ какому животному относится то или другое названіе. Достигнуть этой цѣли можно, однако, не иначе, какъ посредствомъ ссылокъ на общепринятыя въ наукѣ латинскія названія животныхъ. Авторъ словаря такъ и поступаетъ. Къ сожалѣнію, однако, нельзя не пожелать и въ этомъ отношеніи побольше исправности.

Такъ, напримѣръ, иногда латинское названіе вовсе не показано, и въ такомъ случаѣ остается, конечно, болѣе или менѣе сомнительнымъ, какое животное разумѣлось подъ означеннымъ названіемъ.

Въ другихъ случаяхъ, вопреки общепринятой въ наукѣ бинарной (родо-видовой) номенклатуры, приведено лишь одно видовое названіе. Можно ограничиться показаніемъ одного лишь родоваго названія, въ томъ случаѣ, если народное названіе относится ко всѣмъ или, по крайней мѣрѣ, къ нѣсколькимъ видамъ какого-нибудь рода животныхъ; но привести одно видовое названіе значитъ то-же, что сослаться, напримѣръ, на человѣка Ивана или Петра, безъ показанія его прозванія. Таковы, напр., слѣдующія показанія:

«*Бѣлогузка*, птица Pygargus». Что разумѣлъ подъ этимъ авторъ, не знаю. Родоваго названія Pygargus, на сколько мнѣ извѣстно, въ зоологіи нѣтъ, — видовымъ же оно встрѣчается; но съ однимъ лишь видовымъ названіемъ ничего не подѣлаешь. Не кроется ли здѣсь ошибка другаго рода? Бѣлогузкой, какъ извѣстно, называютъ дикую козу или козулю, сибирское видоизмѣненіе которой было названо Cervus pygargus. Не хотѣлъ ли, поэтому, авторъ сказать: бѣлогузка, Cervus pygargus?

«*Бѣлошейка*, птица Albecula». Названіе, очевидно, лишь видовое.

«*Терпугъ*, рыба Daecogrammos». Рыбы такого родоваго на-

званія я опять-таки не знаю. Означенное же русское названіе Палласъ относитъ къ нѣкоторымъ видамъ изъ рода Labrax, встрѣчающимся въ Беринговомъ морѣ, а именно L. octogrammus и L. hexagrammus. Весьма вѣроятно оно примѣняется еще и къ другимъ видамъ того же рода, въ числѣ коихъ есть и Labrax decagrammus, котораго авторъ словаря, очевидно, и имѣлъ въ виду.

Повидимому, впрочемъ, подобныя недостаточныя показанія латинскихъ названій въ словарѣ встрѣчаются довольно рѣдко. Большею частію показаны или оба названія, и родовое и видовое, или по крайней мѣрѣ первое, но, правда, и тутъ наталкиваемся мы на разнаго рода неисправности; такъ, латинскія названія переданы иногда въ болѣе или менѣе искаженномъ видѣ, или слѣдуя авторамъ чуть ли не до-Линнеевскаго времени, или, наконецъ, родовое и видовое названіе перемѣшаны. Вотъ примѣры:

«*Ирбисъ*, байкальскій барсъ, Felis uncia». Это названіе нынѣ вовсе не употребляется да и дастъ лишь поводъ къ недоразумѣніямъ; употребительное же нынѣ названіе — Felis irbis. Почему авторъ называетъ этотъ видъ «байкальскимъ», не знаю, такъ какъ онъ водится и въ западной Сибири, и за Байкаломъ, и на Амурѣ, и въ сѣверномъ Китаѣ и т. д. Скорѣе слѣдовало бы сказать: сибирскій барсъ.

«*Зубрь*, видъ дикаго быка, Bos jubatus». Названіе опять-таки вовсе неупотребительное вмѣсто Bos urus.

«*Своистунъ*, рыба Sus marinus». Такого названія рыбы со временъ Линнея быть не можетъ, потому что Sus родовое названіе свиней.

«*Пескорой*, животное роду угрей, Lanson ammodyte». Авторъ, очевидно, имѣлъ въ виду рыбку Ammodytes tobianus, которая по французски называется «le Lançon». Другой видъ того-же рода, называемый по французски «l'Equille», получилъ въ наукѣ названіе Ammodytes lancea.

«*Кроншнепъ*
«*Степняга*
«*Улита* } птица Numidia arcuata», вмѣсто Numenius arcuata.

«*Чертова курица*, Gallinago chloropus», вм. Gallinula chloropus.

«*Дзынга*, Fuligo nigra и F. fusca», вм. Fuligula nigra и F. fusca.

«*Шилоноска*, Avocetta recurvirostra», вм. Recurvirostra avocetta.

«*Волосатка*, Sepia octopodia», вм. Sepia octopus, и т. д.

Нельзя, наконецъ, не сожалѣть, что въ латинскія названія, въ словарѣ, вкралось большое множество опечатокъ, вслѣдствіе чего незнакомые съ этими названіями и желающіе отыскать ихъ въ зоологическихъ сочиненіяхъ, могутъ встрѣтить иногда затрудненія. Я позволю себѣ указать на нѣкоторыя изъ опечатокъ, невольно бросившіяся мнѣ въ глаза. (Привожу при этомъ въ скобкахъ слово, при которомъ означенныя названія показаны въ словарѣ).

«Cervus capreolus (pygagrus) (олень)», вм. Cerv. capr. (pygargus).

«Myotus (мышловка)», вм. Myoxus.

«Lemnus (пеструшка)», вм. Lemmus.

«Spermophylus (сусликъ)», вм. Spermophilus.

«Ottaria (морской левъ)», вм. Otaria.

«Trichecus rosmarus (моржъ)», вм. Trichechus rosmarus.

«Falco heliaetos (скопа)», вм. Falco haliaëtos.

«Ciracetus (крачунъ)», вм. Circaëtus.

«Turdus piloris (дроздъ сѣрый)», вм. Turd. pilaris.

«Motacilla aenante (каменка)», вм. Mot. oenanthe.

«Luxia enucleator (щуръ)», вм. Loxia enucleator.

«Columbo (голубь)», вм. Columba.

«Columba oenos (голубь дикій, каменный)», вм. Col. oenas.

«Coturnix dactylisonus (перепелъ)», вм. Cot. dactylisonans.

«Meleagris gallopavi (индѣйка)», вм. Mel. gallopavo.

«Avoceta (шилоноска)», вм. Avocetta.

«Phaloropus (плавунчикъ)», вм. Phalaropus.

«Anser bernicula (казарка черная)», вм. Anser bernicla.

«Aica tarda (гагарка)», вм. Alca torda.

«Ichthiosaurus (ихтіозавръ)», вм. Ichthyosaurus.

«Daccogrammos (терпугъ)», вм. (Labrax) decagrammus.

«Leucioperca sandra (судакъ)», вм. Lucioperca sandra.

«Xiphios gladius (мечъ-рыба)», вм. Xiphias gladius.

«Anarhichas lupus (морской волкъ)», вм. Anarrhichas lupus.

«Cyprinus carpionis (сазанъ)», вм. Cypr. carpio.

«Cyprinus barellus (сапа)», вм. Cypr. ballerus.

«Phocsinus laevis (голышъ, Приб. 14)», вм. Phoxinus laevis.

«Salmo solar (семга)», вм. Salmo salar.

«Salmo lecoc (ленокъ)», вм. Salmo lenok.

«Engraulis encrasicolus (хамза)», вм. Engr. encrasicholus.

«Diadon (еже-рыбъ)», вм. Diodon.

«Syngnatus hippocampus (конекъ)», вм. Syngnathus hippocampus.

«Palaemona (рачекъ морской)», вм. Palaemon.

«Scarabaeus ceppalotus (головачъ)», вм. Scar. cephalotus.

«Tydiscus marginalis (казакъ)», вм. Dytiscus marginalis.

«Casida (щитоноска)», вм. Cassida.

«Coccionella (Божья коровка)», вм. Coccinella.

«Blotta occidentalis (прусакъ)», вм. Blatta occidentalis.

«Acorus (клещъ)», вм. Acarus. Acorus, родъ растеній.

«Petunculus (гребникъ)», вм. Pectunculus.

«Solea siliqua (черепокъ)», вм. Solen siliqua. Solea, родъ рыбъ, близкихъ къ камбаламъ или палтусамъ, — косороты.

На основаніи всего вышеизложеннаго, мы приходимъ къ тому заключенію, что Толковый словарь Даля, относительно названій животныхъ, содержитъ весьма богатый, драгоцѣнный матеріалъ, но все-таки лишь матеріалъ, требующій еще повѣрки на самомъ дѣлѣ, а никакъ не составляетъ общаго, критически разработаннаго и сколько-нибудь законченнаго свода русскихъ зоологиче-

скихъ названій. При всемъ томъ, однако, означенный словарь, по богатому запасу въ немъ словъ и вѣрному объясненію большей части изъ нихъ, и въ зоологическомъ отношеніи трудъ весьма полезный, которому нельзя не порадоваться и отъ души не пожелать награды.

О БОТАНИЧЕСКИХЪ НАЗВАНІЯХЪ ВЪ „ТОЛКОВОМЪ СЛОВАРѢ" Г. ДАЛЯ.

ЗАМѢТКА АКАДЕМИКА Ф. И. РУПРЕХТА.

Я долго занимался собираніемъ русскихъ названій растеній, и, окончивъ въ прошломъ году сборникъ 13.000 такихъ именъ изъ всѣхъ частей Россіи, передалъ въ Ботаническій Музей Академіи Наукъ рукопись подъ заглавіемъ «Русскія народныя названія растеній». Передъ изданіемъ этого труда въ немъ должны быть еще сдѣланы дополненія изъ нашихъ академическихъ словарей, изъ ботаническаго словаря г. Анненкова и особенно изъ Толковаго словаря В. И. Даля. По этому поводу я съ особеннымъ интересомъ просматривалъ во многихъ мѣстахъ трудъ писателя, обладающаго такимъ основательнымъ знаніемъ русскаго языка, а также знакомаго и съ ботаникой, и вездѣ находилъ у него полезныя указанія, такъ что въ отношеніи къ названіямъ растеній долженъ поставить трудъ г. Даля выше словаря Академіи, въ которомъ встрѣчалъ слишкомъ много книжныхъ названій, совершенно неизвѣстныхъ въ народѣ *).

Моя работа ограничивается однимъ точнымъ обозначеніемъ даннаго растенія, указаніемъ ботаническаго названія; относительно же ороографіи и всего, что касается лингвистики, надобно бы напередъ обратиться къ интересующемуся этимъ дѣломъ ученому знатоку языка. Теперь я началъ заносить куда слѣдуетъ употре-

---

*) См. выше стр. 56 и 57.

бительныя у нѣкоторыхъ западныхъ Славянъ названія растеній; безъ этого прибавленія нельзя было бы имѣть вполнѣ яснаго понятія о предметѣ. Я очень дорожу, сверхъ того, древними свидѣтельствами, и извлекъ уже изъ польскихъ и чешскихъ памятниковъ названія, относящіяся къ 16 и 17 столѣтіямъ, тогда какъ изъ русской письменности мнѣ до сихъ поръ извѣстны только имена, собранныя Виніусомъ при Петрѣ Великомъ.

При этомъ случаѣ замѣчу, что слѣды славяно-русскихъ именъ растеній попадаются еще у Діоскорида. Профессоръ Брунъ въ Одессѣ первый обратилъ мое вниманіе на дакійское названіе растенія Helleborus niger, которое Діоскоридъ пишетъ προδιορνα, и дѣйствительно Helleborus ядовитъ, такъ что ни одно животное къ нему не прикасается. Далѣе у Діоскорида встрѣчается не обозначенный ближе простой злакъ, по дак. κοτιατα, вѣроятно по причинѣ пушистой, шелковистой метелки, которая при осязаніи подобна шерсти или хвосту кота.

Далѣе Hyoscyamus (бѣлена) является у Діоскорида подъ дак. названіемъ διελειια; въ неаполитанскомъ же кодексѣ извѣстный библіотекарь Колларжъ читалъ διελλενα. Такъ, можетъ быть, и нѣкоторыя другія дак. названія искажены переписчиками, напр. δυν, πριαδηλα, ελμα. Выше приведенные примѣры можетъ быть не просто дѣло случая, а при развѣдываніи дакійскихъ именъ могли закрасться иныя славянскія, записанныя по слуху не совсѣмъ правильно, какъ напр. διελλενα вм. βιελλενα. Древнѣйшія двѣ рукописи Діоскорида, Codex Byzantinus и Codex Neapolitanus, относятся къ V вѣку; обѣ въ дворцовой вѣнской библіотекѣ, но не совсѣмъ между собой согласны; въ обѣихъ есть дак. названія. Хотя не невозможно, что они записаны послѣ I столѣтія, однакожъ есть ученые, какъ напр. компетентный Шпренгель, которые доказываютъ, что Діоскоридъ въ качествѣ врача при римскихъ легіонахъ могъ находиться въ Дакіи еще до Траяна.

ДОПОЛНЕНІЯ И ЗАМѢТКИ

Я. К. ГРОТА

КЪ «ТОЛКОВОМУ СЛОВАРЮ» ДАЛЯ.

Эти прибавленія не составляютъ ничего систематическаго. Въ продолженіе многихъ лѣтъ я, при встрѣчавшихся случаяхъ, записывалъ слова, которыхъ не находилъ въ нашихъ словаряхъ. Здѣсь собраны въ азбучномъ порядкѣ тѣ изъ нихъ, которыя пропущены и В. И. Далемъ. Къ нимъ присоединены также нѣкоторыя слова, хотя и занесенныя имъ въ Толковый Словарь, но не вполнѣ удовлетворительно или не во всѣхъ своихъ значеніяхъ тамъ объясненныя. Такія слова, какъ уже находящіяся въ словарѣ Даля, отмѣчены у меня звѣздочкою. Изъ этого списка не исключены и попадавшіяся мнѣ чисто-мѣстныя слова: они также могутъ пригодиться нашимъ будущимъ лексикографамъ. Народныя слова записаны мною или по собственнымъ моимъ наблюденіямъ (особенно въ Ряз. губ.), или по замѣткамъ, сообщеннымъ мнѣ достовѣрными людьми.

АНТОНОВЪ ОГОНЬ *. Тутъ не излишне было бы прибавить, что такъ первоначально называлась (feu d'Antoine, Antonius-feuer) воспалительная рожа, которая въ XI вѣкѣ распространилась въ западной Европѣ и отъ которой, по народному повѣрью, исцѣляли мощи св. Антонія.

ВАТАРЬ. «Растетъ лопухъ, репья, всякій *батарь*, какъ говорятъ здѣсь» (изъ Тамбов. губ.). *Спб. Вѣд.* 1868, № 177.

ВИРЪ. Поголовная подать, платимая царанами въ Бессарабіи. *(Воен. статист. обозрѣніе Бессар.)*.

БОГОМИЛЪ *. Послѣдователь особой ереси; см. Пыпина *Ист. слав. литератур* (статья Болгарія, стр. 59 и далѣе).

БОЁКЪ *. Та часть цѣпа, которою бьютъ хлѣбъ. (Другая часть называется *кáдочка*, а кожа, которою обѣ части молотила соединяются — *пудцо*).

ВОМЪ *. Трудно проходимое ущелье; трудно проходимая тропинка между скалами въ горномъ ущельи (Сибирь).

ВОСОЙ *. *Босая лошадь* — такая, у которой плохія, слабыя копыта; противоположн. *обувистая лошадь*. (Послѣднее означено у г. Даля).

БОЧКА *. Небольшая сѣть, употребляемая для лова снетковъ въ Пск. губ. *(Военно-статист. обозр. Пск. г.)*.

БОЯРЫНАШЪ. Люди, не происходящіе отъ дворянскаго сословія, но достигшіе низшихъ молдавскихъ чиновъ, дающихъ нѣкоторыя боярскія права (Бессар.).

ВРАТЕНЕКЪ *. Двоюродный братъ (Смол. губ.).

БРАТЪ-ДѢТИ. Двоюродные братья. «Мы съ нимъ *братъ-дѣти*». (Смол.).

БРАШНО *. При этомъ словѣ необходимо было бы прибавить ссылку на народное *бóрошно* (ржаная мука), которое есть и у г. Даля, но не сближено съ книжнымъ, болѣе извѣстнымъ *брашно*. См. *борошень*, при которомъ къ объясняющимъ словамъ слѣдовало присоединить *багажъ*: «Свита слѣдовала за нимъ съ борошнемъ (т. е. съ багажемъ) на другой яхтѣ». (Устрялова *Ист. Петра В.*, т. IV, стр. 108).

ВУБУХАЛИ ПУШКИ. *Война и Миръ* IV, 318.

ВѢЛУХА. Названіе высочайшей горы въ Алтайскомъ хребтѣ.

ВАЛОКЪ *. (Пейп.). Мѣшкообразная сѣть для лова угрей.

ВЕРЕТЕНИЦА *. «Это слово имѣетъ въ зоологіи двоякое значеніе; такъ называется: 1) мѣдянница, Anguis fragilis, животное переходное отъ ящерицъ къ змѣямъ, по-нѣм. Blindschleiche, и 2) родъ молюсковъ, Fusus, раковина котораго похожа на веретено, откуда и нѣмецкое названіе его: Spindelschnecke, или просто Spindel». (Замѣтка Л. И. Шренка).

ВЕРХОВОЙ *. При этомъ словѣ надобно еще прибавить реченіе: *верховыя пушки*=мортиры. (Устр. *Исторія Петра В.*, т. II, стр. 187).

ВЗАИМОДѢЙСТВІЕ. Давно введенное и всѣмъ извѣстное слово не должно быть опускаемо въ словаряхъ.

ВЗОРОДЪ *. Груда соломы, также стогъ сѣна.

ВИДЪ *. «Ружье, стволъ котораго къ концу толще и потому шире, — называется или называлось *съ видомъ*». (*Восп.* Аксак., стр. 150 *).

ВИХОРНИЧАТЬ. Быть легкомысленнымъ, напр. часто мѣнять мѣсто службы.

ВОВКУЛАКА * (вм. волкодлакъ) есть очевидно не великорусская форма и потому не должно стоять на первомъ мѣстѣ; форму же *волкодлакъ* слѣдовало включить въ гнѣздо слова *волкъ*. Любопытно сравнить въ Сербскомъ словарѣ Караджича обширныя поясненія подъ словомъ «*вукòдлак*». *Длака*, серб. = волосъ конскій или коровій; клокъ волосъ. См. также Пыпина *Ист. слав. литературъ*, стр. 74.

ВОДА *. При этомъ словѣ надобно объяснить употребленіе его съ слѣдующими прилаг.: *Матерая* —, глубь; *сочная*, *жирная* —, глубина въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ межень бываютъ отмели; *сухая* —, мелкая; *живая* —, глубь, ближайшая къ обмелѣвшему мѣсту.

ВОДОВИКЪ. Большія сани, употребляемыя при ловлѣ снетковъ въ Пск. губ. подъ свозъ *запаса* (см. это слово). **Водовица**, особая ладья, употребляемая лѣтомъ при запасахъ. (*Воен.-статист. обозр. Пск. губ.*, стр. 102).

ВОДОПОЛИЦА. Еще форма словъ *водополь* и *водополье*.

ВОЗЕРО, **ВОКОШКО.** Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Смоленской губ. (Порѣчскомъ, Духовщинскомъ, Красненскомъ и частью Смоленскомъ) всегда слышится придыханіе *в* передъ начальнымъ о.

ВОЛОПЁРЪ. Рослый и дюжій, но лѣнивый.

ВОЛОСЕЦЪ. (Спб.). Волосатикъ.

ВООДУШЕВЛЕНІЕ. Пропущено у г. Даля, такъ же какъ и въ академич. словаряхъ.

ВОРОНОГРАЙ. Пропущено, какъ и въ акад. словаряхъ.

ВСКЛОКОЧЕННЫЙ. Пропущено; но въ живомъ языкѣ употребляется чаще нежели книжное *всклоченный*, хотя и признанное по гречевой грамматикѣ единственно вѣрнымъ.

ВСПЫРСКИВАТЬ. «Жаворонки вспырскивали». (*Война и Миръ*, IV, 18). *Пырскать* у г. Даля означено только подъ *прыскать*.

ВСТРЕПЫХАЛАСЬ, какъ курица (*Война и Миръ*, IV, 146).

ВЫВОДЪ *. Плата, которую женихъ вноситъ за невѣсту родны

---

*) Здѣсь ссылки вездѣ на изданіе 1856 года. *Сем. Хроники и Восп.*

ВЫРЕЗУБЪ *, рыба. По Далю, Cyprinus dentex, съ прибавленіемъ въ скобкахъ Cephalus съ вопрос. знакомъ. Слышавъ иногда *верезубъ*, я по этому поводу обращался къ Л. И. Шренку, который между прочимъ отвѣчалъ мнѣ: «Cypr. cephalus, какъ Палласъ называетъ эту рыбу, водится въ Черномъ морѣ (а также и въ Каспійскомъ), и изъ него подымается далеко вверхъ по рѣкамъ южной Россіи. По Кесслеру (Путеш. къ сѣверн. берегу Чернаго моря) вырезубъ — Leuciscus Friesii и встрѣчается во всей южной Россіи. Палласъ приводитъ народное названіе указываемой имъ рыбы изъ Малороссіи: *вырезубъ* и *вирезубъ*. Онъ объясняетъ это названіе тѣмъ, что нѣкоторые изъ зубовъ, которыхъ у этой рыбы вообще очень немного, да и то лишь въ глоткѣ, въ нижней своей части выдолблены или какъ бы съ вырѣзкою. Кесслеръ приводитъ названія *вырезубъ* и *вырѣзъ*, не объясняя ихъ.»

ГАЛЕРА *. На Днѣстрѣ паромъ въ 6 саж. ширины и въ 12 длины, подымающій тяжести отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ пудовъ. *(Воен. статист. обозр. Бессарабіи).*

ГЛУМЕНА́МИ. Попеременно или чрезполосно (о бурѣ или дождѣ).

ГОЛОВАШКА. Носокъ лаптя. См. лапоть.

ГОЛОМЕНЬ, или **ГОЛОМЯ** *. Плоская сторона полосы у меча, сабли и пр. (Савваит. *Описаніе царскихъ утварей* и пр., стр. 165).

ГОМОЗИТЬСЯ *. Помѣщено неправильно подъ словомъ *гомъ*. Корень его ясенъ изъ чеш. hmiz = насѣкомое.

ГОРЕЦЪ (горцы). Житель горъ.

ГОРЛОДРАНЕЦЪ. То же, что горлодеръ.

ГОРЯНЩИНА *. Разная посуда, глиняная и фаянсовая, коробья и всякія деревянныя издѣлія, сплавляемыя къ низовые поволжскіе города съ *горы*, т. е. съ верховьевъ Приволжья, преимущественно изъ Городца и Балахнинскаго уѣзда Нижегор. губ.

ГРЕМЯЧЪ. Народное названіе ключа, по которому такъ называется множество селеній въ разныхъ губерніяхъ.

ГРИВЬЁ, собират.

ГРИВА *. Продольная отмель въ рѣкѣ (Спб.).

ГРЫДОРОВАТЬ. Вм. *гравировать* въ XVIII ст. Одно изъ многихъ словъ первой эпохи новой русской письменности, которыя еще не вошли въ наши словари.

ДА́ДЕНЪ. Употребительное въ народѣ страд. причастіе гл. *дать*.

Такимъ же образомъ говорится: *отдадень*, *продадень*. (Смол. губ.).

ДАЧА *. Г. Далемъ пропущено значеніе, показанное въ акад. словарѣ: «Угодья и земли, принадлежащія помѣщику или государственнымъ крестьянамъ. *Въ моихъ дачахъ много строеваго лѣсу. Лѣсная дача*». Въ этомъ смыслѣ говорятъ, напр.: «*У него дурная, неудобная, безобразная дача*», т. е. дача, по своему очертанію или другимъ обстоятельствамъ невыгодная.

ДЕМЬЯНКА *. Огородный овощь, плодъ котораго съ виду похожъ на огурецъ, весьма употреб. въ Астрахани и за Кавказомъ, гдѣ называется *бадинджаномъ*.

ДЕСЯТИНА *. Подъ этимъ словомъ пропущены у г. Даля названія *тридцатка*, *сороковая* и *сотенная*, которыя и на своихъ мѣстахъ не объяснены имъ въ отношеніи къ десятинѣ.

ДОЛОВАТЫЙ. *Рожь доловатая*, — растущая въ долинѣ или лощинѣ.

ДОМВРА. Варганъ. У г. Даля есть *Домра́* съ значеніемъ «азіатская балалайка съ проволочными струнами».

ДОМНЕШТЫ. Бессарабскія яблоки.

ДОРОГО́ВЬ. (Ряз.) Дороговизна.

ДОРО́ЖКА * (Пейп.). Рыболовный крючокъ, висящій на шнуркѣ.

ДОСТАКАНЪ, ДОСТОКАНЪ. Другая форма словъ: *досканъ*, *досканецъ* и сокращ. *стаканъ* *) (вм. дстаканъ, какъ *чанъ* вм. *дщанъ* **). «Кубки золоченые и не золоченые съ пупышами, травами и достокановымъ дѣломъ». (*Ист.* Соловьева, т. V, стр. 481). «Кувшины, бочки, ендовы, достаканы» (тамъ же, т. VII, стр. 4).

ДЫВА *. Подробное объясненіе этого орудія пытки см. въ *Соч. Держ.*, 1-е изд. Ак. Н., Т. III, стр. 629.

ДЫМКА *. Головной женскій уборъ, по большей части изъ шелковой матеріи, часто съ цвѣтами.

ДѢЛОВИТЫЙ, дѣловитость. *Спб. Вѣдом.* 1867, нояб. 10.

ДЯДЬКА *. Дядя (Смол. губ.).

ЕГОРІЙ *. Ошибка въ пословицѣ: «Коли къ Егорью листъ не въ полушку, не жди, чтобъ къ Ильину дню класть рожь въ кадуш-

---

*) Какъ замѣчено и г. Далемъ подъ сл. *стаканъ*; но въ своемъ мѣстѣ слово *достоканъ* не занесено у него. Совершенно произвольно сближали *стаканъ* съ словомъ *стекло*. Тутъ сходство звуковъ случайное. Стаканы были сперва не стеклянные.

**) Магницкій въ своей Ариѳметикѣ пишетъ *Тчанъ*.

ку». Должно быть: *въ кладушку*, т. е. въ одóнушко, небольшой скирдъ.

ЕРБОЙЗЪ. Земляной зайчикъ. Объ этомъ названіи Л. И. Шренкъ сообщаетъ: «То же, что бабукъ, или тушканчикъ, грызунъ съ длинными задними (прыгательными) ногами; водится въ степяхъ южной России и Сибири. По-французски животныя этого рода, въ особенности Dipus Sagitta (тушк. быстрый), называются «gerboise», по-нѣмецки и англійски «jerboa»; отсюда конечно и русское *ербоизъ*, названіе, впрочемъ, во всякомъ случаѣ лишь книжное, въ народѣ неупотребительное» *).

ЕРМОЛАФІЯ (вм. ирмологія). Семинарское слово: дребедень, шумная, многословная болтовня.

ЖАЛЕЙКА (не *желейка*). Дудка. Слѣдуетъ прибавить: изъ камыша.

ЖАРОВИНА. Растеніе: vaccinium oxycoccos; canneberge, coussinet des marais (Рейфъ).

ЖМУТОКЪ. (Муром. легенда, по Буслаеву. *Атеней* 1858, № 30).

ЗАБАВА *. Стар. и народ. Замедленіе, причина замедленія. *Забавиться*, замѣшкаться. *Позвольте идти: я не забавлюсь.*

ЗАБАСТОВКА. «Нелѣпое притязаніе не допускать до занятій рабочихъ въ той отрасли промышленности, гдѣ устроилась *забастовка*» (*Моск. Вѣд.* 1869, № 130: «Изъ Парижа»).

ЗАКОЛЯНИТЬСЯ. «Ахъ вороны, заколянились! кричали на ополченцевъ, замявшихся передъ солдатомъ съ оторванной ногой». (*Война и Миръ*, IV, 298).

ЗАКОРУЗЛЫЙ, или **ЗАСКОРУЗЛЫЙ.** У Даля только глаголъ *заскорузнуть.*

ЗАНОСЫ *. *Спб. Вѣд.* 1867. № 297. Судеб. хрон.

ЗАПАСЪ *. Неводъ особеннаго устройства для ловли снетковъ въ Псков. губ. Главныя составныя части запаса: матна и два крыла. (*Воен.-стат. обозр. Пск. губ.*, стр. 101).

ЗАПИСЬ * (въ древнихъ рукописяхъ или на вещахъ). *Спб. Вѣдом.* 1867, № 304. Засѣд. Археолог. Общ.

ЗАПЛОТЪ *. «Заплотами въ Оренбургскомъ краю обыкновенно крѣпости окружаются». (Донес. кн. Щербатова отъ 1 іюня 1774 въ архивѣ Генер. Штаба).

ЗАСИДКИ *. «Темные осенніе вечера установили между рабочимъ

---

*) Описаніе этого животнаго, сдѣланное на мѣстахъ, гдѣ оно водится, см. въ *Соч. Держ.*, Т. V, стр. 385.

населеніемъ одинъ весьма своеобразный обычай — празднованіе такъ называемыхъ «засидокъ», т. е. начало работъ при вечернемъ освѣщеніи... Начало *засидокъ* совпадаетъ съ послѣдними числами августа или первыми сентября» (*Русс. Инв.* 1866, № 232). У Нѣмцевъ Lichtbraten.

ЗАСТАВА * (Нейп.). Сѣть, прикрѣпляемая однимъ концомъ къ отверзтію ризца, которое она раздѣляетъ на двѣ половины, другимъ же къ жерди втыкаемая въ дно саженяхъ въ трехъ впереди ризца. Этимъ же именемъ *(заставой)* называется сѣть, разставляемая въ нѣкоторомъ разстояніи отъ проруби, въ которую вытягиваютъ зимніе невода.

ЗМЕТЪ (сѣверн.). Фасонъ.

ЗОЛА *. Пропущена поговорка: «Надо сѣять хоть въ золу, да въ пору» (не пропускать срока для сѣва).

ИЗАРВАТЪ. У Рейфа: «brocart, étoffe de soie brochée d'or». Въ акад. словарѣ: зарбавъ, родъ парчи. Собственно *зербафъ*, персидское слово, то же что парча, золотная или серебряная, ткань съ узорами шелковыми, серебряными и золотыми (П. Савваитова *Описаніе старинныхъ царскихъ утварей* и проч., стр. 173). Изъ этой дорогой ткани дѣлались съ 1666 г. нарядныя одежды (П. Строева *Указатель къ Выходамъ Государей* и пр., стр. 30).

«Въ изарбатахъ бы ходили,
Во парчахъ и во камкахъ».
(*Соч. Держ.*, Т. IV, стр. 88 и 89).

ИЗБА *. Пропущ. поговорка: «Моя изба съ краю, я ничего не знаю».

ИСАДЫ *. Владѣніе, дача.

КАЗНА БѢЛАЯ *. Полотна, скатерти (Бусл. *Ист. Грам.* II, § 219, стр. 195).

КАЛИВЕРЪ *. Извощикъ съ дрожками особаго устройства. (*Моск. Вѣд.* 1864, № 112. Моск. отмѣтки).

КАЛМЫЖКА (папиш). *Война и Миръ*, IV, 319.

КАЛО. *Война и Миръ*, V, 89.

КАНЬГА́ *. Краденое желѣзо, по Камѣ (*Русск. Дневникъ* 1859, № 2). Слѣдоват., вопросительный знакъ у г. Даля не нуженъ.

КАПЦУКЪ * (намордникъ, наголовникъ на молодыхъ лошадей). Такъ у г. Даля; у Рейфа же *Капцунъ* (Kappzaum).

КЕНЕ́СИТЬ. Совѣтоваться, разсуждать о чемъ (у Сиб. казаковъ на Иртыш. линіи; отъ киргиз. *кенесъ*, совѣтъ).

КИНЗА́. Bifora radians, зонтичное растеніе непріятнаго запаху, употребл. въ пищу за Кавказомъ.

КИ́ТЫ. Кульки, набитые камнемъ или землею, погружаемые у подножья учуговъ для укрѣпленія ихъ (Астрах.).

КИЧКИРЫ (чикчиры?). «Любуясь ... красивыми формами своихъ ногъ подъ натянутыми кичкирами» (*Война и Миръ*, V, 194).

КЛАДКИ (множ.). Гранитная стѣна поперекъ Днѣстра, ниже Ямполья, не выдающаяся изъ воды и тѣмъ болѣе опасная. (Бессар.).

КЛЁВЪ * (рыбы). «... я рѣдко удилъ рыбу, вѣроятно потому, что въ это время года клёвъ всегда бываетъ не значительный; я разумѣю клёвъ крупной рыбы». (Аксак. *Воспом.* стр. 197).

КОБУРА, или **КАВУРА** *. Футляръ для пистолета у пояса или на сѣдлѣ.

КОККУЙ. Купало, сельская игра 23 іюля (Бусл. *О преподав. отеч. яз.* ч. II, стр. 350). Ср. фин. Kokko.

КОЛОДЕЗНЯ. «Пчеловодъ открываетъ верхнюю колодезню и осматриваетъ голову улья». (*Война и Миръ*, V, 84).

КОЛЧА *. «... проѣхали по вновь проложенной артиллеріею по колчамъ пашни дорогѣ». *Война и Миръ*, IV, 256.

КОРОМЫСЛИКЪ. (*Моск. Вѣд.* 1865, № 130). Насѣкомое, иначе *коромысло.* По объясненію Л. И. Шренка: «сѣтчатокрылое насѣкомое рода Libellula, въ особенности самый большой видъ его, Lib. (или лучше Aeschna) grandis».

КОСЯКЪ * **КОБЫЛИЦЪ.** «... уже степной жеребецъ гордо и строго пасетъ косякъ кобылицъ своихъ, не подпуская къ нему ни звѣря, ни человѣка». (Акс. *Сем. Хр.*, стр. 26).

КОТЛУВА́НИ *. Озеровидныя расширенія рѣки Урала (Н. Данилевскій).

КОТЛЯНЫЙ *. Темносиній.

КОША́КЪ *. Рѣшетка изъ тонкихъ шестовъ, привязываемая къ сваямъ учуга. (На Уралѣ и въ Астрах.).

КОШИРНЫЙ. Коширное мясо (*Спб. Вѣдом.* 1865, № 277, о Бердичевѣ). У г. Даля *кошира* = овечій хлѣвъ.

КРАСНОРЯДЕЦЪ. Купецъ или сидѣлецъ, торгующій въ рядахъ краснаго товара (Никитина *Кулакъ*, стр. 127).

КРАСНЫ * вм. кросны. (Муром. легенда, по Буслаеву. *Атеней* 1858, № 30).

КРУТИГОЛОВКА (пташка). Yunx (или Junx) torquilla, le torcol (то же, что *вертиголовка*, *вертошейка*).

КРѢПОСТНИКЪ. Защитникъ крѣпостнаго права.

КРЮЧОКЪ *. «Выпивъ лишній крючокъ на тычкѣ». (*Война и Миръ*, IV, 224).

КУЛАКЪ *. «Мелкій базарный перепродавецъ, который по нуждѣ и обвѣситъ и обмѣритъ; въ общемъ же смыслѣ всякій, кто личному интересу, матеріальной выгодѣ жертвуетъ всѣми другими соображеніями». (*Спб. Вѣд.* 1858, № 165, фельетонъ).

КУТЕЙНИКЪ. «... она терпѣть не могла семинаристовъ, въ чемъ совершенно соглашался съ нею мой отецъ, который называлъ ихъ кутейниками». (Акс. *Восп.* стр. 127).

ЛАДЫ *. Употребляется еще въ томъ же смыслѣ какъ стати: лады коровы и др. животныхъ.

ЛАПОТЬ *. Ихъ плетутъ либо съ *ушникóмъ*, т. е. съ веревочной каймой, либо (какъ подъ Москвой) въ *простоплетку*, т. е. загибаютъ по краю самое лыко. Первый способъ гораздо выгоднѣе, прочнѣе, такъ что такіе лапти могутъ прослужить, безъ перемѣны, нѣсколько сотъ верстъ, тогда какъ съ простоплеткой пройдешь только одну *пряжку*, т. е. сдѣлаешь только одинъ конецъ (до Москвы изъ южн. части Ряз. губ., гдѣ слышано это объясненіе). Плесть лапти надобно въ *расть*, т. е. въ ту пору, когда листья распускаются, — изъ *растоваго лыка*; зимой же приходится распаривать лыко. Носокъ лаптя называется *головашкой*.

ЛАПУХА *. По Карамзину, значитъ: скарлатина, а не вѣтряная оспа. (*Атеней* 1858, № 25, п. 125).

ЛÉДЕНЬ * (Пейп.). Мѣшкообразная сѣть на обручѣ для очистки прорубей отъ мелкаго льда.

ЛЕДЯНКА *. «... летѣли съ высокой горы ... на маленькихъ салазкахъ, конькахъ и ледянкахъ: ледянки были ничто иное, какъ старыя рѣшета, или круглыя лубочныя лукошки, подмороженныя снизу такъ же какъ и коньки». (Акс. *Восп.* 94).

ЛЛЕНОЙ, АЛЛЕНОЙ. Акс. *Сем. Хр.*, стр. 36.

ЛУЗГА * (гречневая), какъ топливо. *Моск. Вѣд.* 1857, № 34.

ЛУТОШЛИВЫЙ. Не по лѣтамъ смѣтливый (о ребенкѣ).

ЛУЧÓКЪ. «... принялся ловить птичекъ силками, крыть ихъ лучкомъ и сажать въ небольшую горницу». (Акс. *Восп.* 15).

ЛЬГА *. Подъ этимъ словомъ пропущено выраженіе: не во льгу = не въ мочь.

ЛЬГОТА *. У Ломоносова и у Державина = свобода, благосостояніе.

ЛѢЧУХА (у Рейфа лечуха). Растеніе: sanicula europaea; sanicle, luzerne.

МАЛЁНКА * (сѣверн.). Четверикъ.

МАНГАЛЫ *. Огромные кощи, наполненные угольемъ (Бесс.). Жаровня, около которой грѣются зимою (Закавк.).

МАТЕРИКЪ *. «Прудъ надулся и весь посинѣлъ, ледъ поднялся, истрескался и отсталъ отъ береговъ, материкъ давно прошелъ и вода едва помѣщалась въ каузѣ». — «... вода-то пойдетъ по канавѣ чай тихо, не то что прямо изъ материка». (Акс. *Восп.* 97, 99).

МЕДВЯ́НИКЪ. Насѣком. Bombylius (asile velu, bourdon), «родъ мухъ (двукрылыхъ насѣкомыхъ съ хоботомъ, покрытыхъ густыми волосками и извѣстныхъ также подъ именемъ журчалъ» (Л. И. Шренкъ).

МЕДО́ВИЧЪ. «Беру на себя все управленіе имѣніемъ, чтобы пугнуть твоего сахара медовича». (Акс. *С. Хр.*, 92).

МЕЗГА, МЕЗДРА *. Такъ во всѣхъ нашихъ словаряхъ; но не правильнѣе ли будетъ *мязга, мяздра* отъ *мясо*, какъ *розга* отъ корня *рос* (собств. *росга*) и *ноздря* отъ *носъ?*

МЕРЕЯ *. (Павскій, *Филол. набл.* Разсужд. II, § 18). По Далю: мелкоклѣтчатый узоръ. Но отчего помѣщено имъ въ одномъ гнѣздѣ съ *мерда, мереда?*

МЕТЫЛЬ. По акад. словарю насѣкомое Ephemera horaria; а по Карамзину «метыль то же, что *мотыль*: гной (см. *Лексик. Кутеинскій*), желтоватая нечистая влажность. Ясно, что въ Новѣгородѣ шелъ такъ называемый сѣрный дождь, pluie de soufre (см. Бомара): явленіе довольно обыкновенное въ окрестностяхъ сосноваго лѣса» (*Ист. Гос. Р.*, т. II, прим. 256).

МІРОВОЗЗРѢНІЕ, МІРОСОЗЕРЦАНІЕ. Пропущено.

МОНИТОРЪ. Названіе, придуманное въ Америкѣ для броненоснаго судна, котораго главная особенность состоитъ въ томъ, что края его, обитые желѣзомъ, очень мало подымаются надъ водою, въ серединѣ же его устроена круглая башня, тѣмъ же металломъ обложенная, въ отверзтіяхъ которой стоятъ пушки. Названіе заимствовано отъ имени насѣкомаго, принадлежащаго къ семейству ящерицъ, имѣющаго броню и будто бы

предупреждающаго человѣка о приближеніи крокодила. (См. Dict. de la langue fr. par E. Littré, t. II, Paris, 1868).

МОРЦО́ *. Морской заливъ, устье котораго занесено пескомъ (*Списки насел. мѣстъ*, Астрах. губ.).

МОТЫЛЪ. Гной. *П. Г. Р.* II, прим. 256. См. *мотыль*. (Въ ак. сл. есть *мотыло*, — пометъ, калъ, навозъ). У Даля пропущено.

МУРЧУ́ГЪ (или, можетъ быть, правильнѣе *морчугъ* отъ *морцо*, см. это слово). Наполненныя водой ямины на берегахъ рѣки или озера, глухіе рукава рѣки и т. п. (что́ мѣстами называется *ерикъ* или *узекъ*): «Пугачевъ въ случаѣ побѣгу искать своего спасенія вознамѣрится на Иргизѣ-Узенѣ въ тамошнихъ *мурчугахъ* или у раскольниковъ».—«Открылъ явный я надъ бѣгущими изъ степи злодѣями, по раскольничьимъ монастырямъ, хуторамъ и *мурчужнымъ* ихъ жилищамъ, поискъ». (*Соч. Держ.*, Т. V, стр. 11 и 78). Ср. у Тредьяковскаго: «плыть по Москвѣрѣкѣ *мурчугами*. Не плывите *мурчугами*: я вамъ лучше совѣтую ѣздить прямою дорогою». (*Соч. Тредьяк.*, Спб. 1849, т. III, стр. 242).

МЫКАТЬ *. Собственно *мчать*. (См. сказку *Бова Королевичъ*).

МЫСЬ *. Бѣлка (Псков. губ., Опоч. у.). *От. Зап.* 1854, мартъ, стр. 9 У г. Даля это слово съ вопросит. знакомъ, но, кажется, напрасно.

НАВРОСОКЪ, НАКИДОКЪ. Эскизъ.

НАВОДЪ. Шапка съ наводомъ. (*Ист.* Соловьева, т. VI, стр. 450).

НАДИТЬ (сѣверн.). Точить соху.

НАМЕТКА * (футштокъ). *Накидывать наметку*, т. е. дѣлать промѣръ.

НАНЗЫКЪ. Родъ полотна.

НАРОХТИ́ТЬСЯ. См. у г. Даля *норохтиться*. «... происхала объ его будущемъ богатствѣ и объ его смиренствѣ, захотѣла быть старинной дворянкой и нарохтится за него замужъ». (Акс. *Сем. Хр.*, 113).

НАСЛАНЬЕ. Бѣдствіе. *Первое Божіе насланье*, первая холера. (Сарат.).

НЕВОЛЯ *. *За неволю:* «Я приберегла тебѣ вѣсточку на закуску: ты ей за неволю повѣришь. (*Сем. Хр.*, стр. 114).

НЕВѢСТА *. Подъ этимъ словомъ пропущена форма *невѣстынька*.

НЕДОСТАВАТЬ. Глаголъ этотъ пропущенъ и въ ак. словарѣ, и у г. Даля, но, кажется, долженъ стоять особо въ своей отрица-

тельной формѣ. Не мѣшало бы присовокупить и его причастіе *недостающій*, употребляемое въ значеніи прилагательнаго.

НЕЖИТЬ *. Дополнить по *Исторіи славянскихъ литературъ* г. Пыпина (ст. Болгарія, стр. 77).

НЕПОМѢСТНЫЙ. Тотъ, кому не сидится. (Буслаева *Историч. Очерки*, т. I, стр. 21).

НЕРОТА. Рыболовная снасть. (Акс. *Восп.*, стр. 90).

НЕСООБРАЗНОСТЬ. Пропущено.

НЕСУДЕРЖНЫЙ. Не умѣющій смолчать.

НОВШЕСТВО. (С. М. Соловьевъ). Введеніе новизнъ.

НОРА *. (Нейв.). Извѣстное количество сѣтей, выставленныхъ въ линію.

НУДЪ, медиц. То же, что *нуда?*

НУ́ЖНЕНЬКІЙ. Худенькій, маленькій ростомъ.

НѢТИ, множ. *Быть въ нѣтяхъ.* (Устр. *Ист. Петра В.*, т. I, стр. 178, 188 и 194).

ОБОПРѢТЬ. Слова этого нѣтъ въ своемъ мѣстѣ, но оно употреблено самимъ г. Далемъ въ толкованіи глагола *опрѣть.* Надобно прибавить: *обопрѣлый, обопрѣлость.*

ОВУХЪ *. «По обѣимъ сторонамъ ихъ шли гайдуки въ богатой венгерской одеждѣ съ серебряными обухами». (Устр. *Исторія Петра В.*, т. III, стр. 30).

ОВЩЕДОСТУПНЫЙ. Пропущено.

ОВСЕНЬ. Это слово записано г. Далемъ подъ буквою *А*, что́ едва ли правильно, такъ какъ ни одно чисто славянское слово съ этой буквы не начинается; притомъ и самъ онъ, при *авсень* поставилъ въ скобкахъ, съ вопросительнымъ знакомъ, *овесень.* См. *Сказанія* Сахарова, ч. II, кн. 7, стр. 2. (Такъ же несправедливо г. Даль поставилъ подъ А слово *абаполь*, хотя въ предисловіи и самъ порицаетъ за подобную ороографію Областной Словарь).

ОГНЕВА *. Такъ простонародье прозвало пароходы при появленіи ихъ на Волгѣ (иначе: чертова кобыла).

ОДНОСЕЛЬЧАНИНЪ. Пропущено.

ОЗАГЛАВИТЬ, ОЗАГОЛОВИТЬ. Дать заглавіе. *Озаглавленный.*

ОЛЁХЪ, ОЛЕШНИКЪ. Пропущено.

ОНДРЕ́ЦЪ (сѣв.). Двуколесная телѣга съ пяльцами, употребляемая для уборки хлѣба и сѣна

ОПѢНЯТЬ, ОПѢНЯЕМЫЙ. Карамзинъ въ статьѣ: *Нѣчто о наукахъ* и проч.

ОРАНЖЕРЕЯ *. Должно быть опредѣлено точнѣе: строеніе, отапливаемое зимою (до 10° Реом.) для сбереженія цвѣтовъ и деревьевъ. Это названіе слѣдуетъ отличать отъ слова *теплица* = низенькое строенье, нагрѣваемое печью до высокой температуры (выше 10°) для произращенія цвѣтовъ и плодовъ на тропическихъ растеніяхъ. Оба строенія имѣютъ покатый, изъ стекольныхъ рамъ состоящій верхъ. Въ нашихъ словаряхъ это различіе не обозначено надлежащимъ образомъ.

ОСЛОПЪ *. Должно быть сравнено съ словомъ *остолопъ*, изъ котораго оно произошло посредствомъ сокращенія. *Остолопъ* же есть, кажется, русская народная форма слова *столпъ*.

ОСТРЕЧЬЕ. (Пейн.). Видъ сѣти для лова мелкой рыбы.

ОТВЕРНИЦА. «Въ сихъ двухъ стихахъ заключается насмѣшливая отверница или обинякъ [équivoque]». *Соч. Держ.*, Томъ I, стр. 626. Ср. Востокова *Словарь Ц. сл. яз.* Отвьрьница, противное.

ОТРЕЧЕННЫЯ КНИГИ. См. Пыпина *Исторія славянскихъ литературъ*, стр. 62 и далѣе.

ОХИНѢТЬ *. Разбогатѣть (*Оп. Обл. Словаря*). Существованіе этого слова, заподозрѣннаго у г. Даля вопросительнымъ знакомъ, подтверждается выраженіемъ Державина въ одномъ шуточномъ письмѣ: «охинѣеши бо скоро богатствомъ». (*Соч.* его, Т. V, стр. 661).

ОХРЕЯНЪ *. «Условились также о русскихъ плѣнникахъ и невольникахъ, также объ охреянахъ или *раскольникахъ*, бѣжавшихъ въ Азовъ». (Устр. *Ист. Петра В.*, т. II, стр. 290). Ср. тамъ же стр. 236: «Азовскій паша подослалъ въ русскій лагерь одного изъ охреянъ, закоснѣлыхъ раскольниковъ». У г. Даля *охреянъ* = лѣнтяй; неотесаный, неуклюжій, грубый.

ПАДЛЕНОКЪ. Деревцо, выросшее изъ падали, т. е. изъ упавшаго съ другаго дерева сѣмени.

ПА́ЗЕМКА (позёмка). Землянка.

ПАЛЕ́Я. Лѣтопись, извлеченная изъ Ветхаго завѣта, содержащая иногда дословно всѣ свѣдѣнія, въ немъ заключающіяся, и раздѣленная на 10 книгъ.

ПАРЕНЫЙ ЗАЛОГЪ *: «переломали не пареный залогъ». (*С. Хр.*, стр. 20). При словѣ *залогъ* находимъ у г. Даля, между прочимъ, значеніе: «выпаханое и запущеное поле, брошеное на нѣ-

сколько лѣтъ, чтобы снова задернѣло»; но ни *переломать*, ни *парный* не показаны въ томъ смыслѣ, какой здѣсь присвоенъ этимъ словамъ.

ПАСКА, ПОСКИМИТЬСЯ. Народныя формы вм. церковныхъ, греческихъ: *пасха, посхимиться.*

ПАТАРЕНЪ. *Изв. II-го Отд.*, т. VII, вып. II, стр. 112: «Очень важно мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, что глаголица есть изобрѣтеніе и собственность богомиловъ и патареновъ» и т. д.

ПЕ́НДУСЪ. Топкій берегъ, вообще топкое мѣсто. (Ср. у Даля *пе́нусъ*).

ПЕРЕ́МЕТЕНЬ. Вьюга.

ПИДЖАКЪ. Англ. Извѣстнаго покроя одежда.

ПЛЕХА. Презрит. Женщина дурнаго поведенія.

ПОВОЗИТЬСЯ *. Не показано его значеніе въ слѣдующей фразѣ: «Крестьяне обѣщали повозиться», т. е. повозить хлѣбъ.

ПОГОДА *. Употребляется и во множ. числѣ, въ слѣдующемъ присловьи: «Семь погодъ на дворѣ: сѣетъ, вѣетъ, кутитъ, мутитъ, рветъ, сверху льетъ, снизу мететъ».

ПОДЛИННИКЪ *. Описаніе, какъ святой изображается на иконахъ. Слово *подлинникъ* (въ общемъ значеніи своемъ) происходитъ отъ предлога *подлѣ*, означая то, что стоитъ рядомъ съ чѣмъ-то другимъ. Предлогъ же *подлѣ* составленъ изъ *по* съ прибавленіемъ окончанія, сокращеннаго изъ црк.-слов. *длъгъ, дълъ* (подлъгъ, подъль, см. словарь Востокова).

ПОДОЖОКЪ: «слѣдовало бы ожидать толчка калиновымъ *подожкомъ* (всегда у постели его стоявшимъ)». *С. Хр.*, стр. 35.

ПОДОРОЖНИКЪ *: «напекли и нажарили разныхъ подорожниковъ». *С. Хр.*, стр. 228.

ПОДСОХЪ. У г. Даля *подсоха* значитъ м. пр. столбъ, подпора. Рязанскіе плотники говорятъ *подсохъ* въ муж. р.

ПОДХЛЮСТАТЬ (напр. платье). Запачкать снизу.

ПОДХОЖІЙ. «Между тѣмъ послы двинутся изъ подхожаго стана къ мѣсту, назначенному для ихъ пріема». (Устр. *Ист. Петра В.*, т. III, стр. 121).

ПОДЪЕФЕРИВАТЬ. Поддакивать, а при случаѣ и свое привирать.

ПОДЪѢЗДЪ *. Особаго устройства лодка, употребляемая при запасахъ для ловли снетковъ въ Пск. губ. См. *запасъ*.

ПОДЪѢЗЖАЧІЙ *. *Зап.* Держ. *(Русск. Бес.)*, стр. 23.

ПОКЛАДАТЬСЯ. Уговориться, условиться. *Мы съ нимъ покладались на такую-то цѣну.* (Смол.).

ПОЛКА, сущ. отъ гл. *полбть*.

ПОЛТИНА *. Состоитъ, по мнѣнію г. Даля, изъ двухъ словъ *полъ* и *тинъ*. (См. у него глаг. *тети* съ его производными; самое же слово *полтина*—въ концѣ слишкомъ обширнаго и сбивчиваго гнѣзда, начинающагося словомъ *пола*). Въ сущности *полтина* есть только видоизмѣненіе существ. *полоть* или *полть*, которое собственно значитъ *половина*.

ПОЛЪ *. Въ значеніи помоста едва ли одного корня съ *полъ* = половина. Въ противномъ случаѣ какъ объяснить слова *полокъ полка*, *полати?* Скорѣе тутъ надо искать того же корня *(пл)*, котораго первоначальное значеніе является въ *плоскій*, *платъ*, *платно*, *поле* (въ герм. языкахъ *fl*, flack, flur (= полъ), feld, fält. Ср. хорут. pola = плоскость (Murko).

ПОЛЫЙ *. Открытый: полая дверь, полое окно (Сѣв.) Пустой. Оттуда: *полоумный;* это прилаг. вовсе не имѣетъ соотношенія съ словомъ *пола* (половина), подъ которое оно подведено у г. Даля. Натяжка видна уже изъ того, что посреди множества другихъ, начинающихся съ *полу* —, это одно начинается съ *поло* —.

ПОМОШНИКЪ (отъ *мохъ*). Камень середи пашни. (Ср. у Даля *пбмогиъ*, *помбшье*).

ПОРЯДКОВЫЙ. Грамматическій терминъ для означенія извѣстнаго вида числительныхъ именъ.

ПРАШЕВАНЬЕ (кукурузы). Окучиванье. «По окончаніи весеннихъ посѣвовъ молдаванину остается еще много времени до прашеванія кукурузы и потомъ до сбора ея, который бываетъ только въ концѣ августа или въ началѣ сентября». (*Воен.-статист. обозрѣніе Бессар.).*

ПРЕСТУПНИКЪ * (множ. преступники). Такъ произносятъ въ Смол. губ.

ПРИВОДЕЦЪ. Вождь: «чтобъ кто былъ тому войску собиратель и приводецъ» (*Ядро Росс. Ист.* М. 1791, стр. 339). «Болѣе нежели одинъ приводецъ за побѣды свои обязанъ соперника своего славѣ». (Державинъ, *Чит. оды;* см. *Соч.* его, Т. III, стр. 280). Ср. польское dowódca.

ПРИГРЕЗИТЬСЯ. Пропущено.

ПРОИСХОДИТЬ *. Пропущено народное значеніе слова: идти впередъ, успѣвать, дѣлать карьеру. «Кальчинскаго хозяинъ не жаловалъ и за то, что онъ *происшедшій*, и за то, что онъ еретикъ и развратникъ». (*С. Хр.*, стр. 220).

ПРОСТОКВАША *. Должно стоять не подъ прилаг. *простой*, а подъ глаг. *простоять*: простоемъ квасится.

ПРОСТОПЛЕТКА. Лапти плетутся въ простоплетку, когда ихъ дѣлаютъ безъ веревочной каймы (ушника), и вмѣсто того загибаютъ по краю самое лыко. Такіе лапти далеко не такъ прочны, какъ объяснялъ мнѣ крестьянинъ, занимавшійся плетеніемъ этой обуви въ южной части Рязанской губ. (Данк. у.).

ПРОТЕРЕТЬ ВРЕМЯ вм. потерять время (Смол.).

ПРОШОХАТЬ. См. нарохтиться.

ПУ́ЩИ (множ). Цѣлыя группы пней на днѣ Днѣстра — особенно ниже Бендеръ, — о которые по временамъ разбиваются суда. (*Воен.-стат. обозр., Бессар.*).

ПЕ́СТУНОШЪ. Молодой медвѣдь, который, по народному повѣрью, нянчитъ своихъ маленькихъ братьевъ.

ПѢШКА́МИ, говоря о многихъ, вм. *пѣшкомъ*, какъ *верхами* вм. *верхомъ* (слыш. въ Раненб. у. Ряз. губ.). Замѣтимъ кстати, что народъ сохранилъ старинную форму *верхи* (твор. пад. множ.) вм. верхами въ поговоркѣ: «Верхи пошли, пѣши вернулись».

РАЖО́ *. Много.

РАЗВИВНОЙ ШРИФТЪ, т. е. шрифтъ съ разрядкой.

РАЗБРАЖИВАТЬСЯ *. Эта, хотя и неупотребительная глагольная форма, все-таки лучше совершенно неправильной *разбредаться*, которую въ послѣднее время стали употреблять писатели: «Русакъ уже до половины затерся (перелинялъ) *), лисьи выводки начали *разбредаться*». (*Война и Миръ*, III, 119). Такъ и въ *Современныхъ Извѣстіяхъ* 1868, № 160, въ передовой статьѣ, сказано: «Солдаты разбредаются между памятниками (Ваганьковскаго кладбища) для прогулки и отдохновенія».

РАЗВРАТЪ *. Вражда, когда ее поселилъ кто-нибудь третій.

РАЗДОБЫТЬСЯ чѣмъ. Достать, припасти что.

РАЗДРО́БЬ, ж. р. (не *раздробъ*, м.). Напр. продажа въ раздробь.

РАЗРѢЗЪ *. Идти съ чѣмъ-нибудь въ разрѣзъ.

РАМА. Во многихъ мѣстахъ своего словаря г. Даль утверждаетъ, что это слово есть славянское и заимствовано Германцами отъ *рамо* = плечо. См. его замѣч. подъ этимъ словомъ, также подъ *рамене*, *обрамене*, *край*. Доказательствъ на это предположеніе нѣтъ никакихъ. Ср. Diefenbach, Vergleich. Wörterbuch, стр. 589.

---

*) Это значеніе слѣдуетъ прибавить въ объясненіи глагола *затереться*.

РАСФУФОНИТЬСЯ. Пропущено.

РЕДУТЪ. *Стар.* Мѣсто общественныхъ собраній, гдѣ танцуютъ и пр. (по нынѣшнему домъ дворянскаго собранія, клубъ, и т. п.).

РОСЛЫЙ. Говоря о мѣхѣ, пушистый.

РОСНО́ *. Сыро. (Ряз. губ.).

РУШИТЬ *. Препятствовать. *Не рушь* = пускай: *не рушь говорить; не рушь идетъ* (Смол.).

РЫНО́КЪ. Прижимистое къ водѣ мѣсто на нагорной сторонѣ рѣки, почти то же, что мысъ на луговой.

РЫСЬ *, какъ и во всѣхъ словаряхъ, показано женскаго рода; но народъ, по кр. мѣрѣ мѣстами, говоритъ: *рысь убѣжалъ*. Ср. это слово въ другихъ славянскихъ языкахъ, гдѣ оно муж. рода: хорут. ris, серб. рис, польс. ryś, чеш. rys, луж. rys. Въ литературномъ языкѣ нашемъ *рысь* женскаго рода; см. напр. у Держ. басню *Медвѣдь и рысь* (*Соч.* его, Т. V, стр. 558).

РѢШЁТИНА (и Рѣшети́на). Latte, pièce de bois mince pour porter la tuile; crible, sas, bluteau, tamis. (Словарь Рейфа).

САКМА *. Означаетъ также часть рѣчнаго берега, которая заливается водою.

САЛМА. Татарское кушанье въ родѣ лапши или клецокъ. Встрѣч. не разъ у Держ., напр. въ одѣ *На рожденіе Премиславы*. Ср. отрывокъ изъ семейныхъ записокъ Рожно́ва въ *Библ. для Чт.* 1862, № 1, стр. 127.

САМОУПРАВЛЕНІЕ. Пропущено.

САМОХОТКА (Вологод., Яросл. губ.). Тайный бракъ въ деревняхъ.

САТОХА. Русскій базаръ, или торгъ, на который пріѣзжали дикіе горцы въ укрѣпленія по черноморской береговой линіи. У г. Даля *сатовка* съ вопросительнымъ знакомъ.

СВОДИ́ТЬСЯ — на что, къ чему.

СЕЛЯВА *. Небольшая вкусная рыбка, въ родѣ ряпушки, добываемая изъ нѣкоторыхъ озеръ Псков. губ. (*Восп.-стат. обозр. Пск. г.*, стр. 112).

СЕРЕНЬ. «Снѣга на полѣ очень велики, и осеренило ихъ съ великаго мясоѣда, отъ чего съ лошадьми идти впередъ нельзя, серень не подниметъ». (*Ист.* Соловьева, т. VI, стр. 422).— «Здѣсь ясно значеніе словъ: серень и осерснить: говорится объ оттепели, которая сдѣлала снѣгъ рыхлымъ, такъ что лошади въ немъ проваливались». (То же, т. VII, стр. XIV).

СКОРЛОЗУБЕЦЪ (царскіе кудри Fritillaria imperialis). *С. Хр.*, стр.

19. У Даля *скалозубецъ* (лилія); въ *Бот. Соварь* Анненкова подъ № 803 *скалозубецъ.*

СКРУТА (Сѣверн.). Приданое.

СЛАВНУКЪ (Сѣверн.). Молодецъ женихъ, который славится въ деревнѣ. Славнуха, невѣста, славящаяся богатствомъ.

СЛАВУТНИЦА (Сѣверн.). Дѣвушка-щеголиха.

СКРЫЖАПЕЛЬ. Сортъ яблоковъ. Другіе сорты показаны у г. Даля.

СЛАНЕЦЪ *. Правильно отнесено къ одному корню съ гл. *стлать*. Но отчего же не сближены съ нимъ также слова *слой* (стлой) и *слюда* (стлюда)?

СОВЛИСТАТЬ. «Соблещетъ молнія мечу». (*Соч.* Ломон., ода 15, строфа 8). Ср. у Держ. *Пѣснь Баярда* (*Соч.* его, т. III).

СОКЪ. Не показано старинное значеніе: обвинитель; по Словарю Востокова, доносчикъ. Ср. серб. сŏк = сыщикъ (Ausfinder), свидѣтель; чеш. sok = противникъ, врагъ, клеветникъ; поль. sok = клеветникъ (Словари Караджича, Юнгмана, Линде). Ясно, что въ этомъ значеніи *сокъ* одного корня съ гл. *сочить* (ссочить, высочить) = отыскивать, требовать, доправлять (Сл. церк.-слав. и русск. языка). Этотъ глаголъ сохранился у насъ и въ народномъ языкѣ: по *Дополненію* къ Областн. Словарю, онъ употребляется въ Кур. губ. въ смыслѣ: слѣдить, прогонять звѣря. Ср. поль.: soczyć (osoczyć)=травить, клеветать (откуда и существ. soczenie). Въ подобномъ смыслѣ гл. *сочить* принятъ и г. Далемъ съ объясненіемъ: «манить. выманить,... искать; слѣдить, гнаться за кѣмъ» и съ указаніемъ мѣстностей: *зап. вост. пск. прм.*, при чемъ приведены и примѣры изъ народнаго языка. «Можетъ быть», прибавляетъ г. Даль, «здѣсь *сочить* знач. течь (самому) куда, а можетъ быть это и вовсе иной глаголъ», т. е. не имѣющій ничего общаго съ словомъ *сóкъ*, къ гнѣзду котораго онъ отнесенъ. Вѣрнѣе, *сокъ* одного корня съ глаг. *искать*, гдѣ начальная гласная, можетъ быть, только прибавочная, какъ въ сл. *игра* (малорос. *сьскаты* = искать). Ср. англ. seek, шв. söka, герм. suchen, поль. szukać.

СОЛНОПЁКЪ. Припекъ солнечный. *Сидѣть на солнопекѣ.*

СОРОВЩИКЪ. Золотарь. (*Моск. Вѣд.* 1866, № 153, перед. ст.).

СОРОКОПУДЪ. Помѣщено подъ *сорокъ* (40), а должно бы стоять подъ *сорока*; это лат. Lanius; нѣм. Neuntödter; ср. фин. lapin harakka (Lanius excubitor). Слово *пудъ* встрѣчается также въ

страхопудъ и сродни съ гл. *пудить* (ср. чеш. pudit, разгонять, распугивать), церк.-слав. *распудити*: «волкъ расхититъ ихъ и распудитъ овцы» (Іоан. X, 12).

СТАВЛЕНЫЙ МЕДЪ. «... нѣсколько ведеръ крѣпкаго ставленаго башкирскаго меду». (*Сем. Хр.* стр. 12).

СТАНЫЙ. То же, что *статочный*, *сталый*.

СТАРИЦА *. На Уралѣ такіе рукава рѣки, которые, выходя изъ нея, съ нею же послѣ опять соединяются, называются старицами, потому что нѣкогда были главными руслами Урала. Тѣ, которые имѣютъ истокъ и устье, называются полуусыми *(полоусьми?)* старицами (Н. Данилевскій въ *Вѣстн. Географ. Общ.* 1858, № 3).

СТАТОВЬЁ. Тканье полотенъ. *Библіотека для Чт.* 1862, № 1, стр. 129.

СТЕПЬ *. *Записать на степь*, т. е. на переселеніе въ степныя губерніи.

СТЕРЖЕНЬ *. Употребл. въ значеніи *шкворень* (Ряз. губ. Скоп. у.).

СТОЧНЫЙ (не отъ *стекать*, а отъ *стокать*, *соткать*). Тканый: «сточный поясъ» (*Ист. Гос. Росс.*, т. IV, стр. 386).

СТРѢЛКА *. Главный стволъ у луковицы и чесноку, на которомъ бываютъ сѣмена (?).

СУКНОВАЛКА. Сукновальня.

СУЛОЙ (и субой) *. «Встрѣча теченій между собою, съ выступами береговъ и рифами, съ противными вѣтрами и т. п. разводитъ сильнѣйшее волненіе, жесточайшую сумятицу; волны кипятъ, низвергаются, сшибаются, вздымаютъ даже стѣны (А. Ѳ. Миддендорфъ). Наши мореплаватели называютъ это явленіе *сулоемъ* и познакомились съ нимъ преимущественно въ проливахъ между Курильскими островами». (Л. И. Шренкъ, *Очеркъ физ. геогр. сѣверо-японскаго моря*, Спб. 1869, стр. 41).

СУМАКЪ или **СУМАХЪ.** Rhus Cotinus. См. *Бот. Слов.* Анненкова, № 1193.

СУСАКЪ, СУСАТОКЪ. Butomus umbelatus. См. Анненк. № 298.

СУТОЛПИЩЕ. Крылова *Зритель*. Ч. I («Ночи»), стр. 149.

СХОДНЫЙ *. ... «Сѣвскій воевода, сходный товарищъ князя Голицына въ послѣдній крымскій походъ» (Устр. *Ист. Петра В.*, т. II, стр. 81).

СѢДЛОВИНА. Углубленіе въ горной грядѣ (*Соврем. Лѣтопись* 1869, № 23, «Изъ Екатеринбурга»).

СѢМЕНИТЬ *, ЗАСѢМЕНИТЬ. Ходить скорыми, мелкими шагами. У Даля *семенить* едва ли правильно.

ТАМЫРЪ. Другъ, пріятель; такъ называются люди, сдружившіеся и обмѣнявшіеся подарками, на Сибирско-Иртышской линіи и въ Киргизской степи (П. Семеновъ).

ТАРАКАЛЬНИКЪ. Въ Мингрельскомъ мѣстномъ положеніи (§ 33) сказано: «лѣсные матеріалы, какъ-то: *таракальники*, сошки, жерди, колючки и проч. необходимы для виноградниковъ и другихъ садовъ.» (Замѣтка М. И. Броссе).

ТАРАРУ́Й. Прозвище кн. Хованскаго. (*Атеней* 1858, статья С. Соловьева объ *Исторіи П. В.*, соч. Н. Г. Устрялова).

ТАРЕЛКА *. «Не въ своей тарелкѣ». Эта поговорка помѣщена подъ сл. *тарелка* безъ всякаго поясненія; нелишне было бы прибавить, что она произошла отъ ложнаго пониманія французскаго реченія, въ которомъ assiette значитъ вовсе не тарелка, а — состояніе, расположеніе духа. Первоначально французское слово именно означало положеніе, состояніе; потомъ — мѣсто, занимаемое сидящими за столомъ, и наконецъ блюдо, которое передъ каждымъ изъ нихъ ставится (Dict. de la langue fr., par E. Littré, t. I).

ТАРЫНЪ (или на́кипень). Родъ глетчеровъ въ Сибири: снѣгъ таетъ на скатахъ горъ (напр. въ Становомъ хребтѣ) и образуетъ ледъ, изъ котораго иногда вытекаютъ рѣки (отъ П. П. Семенова). По свидѣтельству адмирала Ѳ. О. Матюшкина, ледникъ, глетчеръ въ Сибири называется *тараномъ*.

ТЕПЛИЦА. См. оранжерея.

ТЕСТЬ *. Въ косвенныхъ пад. ед. числа *е* выпадаетъ: *тстя, тстю* (Смол. губ.).

ТЕША *. Рыбій бокъ. *Спб. Вѣдом.* 1868, № 201.

ТИГУСИТЬ. Мучить.

ТОЛОКА́ *. Пастьба скота на лугахъ или поляхъ. *Худо родится хлѣбъ, потому что не доходитъ толока* (Воронеж.). *Въ толокѣ будемъ ноньче пахать* (т. е. тамъ, гдѣ скотъ ходитъ). Значеніе *толоки́* въ Малороссіи см. *Спб. Вѣдом.* 1864, № 207.

ТОНКОНОГЪ, Poa bulbosa. Трава, корнемъ которой питаютъ зимою суслика. Впрочемъ, такъ называются и другія растенія; см. *Ботанич. Словарь* Н. Анненкова, №№ 604, 749, 1045 и 1046.

ТОУРИТЬ (Казан., Симб.). Уставить, пялить: «Увидя Марсъ, тоуритъ взоры» (Держ. *На пріобр. Крыма*, *Соч.* его, Т. I, стр. 183)

У г. Даля записано *тоуриться*, какъ слово моск. и владим. Соображая это съ нашей замѣткой, можно заключить, что это общенародное слово.

ТРЁШНИКЪ = 3 к. сер. Трёшница = трехрублевая бумажка. Трынка = 3 коп. мѣдью, 1 коп. сер. (Казань).

ТРЫКЪ *. Модникъ, вѣтренникъ *(Оп. Обл. Словаря)*. Г. Даль поставилъ при этомъ словѣ вопросительный знакъ; но у Державина (*Соч.* его, Т. III, стр. 345) мы находимъ стихъ:

«И льстя сѣдаго трыка».

ТУЗЛУКЪ *. «И горы соляныхъ кристаловъ по *тузлукамъ* твоимъ пойдутъ». (*С. Хр.*, стр. 24). У г. Даля *тузлукъ* показано въ значеніи разсола для соленья рыбы и икры; да еще съ вопросит. знакомъ прибавлено: «украшенье на поясѣ».

ТУНВАСЪ. Транспортное судно (Устр. *Ист. П. В.*, т. II, стр. 274).

ТУРСУКЪ *. *Сем. Хр.*, стр. 26: «мѣшокъ изъ сырой кожи, снятый съ лошадиной ноги». По г. Далю,—«малый кожаный мѣхъ, обычно изъ трехъ окороковъ конскихъ».

ТУРЫ́ШКА *. Буракъ, цилиндрическій сосудъ, сдѣланный изъ бересты. (У г. Даля при этомъ словѣ поставлено *ведерко*, съ вопросительнымъ знакомъ).

УВО́ЩЬЕ. Лѣкарство.

УЗЪ *. Нижнее дно улья. (*В. и Миръ*, ч. V, стр. 84).

УМОРА *. Въ народномъ языкѣ ходитъ и съ собственнымъ значеніемъ, напр., «скотинѣ въ сухое лѣто умора» (Ряз., Данк. у.).

УПОСЛѢЖДАТЬ, УПОСЛѢЖИВАТЬ. Обходить, обижать; опаздывать, медлить. (См. *Соч.* Держ., т. I, стр. 256 и 257).

УРАЛЪ *. Нариц. названіе горнаго хребта въ Зап. Сибири, въ Алтайскихъ и Саянскихъ горахъ.

У́РОМА * (множество плотовъ лѣса). Должно бы стоять въ одномъ гнѣздѣ съ *урема* и *урманъ*.

УРСЫ́. Кучи (напр. рыбы) — на Уралѣ.

У́ТОРОКЪ. Порядокъ.

УСТАВЪ *: «Онъ мигомъ увидѣлъ всѣ недостатки въ снастяхъ или ошибки въ *уставѣ* жерноповъ». (*Сем. Хр.*, стр. 45).

УШКОЛЪ. То же, что ушкуй. Галера. (Устр. *Ист. П. В.*, т. II, стр. 274).

ХЛУПЬ. Мягкое мясо на птицахъ и вообще животныхъ.

ХОЗЪ *. Та часть выдѣланной коровьей кожи, которая употребляется на подошвы.

ХРУСТАЛИКЪ. Часть глаза. Пропущено во всѣхъ нашихъ словаряхъ.

ЦВѢТОКЪ. Виньетка; *концовка* = cul-de-lampe. По свидѣтельству Оленина въ его *Письмѣ о Тмутороканскомъ камнѣ*, первое употребляется такъ въ синодальныхъ типографіяхъ.

ЦѢЛÓКЪ. Идти цѣлкóмъ, по цѣлкý, т. е. не по проложенной дорогѣ. (*Соч.* Держ., Т. III, стр. 572).

ЦѢПЕНѢТЬ. Пропущено.

ЧЕКЪ, въ значеніи ярлыка на полученіе въ банкѣ денегъ, взято съ англ. check, сообразно съ чѣмъ и должно быть исправлено показаніе: «Чека, фрн.».

ЧЕМАРКА. Одежда извѣстнаго покроя у зап. славянъ.

ЧЕРНАЯ РЫБА *. Мелкія породы рыбы, въ противоположность *красной* (Н. Я. Данилевскій).

ЧМÁРИТЬ. Кое-какъ пробиваться (Ряз. губ., Данк. у.).

ЧУВЫКАНЬЕ (жаворонковъ). *Война и Миръ* IV, 18.

ЧУЙКА *. Лапоть особенно глубокій, похожій на калошу (Ряз. губ. Скоп. у.).

ЧУ́ЛКИ. Салазки.

ЧУХÍ. Городки (игра).

ШЕЛОННИКЪ. На Селигерѣ значитъ сѣв. вѣтеръ. См. у Даля Шалоникъ. Но это слово есть и въ Сибири. Точно ли оно происходитъ отъ названія р. Шелони?...

ШÉРЕШЬ, ШЕРÓШЬ (Твер. губ). Ср. у Даля *шерóхъ*, къ гнѣзду котораго слѣдовало отнести и *шершавый*.

ШЕРШЕНКА (Ряз.). Родъ рубана. См. предыдущее слово.

ШИВЕНЬ. (Гоголь, *Мертв. Души*). Къ сожалѣнію, въ моихъ замѣткахъ нѣтъ точной ссылки на мѣсто, гдѣ употреблено это слово.

ШИРКУНÉЦЪ. Бубенчикъ (Арх.).

ШПАРНЯ (отъ шпарить). Обвариванье.

ШПЕТИТЬ. Сильно уколоть кого словами (*Допол. къ Оп. Обл. Сл.*) «Онъ при всѣхъ, чтобъ дать важность своей гордости, не устыдился меня шпетить» (*Соч.* Держ., Т. V, стр. 843).

ШТЫКЪ-ЮНКЕРЪ. Чинъ въ артиллеріи, между сержантомъ и поручикомъ.

ШУКÁТЬ *— не прямо нѣмецкаго, а польскаго происхожденія; замѣчательно, что это слово чрезъ Смоленскую губ. проникло и въ Московскую. Я слышалъ его отъ крестьянъ въ одной подмо-

сковной деревнѣ, гдѣ въ 1812 г. были французы; въ разсказѣ о нихъ было упомянуто тутъ и сущ. *шукáло* въ смыслѣ мародера.

ШУРА *. Талый, мелкій ледъ. *Шура идетъ.*

ЩЙПОКЪ. Бусл. *Истор. очерки* I, 80.

ЭНДИВІЙ. Родъ салата (латукъ), Cichorium Endivia.

ЭСТРАГОНЪ, Artemisia Dracunculus, растеніе, изъ котораго получается лучшій сортъ уксуса. За Кавказомъ употребляется оно въ пищу какъ закуска (Ф. И. Рупрехтъ).

ЯМЩА. Бревно. «По Днѣстру кромѣ галеръ сплавляютъ еще изъ австрійскихъ владѣній словые плоты, въ 100 ямщъ или бревенъ каждый, съ досками, гонтомъ и драницами». (*Военно-стат. обозр. Бессарабіи*).

Прибавленіе. Когда уже печатались эти Дополненія, А. К. Жизневскій, прочитавъ въ Твери брошюру мою о Толковомъ Словарѣ Даля, обязательно доставилъ мнѣ собраніе словъ, поговорокъ и т. п., записанныхъ имъ, какъ онъ выразился, во время его служебныхъ переселеній и добровольныхъ странствованій по Россіи. «Обратившись къ своимъ замѣткамъ», писалъ онъ, «я съ перваго разу обрадовался показавшейся возможности переслать вамъ свое приношеніе. Но по мѣрѣ того, какъ я провѣрялъ свой запасъ съ Толковымъ Словаремъ, радость моя смѣнялась удивленіемъ богатству этого словаря. Найдя многія слова уже занесенными туда и отбросивъ ихъ въ сторону, я рѣшился уцѣлѣвшіе остатки переслать вамъ» и проч. Принявъ съ искреннею благодарностью это сообщеніе, предлагаю здѣсь на выдержку нѣкоторыя изъ присланныхъ г. Жизневскимъ словъ; остальныя же, съ позволенія почтеннаго собирателя, будутъ переданы В. И. Далю, который конечно съ признательностію воспользуется ими при 2-мъ изданіи своего словаря.

БЛАГОЮРОДСТВОВАТЬ (Моск.). — **ВÓРОТЪ** *. Двое дѣтей, а

* И здѣсь оставляю безъ звѣздочки только тѣ слова, которыя вовсе не занесены въ словарь г. Даля.

третій *на вороту*. (Новг.). — **вчиниться** *. *Вчинился* не въ свое дѣло. (Пск.). — **вѣкуши**. Старыя дѣвки, раскольницы, начетчицы, учать дѣтей грамотѣ. (Самар.). У Даля *вѣковуха*, *вѣкоушка*. — **гоношить** *. Суетиться (Твер.), грести сѣно (Новоторж. у.). — **изживать** *. *Изживаю* третьяго мужа. — **изморъ**. Ледъ *измо́ромъ* пойдетъ. (Твер.), — то же, что *заморомъ*, т. е. то пойдетъ, то перестанетъ идти. — **келейницы**. Дѣвки имѣющія наклонность къ монашеской жизни, б. ч. раскольницы. (Самар. губ.). — **колоколецъ** *. Предсмертное клокотаніе мокроты, поднимающейся къ горлу. (Твер.). — **мо́рушка** *. Большая смертность. На дѣтей *морушка*. (Твер.). — **мятусить**. Испугавшись, стали *мятуситься* на плоту. (Твер.). — **носоклейка**. Дать *носоклейку*, т. е. выговоръ. (Самар.). — **повериги**. Побирухи. (Новгр.). — **подкустарники**. Легковые извощики зимніе, у которыхъ плохая упряжь. (Моск.). — **подымать** *. Воспитывать. *Я подымалъ* ихъ маленькихъ и потомъ отдѣлилъ. (Нвгр.). — **разстрѣлъ** *. Приговариваютъ за поджогъ къ *разстрѣлу*. (Казан.). — **сидка** *. *На сидкѣ, на высидкѣ* (въ тюрьмѣ). — **сквозной**. *На сквозныхъ*, — на долгихъ, въ противоположность слову: На сдаточныхъ. Выраженіе вольныхъ ямщиковъ. (Твер. губ.). — **суеружничать**. Безъ толку ругаться. (Твер.). — **хлѣбосолецъ**. Тотъ кто хлѣбъ-соль водитъ. (Моск.). Латин. hospes. — **чавреный, ая**. Блѣдный, исхудалый. *Какая она чавреная!* (Твер. губ.).

Въ напечатанныхъ мною выше Дополненіяхъ недостаетъ еще одного недавно записаннаго мною и также пропущеннаго г. Далемъ слова:

Въ разныхъ концахъ Россіи простолюдье употребляетъ слово *стрюцкій* (иногда *стрюцко́й*) въ презрительномъ значеніи подьячаго, мелкаго чиновника или и вообще дряннаго человѣка. Объяснить происхожденіе этого слова не легко.

Опечатка. На стр. 22 напечатано: чу́лки. Должно быть: чу́нки.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ,

упоминаемыхъ

ВЪ ТОМѢ VII СБОРНИКА ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Арабская цифра, напечатанная жирнымъ шрифтомъ, означаетъ нумеръ статьи; остальныя же арабскія цифры указываютъ на страницы каждаго отдѣльнаго нумера. Римскими цифрами означены страницы «Извлеченій изъ протоколовъ Отдѣленія», которыми начинается книга.

---

*

Бругшъ. **9.** 20.

Брунонъ, епископъ. О его письмѣ къ императору Генриху. Трудъ Гильфердинга: «Неизданное свидѣтельство современника о Владимірѣ св. и Болеславѣ храбромъ». LXV. — Его Толковая псалтирь. **6.** 42.

Брчичъ. О его Люблянскихъ листкахъ. XXXV. Его отрывокъ изъ житія св. Прохора. XLI.

Брюсъ, графъ Я. А. **4.** 127. 129. О назначеніи его главнокомандующимъ въ Москву. **4.** 193. Указъ и рескриптъ Екатерины II по дѣлу о Новиковѣ. **4.** 195. 200. 201.

Брянскій. Принятъ Новиковымъ въ розенкрейцеры. **4.** 196.

Булгаковъ, Я. И. Письма къ нему отъ Державина. L. **4.** 184.

Бумаги: Медичейскаго отдѣленія Флорент. архива, касающіяся трехъ русскихъ посольствъ во Флоренціи. **8.** 5. Бумаги Сенатора Строцци. **8.** 25. — Копія договора, заключеннаго Лудовикомъ, королемъ венгерскимъ, съ Венеціею, находящагося въ книгахъ «Pactorum» венеціанскаго архива. **8.** 23.— **Copia del obligo** facto per li oratori de la Sanctissima Lega al conte di Segna, acciochc habbi causa di rompere alla Signoria di Vinetia, et in questa sententia ha facto il breve Nostro Signore». Изъ бумагъ Флорентинскаго архива. **8.** 25. «О путешествіи маркиза Бевилаквы въ Польшу въ 1609 г., бум. Флор. арх. **8.** 18.

Буничъ, Лука Ник. и Лука Юн., торговавшіе во Флоренціи. **8.** 34.

Бурпиньонъ, М. А. Его «Traité admirable de la solide vertu.» **4.** 77.

Бурнашевъ, мартинистъ. **4.** 130.

Буряты Забайкальскіе. **10.** 68.

Буслаевъ, Ѳ. И., академикъ. Его труды въ 1869 г. **9.** 9—10: Рецензія на соч. г. Стасова: «происхожденіе Русскихъ былинъ». Напечаталъ: статьи: «О новѣйшихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ» и «О задачахъ соврем. эстетической критики» и 3-е изд. «Истор. Грам. Русскаго языка». — Его «Палеографическіе и филологическіе матеріалы, для исторіи письменъ славянскихъ, собранные изъ XV-ти рукописей Московск. Синод. библіотеки». **1.** 34. 93. Его Историч. грамматика. **10.** 42.

Бутурлинъ, Петръ Сергѣевичъ. По дѣлу бывшей Типографской компаніи въ Москвѣ. **4.** 156.

Бычковъ, А. Ѳ., академикъ. Его труды въ 1868 г. **2.** 13—14.: Печатные: статьи о словаряхъ русскихъ писателей митроп. Евгенія съ перепискою этого ученаго съ А. И. Ермолаевымъ; 1-й вып. указ. къ 8 т. «Собранія Русскихъ лѣтописей»; рѣчь о басняхъ Крылова.—Труды: по редакціи изданія «Описанія документовъ и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Правит. Сvнода»; по редакціи изданія «Полнаго собранія постановленій и распор. по вѣд. прав. церкви Россійской имперіи»; по редакціи изданія «Бѣлорусскаго словаря» Носовича. По порученію Академіи разбиралъ соч. Сергѣевича: «Вѣче и князь». Труды въ 1869 г. **9.** 7—8.: по редакціи Бѣлорусскаго словаря; по приготовленію къ изданію «Сбор-

Гриммъ, Я. По вопросу о западныхъ славянахъ. XII. Его Словарь. **10.** 38.

Гротъ, Я. К., академикъ. Его труды въ 1868 г. **2.** 10 — 12: по редакціи изд. соч. Державина; по приготовленію Евгеніевскаго сборника; по составлен. обзора литературной дѣятельности Крылова. Филологическія занятія. Труды въ 1869 г. **9.** 4—6.: по печатанію 5-го т. соч. Державина, 2-го и 3-го общед. изданія: по разбору 2-ой ч. Исторіи Русской слов. Галахова и Словаря Даля. Сообщилъ о письмахъ Державина и Евгенія. I. Составилъ примѣчанія для нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ писемъ. I. Доложилъ о печатаніи своей статьи о перепискѣ преосв. Евгенія съ Державинымъ. Прочелъ дополненія, сдѣл. въ ней по доставленнымъ Семевскимъ рукописямъ. Сообщилъ о перепискѣ Евгенія съ графомъ Хвостовымъ. III. Читалъ: 1) рукопись дѣла объ изд. Эстетики Аенльйона, отрывки изъ возраженій преосв. Евгенія на критику Филарета и особыя мнѣнія Крининцкаго и Державина; 2) мнѣніе Сперанскаго о новомъ изд. словаря Россійской Академіи. XIV. Сообщилъ, что ему доставлено: 1) отъ Е. П. Ковалевскаго копія съ мнѣнія Державина «о правахъ, преимуществахъ и существенной должности Сената; 2) от. Г. К. Рѣпинскаго «дѣло по прошенію вдовы Державина о неправильныхъ дѣйствіяхъ землемѣра Фіалковскаго»; 3) чрезъ посредство Ѳ. В. Чижова и Д. В. Полѣнова собственноручное письмо Державина къ Е. И. Горихвостовой. XV. Передалъ въ Отдѣленіе отъ г. Кеневича каталогъ дѣлъ академическаго архива (выписки, сдѣланныя Билярскимъ). XV. Читалъ выписки изъ протокола Россійской Академіи о вызовѣ для опредѣленія при ней славянскихъ ученыхъ Ганки, Шафарика и Челяковскаго и обѣщалъ сдѣлать по этому дѣлу дальнѣйшія розысканія. XVI. Заявилъ о своихъ занятіяхъ повѣркою словъ, собран. Н. Я. Данилевскимъ. XX. Читалъ найденныя имъ еще неизд. «Примѣчанія Болтина»... XX (см. Матеріалы). Сообщилъ о предложеніи г. Кеневича собранныхъ имъ новыхъ матеріаловъ для біографіи Крылова. XXI. Читалъ разборъ брошюры г. Кайслера о русскомъ удареніи. XXII. Заявилъ объ окончаніи печатанія 1-го тома общедоступ. изд. соч. Державина, XXII; о полученныхъ имъ отъ Н. И. Стояновскаго: письмѣ, части комедіи «Лѣнтяй», XLI, автографѣ басни Крылова «Пиръ», подлинномъ письмѣ его къ В. А. Олениной, XLII, и письмѣ отъ ак. Пекарскаго. XLIII. Заявилъ о намѣреніи составлять извлеченія изъ находящихся у него шведскихъ матеріаловъ для исторіи сношеній Россіи съ скандинавскимъ сѣверомъ и прочелъ статью относительно шведской войны 1788—89 г. XLIV. Объ изд. соч. Державина. XLVI. Обратилъ вниманіе на правила Чешской грамматики относительно склоненія фамильныхъ именъ съ окончаніемъ на *ко* и высказалъ объ этомъ свое мнѣніе. XLVI. Сообщилъ о мѣстѣ нахожденія значительнаго собранія писемъ Державина. XLVIII. Заявилъ о доставленныхъ ему матеріалахъ отъ М. И. Семевскаго, И. С. Капниста и Л. М. Лобанова. XLIX

*

винымъ» и о дополненіяхъ этой статьи. III. Его мнѣніе «о правахъ, преимуществахъ и существенной должности Сената». Собственноручное письмо къ Е. И. Горихвостовой. Дѣло по прошенію его вдовы. XV (см. Матеріалы для разраб. біографіи). О бумагахъ и перепискѣ. XX. **9.** 4. О его соч. XLVI. **2.** 10. О письмахъ къ В. В. Капнисту. XLVIII. L. Письмо къ Гнѣдичу и на оборотъ, XLIX (напеч. по ошибкѣ XLXI), къ Я. И. Булгакову, достав. П. С. Киселевымъ. L. О 5-мъ томѣ его соч. LV. **2.** 10. **9.** 4. О матеріалахъ для продолж. изд. его соч. LXII (см. Матеріалы). Его отношеніе къ народному языку. **10.** 6. 14. 42. Его тетка Ѳ. С. Блудова. **4.** 172. Сочиненія, изд. 1-е Академіи Наукъ. **4.** 178. Его стихотвореніе Петру Великому. **4.** 180. Его «Фелица». **4.** 189. Его «Ода на счастье». **4.** 206.

Державинъ, оберъ-священникъ. По поводу чтенія его мнѣнія относительно Эстетики Ансильйона. XIV.

Дёрнеръ, совѣтникъ польскаго посольства въ Митавѣ. **4.** 82.

Дерптъ. **4.** 77. **10.** 11.

Де-Сансеверино, Антоній Марія. **8.** 5.

Дессау. «Freimaurer Bibliothek», съ посвященіемъ П. А. Татищеву. **4.** 196.

Джакомини, дворянская флорентинская фамилія. **8.** 27. 29.

Джанфильяцци, Райнальдъ, посолъ Синьоріи, отправленный къ папѣ. **8.** 37.

Джонсонъ. Въ Англіи. Составитель словаря. XXIII.

Джустиніани, Ангелъ, попъ изъ Шибеника. О его біографіи. **8.** 33.

Ди-Джуліано, Яковъ, первый консулъ въ Дубровникѣ. **8.** 39.

Димитрій, св., митрополитъ ростовскій. Его библіотека. **1.** 82.

Димитрій, толмачъ. Былъ во многихъ посольствахъ къ европейскимъ дворамъ, служилъ посредникомъ при препод. Максимѣ Грекѣ въ перелож. имъ толковой псалтири и самъ перевелъ съ латинск. толковую псалтирь Брунона. **6.** 42. 43.

Дипломатическая школа, учрежденная при Флорент. архивѣ. **8.** 4.

Дитрихъ, Егеръ. **4.** 182.

Длугошъ. «Hist. Poloniae». **5.** 15.

Дмитревскій, Ив. Аѳ. **4.** 80. Въ реестрѣ Елагина. **4.** 52. 53.

Дмитріевъ, И. И. Изд. Пекарск. и Грота: «Письма Карамзина къ Дмитріеву». **2.** 17. — Его Записки. **4.** 183.— Записки: о вліяніи на Карамзина «Дружескаго общества». **4.** 195. 202.

Дмитріевъ, М. А. О составленномъ имъ сборникѣ пѣсенъ и сказокъ крестьянъ сѣверо-западнаго края. XLIII.

Дмитрій Самозванецъ. Извѣстія изъ Россіи его времени: въ бумаг. Флорен. арх. **8.** 14.

Днѣстръ. **10.** 68.

Добнеръ. О глаголицѣ и отношеніи ея къ кириллицѣ. **6.** 59.

*) Здѣсь исчислены только церковныя и вообще древнія книги, о которыхъ упоминается въ настоящемъ томѣ. Новѣйшія же сочиненія показаны каждое отдѣльно подъ своимъ заглавіемъ.

28. **6**. 64. Измарагдъ. **1**. 45.—Ирмологій. **1**. 28.—Исходъ. **6**. 58.— Іева, патріарха, потребникъ. **1**. 85.—«Іезекіиль». **6**. 12.—«Іеремія». **6**. 7. 12. **1**. 99. — «Інсуса Навина», древній переводъ. **1**. 10. 42. **6**. 5. 8. 17. — «Іова». **6**. 48.—«Іова», древній переводъ. **1**. 10. 43. **6**. 2. 56.—«Іоиль». **6**. 7. — «Іосифскія святцы». **7**. 8. 12. — Канонникъ. **1**. 29. — Киропедія. **4**. 168.—Ключъ Евангелію. **6**. 7.—Ключъ Паремьинъ. **6**. 50.—Кондакарій славянскій XI в. Син. Тип. библ. V. IV. **1**. 29. **7**. 9.—Кормчая Максима Исповѣдника. **1**. 11.—Кормчая печатная. **1**. 22.—Кормчая 1650. **1** 22.—Кормчая Синод. XIII в. **1**. 23. 28. 22. 33. — «Левитъ». **6**. 58.— «Лѣствица» св. Іоанна Синайскаго. **1**. 11. **6**. 36—Лѣтописецъ. **1**. 84.— «Менандрова стисъ». **6**. 50.— «Менандръ мудрый». **6**. 48. 49. 50. — Минея Макарьевская великая. **9**. 29.— Минея Сербская. **7**. 4.— Минея служебная. **1**. 29. V. VI. VII. XVI—XVII. **7**. 26.— «Неемія». **6**. 2. 12.— Никонова скрижаль. **6**. 7. 8. Новаго Завѣта. **6**. 40.—Номоканунъ. **1**. 22. —Образъ житія Енохова. **4**. 166.—Октоихъ. **1**. 29. 45.—«Осіе». **6**. 7.— Палея. **1**. 29. **6**. 7. 8. — Пандектъ Антіоха. **1**. 11. 28. 45. **6**. 61. — Пандектъ Никона Черногорца. **1**. 45. — «Папа Римской». **6**. 47.—Паралипоменонъ Зонарина. **6**. 8. — Паралипоменонъ, перев. съ латинск. **1**. 10. **6**. 2. 4. 12. 35. 38.— Параклитъ. **1**. 28. 29. 45.—Паремейникъ. **6**. 75.—Патерикъ Синайскій. **1**. 29.— Пасхалія. **1**. 87. — Потребникъ Пименовъ. **1**. 84.—Премудрость Сирахова. **6**. 50. — Премудрости Соломона, перев. съ латинскаго. **1**. 10. 42. **6**. 7. 58.—Преп. Сергія. **1**. 84.— Притчей. **6**. 6. 59. — Пророки. **1**. 43. **6**. 2. 4. 15. 56. — Псалмы. **1**. 43. **6**. 15. — Псалмы Давидова. **8**. 14. XXXII. — Псалтырь. **7**. 4. 14. — Псалтырь, древній перев. Фирсова. **1**. 10. 90. **6**. 3. 76. — Псалтырь слѣдованная. **1**. 82.—Псалтырь толковая Брунона. **6**. 42.— Псалтырь Чудовская. **2**. 7. **6**. 16. — Пѣсни пѣсней, древн. перев. **1**. 10. **6**. 2.—Пятокнижіе. **1**. 10. 76.—«Руѳь», древн. перев. **1**. 10. 42. **6** 5.—Саввинова. XLVII. **9**. 2.—Синаксарь. **1**. 28.—Соломонова. **6**. 4. 19.— Судей, др. пер. **1**. 10. **6**. 5.—Служебникъ Антоніевскій. **1**. 29.—Служебникъ пр. Варлаама Хутынскаго. **1**. 28.—Служебникъ митр. Кипріяна. **1**. 29.—Служебникъ преп. Сергія. **1**. 29.—Служебникъ минеи Румянцовскаго музея. **7**. 18.—Служебникъ словенской. **1**. 86.—Служебникъ харатейной. **1**. 85.—Тактиконъ Ник. Черногорца. **1**. 45.— Тетроевангеліе. **6**. 40. — Тетроевангеліе, принадлежавшее Новгородск. Аркажскому монастырю. **6**. 60.—Тетръ—Апост. **1**. 91. **6**. 60.—«Товіи», перев. съ латинскаго. **1**. 10. 42. **6**. 2. 12. 35. 58 — Толкованія на Апокалипсисъ Андрея Кесарійскаго. **1**. 101. **6**. 7. — Толкованіе Аѳанасія Александрійскаго. **6**. 16. — Толкованіе на Евангеліе Марка. **1**. 29. — Толкованіе на Евангеліе Матѳея. **1**. 29. — Толкованіе на книгу Іова. **1**. 29. — Толкованіе Никиты Ираклійскаго. **6**. 31.—Толкованіе на псалтырь Аѳанасія Александрійскаго. **1**. 100. — Толкованіе Филона Карпафійскаго. **6**. 6. 7. 19.—Толкованіе Ѳеодорита Кирскаго. **6**. 16.— Толкованіе Ѳеофи-

Матеріалы:—Бумаги, оставшіяся послѣ Хемницера. XLIX (напечат. по ошибкѣ XLXI.). — Два подлинныя дѣла С.-Петербургской Казенной Палаты о Крыловѣ. XLIX (напечат. по ошиб. XLXI). — Для біографіи Крылова. XXII. XLII. **2**. 4. — Бумаги, показывающія сношеніе Сперанскаго съ чешскими учеными по поводу Русскаго словаря. LI. Для исторіи пугачевщины, собран. академикомъ Гротомъ. Докладъ подполковника Лазарева А. И. Бибикову. LII. — Для продолженія изданія соч. Державина, сообщенныя акад. Гроту П. В. Анненковымъ, Г. В. Есиповымъ, П. А. Ефремовымъ, М. Н. Лонгиновымъ, Л. Н. Майковымъ и Г. К. Рѣпинскимъ. LXII — LXIII. — Для разработки біографіи Державина: Копія съ мнѣнія Державина о правахъ, преимуществахъ и существенной должности Сената; дѣло по прошенію вдовы Державина о неправильныхъ дѣйствіяхъ землемѣра Фіалковскаго; собственноручное письмо Державина къ Е. И. Горихвостовой. XV.—Записка Г. Н. Теплова (о Тредіаковскомъ). XV.—О дѣятельности Ломоносова по Академическому университету и отношеніяхъ его къ графу Разумовскому. LII.—Подлинникъ древней греческой грамоты объ основаніи Иверскаго монастыря, присланный изъ Константинополя арх. Леонидомъ. LX. — «Примѣчанія Болтина на начертаніе для составленія словенороссійскаго толковаго словаря». XX. Выписки, сдѣланныя покойнымъ Билярскимъ, изъ дѣлъ академическаго архива (каталогъ дѣлъ за нынѣшнее столѣтіе). XV. — «Обрядъ Коммиссіи о составленіи проэкта новаго уложенія», читанный въ засѣданіяхъ Коммиссіи о среднемъ родѣ людей. **4**. 15. — Палеографическіе и филологическіе для исторіи письма славянскаго, собранные Ѳ. И. Буслаевымъ. **1**. 34. — О Новиковѣ и розенкрейцерствѣ въ Москвѣ. **4**. 75. 138. — Касающіеся предварительныхъ переговоровъ между княземъ А. Куракинымъ и Кауницомъ Ритбергомъ. **4**. 59.—Екатерининскія бумаги по масонству. **4**. 125.—Переписка тайной экспедиціи о Новиковѣ. **4**. 125.—О Польшѣ,—Флорентинскаго архива. **8**. 14.—Для славян. исторіи, хранящ. въ Флорент. архивѣ. **8**. 4.—Документы Венеціанскіе и Дубровницкіе. **8**. 24.—Разсказъ о Фріульской компаніи и сношеніяхъ д'Оссуны съ ускоками. Флорент. арх. **8**. 33. — Переписка Синьоріи, Флор. арх. **8**. 19. —О торговлѣ Флоренціи, Флор. арх. **8**. 24.

Матвѣевъ, Артамонъ Сергѣевичъ, бояринъ. Исторія о его невинномъ заточеніи. **4**. 181.

Матвѣй. Его толкованіе на Евангеліе. **1**. 29.

Маттей, профессоръ. Греческія рукописи, описанныя имъ. **1**. 30. 88.

Мацѣевскій. По вопросу о западныхъ славянахъ. XII.

Маяръ, М. Его грамматика на словенскомъ (хорутанскомъ) нарѣчіи. XIV.

Майковъ, Василій. По отношенію къ масонству. **4**. 35. В. Его отношеніе къ народному языку. **10**. 6.

Майковъ, Л. Н. Матеріалы для продолженія изд. соч. Державина. LXIII.

Паткуль. Въ реляціи Лудовика Фантони, Флорент. бум. **8.** 18.

Пафнутьевъ монастырь. 6. 6.

Пекарскій, П. П., академикъ. Его труды въ 1868 году: по разсмотрѣнію книги г. Лонгинова: о Новиковѣ; по составленію исторіи Академіи наукъ; по разсмотрѣнію соч. Чистовича: Өеофанъ Прокоповичъ; по наблюденію за печатаніемъ 5 вып. «Исторической библіографіи» бр. Ламбиныхъ. Объ избраніи въ ординарные академики. **2.** 12. 27. Труды въ 1869 году: по исторіи Академіи, приготовилъ къ печати 1-й томъ; по разбору соч. Лонгинова: «Новиковъ и Московскіе Мартинисты» и Смирнова: «Исторія Троицко-Сергіевской Лавры»; по исторіи русскаго масонства; по наблюденію 6 г. «Русской исторической библіографіи». **9.** 6 — 7. Отыскалъ два прошенія Н. И. Новикова. II. Читалъ записку Г. Н. Теплова, найденную имъ въ академ. архивахъ, XV; письмо В. Н. Татищева къ В. К. Тредьяковскому, найденное имъ въ акад. архив. XVI. Заявилъ о значеніи рукописи, хранящейся въ акад. библіотеки подъ заглавіемъ: «Книга привѣтства...» XVII (см. Рукопись). Сообщилъ доставшееся ему собраніе масонскихъ бумагъ и знаковъ, которымъ онъ воспользуется для своихъ изысканій о масонствѣ въ Россіи XVIII столѣтія. XVII. Читалъ отрывки изъ своего труда: Дополненія и поправки къ исторіи масонства въ Россіи XVIII столѣтія. XIX. **4.** 1. Его письмо изъ Парижа къ акад. Гроту. XLIII. О составѣ его труда: «Жизнеописанія членовъ Академіи Наукъ» за первый періодъ ея существованія. О біографіи ак. Гольдбаха. Представилъ готовый къ печати 1-й т. своего труда: «Жизнеописанія...» и заявилъ на счетъ обработки собранныхъ имъ матеріаловъ для 2-го тома. Составилъ очеркъ исторіи типографіи Академіи Наукъ. LXII. Сообщилъ объ окончаніи печатанія 6-го вып. «Русской исторической библіографіи». LXI. Читалъ біографію Лаврентія Блюментроста, LX; матеріалы, касающіеся дѣятельности Ломоносова. LII. Записка о его уч. трудахъ со времени избр. въ экстраордин. академики (прилож. къ Отчету за 1868 г.) **2.** 17. Его «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ». **6.** 72.

Пелопонесъ. XIII.

Переводческая семинарія. Объявленіе объ открытіи ея въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. **4.** 188.

Пересвощиковъ, В. «Роспись книгамъ и рукописямъ Императ. Россійской Академіи». **1.** 94.

«**Переписка Востокова** съ разными лицами», издаваемая И. И. Срезневскимъ. XLVI, XLVII. **2.** 7. **9.** 1.

Переплетчиковъ, Иванъ, 3-й гильдіи купецъ. По дѣлу о московскихъ книгопродавцахъ, обвиненныхъ въ торговлѣ запрещенными книгами. **4.** 164.

Перичинотти. 6. 55.

Персія. 10. 68.

ныя А. О. Гильфердингомъ въ Болгаріи и Македоніи. XLVIII. — Финляндскіе пергаментные рукописные листы, доставленные въ даръ Академіи Нордквистомъ и Александровскимъ университетомъ. LIV. LVI. LXI.— Глаголическія. LI. — Греческія, Моск. Синод. библіот. V. **1**. 4. 28.—Севастьяновскаго собранія. VI. VII. IX. **6**. 5.—Славянскія, Синод. Типогр. библіотеки. VI. **6**. 77. — Синод. библіотеки. VII. **1**. 46. 70. 83. — Славянскія, Импер. Публ. Библ., принес. въ даръ Гильфердингомъ. **9**. 8. — Сербскія, Кириловскія. XL. **1**. 25.— Кириловскія. XLI. — Для біографіи Крылова, Н. Н. Стояновскаго. XLII. **2**. 4. — Геннадіева собранія. **6**. 9. 38. — Почетн. гражд. Н. Н. Царскаго. **1**. 27. 94.— Московской епарх. библіотеки. **6**. 8. — Румянцовскія. VII. **1**. 25. 46. **6**. 28. — Толстова собранія. **1**. 22. 23. — Болгарскія. **1**. 25.— Масонскія, Елагинскаго собранія. **4**. 31. 37.

Рукопись:—Дѣла объ изданіи Эстетики Анснльйона въ переводѣ. XIV.— Кириловская, чисто болгарскаго нарѣчія, XVI или начала XVII в., замѣченная г. Ламанскимъ въ Люблянѣ, въ библіотекѣ. XIX. — Тобольской архіерейской библіотеки. — «Алфавитъ неудобо-разумѣваемыхъ рѣчей, иже обрѣтаются во Святыхъ книгахъ славянскаго языка». XVIII. — «Книга привѣтства Юрьи Сербенина блаженныя памяти великому государю, царю, и великому князю Өеодору Алексѣевичу на его государское вѣнчаніе. XVII. — Сербская, полууставная, хранящаяся подъ № 22, въ библіотеки общества сербск. словесности. LVIII.—Чудовскаго монастыря. XII—XIII в. XXI. — Часть комедіи Крылова «Лѣнтяй». XLII. **2**. 4. — Прошлаго вѣка, изъ Дубровника, Богишича. XLII. — «Французско-русскій словарь» Макарова. Одобрена къ напечатанію акад. Гротомъ и Броссе. LXII.—Супрасльская. **9**. 8.—«Анакреонъ», пер. Норова. **9**. 16.— «Общій сборникъ памятниковъ древняго русскаго языка и вмѣстѣ быта, не принадлежащихъ къ кругу лѣтописныхъ сказаній», трудъ ак. Срезневскаго. LXIII.—Вѣнская, «Lambecii, Bibliothecae Vindob. commentariorum ed. Kollar». **6**. 51. — Краледворская. **5**. 12. — П. А. Лавровскаго, Сербско-русскій словарь. I. — Нѣмецкая: Theosophisch Cabalistisch-Magische Erklärungen, Елагинскаго собранія. **4**. 30.—«Отвѣты масонамъ». **4**. 171. — «Перечень наставленій ордена положеній З. Р. К.» (злато-розоваго креста). **4**. 182.— Розенкрейцерская, съ изъясненіемъ іероглифовъ. **4**. 70. 189. — «Комментарій о разныхъ орденскихъ истинахъ», наставл. для розенкрейца изъ директоріи Вельнера. XVII. **4**. 67. 187. — «Серафимскій цвѣтникъ изъ всѣхъ писаній Іакова Бёма». **4**. 219. — Катихизисъ для шотландскихъ учениковъ и товарищей съ реестромъ русскихъ масоновъ, пис. рукою Елагина. **4**. 52. 53. 182. — Лаврентьевской лѣтописи. **5**. 4. — Ипатьевской лѣтописи. **5**. 4.

Румовскій, С., членъ Академіи Наукъ. По Коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія. **4**. 21.

Румянцова, генеральша. О письмѣ къ ней фрейлины Кейнъ. **4**. 3.

«Сочиненія Карамзина», изд. Смирдина. **4.** 221.

Соймоновъ, Петръ. По веденію Дневной записки въ Коммиссія о среднемъ родѣ людей. **4.** 15.

Спенгель, Францъ, масонъ. Въ перепискѣ съ Елагинымъ по масонству. **4.** 121.

Сперанскій, М. По поводу чтенія его мнѣнія о новомъ изд. словаря Россійской Академіи. XIV. XXII. XXVI. По поводу бумагъ, показывающихъ сношеніе его съ чешскими учеными о правилахъ сочин. Русскаго словаря. LI.

Спильяти ди Фалинкай, дворянская флорентинская фамилія. **8.** 29.

Спини, Христофоръ, посолъ Синьоріи, отправленный къ папѣ. **8.** 37.

Списки: — Кирилловскіе. XXXV. **6.** 60. 62. — Древніе, произведеній Іоанна, экзарха болгарскаго. **1.** 23. — Коаленевскіе. **1.** 39. — Евангелія. **1.** 100. — Пергаментные, Филонова толкованія. **6.** 19. — Глаголическіе, тетроевангелій, Григоровича **6.** 28. — Глаголитскіе **9.** 2.

Списокъ:—Евангелія—апракоса Московск. Синод. типографіи и Синод. библ. **6.**69. Новгородской Софійск. библ. **6.** 69. —Измарагда. **6.** 74.—Златоустника. **6.** 74.—Древняго перевода апокрифическаго сказанія, приписываемаго Іоанну Богослову, о второмъ пришествіи Христовѣ. XVII.—Съ Грамматики старца Паисія Величковскаго, полученный отъ архим. Леонида. XVIII.—Съ отрывка изъ книги юсоваго письма 1277 года библ. Юго-славян. Акад. LXI. — Съ словаря Итальянско-Сербско-Русскаго. XLIII.—Упирева, толкованій на пророковъ. **6.** 36. 46. Его же, Библіи. **6.** 13.—Супрасльскій, Библіи. **6.** 19.—Мстиславовъ, Евангелія. **6.** 60. 61. 69.—Остромировъ. **6.** 60.—Юрьевскій. **6.** 60.—Галицкій. **6.** 60. 63.—Поученій Кирилла Іерусалимскаго, болгарск. перев. **6.** 61.—Аркажскій. **6.** 60.—Ватиканскій, Ветхаго Завѣта. **1.** 99.—Александрійскій, Ветхаго Завѣта. **1.** 100.—Кирилловскій. **6.** 63.—Геннадіевскій, Библіи. **6.** 15.—Ипатіевскій. **10.** 42. — «Шестоднева», Іоанна экзарха. **1.** 24.

Срезневскій, П. И., академикъ. Его труды въ 1868 году. **2.** 6—9: по изданію «Древніе славянскіе памятники юсоваго письма»; по разработкѣ Переписки Востокова; по приготовленію къ изданію Словаря русскаго народнаго и письменнаго языка по древ. памятникамъ. Труды въ 1869 году. **9.** 1—4: по печатанію Переписки Востокова; по занятіямъ сличенія Туровскаго Евангелія и другихъ древнихъ текстовъ; по изслѣдованію заслугъ преп. Кирилла; по приготовленію къ изданію «Собранія древнихъ записей, грамотъ, грамотокъ и т. п.»; по разсмотрѣнію финляндскихъ пергам. рукоп. отрывковъ древ. русск. языка; по занятіямъ при археологическомъ съѣздѣ, по отношенію къ памятн. языка и словесности; по приведенію къ окончанію «Словаря рус. народн. и письм. яз. по древн. памятникамъ». Заявилъ о полученіи отъ А. Ѳ. Гильфердинга части его собранія рукописей, пріобрѣтенныхъ имъ во время его путешествія по землямъ сербскимъ. I. — Доложилъ объ окончаніи разсмотрѣнія древнѣйшихъ памят-

никовъ глаголицы хорватскаго письма. Сообщилъ отзывъ о происхожденіи и содержаніи упомянутыхъ памятниковъ. III.—Представилъ экземпляръ перевода «Мессіады» Клопштока, присланный въ даръ Академіи отъ С. П. Писарева. Замѣчаніе его объ этомъ переводѣ. III. — Получилъ отъ Г. А. Гильдебрандта нѣсколько снимковъ съ памятниковъ. III. Получилъ отъ арх. Амфилохія его снимки изъ Кондакаря XII—XIII в. съ объясненіемъ этой рукописи. III. Указалъ архим. Амфилохію на славянскій кондакарій конца XI вѣка. V.—Представилъ полученную имъ изъ Вѣны книгу: «Западные славяне въ первобытное время» и прочелъ о ней замѣтку. XII—XIV. Сообщилъ свѣдѣніе о вышедшей на словенскомъ (хорутанскомъ) нарѣчіи грамматики русской: «Slovnica Ruska za Slovence», составленной М. Мајромъ. XIV. Передано ему и ак. Бычкову для предварительнаго разсмотрѣнія статья К. И. Невоструева, по поводу разбора Описанія славянскихъ рукописей Московской синод. библіотеки. XIV. Заявилъ о полу. ніи и разсмотрѣніи изслѣдованія Голубинскаго «о св. Кириллѣ и Меѳодіи». XV. Читалъ статью «о музеѣ Чешскаго королевства». Сообщилъ присланный для акад. библіотеки оттискъ статьи А. Дювернуа: «Тюбингенскіе акты славянской книгопечатни въ Вюртембергѣ». XVI. Представилъ начало перевода С. П. Писарева: «Потеряннаго рая» Мильтона. XVI. Сообщилъ о томъ, что нашелъ списокъ древняго перевода апокрифич. сказанія, приписываемаго Іоанну Богослову, о второмъ пришествіи Христовѣ. XVII. Представилъ послѣднюю часть своего описанія древнихъ юсовыхъ памятниковъ. Заявилъ о полученіи имъ письма отъ арх. Леонида съ приложеніемъ: 1) списка съ Грамматики Пансія Величковскаго съ замѣтками о его трудахъ; 2) фотографическихъ оттисковъ хиландарскаго типика препод. Саввы, и 3) фотограф. снимка греческой рукописи 980 г. и копіи съ нея съ славянскою надписью. XVIII. XIX. Доложилъ о письмѣ, полученномъ имъ отъ В. И. Ламанскаго изъ Венеціи. XIX. Заявилъ о значеніи вышедшаго въ свѣтъ Собранія соч. А. Ѳ. Гильфердинга. XIX. Прочелъ свою записку о достоинствѣ книги К. И. Невоструева подъ названіемъ «Слово св. Ипполита объ Антихристѣ». XXI.—Представилъ фотографическіе снимки Градецкаго отрывка изъ Евангельскихъ чтеній. XXI. Внесъ для напечатанія въ Запискахъ двѣ свои статьи: 1) Воспоминанія и 2) О трудахъ Югослав. Акад. XXI. Представилъ продолженіе труда архим. Амфилохія о Греческомъ кондакарѣ синодальной библіотеки. XXII. Его замѣтка о Люблянскихъ листкахъ изъ сборника. XXXV. Представилъ общее замѣчаніе о древнѣйшихъ памятникахъ глаголицы хорватскаго письма. XL—XLI. Его замѣтка объ одной изъ апокрифическихъ книгъ. XLI. О полученномъ имъ отъ Богишича письма о словарѣ Итальянско-сербско-русскомъ. XLII. Представилъ оттискъ соч. г. Воцеля: «Právěk země české», получен. имъ отъ автора для Академіи Наукъ. Заявилъ о выходѣ въ свѣтъ «опыта собранія пѣсенъ и сказокъ крестьянъ сѣверо-западнаго края», сост. М. А. Дмитріевымъ. XLIII. Пред-

ставилъ отысканное имъ окончаніе письма Востокова къ Добровскому. XLIV. Прочелъ заявленіе о дѣятельности Археограф. коммиссіи при Виленскомъ учебн. округѣ. XLV. Прочелъ нѣсколько писемъ А. И. Мусина-Пушкина, доставлен. ему О. Г. Солнцевымъ. XLVI. Представилъ книгу: «Древніе славянскіе памятники юсоваго письма» и часть издаваемой имъ «Переписки Востокова съ графомъ Румянцевымъ и другими». XLVI.—Объ изд. его Словаря древняго Русскаго языка. XLVII. Читалъ свое изслѣдованіе о Туровскомъ евангеліи. XLVII. Заявилъ о возвращеніи А. Ѳ. Гильфердинга изъ путешествія и о собранныхъ имъ рукописяхъ. XLVII. По поводу полученной имъ отъ г. Ламанскаго 2-й статьи: «Нерѣшенный вопросъ». XLVIII. О его намѣреніи приготовить статью по поводу тысячелѣтія отъ кончины прен. Кирилла. XLIX (напечат. по ошибк. XLXI). Получилъ отъ А. С. Гильфердинга памятники древней глаголицы, отъ архим. Леонида изъ Константинополя письмо касательно глаголической письменности. LI. Читалъ о прен. Кириллѣ въ особомъ засѣданіи по случаю тысячелѣтія со времени его кончины. LII. Его отзывъ о пергаментныхъ рукописныхъ листахъ, доставленныхъ Александровскимъ университетомъ и Нордквистомъ. LIV. Заявилъ о значеніи изслѣдованій В. И. Ламанскаго и Е. Е. Голубинскаго по вопросу о подвигѣ Константина Философа и Меѳодія. LIV. Вмѣстѣ съ ак. Бычковымъ изложили содержаніе засѣданій Московскаго археолог. съѣзда. LV. Заявилъ о помощи Е. Е. Голубинскаго по объясненію словъ: акорысъ и корысникъ. LV. Его изданіе «Глаголическіе памятники». LV. Читалъ записку о финляндскихъ отрывкахъ древн. русскаго письма. XVI. Сообщилъ свѣдѣнія о И. Ганушѣ. LVI. Сообщилъ русскій переводъ рукописной статьи Яромира Эрбена: «Объясненія и поправки къ древнѣйшей русской лѣтописи». LVII. Сообщилъ подлинникъ древней греческой грамоты объ основаніи Иверскаго монастыря. LX. Возвратилъ финляндскія древнія рукописи въ надлежащемъ порядкѣ, съ краткими на нихъ объясненіями; сообщилъ объ окончаніи печатанія своей статьи, заключающей описаніе финляндскихъ рукописей. LXI. Сообщилъ статью Макушева: «Флорентинскій архивъ». Сокращенно изложилъ ея содержаніе. LXI. Читалъ записку объ отрывкѣ изъ книги юсоваго письма 1277 г. LXI. Составилъ Сборникъ списковъ молитвы Господней на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. LXII. Читалъ записку П. А. Лавровскаго о книгѣ Евангельскихъ чтеній. LXII. Представилъ въ рукописи общій сборникъ памятниковъ. LXIII. По порученію Отдѣленія составилъ записку объ ученыхъ трудахъ А. Ѳ. Гильфердинга. LXIII—LXV. Его отчетъ о первомъ присужденіи Ломон. премія **1.** 1—16. Его записка о трудѣ Горскаго и Невоструева: Описанія слав. рукоп. Моск. синод. библ.» (прилож. къ отчету о 1-мъ присужд. Лом. преміи). **1.** 17—80. Редакторъ «Извѣстій». Его рецензія на «Описаніе слав. рук. Син. библ.» Горскаго и Невоструева. **6.** 67. 68. О глаголицѣ и отношеніи ея къ кириллицѣ. **6.** 59. Изд. имъ Древніе глаголическіе памятники сравни-

